

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 7, №2 2021

Издательство Амурского государственного университета

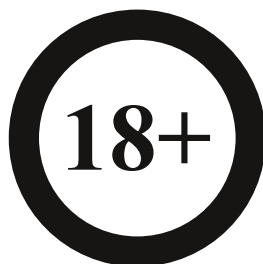
Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре
Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2

Выпуск 7, № 2, 2021

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Бурыкин Алексей Алексеевич д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Викуллова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттјос Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартковский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

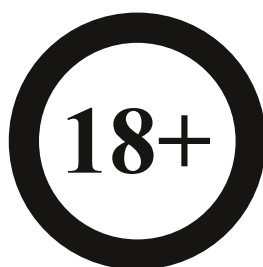
Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2

Volume 7, Issue 2, 2021

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Russian Federation)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

Архипова Ирина Викторовна
Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск, Российская Федерация
irarch@yandex.ru

Шустова Светлана Викторовна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
lanaschust@mail.ru

Примарный таксис: прототипы и их окружение

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы актуализации прототипической семантики примарного таксиса в немецких высказываниях с предложными девербативами. В фокусе внимания находятся полипропозитивные высказывания с таксисообразующими предлогами *während, seit, vor, nach, bis, in, bei, mit* в темпоральном значении. Такие высказывания, относящиеся к сфере примарного (хронологического, логически необусловленного) таксиса, характеризуются таксисно-хронологическими значениями одновременности и разновременности без сопутствующих обстоятельственных элементов логической обусловленности (образа действия, цели, уступки, условия, причины, следствия и др.). Материалом для исследования послужили отрывки из современной художественной и публицистической литературы. Методом сплошной выборки из языковых корпусов было отобрано 1500 контекстов, содержащих указанные предлоги, которые были далее проанализированы через призму онимато-семасиологического подхода. Полученные результаты позволили прийти к следующим выводам. Во-первых, в высказываниях с темпоральным предлогом *während* и гетерогенно-таксисными предлогами *in, bei, mit* в темпоральном значении актуализируются примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности. Во-вторых, в высказываниях с таксисообразующими предлогами темпоральной семантики *vor, nach, seit, bis* актуализируются примарно-таксисные категориальные ситуации разновременности (строгого / нестрогого следования, строгого / нестрогого предшествования). В-третьих, при наличии итеративных глаголов (итеративов, дистрибутивов, мультипликативов), девербативов с семантикой генетической / словообразовательной итеративности / мультипликативности и итеративных квантификаторов (адвербиалов и атрибутов цикличности, кратности, узуральности, частотности, счётного комплекса и др.) в анализируемых высказываниях репрезентируются итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности / разновременности. Диагностирование и описание прототипических элементов, актуализирующих примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности, позволит осуществлять дальнейшую субкатегоризацию категории таксиса в немецком языке.

Ключевые слова: таксис, примарный таксис, одновременность, разновременность, прототипы, прототипическая семантика, примарно-таксисные категориальные ситуации.

© Архипова И. В., Шустова С. В. 2021

Для цитирования: Архипова И. В., Шустова С. В. Примарный таксис: прототипы и их окружение // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 5–16. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_5_16.

1. Введение [Introduction]

Актуальность настоящей работы определяется все возрастающим интересом отечественных языковедов к проблеме описания различных функционально-семантиче-

ских категорий (таксиса, темпоральности, аспектуальности, квантитативности, инструментальности, concessивности, каузативности и др.) в аспекте актуализации их инвариантных категориальных признаков в синтагматическом контексте. Описанию категориальной семантики таксиса в немецком и русском языках посвящены работы таких отечественных языковедов, как А. В. Бондарко, С. М. Полянский, И. В. Архипова и др. [Бондарко, 2002, 2011 ; Полянский, 1990 ; Архипова, 2012, 2013, 2019, 2020].

Ц е л ь ю статьи является описание прототипической семантики примарного таксиса, актуализируемой в высказываниях с предложными девербативами с гетерогенно-таксисными предлогами *während, seit, vor, nach, bis, in, bei, mit* в темпоральном значении.

Под термином «примарный таксис» следует понимать таксисно-хронологическое значение одновременности и разновременности в «чистом виде», не осложненное обстоятельственными значениями логической обусловленности (условия, причины, уступки, следствия и др.) [Архипова, 2020].

Выдающийся отечественный лингвист А. В. Бондарко рассматривает прототип как некий эталонный репрезентант или эталонный вариант определённого варианта среди вариантов как прочих его репрезентантов (представителей) [Бондарко, 2002, с. 265–266]. Прототипическим значением является наиболее репрезентативное значение языковой единицы в семантической сфере, охватываемой той или иной конкретной формой [Бондарко, 2002, с. 265]. Прототипы характеризуются такими признаками, как: 1) наибольшая специфичность – концентрация специфических признаков данного объекта, «центральность», в отличие от разрежённости таких признаков на периферии (в окружении прототипа); 2) способность к воздействию на производные варианты, статус «источника производности»; 3) наиболее высокая степень регулярности функционирования – признак возможный, но не обязательный [Бондарко, 2011, с. 77–179]. В немецких высказываниях с предложными девербативами с темпоральными предлогами *während, seit, vor, nach, bis, in, bei, mit* актуализируется прототипическая категориальная семантика примарного таксиса одновременности и разновременности.

Под прототипической семантикой примарного таксиса следует понимать хронологические значения одновременности и разновременности между соотносимыми в рамках целостного временного периода действиями (событиями, процессами, состояниями), не осложнённые дополнительными обстоятельственными значениями логической обусловленности (модальными, инструментальными, медиальными, кондициональными, каузальными, concessивными, финальными и др.).

2. Примарный таксис [Primary taxis]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В ходе исследования было проанализировано более 1500 примеров современной художественной литературы и публицистики, полученных методом сплошной выборки из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса (LC) и Немецкого электронного словаря (Dwds). В процессе исследования осуществлялся как поиск отдельных словоформ немецких девербативов, так и расширенный лексико-грамматический поиск немецких примеров с предложными девербативами.

При анализе эмпирического материала использовался комбинированный (ономато-семасиологический) принцип рассмотрения языкового явления («от семантики к ее формальному выражению» и «от формы к семантике»), предполагающий определение содержательных типов или разновидностей таксисных категориальных ситуаций одновременности / разновременности с их последующей проекцией на план содержания конкретных высказываний немецкого языка с целью выявления степени их прототипичности / непрототипичности.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ языкового материала показал, что примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности репрезентируются в немецких высказываниях с гетерогенно-таксисными предлогами *während, seit, vor, nach, bis, in, bei, mit* в темпоральном значении. Такие высказывания с предложными девербативами репрезентируют хронологический или логически необусловленный тип и относятся к сфере примарного (хронологического, логически необусловленного) таксиса. Они характеризуются таксисно-хронологическими значениями одновременности и разновременности без сопутствующих обстоятельственных элементов логической обусловленности (образа действия, цели, уступки, условия, причины, следствия и др.). Ср.:

(1) *Die Besitzerin stellte bei der Rückkehr zu ihrem Nissan fest, dass dieser rundherum zerkratzt wurde* (LC) – '**Вернувшись к своему Ниссану**' автовладелица обнаружила, что автомобиль был поцарапан'.

(2) *Bei der Ankunft in Tiflis sagte er, Europa wünsche die Partnerschaft des kaukasischen Landes* (Dwds) – '**По возвращении в Тифлис** он сказал, что для Европы желательно наличие партнерства кавказского государства'.

(3) *Mit dem Rücktritt ihres Mannes verliert auch Bettina Wulff ihre Aufgaben* (LC) – '**В связи с отставкой своего мужа** Беттина Вульф может не выполнять свои обязанности'.

(4) *Die Betreuung und Anleitung während des Strickens erfolgt sehr individuell, so dass jeder am Ende den Kurs mit seinem eigenen gelungenen Wollwerk verlässt* (LC) – '**При обучении вязанию** руководство процессом осуществляется очень индивидуально, и каждый уходит с курсов со своим собственным вязаным изделием'.

(5) *Nach dem Aufstehen geht es in Unterhose auf den Balkon* (LC) – '**Проснувшись**, он идёт на балкон в нижнем белье'.

(6) *Seit der Scheidung trägt sie wieder ihren Mädchennamen* (LC) – '**После развода** она снова взяла свою девичью фамилию'.

Примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются в высказываниях с предложными девербативами с темпоральным предлогом *während* и гетерогенно-таксисными предлогами *in, bei, mit* в темпоральном значении. Ср.:

(7) *Während des Lesens kam mir der Nachname auch irgendwie bekannt vor* (LC) – '**Во время чтения** эта фамилия показалась мне уже знакомой'.

(8) *«Es war ein Streit», sagte Karl im Nachdenken darüber ...* (Dwds) – '**«Была ссора»**, сказал Карл **размышляя об этом** ...'.

(9) *Beim Laufen hatte er es nicht bemerkt, doch als er nun stand und nachsann, fiel ihm auf, daß es kalt wurde* (Dwds) – '**На бегу** он этого не заметил, но когда остановился и задумался, он с удивлением обнаружил, что похолодало'.

(10) *Die ersten Geschichten kamen im 13. Jahrhundert auf, fast gleichzeitig mit dem Erscheinen eines Romans von Martinus Polonus* (Dwds) – 'Первые истории появились в 13 веке, почти **одновременно с появлением романа Мартина Полонуса**'.

(11) *Immerhin war mit der Abreise der Regierung nach Valencia die Stunde der Wahrheit angebrochen* (Dwds) – 'В конце концов **с отъездом правительства в Валенсию** пробил час правды'.

При актуализации примарно-таксисных значений разновременности (следования, предшествования) наибольшей прототипичностью характеризуются таксисообразующие предлоги темпоральной семантики *vor, nach, seit, bis*, эксплицирующие аспектуально-таксисную семантику предшествования или следования.

Монотаксисные темпоральные предлоги *vor, nach, seit, bis* маркируют аспектуально-таксисную семантику строгого или нестрогого предшествования и следования.

В высказываниях с темпоральными предлогами *vor* и *nach* актуализируются аспектуально-таксисные категориальные ситуации строгой разновременности: строгого предшествования (см. предлог *vor*) и строгого следования (см. предлог *nach*). Например:

(12) *In der Nacht vor der Abreise träumte er, er sei in einer ihm ganz unbekannten Ortschaft und begegne daselbst auf der Straße einem unbekannten Herrn, mit dem er sich unterhalte* (Dwds) – '**Ночью перед отъездом** ему снилось, что он находится в незнакомой ему местности и беседует со случайным прохожим'.

(13) *Einige Tage vor der Ankunft des Schiffes in Liverpool gab es einen geselligen Nachmittag zu dem Zweck, Geldbeiträge für die Unterstützungskasse der Witwen und Waisen der Seeleute zu sammeln* (Dwds) – '**За несколько дней до прибытия судна в Ливерпуль** прошли послеобеденные сборы денежных средств в целях оказания помощи вдовам и сиротам моряков'.

(14) *Nach der Abreise der Großfürstin kamen Graf und Gräfin Arganoff, diesmal mit ihrem kleinen Sohn Nikita, noch einmal auf einige Tage zu Besuch* (Dwds) – '**После отъезда княгини** на несколько дней в гости прибыли граф и графиня Арганофф вместе со своим маленьким сыном Никитой'.

(15) *Kurz nach der Abfahrt der Neuvermählten hatte sich Baronin Tilling in ihre Zimmer zurückgezogen* (Dwds) – '**Вскоре после отъезда новобрачных** баронесса Тиллинг уединилась в своих комнатах'.

В высказываниях с темпоральными предлогами *seit* и *bis* репрезентируются аспектуально-таксисные категориальные ситуации нестрогой разновременности. При актуализации аспектуально-таксисных значений нестрогого следования или нестрогого предшествования в высказываниях с темпоральными предлогами *seit* и *bis* обозначаемые действия (процессы, события) глаголов и девербативов «находятся в отношении неисключающей временной дизъюнкции», не предусматривающей чёткой регламентации их темпорально-таксисной соотнесённости [Полянский, 1990, с. 71]. Например:

(16) *Seit Brandts Rücktritt ist da nicht mehr viel los* (LC) – '**Со времени отставки Брандта** ничего не произошло'.

(17) *Seit der Ankunft in Pakistan gab es keinen Kontakt mehr zur Mutter* (Dwds) – '**После прибытия в Пакистан** он больше не контактировал с матерью'.

(18) *Bis zur Ankunft des Regiments blieb ich in der Batterie und konnte das interessante Schauspiel beobachten, wie die großen Granaten ... über uns wegsausten und unschädlich hinter uns krepiereten* (Dwds) – '**До момента прибытия полка** я остался в батарее и смог наблюдать за интересным зрелищем, как над нами свистели и падали огромные гранаты ... не задевая нас'.

(19) *Er weiß, was er bis zur Ankunft der Kinder zu tun hat: einen Basketballkorb im Garten anbringen* (Dwds) – 'Он знает, что ему нужно сделать **до приезда детей**: установить баскетбольную корзину в саду'.

При актуализации аспектуально-таксисных значений строгого предшествования и строгого следования в высказываниях с темпоральными предлогами *vor* и *nach* соотносимые между собой в рамках целостного временного периода действия (процессы, события) глаголов и девербативов характеризуются чётко регламентированной темпоральной делимитацией. Например:

(20) *Nach dem Besuch des Theaters kehrte ich eines Abends, nachdem wir zuvor noch in einem Restaurant gespeist hatten, mit meiner Frau einmal ungefähr um zwölf Uhr nachts in mein Kölner Hotel zurück* (Dwds) – '**После театра** мы с женой вернулись в Кёльнский отель примерно в 12 часов ночи, предварительно поужинав в ресторане'.

(21) *Vor ihrer Abreise kam sie noch einmal nach Hause, um mit ihrer Familie zusammen zu sein* (LC) – '**До своего отъезда** она еще раз приехала домой чтобы побыть со своей семьёй'.

(22) *Kurz vor der Kündigung hatten diese noch eine saftige Lohnerhöhung bekommen* (LC) – '**Незадолго до увольнения** они получили хорошую прибавку в зарплате'.

Аспектуально-темпорально-таксисные квантификаторы (адвербиалы и атрибуты *kurz, lang, stundenlang, wochenlang, lange, gleich, sofort, unmittelbar, direkt, bald, viel, eine Woche, zwei Wochen, einen Tag, drei Tage, eine halbe Stunde, zwei Stunden, ein anderthalbes Jahr, (knapp) ein Jahr, zwei Jahre, drei Jahre, hundertjährig, beständig* и др.) конкретизируют темпоральное расположение обозначаемых в высказываниях действий (процессов, событий), маркируя некоторый временной промежуток, имеющий место между их «индивидуальными внутренними временами» (т. е. временами их совершения или осуществления). При этом они выполняют функцию темпоральной делимитации (т. е. отграничения следующих друг за другом или предшествующих друг другу действий, процессов, событий), а также функцию лексико-семантических экспликатов разновременности. Например:

(23) *Sein Leibarzt äußerte sich direkt nach der Untersuchung zum Zustand des Präsidenten* (LC) – 'Лечащий врач президента высказался о состоянии его здоровья **сразу же после обследования**'.

(24) *Als ich mir einmal gleich nach dem Aufstehen ein Stück Lachs in die Pfanne donnerte, wird mir klar, dass ich langsam wahnsinnig werde* (LC) – 'Когда однажды **сразу же после моего пробуждения** на сковородке загрохотал кусок лосося я подумал что я медленно схожу с ума'.

(25) *Nach langem Drängen der Bundesländer erhöht die Bundesregierung die Soforthilfe für die Flüchtlingsarbeit in den Städten und Gemeinden* (LC) – '**После долгих ходатайств федеральных земель** правительство повысило суммы отводимые на работу с беженцами в городах и муниципалитетах'.

(26) *Der ablehnende Entscheid des Kantons traf drei Tage vor der Abreise ein* (LC) – 'Отказ кантона поступил **за три дня до отъезда**'.

(27) *Kurz vor der Ankunft in New York ... wurde sogar Windstärke 10 erreicht* (Dwds) – '**Незадолго до прибытия в Нью-Йорк** ... сила ветра достигла 10'.

(28) *Ungefähr achtzig Prozent der Bevölkerung verließ die Stadt gleichzeitig mit uns, lange vor der Ankunft des Sturms* (Dwds) – 'Примерно восемьдесят процентов населения покинуло город вместе с нами **задолго до начала шторма**'.

(29) *Zwei Tage vor der Ankunft von Johannes Paul wurde gestern dort der Weltjugendtag der katholischen Kirche eröffnet* (Dwds) – '**За два дня до прибытия Иоганна Пауля** в католической церкви состоялось открытие Всемирного дня молодёжи'.

(30) *Eine Woche vor der Abreise fiel ihm ein, dass er völlig vergessen hatte, sich ... für den Zeltplatz auf Usedom einzudecken* (Dwds) – '**За неделю до отъезда** ему пришло в голову что он совсем забыл позаботиться о месте для кэмпинга на острове Узедом'.

Различные аспектуально-темпорально-таксисные квантификаторы образуют так называемое окружение прототипов, актуализирующих семантику примарного таксиса следования или предшествования.

Среди аспектуально-темпорально-таксисных квантификаторов следует выделять:

1) темпоральные квантификаторы (*jetzt, heute, morgen, bald, damals, gestern, im vorigen Jahr, im Januar, in voriger Woche, in den vergangenen Wochen, in den letzten Tagen, am Tag, eine Stunde zuvor, in nächster Woche, in den nächsten Tagen*);

2) аспектуальные квантификаторы с семантикой длительности, фазовости и др. (*viel, kurz, lang, lange, fünfminütig, eine Stunde zuvor, zehn Stunden, anderthalb Stunden, ein paar Wochen, ein paar Tage, rund ein Jahrzehnt, kurze Zeit, zwei Tage, acht Tage, sechs Tage, knapp ein Jahr, plötzlich, schließlich, endgültig, bereits* и др.);

3) таксисные квантификаторы (*gleich, sofort, unmittelbar, direkt, dann*). Ср.:

(31) *Acht Tage vor dem Erscheinen des ersten Artikels habe ich Leckert in dessen Wohnung aufgesucht, um mit diesem eine Geldangelegenheit zu ordnen* (Dwds) – '**За восемь**

дней до появления первой статьи я разыскал Лекерта в той квартире, чтобы урегулировать с ним денежный вопрос'.

(32) *Genau sechs Tage nach der Abfahrt saß ich wieder bei Ihnen ...* (Dwds) – '*Повно через шесть дней после отъезда* я был снова у них ...'.

(33) *Das gab der Weltverband FIS heute nach einer Besichtigung der Rennstrecke bekannt* (LC) – '*Об этом объявил сегодня после осмотра беговой дорожки* международный союз ФИС'.

(34) *Landwirt Knuth Peters hat nach der Untersuchung jetzt nach längerem Warten eine Bestätigung vom Wolf* (LC) – '*После осмотра и долгих ожиданий* фермер Кнут Петерс получил подтверждение Вольфа'.

(35) *Nach wochenlangem Schweigen meldet sich der Beschuldigte jetzt zu Wort* (LC) – '*После недельного молчания* обвиняемый *теперь* просит слово'.

(36) *Knapp ein Jahr nach dem ersten Aufblitzen von Optimismus befindet sich die Stimmung in Deutschland nun wieder tief im Keller* (LC) – '*Почти за год до проявления первых проблесков оптимизма* настроение в Германии снова пришло в упадок'.

Вышеперечисленные прототипы и их окружение маркируют аспектуально-таксисную семантику строгого (сильного, контактного) или нестрогого (слабого, дистантного) следования или предшествования [Архипова, 2012, с. 84–85]. Ср. также:

(37) *War ich früher zehn Jahre Orchestergeiger, so hatte ich jetzt bis zum Erscheinen meiner «Königin von Saba» fünfzehn Jahre Klavier unterrichtet* (Dwds) – '*Если я раньше десять лет играл в оркестре на скрипке то теперь вплоть до появления моей «королевы из Сабы»* пятнадцать лет даю уроки игры на фортепиано'.

(38) *Nach einigem Überlegen habe ich mir gesagt: Ja, das stimmt* (LC) – '*После некоторых размышлений* я сказал себе: Да, это так'.

(39) *Nach dem Erlernen der Sprache ist die Berufstätigkeit der entscheidende Schritt zur Integration* (LC) – '*После изучения языка* трудоустройство решающий шаг на пути к интеграции'.

(40) *Vor dem Erscheinen der Broschüre habe er sich aufs Polizeipräsidium begeben* (Dwds) – '*До появления брошюры* он направился в полицейское управление'.

Примарно-таксисные значения разновременности могут итерироваться в высказываниях с предложными девербативами с темпоральными предлогами *vor, nach, seit, bis* за счёт семантического взаимодействия с квантитативно-итеративными атрибутами и адвербиалами цикличности, кратности, узуальности, частотности, счётного комплекса и др. (*jeder, meist, mehrfach, mehrmalig, jedesmalig, wieder, wiederum, stets, morgens, abends, nachts, sonnabends, sonntags, mehrmals, nochmals, jedesmal, häufig, regelmäßig, gewöhnlich, zweimal, dreimal, dreimal täglich, zweimal wöchentlich, oft, meistens, meist, immer, immerfort, immer wieder, immer mehr*) [Кибардина, 1989, с. 174; Архипова, 2012, с. 101–102; Архипова, 2013, с. 151; Архипова, 2019, с. 564–565; Архипова, 2020, с. 77]. В высказываниях с таксисообразующими предлогами темпоральной семантики *vor, nach, seit, bis* при наличии в них вышеперечисленных итеративных квантификаторов актуализируются сопряжённые итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации разновременности: предшествования и следования. Ср.:

(41) *Früher ist sie vor dem Schlafengehen noch immer eine Runde gegangen, um besser schlafen zu können!* (LC) – '*Она раньше всегда перед сном* совершала прогулку чтобы потом лучше спать'.

(42) *Das mache ich immer als Erstes nach dem Aufstehen ...* (LC) – '*Я всё ещё делаю это в первую очередь после пробуждения ...*'.

(43) *Bis zur Abreise trainiert er jeden Tag ...* (LC) – '*Он тренируется каждый день до отъезда ...*'.

(44) *Das Band ist leicht einzuarbeiten und bleibt auch nach mehrmaligem Ziehen schön* (LC) – 'Лента может быть легко обработана и остаётся такой же красивой *после длительного использования*'.

(45) *Auf Bitte der Untersuchungsbehörden hin, begab sich das Paar vor seiner Abreise nochmals an den Tatort* (LC) – 'По просьбе следователей *до своего отъезда* пара направилась на место преступления *ещё раз*'.

(46) *Morgens nach dem Aufstehen setzen wir uns an den Frühstückstisch* (LC) – 'По *утрам после пробуждения* мы садимся завтракать'.

В высказываниях хронологического (логически необусловленного) типа с гетерогенно-таксисными предложениями темпоральной семантики *während, in, bei, mit* при наличии в них различных итеративных квантификаторов (итеративных адвербиалов и атрибутов типа: *mehrfach, mehrmalig, jedesmalig, wieder, wiederum, stets, morgens, abends, nachts, sonnenabends, mehrmals, regelmäßig, gewöhnlich, zweimal, dreimal, oft, meistens, meist, nochmals, jedesmal, häufig, immer; immerfort, immer wieder* и др.) репрезентируются итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности. Например:

(47) *Beim Gehen wird er inzwischen häufig gestützt, bei öffentlichen Auftritten wurde er zuletzt immer wieder schlafend fotografiert* (LC) – 'При *ходьбе* его теперь часто поддерживают, а на публичных мероприятиях в последнее время камера всегда запечатлела его спящим'.

(48) *Die meiste Zeit verbringen wir im Sitzen, das gilt insbesondere für Büroarbeiter* (LC) – 'Большую часть времени мы проводим *сидя*, особенно это касается офисных служащих'.

(49) *Wer zu zweit in einem Bett schläft, wird beim Schlafen häufig gestört* (LC) – 'Когда спишь вдвоём в одной постели, то *часто* мешаешь друг другу *во сне*'.

Итеративно-примарно-таксисная семантика одновременности (собственно итеративная, мультипликативная, дистрибутивная) также может быть актуализирована в высказываниях с монотаксисным темпоральным предлогом *während* и политаксисными предложениями *in, bei, mit* в темпоральном значении при наличии итеративных глаголов (итеративов, дистрибутивов, мультипликативов) и различных девербативов с семантикой генетической или словообразовательной итеративности (*das Klopfen, das Winken, das Schlucken, das Brummen, das Schreien, das Rufen, das Schlagen, das Rascheln, das Zucken, das Zittern, das Schlucken, das Rauschen, das Sirren, das Surren, das Ächzen, das Krächzen, die Beobachtungen, die Überlegungen, die Betrachtungen, die Unterhaltungen, die Unterredungen, die Verletzungen, die Besuche, die Auftritte, die Angriffe* и др.). Ср.:

(50) *Eine schwere Rüstung, die beim Gehen klappert, ein geschmücktes Pferd und eine lange Lanze in der Hand* (LC) – 'Тяжёлое снаряжение, которое *гремит при ходьбе*, украшенная лошадь и длинное копьё в руке'.

(51) *Mario M. war offensichtlich sauer, daß man ihn beim Schlagen einer alten Frau störte ...* (Dwds) – 'Марио был очевидно не в духе, когда ему помешали *избивать пожилую женщину* ...'.

(52) *Bei der Mandelentzündung hat der Kranke Schmerzen beim Schlucken ...* (Dwds) – 'При воспалении миндалин больному было больно *глотать* ...'.

(53) *Sie störte ihn beim Winken* (Dwds) – 'Она мешала ему *махать*'.

(54) *Wenn ihr Vater sie bei den Besuchen, bei denen sie von ihm durch eine Glasscheibe getrennt ist, fragt, ob sie nicht auch einmal ihre Mutter besuchen wolle, sagt sie: Jaja* (Dwds) – 'Когда её отец *во время свиданий* через стеклянную перегородку спрашивал её, не хотела ли она ещё раз сходить к матери, она отвечала: Да-да'.

Под итеративно-примарно-таксисной семантикой одновременности мы понимаем хронологические значения одновременности в «чистом виде» (без сопутствующей

щих обстоятельственных элементов логической обусловленности), включающие значения итеративной, мультипликативной или дистрибутивной кратности (множественности, итеративности). При актуализации семантики итеративно-примарного таксиса одновременности в высказываниях с девербативами с предлогами *während, in, bei, mit* в темпоральном значении наибольшей прототипичностью характеризуются:

1) таксисообразующие предлоги *während, in, bei, mit* в темпоральном значении, эксплицирующие примарно-таксисную семантику одновременности;

2) аспектуальные (итеративные) квантификаторы: адвербиалы и атрибуты итеративной семантики, актуализирующие итеративную категориальную семантику (*mehrmalig, mehrfach, meist, manch, wieder, wiederum, stets, morgens, abends, nachts, sonnenabends, sonntags, freitags, selten, mehrmals, häufig, zweimal, dreimal, zweimal täglich, gewöhnlich, oft, meistens, immer, immer mehr, immer wieder, immerfort*);

3) итеративные девербативы словообразовательной или генетической кратности, репрезентирующие итеративную и мультипликативную семантику (*die Begegnungen, die Beschuldigungen, die Verbeugungen, die Vergebungen, die Besichtigungen, die Beobachtungen, die Überlegungen, die Betrachtungen, die Unterhaltungen, die Unterredungen, die Verletzungen, die Besuche, die Auftritte, die Angriffe, die Fahrten, die Reisen, das Klopfen, das Winken, das Brummen, das Schreien, das Rufen, das Schlagen, das Rascheln, das Zucken, das Zittern, das Schlucken, das Rauschen, das Sirren, das Surren, das Ächzen, das Krächzen*);

4) глаголы итеративной семантики (собственно итеративные, мультипликативные, диминутивно-итеративные, интенсивно-итеративные, дистрибутивные) (*rutschen, schnarren, streichen, schnattern, summen, brummen, sirren, surren, zittern, wippen, ächzen, flüstern, zucken, seufzen, schlucken, klopfen, schnalzen, zischen, krächzen, schluchzen, schwanken, rasseln, stammeln, murmeln, lächeln, streicheln, rattern, zusammenkrachen, zusammenrufen, zusammenkommen, sich zusammendrängen, auseinandergehen, auseinanderpringen, auseinanderfahren, auseinanderkommen*), актуализирующие семантику итеративной, мультипликативной или дистрибутивной кратности одновременных действий (событий, процессов). Ср. также:

(55) *Darin wird der Eischnee entweder grau, oder es besteht die Gefahr, daß beim Schlagen abgesprungene Emailletheilchen in den Eischnee geraten* (Dwds) – 'В нём снег либо становится серым, либо есть риск того, что **при ударе** отскочившие частицы эмали попадут прямо в снег'.

(56) *Der Schrei wurde so beim Rufen gestreckt* (Dwds) – 'Возглас становился более протяженным **при крике**'.

(57) *Die gemäßigte klerikale Richtung war bei den Begegnungen zwischen Katholiken und Liberalen angebahnt worden ...* (Dwds) – 'Умеренное клерикальное направление образовалось **в результате встреч между католиками и либералами**'.

(58) *Bei den Besprechungen mit B. Otto ergab sich unter anderem eine sehr lustige Erläuterung zum energetischen Imperativ* (Dwds) – '**При обсуждениях с Б. Отто** среди прочего появилось комичное пояснение к энергетическому императиву'.

При актуализации мультипликативно-примарно-таксисных значений одновременности прототипичностью характеризуются мультипликативные глаголы (*rutschen, schnarren, streichen, schnattern, summen, brummen, sirren, surren, zittern, wippen, ächzen, flüstern, zucken, seufzen, schlucken, klopfen, schnalzen, zischen, krächzen, schluchzen, schwanken, klappern*) и девербативы-мультипликативы генетической кратности (*das Rauschen, das Klopfen, das Winken, das Schlucken, das Brummen, das Schreien, das Rufen, das Schlagen, das Rascheln, das Summen, das Sirren, das Surren, das Schwanken, das Schluchzen, das Zittern, das Rutschen, das Schnattern, das Flüstern, das Seufzen* и др.). Ср.:

(59) *Denn haben Füße in den Schuhen zu viel Platz, verlieren sie beim Abrollen Halt und rutschen beim Gehen hin und her* (LC) – 'Поскольку в туфлях много свободного места, ноги в них не устойчивы и **шаркают при ходьбе туда сюда**'.

(60) *Das erklärt sich so: Beim Schreien verlängert sich der auf die Ausatmung entfallende Teil der Atmungskurve* (Dwds) – 'Это объясняется так: **При крике** на выдохе удлиняется кривая дыхания'.

(61) *Am Strand sei er dann bis zum Frühstück auf und ab gelaufen, und da erst, beim Rauschen der Wellen, habe er schlagartig wieder gewußt, wo er ihr bereits begegnet sei* (Dwds) – 'До самого завтрака он ходил на пляж пока наконец **при шуме волн** не вспомнил, где встретил её'.

(62) *Nadja hatte mich beim Flüstern an den Ohrläppchen gezogen* (Dwds) – 'Надя **шепча** теребила меня за уши'.

При актуализации дистрибутивно-примарно-таксисных значений одновременно прототипический характер приобретают: 1) субъектная или объектная множественность предикатных актантов глагольных действий, а также 2) дополнительные акциональные значения глаголов (в частности, интенсивности, комитативности, взаимности совершения действий, диминутивности и др.). Например:

(63) *Im Gehen sammeln die Wanderer Tiroler Wörter, die vom Aussterben bedroht sind* (LC) – 'Путешественники **во время походов** записывали тирольские слова, которым грозит вымирание'.

(64) *Beim Öffnen werden sofort alle Geräte angezeigt ...* (LC) – '**При открытии** были тотчас же показаны **все приборы ...**'.

(65) *Wir reden im Gehen, im Gucken* (LC) – 'Мы разговариваем **на ходу глядя по сторонам**'.

(66) *Im Stehen, Gehen und Trainieren werden Muskeln unterschiedlich angeregt...* (LC) – '**При ходьбе, тренировке и в состоянии покоя мышцы** функционируют по разному ...'.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, прототипическая семантика примарного таксиса одновременности и разновременности, в том числе, итеративная, актуализируется в немецких высказываниях с предложными девербативами с гетерогенно-таксисными предлогами *während, seit, vor, nach, bis, in, bei, mit* в темпоральном значении. Такие высказывания, относящиеся к сфере примарного (хронологического, логически необусловленного) таксиса, характеризуются таксисно-хронологическими значениями одновременности и разновременности без сопутствующих обстоятельственных элементов логической обусловленности (образа действия, цели, уступки, условия, причины, следствия и др.).

В проанализированных высказываниях немецкого языка репрезентируются различные примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования (строгого/нестрогого), в том числе, сопряжённые итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности/разновременности.

В высказываниях с предложными девербативами с темпоральным предлогом *während* и гетерогенно-таксисными предлогами *in, bei, mit* в темпоральном значении актуализируются примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности.

В высказываниях с таксисообразующими предлогами темпоральной семантики *vor, nach, seit, bis* актуализируются примарно-таксисные категориальные ситуации разновременности (следования, предшествования).

Итеративно-примарно-таксисная семантика одновременности/разновременности актуализируется при наличии итеративных глаголов (итеративов, дистрибутивов,

мультипликативов), девербативов с семантикой генетической / словообразовательной итеративности / мультипликативности, а также при употреблении в высказываниях различных итеративных квантификаторов (адвербиалов и атрибутов цикличности, кратности, узуальности, частотности, счётного комплекса и др.). Последние репрезентируют итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности или разновременности.

Анализ прототипов и их окружения, актуализирующих различные таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности в полипропозитивных высказываниях с предложными девербативами, может быть предметом дальнейшего исследования функциональных и структурно-семантических особенностей актуализации таксисных значений одновременности / разновременности в разноструктурных языках.

Список литературы

- Архипова, 2012 – Архипова И. В. Высказывание с предложными девербативами в современном немецком языке. Новосибирск : Изд-во. НГПУ, 2012. 148 с.
- Архипова, 2013 – Архипова И. В. Кратный таксис в современном немецком языке // Вестник Новосибирского гос. пед. ун-та. 2013. №6 (16). С. 149–159.
- Архипова, 2019 – Архипова И. В. Функционирование девербативов в итеративно-таксисной категориальной ситуации // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 564–565.
- Архипова, 2020 – Архипова И. В. Функциональный потенциал девербативов и его реализация в контексте // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 74–87.
- Бондарко, 2002 – Бондарко А. В. Теория значения в аспекте функциональной грамматики: На материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
- Бондарко, 2011 – Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М. : Языки славянских культур, 2011. 488 с.
- Кибардина, 1989 – Кибардина С. М. Выражение множественности действий в немецком языке // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л. : Наука, 1989. С. 170–179.
- Полянский, 1990 – Полянский С. М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка): учеб. пособие. Новосибирск : Изд. НГПИ, 1990. 90 с.
- Dahl, 2015 – Dahl Ö. Tense, Aspect, Mood and Evidentiality, Linguistics of // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). 2015. P. 210–213.
- Dwds. Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. URL : <http://www.dwds.de> (дата обращения : 14.05.2020).
- Fabregas, Marin, 2012. – Fabregas A., Marin R. The role of Aktionsart in deverbal nouns: State nominalizations across languages // Journal of Linguistics. 2012. Vol. 48, Issue 1. P. 35–70.
- Hartmann, 2019. – Hartmann St. Up and down the substantivization cline // Language Sciences. 2019. N 73. P. 137–145.
- LCC – Leipzig Corpora Collection. URL : <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения : 14.05.2020).

Irina V. Arkhipova
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation
irarch@yandex.ru

Svetlana V. Shustova
Perm State University
Perm, Russian Federation
lanaschust@mail.ru

Primary taxis: Prototypes and their surroundings

Abstract

The article considers the issues of prototypical semantics actualization of the primary taxis in statements with prepositional deverbatives. The focus is made on statements with prepositional deverbatives with taxis-forming prepositions *während, seit, vor, nach, bis, in, bei, mit* in the temporal meaning. Such statements, related to the sphere of primary (chronological, logically unconditioned) taxis, are characterized by taxis-chronological meanings of simultaneity and non-simultaneity without accompanying adverbial elements of logical conditioning (mode of action, purpose, concession, condition, cause, following, etc.). Modern fiction and non-fiction excerpts taken from German corpora served as the material for the study. Continuous sampling methods was used to select 1500 tokens containing the prepositions that were further analyzed using onomato-semasiological approach. The obtained results enabled to draw several conclusions. First, in sentences with the temporal preposition *während* and the heterogeneous taxis prepositions *in, bei, mit* in the temporal meaning, the primary taxis categorical situations of simultaneity are actualized. Second, in statements with taxis-forming prepositions of temporal semantics *vor, nach, seit, bis*, primary-taxis categorical situations of different temporality (following, precedence) are actualized. Third, in the presence of iterative verbs (iteratives, distributions, multiplicatives), deverbatives with the semantics of genetic / derivational iterativeness / multiplicativity and iterative quantifiers (adverbials and attributes of cyclicity, multiplicity, usability, frequency, counting complex, etc.) iterative-primary taxis categorical situations of simultaneity / non-simultaneity are represented in the examined statements. Diagnostics and description of prototypical elements that actualize primary taxis categorical situations of simultaneity and asynchronicity will enable to perform further sub-categorization of the taxis category in German.

Keywords: taxis, primary taxis, simultaneity asynchronicity, prototypes, prototypical semantics, primary taxis categorical situations.

© Arkhipova I. V., Shustova S. V. 2021

For citation: Arkhipova I. V., Shustova S. V. (2021). Primarnyy taksis: prototypy i ikh okruzhenie [Primary taxis: Prototypes and their surroundings]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 5–16. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_5_16.

References

- Arkhipova, I. V. (2012). *Vyskazyvanie s predlozhnymi deverbativami v sovremennom nemetskom yazyke* [Statement with prepositional deverbatives in modern German]. Novosibirsk : Novosibirsk State Pedagogical University Press.
- Arkhipova, I. V. (2013). Kratnyy taksis v sovremennom nemetskom yazyke [The iterative taxis relations in modern German]. *Vestnik Novosibirskogo gos. ped. un-ta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 6 (16), 149–159.

- Arkhipova, I. V. (2019). Funktsionirovanie deverbativov v iterativno-taksisnoy kategorial'noy situatsii [Functioning of deverbatives in the iterative-taxis categorial situation]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 6 (79), 564–565.
- Arkhipova, I. V. (2020). Funktsional'nyy potentsial deverbativov i ego realizatsiya v kontekste [Functional potential of deverbatives and its implementation in the context]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 1, 74–87.
- Bondarko, A. V. (2002). *Teoriya znacheniya v aspekte funktsional'noy grammatiki: Na materiale russkogo yazyka* [The theory of meaning from the viewpoint of functional grammar: Based on Russian]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
- Bondarko, A. V. (2011). *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki* [Categorization in the system of grammar]. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press.
- Kibardina, S. M. (1989). Vyrazhenie mnozhestvennosti deystviy v nemetskom yazyke [Expressing multiple actions in German]. In V. S. Khrakovskiy (Ed.), *Tipologiya iterativnykh konstruktivnykh* [Typology of iterative patterns] (pp. 170–179). Leningrad : Nauka Press.
- Polyansky, S. M. (1990). *Osnovy funktsional'no-semanticheskogo analiza kategorii taksisa (na materiale nemetskogo yazyka)* [Fundamentals of functional-semantic analysis of the taxis category (Based on German)] : A coursebook. Novosibirsk : Novosibirsk State Pedagogical University Press.
- Dahl Ö. (2015). Tense, aspect, mood and evidentiality, linguistics of. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd ed. (pp. 210–213).
- Dwds. Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. Retrieved May 14, 2020 from <<http://www.dwds.de>>.
- Fabregas, A., Marin, R. (2012). The role of Aktionsart in deverbal nouns: State nominalizations across languages. *Journal of Linguistics*, 48 (1), 35–70.
- Hartmann, St. (2019). Up and down the substantivization cline. *Language Sciences*, 73, 137–145.
- Leipzig Corpora Collection (LCC). Retrieved May 14, 2020 from <<http://www.wortschatz.uni-leipzig.de>>.

Борисова Елена Георгиевна, Фурманова София Львовна
Московский городской педагогический университет
Москва, Российская Федерация
egbor@mail.ru, sofie2701@gmail.com

Россия: Восток или Запад? Образ России в картине мира современного студента

Аннотация

Статья посвящена способам выявления представлений современной молодёжи о России и окружающему её миру. Это ключевая составляющая картины мира человека, определяющая и его аффективную сферу (любовь к Родине), и его поведение (готовность защищать, жертвовать собой или, напротив, стремление эмигрировать). В качестве инструментария для выявления предлагаются опросы – как закрытые, так и открытые, а также развёрнутые, предполагающие аргументированные ответы. Используются результаты опросов студентов Москвы, Ялты, Донецка. В целом студенты демонстрируют равнодушное отношение к России, стремление понять её особенности, при этом встречаются и негативные моменты оценки, что выражается в употреблении соответствующих лексем и паремий. Изучение языковой картины мира современного студенчества невозможно без значимых в культурологии и лингвокультурологии измерений, таких как коллективизм, индивидуализм и дистанция власти.

Ключевые слова: картина мира, стереотип, представление, цивилизация, социолект, лингвистическая политология, языковое сознание.

© Борисова Е. Г., Фурманова С. Л. 2021

Для цитирования: Борисова Е. Г., Фурманова С. Л. Россия: Восток или Запад? Образ России в картине мира современного студента // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 17–24. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_17_24.

1. Введение [Introduction]

В информационном обществе большой проблемой стал мониторинг общественного сознания. Причём представления населения, составляющие общественное сознание, заметно различаются у разных социально-демографических групп. Особый интерес представляют представления молодёжи, поскольку новые поколения, «миллениалы» (рождённые 1998–2002 гг.) и «поколение Зет» (более молодые) имеют источники информации, не привычные для других, даже не очень сильно отличающихся от них по возрасту. Молодёжь не читает газеты, причём для самых молодых даже брать в руки газету считается дурным тоном. Столь же активно отвергается и телевизор, хотя отдельные передачи на ряде Интернет-каналов пользуются успехом. Остаётся Интернет, где, как известно, может «найтись всё». Но очень важно понимать, чему будет отдано предпочтение и что вызовет доверие. Именно молодое поколение вступает сейчас в активный и сознательный возраст, и нужно понимать, какое отношение формируется у них по отношению к окружающему миру и собственной стране – России. Здесь уместно вспомнить, что распространённое в конце 80-ых годов представление молодёжи о России (СССР) как о стране-неудачнице, свернувшей с правильного пути, которую необходимо «вернуть в Европу», во многом определило действия молодёжи в ходе перемен, происходивших в конце 80-ых («перестройка») – начале 90-ых («реформы»).

Попытки найти средства адекватного отражения сознания молодёжи, разработки инструментария для его анализа, предпринимались и предпринимаются исследователями разных направлений: психологами [Матвеева, 2019 ; Аникеева и др., 2019 а, б], социологами [Луков и др., 2008 ; Погорский 2013], лингвистами [Борисова, 2019 ; Борисова 2020].

Таким образом, целью данного исследования было решено сделать выявление представлений молодого поколения о России в рамках её восприятия по важнейшим параметрам: отношения к духовным ценностям, власти, культуре, производству, а также по сопоставлению с другими странами, в частности в аспекте отождествления России с Европой и Азией.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Выявление основных параметров общественного сознания является задачей психологической (социальная психология), социологической (социология больших групп), лингвистической (когнитивная лингвистика, отражение картины мира в языке). Во всех этих сферах познания широко используется инструментарий опросов. Мы опирались на исследования, проведённые группой психологов-специалистов по медиакommunikации [Аникеева и др., 2019 а, б], а также использовали собственные данные, собранные в рамках сотрудничества с этой группой, и полученные отдельно от них. В частности, в рамках сотрудничества с психологами были проведены опросы, в которых использовались следующие формы: респонденты должны были проставить оценки (т. е. выявить положительное или отрицательное отношение) словосочетаниям, включавшим определения *российский, американский, китайский*. В словосочетания входили имена существительные *СМИ, армия, молодёжь, просторы, помощь, газ, дороги, культура, кино* и ряд других. Как видим, затрагивались понятия, отражающие государственную политику (*армия*), культурную, общественную жизнь (*кино, культура, СМИ*), бытовые аспекты (*дороги, газ*), ценностные моменты (*просторы*). Пилотные опросы были проведены в ряде регионов России, в том числе, в Москве. Получены ответы от приблизительно пяти сот респондентов, в том числе по Москве 256, Ялте 76, Донецку 98, Тирасполю 49.

Одновременно были проведены фокус-группы, в рамках которых респонденты (студенты) отвечали на вопрос «Россия: Восток или Запад?», в которых приняли участие в общей сложности около шестисот человек.

Использовались также данные опроса по оценочным характеристикам общественно-политической лексики в той части, которая связана с интересующим нас вопросом: оценка слов *западный, отечественный, советский* (описано в [Борисова, 2020]). В этом случае анализировалась пилотная выборка по Москве и Владимиру, учитывались ответы, данные лицами до 25 лет (всего около 200 респондентов данного возраста).

2.2. Результаты исследования [Results and discussion]

В основу анализа картины мира молодёжи было положено обсуждение вопроса «Россия: Восток или Запад», результаты которого были отражены в фокус-группах и в отдельных опросах, где учитывались оценки, данные отдельным словам, а также словосочетаниям со словами *российский, китайский, американский* (напр., *российские, китайские, американские студенты, культура, помощь* и т. п.)

Отвечая на этот вопрос, участники обсуждений демонстрировали понимание места проблематики в истории общественной мысли. Практически все студенты отмечали, что подобная проблема занимала отечественных политиков, литераторов, общественных деятелей на протяжении нескольких веков, однако ответ так не был найден. Возможно, подчёркивали они, ответа на этот вопрос и не существует.

2.2.1. Стереотипное мышление и представления о Европе и Азии [*Stereotypes concerning Europe and Asia*]

Большинство студентов делают акцент на том, что, описывая местоположение России, сравнивая Россию с Азией, Европой или Америкой, говоря о некоем Востоке или Западе, необходимо избавиться от стереотипного мышления, которое часто сопровождается подобными рассуждениями. Студенты считают: «Обыватель, не разбирающийся в тонкостях азиатской культуры, не знающий особенности развития сельского хозяйства, военного дела, наук в Китае и Японии, зачастую описывают Азию как неразвитую территорию, а её жителей, как необразованных, практических средневековых персонажей» (один из ответов на фокус-группе). Поэтому студенты пишут: говоря Азия, не говорим, «отсталая», говорим Европа, не имеем в виду «прогрессивная, образованная, развитая». «Не качество дорог, не развитие наук определяют Восток или Запад, это вопрос более сложный».

Стереотипное мышление мешает понять, что такое Европа или Азия. По мнению студентов, ни Европа, ни Азия не могут описываться как единое целое. «Что такое Азия? Китай и Япония не равны друг другу: большие различия в ментальности, различная городская культура, разная степень интеграции в мировое сообщество, различное видение себя и своих партнёров. Между этими странами также невозможно поставить знак равенства, как и между Великобританией, Испанией и Венгрией». Только глубокое проникновение в культурные особенности может быть основанием для сравнения, а не географическое положение той или иной страны.

То, что стереотип «Запад хорошо, Азия плохо», перестаёт быть лидирующим в сознании молодёжи, демонстрируют и оценочные опросы, где прилагательное «западный» в целом получает не очень высокий балл, в разных аудиториях от 3,2 до 3,8. Это относится и к более конкретным опросам, где немало (больше половины всех ответов) высоких оценок получают сочетания с прилагательным *китайский*: *китайская молодёжь, китайская столица, китайская помощь*.

Анализ российской культуры, ментальности и быта позволяет студентам выделить приоритеты в определении принадлежности России к Востоку или Западу. Первый критерий – географический, сразу снимает остроту вопроса. «Россия – огромная страна, находящаяся в Европе и Азии, следовательно, европейские и азиатские черты будут её характеристиками по умолчанию». Большая протяжённость территории РФ предполагает, что мы не можем уравнивать посёлок, расположенный на Баренцевом море, станицу в Краснодарском крае и города-миллионники. «Нормально, что северные народы, например, нанайцы, будут демонстрировать то, что характерно для Азии, что в этом плохого? Почему они должны быть частью Европы?».

2.2.2. Система ценностей России на фоне Запада и Востока [*Russian values vs Western and Eastern values*]

Важную роль в определении места России в мировой системе ценностей с позиций общественного сознания играют специфические черты характера, которые, согласно мнению студентов, определяют российский, западный и восточный менталитет.

Самое пристальное внимание студенты уделяют таким параметрам, как индивидуализм и коллективизм, являющиеся важными для описания культуры, и которые, по мнению студентов, могут дать понимание особенностей нашей ментальности, нашего поведения и моделей организации пространства. Практически 100% студентов отметили, что коллективизм доминирует в семье, в трудовых и учебных коллективах, он отражён в паремии русского языка (*Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Человек семьёю крепок. Один за всех – все за одного*), а это – одна из характеристик азиатской

культуры. Выросшие дети продолжают жить с родителями. Досуг детей, даже имеющих собственные семьи, часто определяется родителями («каждые выходные на дачу!», «а яблоки кто будет собирать?», «нужно сделать ремонт, сын соседей каждые выходные приезжает, а ты...»). Если выбор партнёра и возраст вступления в брак сейчас напрямую и не зависят от мнения семьи, родственники, по мнению большинства студентов, считают возможным дать комментарий: «найдёшь лучше», «не пара», «часики тикают» и т. д.

Коллективизм не теряет актуальности в трудовых коллективах, где речь часто идёт о коллективной ответственности, о тёплых отношениях внутри коллектива, которые включают в себя обмен интимной информацией, совместное проведение досуга. Студенты замечают, что некоторые проявления индивидуализма можно наблюдать в зарубежных компаниях, которые имеют представительства в крупных российских городах. Проявления индивидуализма, «когда ты думаешь о себе, своей семье, своей карьере, а не о коллегах и их успехах, воспринимаются так, как будто ты идёшь по их головам, как будто ты подлый и коварный человек». Система управления, руководство также ориентированы на группу, а не на личность. «В школе, вузе, на работе – везде – есть только «мы». «Мы должны, мы обязаны, нам стыдно, мы гордимся». Фраза «тебе что, больше всех надо?» также является внутренним неприятием индивидуализма. Все это, как считают студенты, отдаляет нас от Запада и Европы и полностью отождествляет нас с Востоком. Однако степень проявления коллективизма неодинаково представлена на территории РФ. Разобщённость и индивидуализм, пусть и слабо выраженный, являются чертами крупных городов. Самый индивидуалистский город, а, следовательно, самый «западный» – Москва. По этому поводу были получены такие ответы (от московских студентов): «Люди в Москве думают о карьере, деньгах, личном успехе, им нет дела до остальных». «Люди приезжают в Москву, чтобы сделать себя», «Москва – самый большой офис, где люди могут смотреть друг на друга, но не видеть». «Можно жить в соседних квартирах, но не знать имён соседей, и это ок». «Невозможно представить себе равнодушное отношение к соседям и дальней родне или к пожилым людям в маленьких городах или сёлах, в большом городе это становится нормой».

Заметим, что ориентация на коллективизм проявляется и в оценочном опросе, хотя слов *коллективизм* и *индивидуализм* там нет. Однако присутствует слово *справедливость*, которое по своей сути связано с взаимосвязями человека в обществе: справедливо то, что признается правильным всем обществом. Во всех опросах это слово получало самую высокую оценку, и ответы молодых не стали исключением.

2.2.3. *Власть в русской картине мира [Authority in the Russian language picture of the world]*

Ещё одна черта, которая, по мнению участников опроса, приближает Россию к Востоку, это индекс дистанции власти, предполагающий наличие или отсутствие жёсткой социальной иерархии и степень принятия этой иерархии членами общества. Все российское общество «пронизано иерархической идеологией», поскольку ребёнку с детства внушают мысль о том, что он должен получить «нормальную профессию, чтобы потом не подметать улицы», стать начальником, «пробиться» и т. д. Успех, как правило, сопровождается внешними его маркерами: дорогой одеждой, большим автомобилем, домом или квартирой в «элитном районе». Почти все студенты заметили, что лексема *элитный* может встречаться в тексте любой тематики: «элитный детский сад», «элитная школа», «элитный вуз», «элитный отдых».

Дистанция власти влияет на степень свободы в коммуникации между разными группами. Особенно болезненно студенты реагируют на школьную иерархию, с которой они столкнулись лично: «ты перебил учителя, ты его не уважаешь», «сначала подними руку, учитель сам решит, можно ли тебе ответить», «выйди и зайди нормально», «а го-

лову ты дома не забыл?». Студенты констатируют, что во многих школах степень свободы общения и взаимодействия весьма ограничена, поведение школьников жёстко регламентировано, «а это уводит нас далеко от представления о европейской школе и европейском образовании». В данном случае мы сталкиваемся с представлениями о ценности личной свободы, которая проявляется и в оценочных опросах: слово *свобода* довольно долго, с 90х годов было эталонно положительным: высший балл практически во всех опросах. Начиная с середины десятих годов оценка стала понижаться (отмечено также в [Бубнова, Казаченко, 2018]). Однако в ответах молодых (более 90%) это слово по-прежнему получает высший балл.

Что касается отношения к власти, то оно выявлялось в опросах, проведённых в разных регионах. Словосочетание *российские власти* получало самые различные оценки – от 0 до 5. Достаточно частым был вариант, когда низкая (0–2) оценка российских властей коррелировала с более высокой оценкой словосочетания *американские власти*, а несколько раз оба словосочетания получали невысокий балл при высокой оценке словосочетания *китайские власти*. Впрочем, встречались и обратные случаи (особенно при опросе в Донбассе), когда высокую оценку получали именно *российские власти* при низких оценках у *американские власти*.

Соотнесённость России с Западом проявляется, по мнению респондентов, в потребительском отношении к природе. «Человек – хозяин и повелитель природы» – мысль чуждая Востоку. «Мы слишком уверены в собственной правоте, когда распоряжаемся природными богатствами», «человек просто часть природы, иногда не самая разумная», «нам надо пересмотреть роль человека на этой планете», «неужели промышленность и деньги могут быть важнее окружающей нас среды?». Восточное мировоззрение транслирует мысль о том, что «человек должен ориентироваться на нравственные постулаты», но «погоня за благами цивилизации и материальным благом уничтожают и предназначении человека, и все вокруг него».

2.2.4. Религия, культура, история [Religion, culture, history]

Примерно треть студентов, принявших участие в опросе, отмечают влияние религии на место России и соотнесённость её с Востоком и Западом. Респонденты отмечают, что смирение, применяемое не только к себе, но и ко всему миру, жертвенность, мистицизм, «стремление к абсолютной истине» определили во многом характер и ментальность населения.

Если обратиться к опросам, то надо отметить, что хотя оценка слова священник в ассоциативно-оценочном опросе у молодёжи выше, чем у людей старших поколений, немало оценок 5, нередки и крайне низкие оценки этого слова, особенно у молодых людей либеральных взглядов, что тоже выявлялось в ходе этого опроса.

Русская литература, как один из главных маркеров русской культуры, ближе, по мнению студентов, к восточным литературным традициям, хотя она, безусловно, самобытна и «полностью отражает уникальность нашей страны и нашей культуры». «Русская литература смогла, такие писатели как Толстой и Достоевский, смогли стать ориентирами для всего мира, показав, что Россия может определять мировой культурный ландшафт. А это значит, что у России есть потенциал, которым она пока не воспользовалась». «Ни в одной стране нет писателей, способных так анализировать человеческую душу». «Мир увидел подлинного русского человека только тогда, когда познакомился с Достоевским. И это было великое открытие».

В ассоциативных опросах предлагались словосочетания со словами *литература*, *культура*, *кино*, и в целом оценка американского заметно выше, чем российского. Китайское кино оценивается приблизительно на уровне российского. А вот слово *культура* даёт более высокий результат в сочетании со словом *российская*, достаточно

приличный со словом *китайская*. Относительно американской культуры разброс мнений значителен, и в среднем оценка уступает российской и китайской.

Студенты, определяя место России, обращаются к истории страны, указывая на эпохи и события, определившие и сам ход истории, и то, к чему эти события привели. Ещё с VIII–X вв. Россия представляла форму «служивого государства», где все трудятся «для общего блага», для общего процветания, что приближает страну к Востоку. Значимая для респондентов персона, «приблизившая Россию к Западу», несомненно, Пётр I. «Никогда Россия такими темпами не приближалась к Европе», однако население страны было настолько не однородно, что «европейские черты не затронули ментальность и уклад народа». Сбой «модели служивого государства» произошёл в 1762 году, когда был подписан Манифест о вольности дворянства.

Именно тогда, по мнению части студентов, был запущен процесс, в результате которого дворянство практически полностью приблизилось к европейской модели, крестьяне же остались в «восточном жизненном сценарии». Некоторые респонденты именно в этой полярности общества видят особую жестокость по отношению к высшему сословию в революциях в начале XX века.

Что касается сочетания со словом *история*, то *российская история* почти повсеместно получает относительно более высокую оценку, чем сочетания со словами *американская* и *китайская*, причём китайская превосходит американскую.

XX век также стал, по мнению подавляющего большинства респондентов, веком великих потрясений, когда Россия то приближалась к Европе, то возвращалась «к своим восточным корням». Все это не прошло бесследно, поскольку «Россию тянет на Запад, но Запад не кажется идеальным». С одной стороны, западное мироустройство многим представляется «порочным», с другой «притягательным». Россиян привлекают прогрессивные западные идеи и интерес к отдельно взятой личности, но «невозможно избавиться от идеи о жёсткой вертикали власти и железной руке».

3. Выводы [Conclusion]

Результаты фокус-группы, подкреплённые предварительными данными опросов двух типов, позволяют сделать вывод о достаточно своеобразных представлениях студентов 1999–2002 годов рождения о положении России среди других стран и цивилизаций.

В первую очередь следует отметить, что имеющийся стереотип о необходимости «равняться на Запад, на Америку» не вовсе исчез из сознания, но уже заметно уступает место и приятному отношению к России, и уважению к Востоку, в первую очередь, Китаю. В некоторых сферах жизни «азиатская модель» представляется студентам оптимальной: так они предлагают в политической сфере отказаться от чрезмерной сосредоточенности на проблемах других стран и обратиться к внутренним проблемам, как это делают восточные государства.

На фоне постоянно задаваемого вопроса о месте России в современном мире, звучат и мысли о некоем собственном, уникальном пути, «который Россия должна пройти сама». Однако «никто не может объяснить, в чем эта уникальность заключена». «Невозможно создать новый свод правил жизни, по которым будет счастливо жить каждый россиянин». «Невозможно уравнивать людей разных национальностей, принадлежащих к разным религиям, живущих в разных условиях, научить их жить по особым правилам».

Каким бы путём ни пошла Россия, как бы ни определяли себя и друг друга россияне, главное, по мнению студентов, то, что происходит в российских семьях, какое воспитание получают дети, к каким идеалам они будут стремиться, поскольку будущее страны формируется именно сейчас. Только глубокие знания собственной и мировой культуры, знание иностранных языков, способность к анализу и критическому мышлению позволяют, по мнению студентов, россиянам определить свой путь и своё место в мире.

Благодарности [Acknowledgments]

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ No 18-013-01156 «Трансформация ценностно-смыслового кода культурных представлений о России и других странах под воздействием глобальной информационной среды у современной молодёжи (в аспекте национальной безопасности)». Благодарим коллег из Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, проводивших опрос в своём регионе.

Список литературы

- Аникеева и др., 2019 а – Аникеева Т. Я., Матвеева Л. В., Мочалова Ю. В. Образ России в представлениях молодёжи различных регионов страны и проблема цивилизационной идентичности // Психология когнитивных процессов: межвуз. сб. статей / под ред. В. В. Селиванова. Смоленск : СмолГУ, 2019. С. 83–95.
- Аникеева и др., 2019 б – Аникеева Т. Я., Матвеева Л. В., Мочалова Ю. В. Ценностно-смысловые коды внутрикультурных представлений и проблема цивилизационной и культурной идентичности // Человек в информационном пространстве. Сборник научных статей / под общ. ред. Т. П. Кургановой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 359–365.
- Борисова, 2020 – Борисова Е. Г. Лингвополитологические аспекты возрастных (эйджинговых) особенностей языка // Политическая лингвистика. 2020. № 1. С. 10–15.
- Борисова, 2019 – Борисова Е. Г. Трансформация ценностно-смыслового кода в языке молодёжи // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2. С. 138–143.
- Бубнова, Казаченко, 2018 – Бубнова И. А., Казаченко О. В. Культурные константы русского образа мира на современном этапе развития общества // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2. С. 28–42.
- Луков и др., 2008 – Луков Вл. А., Луков М. В., Луков А. В. Телевидение: конструирование культуры происходящего // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 1 : Философия. Политология. URL : http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/1/Lukovs_TV/ (дата обращения : 20.11.20).
- Погорский, 2013 – Погорский Э. К. Конструирование картины мира молодёжи // PolitBook. 2013. № 2. С. 183–187.

UDC 81'272

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_17_24

Elena G. Borisova, Sofiia L. Furmanova
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
 egbor@mail.ru, sofie2701@gmail.com

Russia: Is it East or West? The image of Russia in the world view of a modern student

Abstract

The article studies the ways to identify the ideas of modern youth about Russia and the world around it. This is a key component of the human worldview, which determines both affective sphere (love for the Motherland) and behavior (willingness to protect, sacrifice oneself or, on the contrary, the desire to emigrate). Surveys – both closed and open, as well as detailed, assuming reasoned answers – are offered as tools for identification. The results of surveys of students from Moscow, Yalta, Donetsk are used. In general, students demonstrate a caring attitude towards Russia, a desire to understand its features, however, negative evaluation are also present, all of it

being expressed in the corresponding vocabulary and paremia. The study of the linguistic worldview of modern students is impossible without considering such significant dimensions in cultural studies and linguoculturology as collectivism, individualism and the power distance index.

Keywords: worldview, stereotype, view, civilization, sociolects, political linguistics, language consciousness.

© Borisova E. G., Furmanova S. L. 2021

For citation: Borisova, E. G., Furmanova, S. L. (2021). Rossiya: Vostok ili Zapad? Obraz Rossii v kartine mira sovremennogo studenta [Russia: Is it East or West? The image of Russia in the world view of a modern student]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7(2), 17–24. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_17_24.

References

- Anikeeva, T. Ya., Matveeva, L. V., Mochalova, Yu. V. (2019 a). Obraz Rossii v predstavleniyakh molodezhi razlichnykh regionov strany i problema tsivilizatsionnoy identichnosti [The image of Russia shared by young people from different regions of the country and the issue of civilization identity]. In V. V. Selivanov (Ed.), *Psikhologiya kognitivnykh protsessov* [Cognitive processes psychology] (pp. 83–95). Smolensk : SmolGU Press.
- Anikeeva, T. Ya., Matveeva, L. V., Mochalova, Yu. V. (2019 b). Tsennostno-smyslovye kody vnutrikul'turnykh predstavleniy i problema tsivilizatsionnoy i kul'turnoy identichnosti [Value-meaning codes of inner cultural ideas and the issues of civilization and cultural identity]. In T. P. Kurganova (Ed.), *Chelovek v informatsionnom prostranstve* [A human in informational space] (pp. 359–365). Yaroslavl : RIO YaGPU Press.
- Borisova, E. G. (2020). Lingvopolitologicheskie aspekty vozrastnykh (eydzhingovykh) osobennostey yazyka [Linguopolitological description of specificity of language development characteristics due to age]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 1, 10–15.
- Borisova, E. G. (2019). Transformatsiya tsennostno-smyslovogo koda v yazyke molodezhi [Transformation of the valuable and semantic code in modern youth language]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhski Philological Bulletin], 2, 138–143.
- Bubnova, I. A., Kazachenko O. V. (2018). Kul'turnye konstanty russkogo obraza mira na sovremennom etape razvitiya obshchestva [Cultural constants of the Russian image of the world at the present stage of society development]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2, 28–42.
- Lukov, V. A., Lukov, M. V., Lukov, A. V. (2008). Televidenie: konstruirovaniye kul'tury proiskhodyashchego [Television: Constructing the culture of what is happening]. *Informatsionnyy gumanitarnyy portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»* [Information portal for Humanities “Knowledge. Understanding. Skill”], 1 : Filosofiya. Politologiya [Philosophy. Polytoogy]. Retrieved November 20, 2020 from <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/1/Lukovs_TV/>.
- Pogorskiy, E. K. (2013). Konstruirovaniye kartiny mira molodezhi [Designing world view of youth]. *PolitBook*, 2, 183–187.

Водяницкая Альбина Александровна
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
avodyanickaya@yandex.ru

Лингвоаксиологические аспекты отзыва студента как жанра академического дискурса

Аннотация

В работе рассматриваются структурно-содержательные, лингвистические и аксиологические особенности отзыва студента об обучении в вузе. Исследование показало, что отзыв является гибридным жанром, сочетая в себе черты авторской благодарности (с вербализованными объектами благодарности), собственно отзыва как оценочного жанра, а также рефлексивного эссе. Адресатами выступают отдельные преподаватели, кафедра, университет. Во всех отзывах представлена разветвлённая система частнооценочных и общеоценочных значений, выраженных одиночными лексемами, словосочетаниями, отдельными высказываниями, при этом преобладающими являются этические и телеологические оценки. Студенты положительно оценивают вклад преподавателей, их личностные и профессиональные качества. В 100% отзывов отмечаются большое значение профессионализма преподавателя и возможность заниматься научной деятельностью, а также делаются выводы о собственном профессиональном и личностном развитии.

Ключевые слова: лингвоаксиология, оценочные значения, рефлексивное эссе, благодарности, отзыв, студент, преподаватель.

© Водяницкая А. А. 2021

Для цитирования: Водяницкая А. А. Лингвоаксиологические аспекты отзыва студента как жанра академического дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 25–34. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_25_34.

1. Введение [Introduction]

Проблемой исследования является изучение оценочных и ценностных характеристик отзыва студента о прошедших в университете годах обучения.

В процессе освоения дисциплин за годы обучения в университете студенты получают от преподавателя вербализованную оценку своих достижений, которые позволяют им выстраивать, корректировать, направлять свою научно-исследовательскую, учебную деятельность. Финальным аккордом такой вербализованной оценки является отзыв научного руководителя о работе студента над дипломным проектом. К настоящему времени в лингвистике и педагогике накопилось достаточное количество исследований и эмпирического материала о влиянии обратной связи со стороны преподавателя на процесс постижения наук студентами. Изучаются роли педагога в процессе руководства курсовым, выпускным квалификационным исследованием [Водяницкая, 2018], исследуется взаимосвязь между ожиданиями преподавателя, его отзывом о работе студента и достижений последнего [Gentrupa et al., 2020]. Отзыв студента о работе преподавателя попал в фокус внимания исследователей сравнительно недавно. Так, например, было изучено влияние обратной связи со стороны студентов на качество работы преподавателя спустя год после получения отзыва [Buurman et al., 2020]. Анализ отзывов студентов

о различных аспектах обучения в университете с точки зрения оценочности до настоящего времени не проводился.

Ц е л ь ю данного исследования является описание лингвоаксиологической составляющей рефлексии студентов по поводу обучения в университете. Данная цель предполагает постановку и решение следующих з а д а ч:

- 1) проанализировать структурно-содержательные особенности отзывов;
- 2) выделить оценочные высказывания, содержащиеся в отзывах;
- 3) проанализировать фрагменты отзывов с точки зрения структуры оценки (субъект, объект, оценочное основание, оценочный заряд) в концепции Е. М. Вольф;
- 4) проанализировать ценностную составляющую отзывов.

В качестве материала исследования были взяты 16 отзывов студентов кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета о процессе обучения и о преподавателях кафедры. Отзывы размещены на сайте университета и доступны по ссылкам: <https://www.mgpu.ru/vypuskniki-magistratury-napisali-esse-o-svoem-obuchenii-v-iiya-mgpu/> (отзывы магистров) и <https://www.mgpu.ru/otzyvy-vypusnikov-bakalavriata-kafedry-yazykoznaniya-i-perevodovedeniya-iiya/> (отзывы бакалавров).

2. Анализ отзывов [Students' review analysis]

2.1. Структурно-содержательные характеристики отзывов [Structure and content of the reviews]

Как показал анализ, некоторые отзывы были выполнены в жанре рефлексивного эссе, что отразилось как на названиях: *Эссе о преподавателях*; *Эссе об обучении на кафедре*; *О преподавателях*, так и на содержании отзывов.

Часть отзывов были выполнены в жанре авторской благодарности и назывались соответственно: *Благодарность преподавателям* (2 отзыва); *Об обучении на кафедре. Благодарности преподавателям*. Гибридные названия сочетали в себе и отсылку к жанру эссе, и отсылку к отзыву: *Эссе-отзыв об университете*. Наконец, часть студентов отнесли свои отзывы к жанру собственно отзыва: *Отзыв о преподавателях кафедры*; *Отзыв об обучении на кафедре* (2). Также отметим, что небольшая часть отзывов была либо вообще без названия, либо в названии не было указания на жанровую принадлежность, например, *О преподавателях*. Вместе с тем отметим, что, безотносительно названий, все отзывы сочетали в себе черты рефлексивного эссе, отзыва и авторской благодарности.

Как отмечают исследователи, посредством р е ф л е к с и в н о г о э с с е осуществляется «иллюстрирование компонентов профессионального самосознания» [Лазарева, 2018]. В этом отношении, студенты приводили примеры того, как обучение в университете способствовало развитию их профессиональных компетенций: *Говоря про университет, не стоит забывать, что именно он помогает сформировать компетентную личность, направленную на развитие и стремящуюся получить определённые знания и навыки в профессиональной сфере*; *я решил поступить в Московский городской педагогический университет, потому что знал, что там я смогу получить достойное образование. Более того, большую роль сыграло то, что данный вуз способен предоставить огромное количество возможностей для многопланового развития*; *Хочется отметить высокий профессионализм преподавательского состава, который вкладывает огромное количество сил, направленных на помощь становлению профессиональных навыков у студентов как в рамках языковой, так и переводческой практики*.

О т з ы в относится к оценочным речевым жанрам и представляет собой «оценочное мнение о чем-либо или о ком-либо, устное или письменное, оформленное в ви-

де отдельного высказывания или текста; в оценочном мнении важен его личностный характер» [Культура русской речи, 2003, с. 399]. Все отзывы в большей или меньшей степени выстраиваются с помощью оценки. Приведём некоторые примеры: *Это бесконечно талантливый, отзывчивый и самоотверженный педагог, которая в любой момент готова помочь студентам преодолеть любые сложности, касающиеся учёбы. Какую бы дисциплину NN не преподавала, будь то история становления американской нации или изучение переводческих трансформаций и их применение на практике, она всегда делает это максимально изобретательно и целиком и полностью отдаёт себя образовательному процессу.* Подробный анализ оценочной составляющей отзывов будет осуществлён далее.

Авторская благодарность как жанр академического дискурса изучается учёными как паратекст, предваряющий текст дипломной работы студентов, и рассматривается как «акт вежливости, обусловленный академической средой, сформировавшей их как дискурсивных личностей, средством публичного признания роли наставников, благодарностью за те жертвы, на которые шли ради них любимые люди, а также выражением облегчения по поводу того, что исследовательский процесс завершён» [Hyland, 2008, p. 242] (пер. мой – А. В.). Во всех отзывах содержатся слова благодарности преподавателям как непосредственно за руководство ВКР, так и за другие аспекты учебной деятельности: *Отдельно хотелось бы отметить работу NN, осуществлявшей руководство моей ВКР. Благодаря усилиям NN, не жалевшей сил и времени для проведения регулярных содержательных консультаций, исследованию был задан релевантный вектор, который позволил сделать ряд интересных открытий, связанных с проблематикой работы; Выражаю благодарность заведующей кафедрой за то, что она собрала и сплотила прекрасный преподавательский коллектив кафедры языкознания и переводоведения, что является показателем несомненного лидерства; я благодарна каждому преподавателю кафедры языкознания и переводоведения за безграничную поддержку и те знания, которые они вкладывали в нас на протяжении этих четырёх лет.*

Таким образом, с точки зрения жанровой принадлежности, анализируемые отзывы сочетают в себе черты авторской благодарности, отзыва и рефлексивного эссе.

Структура отзывов зависит от их содержания. Большинство отзывов начинаются с преамбулы, далее следует конкретизация тех аспектов, за которые студенты благодарны преподавателям в целом, затем идёт констатирующая часть по поводу приобретённых в университете знаний и умений. В том случае, если в отзыве содержится благодарность конкретным преподавателям, благодарность каждому из них выражается в отдельных абзацах. Завершающим аккордом отзывов становится пожелание успешной учебы будущим студентам, плодотворной научно-педагогической деятельности преподавателям, а также процветания университету. Кроме этого, в заключение авторы некоторых отзывов вновь выражают благодарность профессорско-преподавательскому составу за годы обучения.

2.2. Оценочная составляющая отзывов [Evaluation component in the reviews]

В связи с тем, что отзыв относится к оценочным речевым жанрам, в данном исследовании отзывы анализируются как жанр академического дискурса, который рассматривается в рамках концепции диалогичности данного типа дискурса, разработанной в трудах О. А. Сулеймановой [Сулейманова, 2016, 2017]. Вслед за И. П. Хутыз, академический дискурс понимается как институциональный тип общения, как «сложная, многогранная репрезентация не только профессиональных отношений, но и в первую очередь глубоко культурно-специфичный феномен» [Хутыз, 2015, с. 155]. Отметим, что в рамках данного исследования важен такой взгляд на академический дискурс, при котором учитываются «культурно обусловленные традиции выстраивания взаимоотношений в институциональной среде в целом и в академическом контексте в частности» [Там же].

К институциональным типам дискурса исследователи относят и педагогический [Герасимова, 2010]. Являясь участниками академического дискурса, авторы выстраивают свои отзывы с осознанием этикета академического дискурса, которым они владеют; они проявляют себя как дискурсивные личности, осознающие профессиональные, личностные, общечеловеческие, культурно-специфические и общекультурные ценности, которые они сформировали в процессе взаимодействия со всеми членами академической среды. Как отмечает Е. Г. Тарева, «можно с уверенностью утверждать, что в исторической проекции концепт «культура» не утратит своего ценностного потенциала и на долгие годы будет служить идее подготовки подрастающего поколения к жизни (социализации) в многополярном мире» [Тарева, 2017, с. 62].

Под оценкой понимается «информация о ценностном отношении субъекта речи к одному из свойств обозначаемого» [Телия, 1986, с. 54]. Таким образом, уже на этапе анализа оценочных высказываний, представляется возможным выявить, какие аспекты обучения в университете представляют наибольшую ценность для студентов. Для этого рассмотрим отзывы с точки зрения оценочной составляющей, а далее перейдём к рассмотрению их ценностной основы.

Как отмечает Е. М. Вольф, «в основе оценочной модальности лежит формула А г В, где А представляет субъект оценки, В её объект, а г оценочное отношение, которое имеет значения «хорошо / плохо» [Вольф, 2019]. Отметим, что в рамках академического дискурса оценочное отношение основывается не столько на противопоставлении «хорошо / плохо», сколько на таких оппозициях, как «актуально / неактуально», «приемлемо / неприемлемо», «глубоко / поверхностно», «академический дискурс сформирован / академический дискурс не сформирован». Авторы отзывов выражают оценочное отношение с помощью общеоценочных и частнооценочных значений. В связи с тем, что субъект оценки одинаков для всех отзывов, остановимся на рассмотрении других структурных элементов, а именно объектов оценки и оценочного отношения.

1. В качестве объекта оценки в 100% отзывов выступает вклад преподавателей в становление студента как профессионала:

За время своего четырёхлетнего обучения в университете я встретил бесчисленное множество людей, которые сильно повлияли на становление меня как личности, так и профессионала (как бы громко эти слова ни звучали в описываемом контексте), и было бы преступно не отметить здесь отдельно заслуги преподавателей.

В данном фрагменте, который служит в качестве преамбулы к отзыву, выпускник бакалавриата выражает оценочное отношение к преподавателям и к собственным достижениям, при этом наблюдается саморефлексия об оценке (подчёркнутый фрагмент в круглых скобках). Студент, с одной стороны, относит себя к профессионалам, с другой стороны, имплицитно скромное отношение к самому себе. Как отмечает Е. М. Вольф, проблемы самооценки нуждаются в детальном изучении в лингвистике. Таким образом, в данном фрагменте сочетаются частнооценочные значения – телеологическая оценка (*сильно повлияли*), дискурсивно окрашенная самооценка (*личность и профессионал*), самооценка с точки зрения этики общения (*как бы громко ни звучало*), а также экспрессия, которая выражена с помощью неспецифического употребления наречия *преступно*. Как представляется, происходит намеренная интенсификация оценки за счёт отрицания (*было бы не*) и использования прилагательного отрицательной семантики. Своеобразная литота создаёт положительный оценочный фон и подготавливает читателя к восприятию последующей информации. Отметим, что стремление к использованию отрицательных конструкций отмечается исследователями как культурно-специфическая характеристика русского языкового сознания [Сулейманова, 2014].

Рассмотрим следующий пример: *Преподаватели кафедры помогают уйти от «школьного» стиля выражения своих мыслей, дают активную лексику, актуальную*

на настоящий момент, рассказывают про изменения, происходящие в языке. После обучения в ИИЯ МГПУ студенты свободно могут выражать свои мысли на английском языке и рассуждать практически на любые темы.

В данном отзыве объектом оценки становится помощь преподавателей, причём помощь оценивается косвенно путём упоминания конкретных видов деятельности, которые развивались во время обучения. Отметим, что для академического дискурса особую ценность приобретают такие аспекты как актуальность, возможность свободного выражения своих мыслей, владение релевантной лексикой на иностранном языке.

В следующем примере оценочное отношение адресовано конкретному преподавателю: *NN всегда изучает релевантные тенденции, как в сфере преподавания, так и на рынке перевода для дальнейшего усовершенствования способов обучения студентов с целью создания квалифицированных конкурентоспособных специалистов, владеющих действительно актуальной информацией.*

В данном отзыве действия преподавателя, направленные на развитие профессионализма студентов, характеризуются с помощью телеологической оценки (*релевантный, усовершенствования, квалифицированный, конкурентоспособный, актуальный*), поскольку все эти оценочные прилагательные по своей семантике связаны с достижением цели.

2. В качестве объекта оценки выступает вклад преподавателей в развитие личностных навыков студентов.

В следующем отзыве студент характеризует себя и свой коллектив и потом раскрывает причину всех положительных качеств: преподавательский состав:

Институт иностранных языков навсегда останется в моей памяти как место, в котором я повзрослела, приобрела профессиональные навыки и умения, нашла новых друзей. За эти четыре года у нас сложился замечательный коллектив из ребят, каждый из которых обладает своими особенными личностными качествами, и это, пожалуй, отличало наш курс от других – наша дружность и разносторонность. И безразличие, и умение отстаивать собственное мнение, и энтузиазм, стремление к которому не только подчас заводило нас в тупик, но и подавало отличные идеи и решения. Вместе с тем мы бы не были столь прекрасными и замечательными, если бы не преподаватели нашей кафедры, которые способствовали становлению наших профессиональных качеств и бережно передавали нам свои ценные знания.

В данном фрагменте отзыва представлены как общие оценки (*прекрасные и замечательные, отличные*), так и частные оценки – этические (*дружность, отсутствие безразличия*), интеллектуальные + телеологические – *умение отстаивать собственное мнение*, психологические – *энтузиазм*. Как представляется, в выражении *бережно передавать знания* содержится этический аспект, тогда как посредством выражения *ценные знания* подчёркивается значимость знаний как ценности.

3. Оценочное отношение адресовано непосредственно преподавателю.

Ряд отзывов содержит оценки, адресованные преподавателям, причём изначально студент использует прилагательное общей оценки, а в дальнейшем раскрывает своё ценностное отношение с помощью частных оценок.

NN лучший куратор. Это бесконечно талантливый, отзывчивый и самоотверженный педагог, которая в любой момент готова помочь студентам преодолеть любые сложности, касающиеся учёбы.

В приведённом фрагменте подчёркиваются моральные качества преподавателя, а также используется дискурсивная оценка *талантливый*, с помощью которой подчёркиваются профессиональные качества педагога.

...непосредственный научный руководитель, чья помощь в написании четырёх научных работ по переводу является неоценимой. Сложно представить, сколько работы ложилось на плечи NN в последние годы, но однозначно можно говорить об

ответственном подходе. Именно ответственности научила меня мой научный руководитель. NN – это очень трудолюбивый и понимающий наставник, который никогда не оставит в беде.

Отношение к труду как созидательной деятельности человека многие народы определяют в сфере этики (см., напр., в этой связи работу [Писанова, 1997]). Все выделенные студентом аспекты подчёркивают морально-нравственные качества преподавателя. В сильную позицию выносятся такое качество, как ответственность, которое представляет ценность для студента и так же относится к сфере этики.

...хочется сказать искреннее спасибо NN за её отзывчивость, понимание и умение нестандартно подавать учебный материал (как например это было с книгой «Сорока», которую мы читали на первом курсе». Несмотря на то, что NN преподавала у нашего курса всего лишь один год, я уверен, что у всех нас остались исключительно положительные и тёплые впечатления от работы с этим невероятно добрым человеком!

В данном фрагменте с помощью телеологической оценки (нестандартная подача материала) и этических оценок (все остальные выделенные нами оценки) раскрывается влияние преподавателя.

Как показал анализ, преподаватели и студенты в равной степени стремятся подчеркнуть влияние личности преподавателя на морально-нравственное становление студента, а также на профессиональное развитие.

Некоторые студенты оформляли свои отзывы в жанре *storytelling*, создавая уникальный нарратив. Так, например, автор одного из эссе (которое и по содержанию, и по названию соответствует данному жанру) предваряла каждый абзац, посвящённый тому или иному преподавателю, преамбулой, которую можно рассматривать как завязку (обозначалась проблема, с которой она сталкивалась во время обучения), за которой следовала развязка:

ВУЗ – это новая ступень в жизни человека, которая в значительной степени отличается от школьного этапа. Сделав этот шаг, понимаешь, что теперь ты в ответе за свои решения, и справляться нужно самому, любыми доступными путями. Осознание этого факта поначалу выбивает почву из-под ног, заставляет руки опуститься, однако затем происходит знакомство с NN, блестящим профессионалом и, как бонус, лучшим куратором. Изначальное представление и уже успевшее сложиться впечатление о необходимости идти в бой без подготовки и подмоги сменяется радостью, связанную с тем, что всё-таки сразаться ты будешь под чутким руководством чудесного педагога. Спасибо, NN, за Вашу безграничную заботу, поддержку, ценнейшие знания и любовь!

Отметим, что в данном отзыве телеологические оценки сочетаются с психологическими и этическими. С помощью оценочных средств автор выстраивает контраст – гнетущее состояние сменяется радостью встречи с заботливым и понимающим куратором.

Как отмечают исследователи, «успехи обучаемых без сомнения обусловлены интеграцией усилий всех участников образовательного процесса: студента, научного руководителя, преподавателей магистерской программы, находящихся между собой в процессе выстраивания научно-исследовательской траектории магистранта в постоянном контакте» [Андросова, и др., 2014]. Отзывы магистрантов характеризуются большей направленностью на упоминание о развитии профессиональных навыков:

на методологических семинарах по актуальным вопросам современной лингвистики в рамках научной школы «Когнитивно-дискурсивной парадигмы» мы приобрели дополнительные профессиональные навыки, например, научились работать с базой Web of Science; посетили лекции ведущих научных сотрудников Института языкознания Российской академии наук, Института русского языка им. В. В. Виноградова

Российской академии наук; изучили цифровые методологии лингвистического исследования. Особенно запомнился 54-й международный лингвистический colloquium (МГПУ ИИЯ, 19–22 сент., 2019 г.), где мы получили уникальный опыт, связанный не только с презентацией исследований на английском языке в форме устного выступления и/или постерного доклада, но и с организацией события.

В данном отзыве встречается только положительная оценка опыта – *уникальный опыт*; всё то, что магистрант характеризует с положительной точки зрения, выражено с помощью глаголов *посетили, научились, получили, изучили*.

2.3. Ценностная составляющая отзывов бакалавров и магистрантов [Value component in Bachelor and Master students' reviews]

Как показал анализ, ценностно значимые для студентов феномены можно разделить на две группы: ценности, которые студенты приобрели в процессе обучения, и ценности, которые они отметили в своих преподавателях. К *п е р в о й* г р у п п е относятся:

- развитие морально-нравственных качеств (трудолюбие, ответственность);
- развитие профессионально значимых качеств (владение иностранным языком на профессиональном уровне, переводческие компетенции).

Отдельно следует выделить онтологические свойства академического дискурса, которые отмечались студентами – знание как ценность, наука как ценность, фундаментальность полученных знаний.

К *в т о р о й* г р у п п е о т н о с я т с я, прежде всего:

- морально-этические ценности, которые студенты увидели в своих преподавателях (доброта, отзывчивость, поддержка, стремление идти на помощь, любовь к людям);
- профессиональные ценности (этика труда, профессионализм, стремление развивать профессиональные навыки, любовь к труду, творческий подход к преподаванию, трепетное отношение к подготовке занятий).

Особо отметим в данной группе выделяемую студентами как ценность самоотдачу преподавателя, его способность и желание полностью посвящать себя процессу преподавания. Отдельного упоминания также заслуживает ценная для студентов регулярность проводимых консультаций и связанная с ней постоянная вовлечённость преподавателя в научно-исследовательский процесс.

3. Выводы [Conclusion]

В рамках данного исследования был проведён анализ структурно-содержательных особенностей отзывов и их лингвоаксиологических характеристик. Исследование показало, что рассмотренные отзывы можно отнести к гибриднему жанру, соединяющему в себе свойства авторской благодарности (адресант благодарности вербализует объекты благодарности адресату), собственно отзыва (оценочный речевой жанр) и рефлексивного эссе (вербализация профессионально значимых достижений в период обучения).

Адресатом благодарности являются как непосредственно преподаватели, так и кафедра языкознания и переводоведения, а также Московский городской педагогический университет и одноклассники автора отзыва (в 30% случаев).

С точки зрения оценочной составляющей, отзывы содержат как частнооценочные, так и общеоценочные значения; оценка выражается одиночными лексемами, а также с помощью словосочетания и на уровне высказывания. Студенты положительно оценивают опыт обучения в университете, взаимодействие с преподавателями, особенно выделяют морально-нравственные качества педагогов и их профессионализм.

Академический дискурс воспринимается студентами и как деятельность, и как наука (см. в этой связи исследование [Лукошус, 2018]). Исследование показало, что

ценность для студентов представляют как собственные навыки и личностные качества, получившие развитие в процессе обучения, так и морально-нравственные качества их преподавателей. Все студенты отмечают большое значение профессионализма преподавателей. В 100% отзывов отмечается ценность науки – возможность заниматься научной деятельностью, поскольку, как отмечают студенты, таким образом происходит становление не только их исследовательских качеств, но и формируются общекультурные, общепрофессиональные компетенции.

Таким образом, изучение лингвоаксиологических особенностей отзывов студентов об обучении в университете показало, что для каждого студента ведущую роль в процессе становления играет личность преподавателя. Отзывы представляют собой амальгаму положительных оценочных значений. Так, этические, телеологические, интеллектуальные, психологические, дискурсивные оценки показывают, как во взаимодействии всех участников академического дискурса формируется личность студента как гражданина общества и как профессионала.

Благодарности [Acknowledgments]

Автор выражает искреннюю благодарность доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ Ольге Аркадьевне Сулеймановой за помощь, вдохновение и поддержку на всех этапах исследования.

Список литературы

- Андросова и др., 2014 – Научно-исследовательская траектория студента магистратуры / С. В. Андросова, С. А. Гусев, С. И. Гусева, С. В. Деркач, О. Н. Морозова // *Alma Mater (Вестник Высшей школы)*. 2014. №5. С. 95–98.
- Водяницкая, 2018 – Водяницкая А. А. Научный руководитель как субъект академического дискурса: через оценочные значения к осмыслению его роли // *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия*. М. : ЛЕНАНД, 2018. С. 211–238.
- Вольф, 2019 – Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : URSS, 2019. 278 с.
- Герасимова, 2010 – Герасимова С. А. Педагогический дискурс как один из особых видов институционального дискурса // *Человек в информационном пространстве : межвуз. сб. науч. тр.* Ярославль : Изд-во Ярослав. гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2010. С. 105–110.
- Культура русской речи, 2003 – Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М. : Флинта ; Наука, 2003. 840 с.
- Лазарева, 2018 – Лазарева Ю. В. Иллюстрирование компонентов профессионального самосознания посредством рефлексивного эссе // *Научный диалог*. № 5. 2018. С. 317–330.
- Лукошус, 2018 – Лукошус О. Г. Академический дискурс как деятельность и как наука // *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия*. М. : ЛЕНАНД, 2018. С. 100–108.
- Писанова, 1997 – Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки. М. : Изд-во ИКАР, 1997. 320 с.
- Сулейманова, 2016 – Сулейманова О. А. Диалог с Другим в академическом дискурсе // *Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик Материалы Первой международной конференции / под общ. ред. Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой*. М. : Языки народов мира, 2016. С. 539–547.
- Сулейманова, 2017 – Сулейманова О. А. К вопросу о нормативности письменного академического дискурса // *Вестник Московского гор. пед. ун-та. Сер. : Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2017. № 2 (26). С. 52–61.
- Тарева, 2017 – Тарева Е. Г. Культура как ключевой концепт лингводидактики // *Русистика без границ*. 2017. Т. 1, № 1. С. 58–63.
- Телия, 1986 – Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 141 с.

- Хутыз, 2015 – Хутыз И. П. Академический дискурс: культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний. М. : Флинта ; Наука, 2015. 176 с.
- Buurman et al., 2020 – When do teachers respond to student feedback? Evidence from a field experiment / M. Buurman, J. Delfgaauw, R. Durc, R. Zoutenbierd // *Labour Economics*. 2020. Vol. 65. URL : <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101858>.
- Gentrupa et al., 2020 – Self-fulfilling prophecies in the classroom: Teacher expectations, teacher feedback and student achievement / S. Gentrupa, G. Lorenz, C. Kristen, I. Kogan // *Learning and Instruction*. 2020. Vol. 66. URL : <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2019.101296>.
- Hyland, 2003 – Hyland K. Dissertation Acknowledgments: The Anatomy of a Cinderella Genre // *Written Communication*. 2003. Vol. 20(3). P. 242–68.

UDC 81'42

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_25_34

Albina A. Vodyanitskaya
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
avodyanickaya@yandex.ru

Linguistic and axiological aspects of a student's review as a genre of academic discourse

Abstract

The paper focuses on the structure and content as well as linguistic and axiological aspects of students' reflective essays on their studies at university. The research has revealed that those essays can be referred to as hybrid genre as far as they combine the features of acknowledgments, reviews and reflective essays. The addressees could be particular teachers, a particular Department of the University as a whole. The essays are an amalgam of specific evaluative meanings as well as common evaluations manifested by single lexemes, word groups or even whole utterances, with ethical and teleological evaluations being dominant among them. Students characterize positively their teachers' contribution, their (teachers') personal and professional characteristics. In 100% of the essays, teacher professionalism is noted to play a considerable role together with an opportunity to engage in research and conclusions concerning students' own personal growth and professional development.

Keywords: linguistic axiology, evaluative means, a review, a reflective essay, acknowledgements, a student, a teacher.

© Vodyanitskaya A. A. 2021

For citation: Vodyanitskaya A. A. (2021). Lingvoaksiologicheskie aspekty otzyva studenta kak zhanra akademicheskogo diskursa [Linguistic and axiological aspects of a student's review as a genre of academic discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 25–34. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_25_34.

References

- Androsova, S. V., Gusev, S. A., Guseva, S. I., Derkach, S. V., Morozova, O. N. (2014). Nauchno-issledovatel'skaya traektoriya studenta magistratury [Scientific and research trajectory of master course student]. *Alma Mater (Vestnik Vysshey shkoly)* [Alma Mater (Higher School Herald)], 5, 95–98.
- Vodyanitskaya, A. A. (2018). Nauchnyy rukovoditel' kak sub"ekt akademicheskogo dsikursa: cherez otsenochnye znacheniya k osmysleniyu ego roli [Scientific supervisor as a subject of academic

- discourse: From evaluation to understanding his/her role]. *Diskurs kak universal'naya matritsa verbal'nogo vzaimodeystviya* [Discourse as a universal matrix for verbal interaction] (pp. 211–238). Moscow : LENAND Press.
- Vol'f, E. M. (2019). *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow : URSS Press.
- Gerasimova, S. A. (2010). Pedagogicheskiy diskurs kak odin iz osobykh vidov institutsional'nogo diskursa [Pedagogical discourse as one of the specific kinds of institutional discourse]. *Chelovek v informatsionnom prostranstve* [A human in informational space]: A collection of scientific papers (pp. 105–110). Yaroslavl : Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Press.
- Kul'tura russkoy rechi (2003): Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik [Russian speech culture: Encyclopedia, dictionary, manual]. Moscow : Flinta Press ; Nauka Press.
- Lazareva, Y. V. (2018). Illyustrirovaniye komponentov professional'nogo samosoznaniya posredstvom refleksivnogo esse [Illustrating the Components of Professional Self-Awareness through Reflexive Essay]. *Nauchnyi Dialog* [Scientific Dialogue], 5, 317–330.
- Lukoshus, O. G. (2018). Akademicheskiy diskurs kak deyatel'nost' i kak nauka [Academic discourse as activity and science]. *Diskurs kak universal'naya matritsa verbal'nogo vzaimodeystviya* [Discourse as a universal matrix for verbal interaction] (pp. 100–108). Moscow : LENAND Press.
- Pisanova, T. V. (1997). *Natsional'no-kul'turnye aspekty otsenочноy semantiki: esteticheskie i eticheskie otsenki* [National and cultural aspects of evaluative semantics: Aesthetic and ethical evaluations]. Moscow : IKAR Press.
- Sulejmanova, O. A. (2016). Dialog s Drugim v akademicheskom diskurse [Dialog with the Other in the academic discourse]. In E. G. Tareva, L. G. Vikulova (Eds.), *Proc. of the 1st International Conference "Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskakh peredovykh sotsiogumanitarnykh praktik* [Dialog of cultures. Culture of dialog: In the search of cutting-edge socio-linguistics practices]] (pp. 539–547). Moscow : Yazyki narodov mira Press.
- Sulejmanova, O. A. (2017). K voprosu o normativnosti pis'mennogo akademicheskogo diskursa [Guidelines towards academic writing]. *Vestnik Moskovskogo gor. ped. un-ta. Ser. : Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* [Vestnik of Moscow City University. Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»], 2 (26), 52–61.
- Tareva, E. G. (2017). Kul'tura kak klyuchevoy kontsept lingvodidaktiki [Culture as a key concept of language teaching methodology]. *Rusistika bez granits* [Russian Studies Without Borders], 1 (1), 58–63.
- Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotations in the semantics of nominative units]. Moscow : Nauka Press.
- Khutyz, I. P. (2015). *Akademicheskiy diskurs: kul'turno-spetsificheskaya sistema konstruirovaniya i translyatsii znaniy* [Academic discourse: Culture-specific system of knowledge construction and translation]. Moscow : Flinta Press ; Nauka Press.
- Buurman, M., Delfgaauw, J., Durc, R., Zoutenbier, R. (2020). When do teachers respond to student feedback? Evidence from a field experiment. *Labour Economics*, 65. Retrieved from <<https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101858>>.
- Gentrupa, S., Lorenz, G., Kristen, C., Kogan, I. (2020). Self-fulfilling prophecies in the classroom: Teacher expectations, teacher feedback and student achievement. *Learning and Instruction*, 66. Retrieved from <<https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2019.101296>>.
- Hyland, K. (2003). Dissertation Acknowledgments: The Anatomy of a Cinderella Genre. *Written Communication*, 20 (3), 242–68.

Замальдинов Владислав Евгеньевич
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
zvlad-nn@yandex.ru

Креативный нейминг нижегородских заведений общественного питания: графический аспект

Аннотация

Цель исследования – проанализировать креативный нейминг нижегородских заведений общественного питания (ресторанов, кафе, баров, бургерных, кофеен, пиццерий) с точки зрения графики. Источником материала послужила личная картотека эргонимов. В ходе исследования были использованы следующие методы и приёмы: общенаучный метод с использованием приёмов обобщения, интерпретации и классификации материала, словообразовательный, прагматический виды анализов. Выявлено, что в качестве продуктивного способа воздействия на потребителя выступают инновации, созданные с помощью графической гибридизации. Эргонимы-новообразования легко запоминаются, обладают экспрессией, формируют положительные ассоциации, идентифицируют заведение. Анализ материала показал, что наиболее продуктивными оказались такие типы графического словообразования, как монографикация (33%), полиграфикация (47%) и кодографикация (18%). Отмечается, что иногда для эффективного воздействия на адресата номинаторы совмещают различные типы графикации в одном эргониме (2%).

Ключевые слова: нейминг, заведения общественного питания, графическая гибридизация, монографикация, типографикация, полиграфикация, кодографикация.

© Замальдинов В. Е. 2021

Для цитирования: Замальдинов В. Е. Креативный нейминг нижегородских заведений общественного питания: графический аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 35–43. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_35_43.

1. Введение [Introduction]

Язык города связан с различными аспектами жизни современного общества. Являясь компонентом культуры, он отражает существующее языковое пространство, для которого характерны такие тенденции, как демократизация, усиление личностного начала, актуализация национальных компонентов, интенсивный процесс заимствования, стремление к креативу и т. д. Как отмечают исследователи, «языковая (а точнее сказать, речевая) ситуация в современном российском городе и его речевом коммуникативном пространстве отражает и во многом определяет общее состояние русского национального языка и его речевой культуры начала XXI века» [Шарифуллин, 2014, с. 67], что связано с такими тенденциями, как изменение и обновление.

Для объектов, формирующих языковой облик современного города, важно выполнение аттрактивной функции (функции привлечения внимания). Она обеспечивает эмоциональное отношение потенциальных потребителей к объекту услуг и лёгкость восприятия информации. «Наличие такой функции говорит о том, что эти языковые единицы должны обладать эмоциональностью, экспрессивностью, находить отклик у тех, для кого предназначены» [Рудницкая, 2017, с. 361]. Для привлечения внимания горожан компаниям и индивидуальным предпринимателям приходится искать запоминающиеся названия для

своих фирм. «Хотя название, разумеется, не главное, оно тем не менее является дополнительным аргументом в пользу того или иного выбора объекта услуг» [Иссерс, 2018, с. 75]. В поиске нужного названия владельцы заведений стали обращаться в креативные нейминг-агентства, занимающиеся профессиональной разработкой коммерческого наименования. «Нейминг (от англ. *naming*) – специальная процедура креативного маркетинга и рекламы по поиску, подбору подходящего имени, наименования продукту, как правило, для нового товара или фирмы» [Шевченко и др., 2019, с. 47]. По словам Е. С. Кара-Мурзы, «создание коммерческого имени рассматривается в маркетинге и рекламистике как важная творческая задача» [Кара-Мурза, 2011, с. 229]. Таким образом, рекламное имя (нейм) – это визитная карточка компании, которая отражает суть заведения и взгляды владельцев, определяет привлекательность фирмы, формирует положительные ассоциации.

Разновидностью рекламного имени являются собственные наименования коммерческих организаций (эргонимы). Специфика эргонимической лексики рассматривается в целом ряде современных трудов (см., напр., [Вепрева, 2019 ; Зуева, 2017 ; Иссерс, 2018 ; Мань, 2019 ; Никулкина, 2020 ; Пономаренко, Крыжановская, 2019 ; Ремчукова, Соколова, 2019 ; Шмелёва, 2019 и др.]). Повышенное внимание к данным вербальным единицам неудивительно, ведь они выступают элементами медийного пространства, отражают языковую моду, привлекают внимание адресата, характеризуются частой сменяемостью и прагматической направленностью. «Изобретая эргоним, номинатор (владелец предприятия) стремится вступить в диалог с клиентом, заинтересовать его, вызвать у потенциального потребителя услуг положительную реакцию на предложенное ему наименование» [Зуева, 2017, с. 121].

В фокусе внимания будут находиться только наименования заведений общественного питания (трапезонимы) Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Это связано с тем, что индустрия питания активно развивается, становится неотъемлемой частью туристического пакета. «Проблема аттрактивности трапезонимов представляется интересной, поскольку это наиболее подвижный фрагмент городского ономастического пространства» [Шмелёва, 2019, с. 119]. Кроме того, «группу анализируемых городских онимов-новообразований составляют прежде всего номинации заведений общественного питания, креативный подход к созданию которых связан с усилением конкуренции в данной сфере, а также с внедрением в современное общественное сознание новой ценностной доминанты гедонистичности, поддерживаемой, в частности, экзистенциальным отношением к питанию, связанным с утверждением наслаждения пищей» [Вепрева, 2019, с. 170].

С целью усиления аттрактивной функции и установления диалога с потребителем имядатель (адресант) нередко использует различные возможности языка. В качестве продуктивных средств аттрактивного воздействия на горожанина (адресата) выступают графические гибриды. Под графической гибридизацией понимается словообразовательный способ, в результате которого создаются новые номинации с графически выделенным сегментом. Такие «новые номинации отражают изменения во всех сферах жизни, обладают экспрессивностью и привлекают внимание адресата» [Замальдинов, 2017б, с. 293]. Вышесказанное обусловило выбор объекта исследования – трапезонимы Нижегородской области, образованные с помощью графической гибридизации.

2. Особенности креативного нейминга нижегородских заведений общественного питания [Nizhny Novgorod public catering establishments creative naming]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили тексты на различных информационных сайтах («Афиша», «Tripadvisor», «2ГИС» и др.), опубликованные за период с апре-

ля 2020 г. по февраль 2021 г. Из этих текстов методом сплошной выборки были отобраны трапезонимы, которые подверглись дальнейшему анализу. Общий объём выборки составил 45 номинаций. При анализе отобранных единиц использовались: общенаучный метод с привлечением приёмов обобщения, интерпретации и классификации, словообразовательный и прагматический виды анализа.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Среди единиц, образованных путём графической гибридизации, было найдено 15 эргонимов-новообразований с м о н о г р а ф и к с а ц и е й (33% от общего количества инноваций). Данный тип графикации предполагает создание новых номинаций средствами одной графической системы. Монографикация реализуется в таком приёме, как капитализация, т. е. употребление в узальной лексеме прописных букв, иными словами, выделение части слова – сегмента – большими буквами [Беданкова, 2009, с. 64]. Проанализируем примеры.

Бургерная *БурЖуй*, ресторан *НостальГия*. В первом случае новый смысл эргониму придаёт капитальная буква *Ж*, которая служит для выделения частей *Бур* и *Жуй*. С одной стороны, название бургерной может трактоваться как лексема «буржуй». Данная социально-классовая категория знакома любому носителю языка, поэтому в сознании потребителей возникают ассоциации с престижностью заведения и высоким уровнем обслуживания. С другой стороны, вторая часть *Жуй* отсылает нас к специфике предприятия, т. е. бургерная – это место, где «жуют» бургеры.

Во втором случае название ресторана вызывает ассоциации у аудитории со словом «ностальгия». Через семантику нейма подчёркивается тоска по чему-либо. На сайте заведения отмечается, что «гости приходят каждый со своей “Ностальгией”. Кто-то за вкусной грузинской едой, кто-то за живой настоящей музыкой, кто-то посмотреть старый фильм» (<http://nostal-gia.ru/index/0-2>). Кроме того, номинатор с помощью капитальной буквы *Г* указывает на грузинское мужское имя *Гия*, которое выделено красным цветом. Использование цветографикации (манипулирования цветом) позволило неймерам сделать акцент на цветовую память адресата для большего воздействующего эффекта и идентификации заведения. Выбор оттенка отнюдь не случаен, так как красный фон символизирует энергию и лидерство. Таким образом, в названии отражается гастрономическая концепция места, указывается «национальность» заведения. Очевидно, что для создания данного названия имядатель совмещает в нём такие виды графикации, как монографикация и типографикация. Подобные эргонимы-новообразования составляют 2% от общего количества инноваций.

Как видно из примеров, употребление заглавной буквы в номинации делит её на две части и представляет адресату несколько вариантов прочтения эргонима. Капитализация направлена на создание неожиданных ассоциаций и связана с визуализацией информации.

Необходимо отметить, что в эргониме может выделяться как одна, так и несколько букв: *кафе Вкусный УголОК*. В названии кафе выделен элемент *ОК*. С его помощью имядатель обыгрывает внутреннюю структуру слова и формирует положительный имидж заведения, так как уменьшительно-ласкательный суффикс *-ок* созвучен английской лексеме *ОК* с семантикой 'всё хорошо'. Название кафе может быть воспринято потенциальными потребителями как «хорошее место». Кроме того, эргонимы могут указывать на способ приготовления еды (*кафе ДуХОвка*) и личностные качества адресата (*кафе-пиццерия ГУРман*). Выделенные сегменты в последних примерах не формируют у новообразований дополнительных лексических значений. На наш взгляд, использование капитализации в эргонимах *ДуХОвка* и *ГУРман* свидетельствует лишь о желании имядателей привлечь внимание потребителей к данным заведениям общественного питания.

В ономастическом пространстве современного города выделяются эргонимы-новообразования, созданные с помощью такой разновидности монографиксации, как архаизация написания. «Архаизация написания – это разновидность монографиксации, предполагающая подражание древнему написанию» [Попова, 2018, с. 243]: *бар-ресторан ТрактирЪ, ресторан КабанчикЪ, ресторан АБСОЛЮТЪ, ресторан НептунЪ, ресторан Старый ГородЪ, ресторан АДМИРАЛЪ, кафе БУФЕТЪ, кафе ГРАДЪ, кафе ЗИМНИЙ САДЪ, кафе Прощай, «товарищъ»*.

В городском пространстве эффективно функционируют номинации с прецедентной основой. Отмечается, что «в названиях нижегородских кафе широко используются прецедентные имена сферы “литература и искусство”» [Петрова, Семочкина, 2016, с. 362]. Один из таких примеров – *ресторан КРЫЛОВЪ*. Подобные эргонимы широко узнаваемы жителями, апеллируют к эстетическому чувству аудитории, позволяют реализовать имядателью ассоциативную игру, коннотируют смысл 'выдающийся', формируют интерес потенциальных клиентов к заведению. «Семантика эргонимов, основанных на прецедентных именах, содержит культурологическое наполнение, формируемое культурно значимыми концептами и ассоциациями» [Федотова, 2018, с. 100]. Таким образом, рекламисты активно включают в названия элементы дореволюционной кириллицы. Подобная орфография встречается очень часто в современной эргонимике Нижнего Новгорода и Нижегородской области, оказывает речевое воздействие на горожан, придаёт креативность графической записи, указывает на высокий уровень оказания услуги, ассоциируется с традиционностью и солидностью. «В целом употребление литер дореформенной кириллицы в эргонимах позволяет стилизовать наименования, создать иллюзию надёжности и верности традициям» [Пономаренко, Крыжановская, 2019, с. 182].

Графическим средством аттрактивного воздействия могут быть номинации, созданные с помощью п о л и г р а ф и к с а ц и и. В материале встретилось 21 употребление подобных единиц (47% от общего количества инноваций). Отмечается, что данный тип графиксации реализуется путём латинографиксации. «Производные, полученные путём полиграфиксации, имеют неоднородное графическое оформление: часть такого деривата передаётся латинской, часть – кириллической графикой» [Галактионов, Попова, 2011, с. 313]: *бар Зелье, бар Зажигалка, бар GaRaЖ, суши-бар Филадельфия, кафе Дым Индия, кафе Дали, кофейня Сказка*. Как видно из примеров, неймеры могут заменять кириллическую графему иноязычной. Она может находиться в любой части слова. В подобных примерах латиница выступает средством экспрессии, привлекает внимание потребителя, выделяет заведение среди множества подобных. Отметим, что в нижегородских эргонимах чаще всего копирайтеры используют графемы *z, d*, реже – *r, f*. По мнению учёных, «наиболее частотна в коммерческой номинации асемантическая графогибридизация: аттрактивная замена кириллических букв или буквосочетаний соответствующими латинскими» [Ремчукова, Соколова, 2019, с. 351].

Одним из приёмов, которым пользуются рекламисты для привлечения внимания потребителя, является замена части русского слова латинским шрифтом: *бар Бармен, кафе LoveAШ, бар BariN*. Подобные наименования не просто привлекают внимание адресата, но и заставляют его искать скрытые смыслы. Так, эргоним *Бармен* вызывает ассоциацию как со словом *бармен*, так и со словосочетанием *мужской бар* (от английского *man* 'мужчина'). Такой выбор нейма, вероятно, связан с тем, чтобы указать на тип заведения (бар) и половую принадлежность (место для мужчин). Двойная графика названия *LoveAШ* может трактоваться как 'любовь к лавашу'. Однако здесь можно увидеть не только английское слово *love* 'любовь', но и татарскую лексему *аш* 'еда, пища'¹. Таким образом, нейм указывает на специфику кухни и апеллирует к эмоциональному состоянию потребителя. Эргоним *BariN* может восприниматься как лексема «барин»,

¹ В перспективе интересно выяснить, у скольких потребителей возникает ассоциация с татарской лексемой.

указывающая на принадлежность к высшему сословию, так и на приглашение зайти «в бар» (*in* 'в') при переводе иноязычного элемента наименования. Любопытно название бара *Bar он*. Как видно из примера, нейм вызывает ассоциацию со словом «барон». Однако рекламисты представляют данную лексему в виде слова *Bar*, написанного латиницей, и местоимения *он*. Подобный эргоним становится средством привлечения внимания и передаёт два значения: высокий статус, элитарность («барон») и тип предприятия общественного питания (*Bar*). Такое деление слова на мнимые морфемы называется графоморфоактуализацией (бислешингом) [Попова, 2018].

Интерес вызывают неймы питейных заведений с элементом *BEER*: *ресторан-бар BEERлога*, *бар ШексBEER*. Выделенную часть *BEER* (в пер. с англ. 'пиво') можно рассматривать как отдельное слово, которое несёт в себе основную информативную функцию и связано с родом деятельности предприятия. По словам исследователей, «внутренняя форма слова изменяется так, чтобы потенциальный потребитель мог судить о сфере деятельности компании» [Кайгородова, Курбанова, 2012, с. 27]. Для большего воздействия на горожан рекламисты используют иноязычный суффикс фамилий *-off*: *кафе Блинкоff*. Кириллическая часть обозначает предлагаемые заведением блюда. Эргонимы-имитации выделяют фирму из ряда подобных, создают комический эффект, привлекают внимание потребителей.

Нельзя не отметить, что в современном городском пространстве встречаются наименования заведений общественного питания, в которых русские единицы полностью латинизированы: *ресторан BAZAR*, *ресторан VinoGrad*, *кафе Biblioteca*, *кафе Bereg*, *кафе Graf*, *кальян-бар Mesto Nevazhno*, *кальян-бар Boroda*, *бар Proletariat*. Появление подобных транслитерированных реверсиров может быть связано с влиянием глобализации, желанием повысить статус заведения в глазах потребителей, имитацией иноязычных названий, преодолением одноимённости с другими заведениями. Нельзя не согласиться с Е. Я. Титаренко, что «в случае если латиница полностью заменяет кириллицу, следует говорить о транслитерации» [Титаренко, 2018, с. 148]. Таким образом, «латиница выполняет прежде всего прагматические функции – привлекает внимание читателей за счёт необычного внешнего вида» [Замальдинов, 2017 а, с. 203].

Особую роль в реализации аттрактивного воздействия играют новообразования, созданные с помощью кодографиксации. Было найдено 8 единиц, образованных данным способом (18% от общего количества инноваций). Этот вид графикации предполагает создание новых номинаций «средствами разных кодовых систем, одна из которых не является естественно-языковой» [Попова, 2012, с. 204]. Частным случаем кодографикации является нумерографикация (1 пример): *ресторан EIlven* (=eleven – одиннадцать). Языковая игра основана на схожести графического начертания буквы с цифрой. С помощью эргонимов-нумераторов рекламисты привлекают внимание потребителей, стремятся передать им максимум информации при минимальном количестве знаков.

В структуре названия может находиться амперсанд (&) – графическое сокращение латинского союза *et* 'и': *ресторан Соль&Перец*, *пиццерия Паста&Пицца*, *кафе Bruce&Lee*, *кафе Butch&Dutch*, *кафе Plov&Go*, *кофейня Cake&Pie*, *суши-бар City&Sushi*. Как видно из примеров, амперсанд используется в качестве соединительного элемента. По мнению И. В. Высоцкой, «в русском тексте он заменяет состоящий из одной буквы соединительный союз *и* или употребляемое обычно в вывесках тире <...> и служит, таким образом, только “крючком”, который призван “зацепить” потенциального потребителя рекламы» [Высоцкая, 2011, с. 113].

3. Выводы [Conclusion]

Таким образом, можно констатировать, что языковая жизнь города является особым лингвокультурологическим феноменом. Для языка города важна функция привле-

чения внимания к городским объектам. Она обеспечивает эмоциональное отношение потенциальных потребителей к предприятиям, оказывающим услуги. Поэтому за созданием запоминающегося наименования владельцы компаний обращаются в нейминговые агентства. Изобретая эргоним, имядатели пытаются заинтересовать потребителя, вступить с ним в диалог, вызвать положительную реакцию у адресата.

В фокусе внимания настоящего исследования находились исключительно трапезонимы Нижнего Новгорода и Нижегородской области в связи с повышенным интересом к культу еды в обществе, обусловленным открытием новых компаний и развитием туристического бизнеса. Для создания информативного и нестандартного названия номинаторы используют разнообразные языковые средства. В ходе исследования было выявлено, что в качестве продуктивного способа воздействия на потребителя выступают инновации, образованные путём графического словообразования. Наиболее частотными оказались такие типы графикации, как монографикация (33%), полиграфикация (47%) и кодографикация (18%). Кроме того, для большего воздействия на потребителя адресанты иногда совмещают несколько видов графического словообразования в одном эргониме (2%). Эргонимы-новообразования, созданные с помощью графикации, привлекают внимание адресата, легко запоминаются, обладают выразительностью и нестандартностью. Подобные номинации в основном мотивированы наименованием блюд, «национальностью» заведения, способом приготовления еды.

В дальнейшем представляется целесообразным выявление новых видов графикации в исследуемом материале, глубокое изучение эргонимов-новообразований с цветовыми компонентами, расширение картотеки эргонимов.

Список литературы

- Беданоква, 2009 – Беданоква З. К. Графическая игра в современной российской рекламе с позиций прагматики // Вестник Пятигорск. гос. лингв. ун-та. 2009. № 3. С. 64–69.
- Вепрева, 2019 – Вепрева И. Т. Современный эргонимикон: в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 168–179.
- Высоцкая, 2011 – Высоцкая И. В. Прецедентные феномены в современной рекламе // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 112–116.
- Галактионов, Попова, 2011 – Галактионов А. П., Попова Т. В. Морфемные типы номинативных полиграфикатов-симплексов в современном русском языке // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5-1. С. 313–317.
- Замальдинов, 2017 а – Замальдинов В. Е. Ключевые элементы в современном медийном словотворчестве // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 199–204.
- Замальдинов, 2017 б – Замальдинов В. Е. Новообразования в современных СМИ как сигналы речевого воздействия // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации / под ред. А. В. Полонского, М. Ю. Казак, С. В. Ушаковой. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 293–297.
- Зуева, 2017 – Зуева Т. А. Эргонимическая номинация в аспекте эффективности её восприятия // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2017. № 15. С. 120–128.
- Иссерс, 2018 – Иссерс О. С. Между узнаваемостью и креативом: фрейминг как инструмент создания коммерческого имени // Лингвистика креатива-4 / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. С. 75–103.
- Кайгородова, Курбанова, 2012 – Кайгородова И. Н., Курбанова М. Г. К вопросу о функции языкового воздействия эргонимов // Гуманитарные исследования. 2012. № 1 (41). С. 25–29.
- Кара-Мурза, 2011 – Кара-Мурза Е. С. Нейминг как одна из креативных стратегий рекламы // Человек в информационном пространстве / под ред. Н. В. Аниськиной. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2011. С. 227–235.
- Мань, 2019 – Мань Ш. Стратегии называния магазинов в Китае и России // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 1. С. 64–76.

- Никулкина, 2020 – Никулкина О. Г. Ономастическое пространство повести А. П. Чехова «Дуэль» (к 160-летию со дня рождения писателя) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 2. С. 95–108.
- Петрова, Семочкина, 2016 – Петрова Н. Е., Семочкина А. О. Культурный контекст эргонимов Нижнего Новгорода (на примере названий кафе) // Ономастика Поволжья / под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас-Саров: Интерконтакт, 2016. С. 359–362.
- Пономаренко, Крыжановская, 2019 – Пономаренко И. Н., Крыжановская В. А. Современный эргоним: основные тенденции в нейминге // Учёные записки Крымского фед. ун-та им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71), № 3. С. 176–186.
- Попова, 2018 – Попова Т. В. Новое в изучении графодеривации // Лингвистика креатива-4 / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2018. С. 229–269.
- Попова, 2012 – Попова Т. В. Современные графо-орфографические игры: коммуникативные удачи и неудачи (на материале графиксатов русского языка рубежа XX–XXI вв.) // Лингвистика креатива-2 / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2012. С. 199–233.
- Ремчукова, Соколова, 2019 – Ремчукова Е. Н., Соколова Т. П. Лингвокреативные тенденции в сфере городской номинации // Русский язык в поликультурном мире / отв. ред. Е. Я. Титаренко. В 2-х т. Т. 1. Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. С. 348–353.
- Рудницкая, 2017 – Рудницкая Л. И. Об аттрактивной функции коммерческих номен и товарных знаков в русском языке // Современные информационные и коммуникативные технологии в глобальном мире: вызовы и возможности / под ред. Л. В. Савченко. Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. С. 359–362.
- Титаренко, 2018 – Титаренко Е. Я. Графогибридизация: языковая игра или манипуляция? // Русский язык в поликультурном мире / отв. ред. Е. Я. Титаренко: сб. науч. статей. В 2-х т. Т. 2. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 147–159.
- Федотова, 2018 – Федотова Т. В. Источники эргонимической номинации // Научный вестник Южного ин-та менеджмента. 2018. № 2 (22). С. 98–104.
- Шарифуллин, 2014 – Шарифуллин Б. Я. Общая характеристика речевой ситуации в российском городе начала XXI века // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1 (2). С. 67–85.
- Шевченко и др., 2019 – Шевченко Д. А., Полякова Н. С., Шарян Э. Г. Бренд-менеджмент: теория и практика. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2019. 178 с.
- Шмелёва, 2019 – Шмелёва, Т. В. Аттрактивность городского имени: заведение еды // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2019. Т. 1, № 1. С. 117–126.

UDC 811.161.1

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_35_43

Vladislav E. Zamaldinov
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia
Nizhny Novgorod, Russian Federation
zvlad-nn@yandex.ru

Creative naming of Nizhny Novgorod public catering establishments: Graphic aspect

Abstract

The purpose of the research is to analyze the creative naming of Nizhny Novgorod public catering establishments (restaurants, cafes, bars, burgers, coffee shops, pizzerias) from the point of view of graphics. The source of the material for the study was the personal card index of ergonyms. During the course of study, the following research methods were applied: general scientific method, particularly generalization, interpretation and classification of material, word-formation analysis and pragmatic analysis. It was discovered that

innovations created by means of graphic hybridization act as a productive way of influencing the consumer. Ergonyms-innovations are easy to remember, have expressiveness, form positive associations, identify the institution. The analysis of the material showed that the most productive patterns of graphic hybridization were monographixation (33%), polygraphixation (47%) and tographixation (18%). It is noted that for a more powerful impact on the recipient, the nominators combine different patterns in one ergonym (2%).

Keywords: naming, catering, graphic hybridization, monographixation, typographixation, polygraphixation, tographixation.

© Zamaldinov V. E. 2021

For citation: Zamaldinov V. E. (2021). Kreativnyy neyming nizhegorodskikh zavedeniy obshchestvennogo pitaniya: graficheskiy aspekt [Creative naming of Nizhny Novgorod public catering establishments: Graphic aspect]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 35–43. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_35_43.

References

- Bedanokova, Z. K. (2009). Graficheskaya igra v sovremennoy rossiyskoy reklame s pozitsiy pragmatiki [The graphic game in modern Russian advertising from the pragmatics stand-point]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin], 3, 64–69.
- Vepreva, I. T. (2019). Sovremennyy ergonimikon: v poiske novykh form vyrazheniya [Modern Russian ergonymy: in search for new forms]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 16 (4), 168–179.
- Vysotskaya, I. V. (2011). Pretsedentnye fenomeny v sovremennoy reklame [Precedent phenomena in modern advertising]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 6 (2), 112–116.
- Galaktionov, A. P., Popova, T. V. (2011). Morfemnye tipy nominativnykh poligrafiksatsiy-simpleksov v sovremennom russkom yazyke [Morphemic structure of simple nominative poligraphically combined words in modern Russian]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 5 (1), 313–317.
- Zamal'dinov, V. E. (2017 a). Klyuchevye elementy v sovremennom mediynom slovtvorchestve [Key elements in contemporary media word coinage]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 1, 199–204.
- Zamal'dinov, V. E. (2017 b). Novoobrazovaniya v sovremennykh SMI kak signaly rechevogo vozdeystviya [Innovations in modern media as signals of speech influence]. In A. V. Polonskiy, M. Yu. Kazak, S. V. Ushakova (Eds), *Diskursologiya i mediakritika sredstv massovoy informatsii* [Discourse studies and media criticism media] (pp. 293–297). Belgorod: publishing house “Belgorod” NIU “BelGU”.
- Zueva, T. A. (2017). Ergonimicheskaya nominatsiya v aspekte effektivnosti eyo vospriyatiya [Ergonomically nomination in the aspect of the efficiency of its perception]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti* [Psycholinguistic aspects of the study of speech activity], 15, 120–128.
- Issers, O. S. (2018). Mezhdru uznavaemost'yu i kreativom: freyming kak instrument sozdaniya kommercheskogo imeni [Between recognition and creativity: framing as a tool for creating a commercial name]. In T. A. Gridina (Ed.), *Lingvistika kreativa-4* [Creative linguistics-4] (pp. 75–103). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
- Kaygorodova, I. N., Kurbanova, M. G. (2012). K voprosu o funktsii yazykovogo vozdeystviya ergonimov [On the question of the function of the language influence of ergonyms]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitaria Studia], 1 (41), 25–29.
- Kara-Murza, E. S. (2011). Neyming kak odna iz kreativnykh strategiy reklamy [Naming as one of the creative advertising strategies]. In N. V. Anis'kina (Ed.), *Chelovek v informatsionnom prostranstve*

- [A person in the information space] (pp. 227–235). Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.
- Man, Sh. (2019). Strategii nazyvaniya magazinov v Kitae i Rossii [Store name strategies in China and Russia]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (1), 64–76.
- Nikulkina, O. G. (2020). Onomasticheskoe prostranstvo povesti A. P. Chekhova «Duel» (k 160-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya) [Onomastic space of A.P. Chekhov's novella "Duel" (to the 160th anniversary of the writer)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (2), 95–108.
- Petrova, N. E., Semochkina, A. O. (2016). Kul'turnyy kontekst ergonimov Nizhnego Novgoroda (na primere nazvaniy kafe) [Cultural context of ergonyms of Nizhny Novgorod (through the example of café names)]. In L. A. Klimkova, V. I. Suprun (Eds), *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics Of The Volga Region] (pp. 359–362.). Arzamas-Sarov : Intercontact.
- Ponomarenko, I. N., Kryzhanovskaya, V. A. (2019). Sovremennyy ergonim: osnovnye tendentsii v neyminge [Actual ergonym: the main trends in naming]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], 5 (71), 3, 176–186.
- Popova, T. V. (2018). Novoe v izuchenii grafoderivatsii [New in the study of graphoderus]. In T. A. Gridina (Ed.), *Lingvistika kreativa-4* [Creative linguistics-4] (pp. 229–269). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
- Popova, T. V. (2012). Sovremennye grafo-orfograficheskie igry: kommunikativnye udachi i neudachi (na materiale grafiksatsov russkogo yazyka rubezha XX–XXI vv.) [Modern grapho-graphic games: communicative good luck and bad luck (based on the material of russian graphsats of the turn of the XX–XXI centuries.)]. In T. A. Gridina (Ed.), *Lingvistika kreativa-2* [Creative linguistics-2] (pp. 199–233). Yekaterinburg : Ural State Pedagogical University.
- Remchukova, E. N., Sokolova, T. P. (2019). Lingvokreativnye tendentsii v sfere gorodskoy nominatsii [Linguistic and creative trends in the urban category]. In E. Ya. Titarenko (Ed.), *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [Russian in a multicultural world] (pp. 348–353). Simferopol : IT "Arial".
- Rudnitskaya, L. I. (2017). Ob attrakivnoy funktsii kommercheskikh nomenov i tovarnykh znakov v russkom yazyke [On the attractant function of commercial nomens and trademarks in Russian language]. In L. V. Savchenko (Ed.), *Sovremennye informatsionnye i kommunikativnye tekhnologii v global'nom mire: vyzovy i vozmozhnosti* [Modern information and communication technologies in the global world: challenges and opportunities] (pp. 359–362). Simferopol : IT "Arial".
- Titarenko, E. Ya. (2018). Grafogibridizatsiya: yazykovaya igra ili manipulyatsiya? [Graphocephala: language game or a manipulation?]. In E. Ya. Titarenko (Ed.), *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [Russian in a multicultural world] (pp. 147–159). Simferopol : IT "Arial".
- Fedotova, T. V. (2018). Istochniki ergonimicheskoy nominatsii [Ergonomical nomination sources]. *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta* [Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management], 2 (22), 98–104.
- Sharifullin, B. Ya. (2014). Obshchaya kharakteristika rechevoy situatsii v rossiyskom gorode nachala XXI veka [Description of a linguistic situation in a russian city at the beginning of the XXI st century]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communication Practice], 1 (2), 67–85.
- Shevchenko, D. A., Polyakova, N. S., Sharyan, E. G. *Brend-menedzhment: teoriya i praktika* [Brand-managment: theory and practice]. Moscow.
- Shmelyova, T. V. (2019). Attraktivnost' gorodskogo imeni: zavedeniya edy [The attractiveness of the urban name: food outlets]. *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*, 1 (1), 117–126.

Кортенко Людмила Васильевна,
Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация
mikroraionEkb@yandex.ru

Смолякова Светлана Вячеславовна, Кортенко Ксения Сергеевна
Гимназия № 13
г. Екатеринбург, Российская Федерация
svsmol@mail.ru

Особенности функционирования антропонимов в рассказах А.П. Чехова

Аннотация

Цель исследования – изучить роль имён собственных в рассказах А. П. Чехова, определить значимость сочетаний имён нарицательных с именами собственными в раскрытии авторской позиции и создании юмористического эффекта, а также рассмотреть характерные словообразовательные модели анализируемых антропонимов. В ходе изучения теоретических вопросов искусственных и естественных имен, практических примеров ономастики и антропонимики в экспериментальном материале были конкретизированы функции сочетаний нарицательных существительных с именами собственными. Они являются частью художественного замысла, несут идейно-содержательное значение и в концентрированном виде передают смысл, структуру, содержание произведений. Сочетания имён собственных и нарицательных характеризуют стиль писателя. В исследуемых произведениях имена нарицательные содержат прямое указание на статус, должность, чин, а имена собственные метафорически характеризуют героя, выделяя доминанту его личности и передавая авторскую оценку образа. Лингвистический анализ показал, что чаще всего фамилии героев в рассказах А. П. Чехова образованы суффиксальным способом от имён нарицательных и являются результатом словотворчества автора, ещё одним способом неявной оценки героев. В словосочетаниях у Чехова собственные и нарицательные имена и взаимосвязаны, и контрастируют.

Ключевые слова: А. П. Чехов, языковые средства, суффиксация, сочетание собственных и нарицательных имен, существительное.

© Кортенко Л. В., Смолякова С. В., Кортенко К. С. 2021

Для цитирования: Кортенко Л. В., Смолякова С. В., Кортенко К. С. Особенности функционирования антропонимов в рассказах А. П. Чехова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 44–56. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_44_56.

1. Введение [Introduction]

Поводом для написания статьи послужило 120-летие избрания А. П. Чехова почётным академиком РАН по разряду изящной словесности, образцами которой, несомненно, являются его рассказы. Актуальность обращения к ним удачно сформулирована Н. И. Казаковой: «Контрасты эпохи Чехова – это контрасты нашего времени» [Казакова, 2010]. За внешней простотой сюжетов Антона Павловича скрывается загадка смысла. Разгадать эту загадку помогает русский язык, а именно те языковые элементы, которые создают текстовую ткань произведения. Например, какую роль играют сочетания имён собственных и нарицательных в рассказах Чехова? Как причудливое сплетение этих слов способствует передаче авторской оценки героев, его авторской позиции?

В рассказах Чехова очень частотны говорящие фамилии – имена собственные, являющиеся смысловыми сигналами, и чаще всего они употребляются в сочетании с именами нарицательными. Попробуем осмыслить роль имён собственных в текстовой ткани рассказов А. П. Чехова, понять значимость сочетаний имён нарицательных с именами собственными в создании юмористического эффекта, определить особенности словообразования имён собственных, функции словосочетаний нарицательных существительных с именами собственными.

Л. А. Новиков писал: «Слово в речи обладает способностью обобщать и в то же время обозначать индивидуально неповторимое» [Новиков, 1982, с. 5]. Роль имён собственных в художественных текстах изучали многие отечественные учёные. Относительность границ между нарицательной и ономастической лексикой рассматривал В. Д. Бондалетов [Бондалетов, 1983, с. 28–29]. На разные степени лексической абстракции нарицательных и собственных имен указывал А. А. Реформатский [Реформатский, 1996, с. 28]. Он также иллюстрировал переход собственных имён в нарицательные, и наоборот [Реформатский, 1996, с. 38]. Первый отечественный лингвистический словарь, дополненный ономастическими терминами, подготовила Н. В. Подольская [Подольская, 1988, с. 5–6]. Сравнению степени семантической имён собственных и нарицательных уделено внимание в исследовании Е. С. Плешкова [Плешков, 2017, с. 73]. А. В. Суперанская [Суперанская, 1979] определила значение и место ономастической лексики в системе языка и дала структурно-семантическую и функциональную характеристику онимов русского языка. Внимание к функциональной стороне имён собственных позволило ей выделить свойственные им функции. Значение сочетаний искусственных и естественных имён¹ на материале трилогии нашего времени изучено Н. В. Ланге [Ланге, 2016]. Нельзя не согласиться с М. В. Голомидовой в том, что «Искусственная номинация выступает <...> в роли стимулятора, помогающего высвобождению языковой «энергии» и ускорению языковой динамики» [Голомидова, 1998].

В отношении творческого наследия А. П. Чехова исследователи анализируют лингвистические особенности его отдельных произведений. Например, семиотический аспект ономастики рассказа «Враги» рассмотрен Е. А. Пономаренко [Пономаренко, 2017]; полиаспектный лингвистический анализ ономастики рассказа «Смерть чиновника» проведён М. Р. Милудом [Милуд, 2018]. Глубокий анализ эстетической характеристики фамилий и имён, основанный на обширном иллюстративном материале рассказов А. П. Чехова, выполнен В. В. Громовой [Громова, 1988]. Между тем, значимое соотношение собственных имен и нарицательных существительных в рассказах А. П. Чехова ещё не являлось предметом отдельного лингвистического исследования.

В творческом наследии Чехова сочетания нарицательных существительных и собственных выполняют особую функцию, становятся необходимой составляющей художественного замысла автора и в концентрированном виде передают смысл, структуру и содержание всего произведения, в том числе создают юмористический эффект. Цель настоящего исследования – изучить роль имён собственных в рассказах А. П. Чехова, определить значимость сочетаний имён нарицательных с именами собственными в раскрытии авторской позиции и создании юмористического эффекта.

2. Антропонимы в текстовой ткани рассказов А. П. Чехова

[Anthroponyms in the textual fabric of A. P. Chekhov's short stories]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для настоящего исследования послужило 30 рассказов и одна повесть А. П. Чехова. Из них методом сплошной выборки было отобрано 122 контекста,

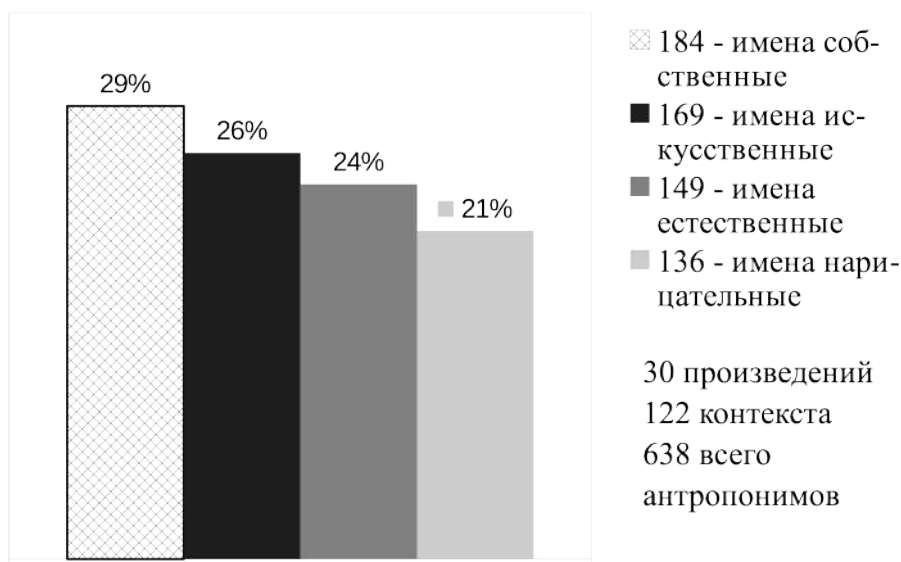
¹ Под естественными именами понимаются имена, данные при рождении; под искусственными именами понимаются прозвища, ситуативные эмотивные проприальные единицы, имена-легенды [Ланге, 2016, с. 123].

содержащих 638 антропонимов. В числе выбранных для анализа антропонимов литературного наследия А. П. Чехова оказались следующие произведения: «Брожение умов», «Вверх по лестнице», «Визитные карточки», «В пансионе», «В Париж!», «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь», «ЗАКУСКА (приятное воспоминание)», «Затмение луны (из провинциальной жизни)», «Клевета», «Контрабас и флейта», «Крыжовник», «Лев и Солнце», «Мнения по поводу шляпной катастрофы», «На чужбине», «Ниночка (роман)», «Новейший письмовник», «Новогодние великомученики», «Орден», «Первый любовник», «Перед свадьбой», «Психопаты (сценка)», «Случай из практики», «Случай с классиком», «Староста (сценка)», «Тапёр», «Толстый и тонкий», «Три года», «Унтер Пришибеев», «Учитель», «Экзамен на чин».

В настоящем исследовании для решения поставленных задач использовались методы лингвистики: описательный для характеристики функционирования антропонимов и интерпретации оказываемого ими воздействия на читателей; контекстуальный анализ для выявления механизмов функционирования имён нарицательных и собственных, искусственных и естественных; компонентный анализ для характеристики словообразовательных моделей проанализированных антропонимов. В результате применения статистических методов обработки данных были получены количественные показатели, репрезентирующие частотность изучаемых особенностей функционирования антропонимов в масштабе приведённой выборки.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В данном разделе приведём результаты количественной обработки антропонимов по вышеуказанным признакам и представим анализ примеров. Статистика общего количества изученных антропонимов, их число и процент по четырём основным видам представлены в диаграмме на рисунке 1.

Р и с у н о к 1. Статистика количества изученных антропонимов по их видам в сплошной случайной выборке

Figure 1. Statistics on anthroponyms according to their types

Всего в материале было выделено 638 антропонимов, в среднем по четыре контекста в каждом рассказе. Найденные антропонимы, в соответствии с целью исследования, классифицировались по двум признакам: 1) имя собственное или нарицательное, 2) имя естественное или искусственное. Примеры распределения антропонимов по указанным признакам для некоторых персоналий (героев рассказов) приведены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Некоторые примеры из произведений А. П. Чехова

Table 1. Some examples from Chekhov's works

Имя собственное искусственное, всего 120 из общей выборки (38%)	Имя нарицательное естественное, всего 87 из общей выборки (27%)	Имя нарицательное искусственное зачастую сопровожаемое семантическим рядом, всего 49 выборки (15%)	Имя собственное естественное, всего 62 из общей выборки (20%)
<i>Лампадкин</i> [Чехов, 1985, с. 48]	<i>учитель</i> [Чехов, 1985, с. 48]	<i>ноль</i> [Чехов, 1985, с. 48]	<i>Илюшка</i> [Чехов, 1985, с. 48]
<i>Грязнов</i> [Чехов, 1985, с. 48]	<i>секретарь</i> [Чехов, 1985, с. 48]	<i>похож на палку</i> [Чехов, 1985, с. 48]	<i>Вася</i> [Чехов, 1985, с. 48]
<i>Поджаров</i> [Чехов, 1985, с. 288]	<i>актер</i> [Чехов, 1985, с. 288]	<i>jeune premier</i> (франц. - первый любовник) [Чехов, 1985, с. 288]	<i>Евгений Алексеевич</i> [Чехов, 1985, с. 288]
<i>Алексейч Нянин</i> [Чехов, 1984, с. 159]	<i>титularный советник</i> [Чехов, 1984, с. 159], <i>старик</i> [Чехов, 1984, с. 160]	<i>служивший</i> [Чехов, 1984, с. 159]	<i>Семён</i> (как сеятель семян) [Чехов, 1984, с. 159]
<i>Андреич Бруни</i> [Чехов, 1985, с. 217]	<i>хозяин</i> [Чехов, 1985, с. 217], <i>немец</i> [Чехов, 1985, с. 220]	<i>человек</i> [Чехов, 1985, с. 217]	<i>Адольф</i> [Чехов, 1985, с. 217]

Сокращённые отчества «*Матвеевич*», «*Серационыч*», «*Федорыч*», «*Капитоныч*», «*Венедиктыч*», «*Захарыч*» и другие (всего 8 из общей выборки или 1% всех изученных антропонимов), не приведённые в таблице, были отнесены к именам собственным искусственным, поскольку Антон Павлович Чехов намеренно использовал их ошибочные написания.

В той же выборке из 638 антропонимов в 122 контекстах было обнаружено 67 (11%) общих распространённых в России имён, раскрывающих сущность героев и звучащих им в унисон: *Александровна*, *Пётр*, *Иван Иванович*, *Никита*, *Алексей*, *Иван*, *Константин*, *Гриша* и т. д.

Имён собственных, образованных от нарицательных существительных, было выявлено 79 (или 12%), например, «*Геморрой Лодкин*», «*Франц Антр-Ну-Суади*» («entre nous soit dit» – «между нами, кстати», фр.), «*Эраст Кринолинович*», «*Дизентерия*», «*Дьявол*» и т. д.

Итак, взаимоотношения главных героев рассказа «Вверх по лестнице» лаконично раскрываются в нескольких фразах: *На этом вечере он, между прочим, к великому своему удивлению, встретил студента-юриста Щепоткина, бывшего лет пять тому назад репетитором его детей* [Чехов, 1984, с. 18]. Очевидно, что статус студента-юриста Щепоткина, служащего при Подоконникове, незначителен, так как, во-первых, он до сих пор не юрист, а полу-студент, полу-юрист; во-вторых, на это указывает «говорящая» фамилия: щепотка – это умещающееся между двух пальцев (а не в горсти или в горке); в-третьих, «*служащий при*» означает, что он не занимает своего собственного служебного положения и делает что-то при Подоконникове, служащем начальственной должности, но при этом также (что показано ещё одной «говорящей» фамилией) находящемся в зависимом положении. Употребление сочетаний имён собственных и нарицательных позволяет автору подчеркнуть незначительность персонажа. «*Студент-юрист Щепоткин, служащий при Подоконникове*» становится комической фигурой, несёт идею тщетности карьерных усилий. Обратим внимание и на другие примеры употребления сочетаний собственных и нарицательных существительных в рассказе «Вверх по лестнице»:

– *провинциальный советник Долбонос* занимает должность в провинции, действует настойчиво и слишком прямолинейно ('долбит носом');

– *статс-секретарь Лодкин* – герой, с которым ищут знакомства, потому что он является своеобразным проводником в общество людей, более высоких чином;

– *князь Фингалов* даёт вечер, на который попадает провинциальный советник Долбонос. Наричательное существительное «князь» и собственное «Фингалов» дают парадоксальное сочетание высокого и низкого, создают комический эффект. Именно эти два слова в совокупности уже говорят о бессмысленности и пустоте того карьерного роста, который совершают герои рассказа.

Комично выглядит стремление провинциального советника совершить карьерное восхождение «в Питере» за счёт знакомства со студентом-юристом Щепоткиным, бывшим лет пять тому назад репетитором его детей. Мысленное движение героя «вверх по лестнице» происходит тогда, когда студент Щепоткин перечисляет свои знакомства, хвастаясь родовитым окружением. Таким образом, название рассказа «Вверх по лестнице» обретает ироничный смысл.

Чаще всего сочетания имён собственных и нарицательных выявляют в героях несоответствие внутреннего содержания личности и внешнего статуса. Эта художественная функция сочетаний позволяет расшифровать смысл рассказа А. П. Чехова «Орден». Рассмотрим ряд деталей: *обитал рядом со своим другом, направил свои стопы к последнему, обедает у купца, ехал на извозчике, чужой Станислав отливал на груди – это всё про учителя военной гимназии, регистратора Пустякова* [Чехов, 1983, с. 302]. Фамилия учителя военной гимназии коллежского регистратора Пустякова говорит о незначительности этой личности, хвастливости и завистливости, желанию казаться не тем, кто он есть на самом деле. «После обеда Пустяков ходил по всем комнатам и показывал барышням орден. На душе у него было легко, вольготно, хотя и пощипывал под ложечкой голод», – таково ощущение героя, надевшего чужой орден и убедившегося в правильности своих действий, когда на сослуживце тоже увидел чужой орден. Беспокоило героя только одно: «Я бы Владимира нацепил. Эх, не догадался!» Состояние «совершенного счастья», в котором находился Пустяков, говорит о соотнесённости фамилии с доминантой этого образа.

Поручик Леденцов – ещё одно сочетание имени собственного нарицательного существительного. Что за ним стоит? Поручик – невысокий военный чин, Леденцов – ассоциативно эта фамилия связана с такими свойствами, как простота, неприязательность, легкомысленность. Это человек, с которым можно «ударить по рукам», однако он не видит ценности имеющегося у него ордена и легко отдаёт его приятелю для блеска и хвастовства.

Ничтожность людей, стремящихся присвоить чужие заслуги, подчёркивается и фамилией *купца Спичкина*, лишённой поэтичности. Герой любит приглашать на обеды гостей с орденами, яркими и блестящими, как подчёркивает автор, чтобы свою будничную жизнь сделать значительнее. Как отмечает Е. С. Мельникова, «почти в каждом имени, фамилии героя – целая биография, целый портрет, глубинный и в то же время зримый подтекст, ведь читатель, поняв подтекст имени, обогащает своё восприятие образа. Так, характеры чиновников <...> *Невыразимов, Любостяжаев, Червяков, Дрянковский* (лесть, корыстолюбие, чинопочитание, подлость, жадность)» [Мельникова, 2019].

Произведение «Толстый и тонкий» интригует уже своим названием. Оно состоит из субстантивированных прилагательных, обозначающих два типа людей, одновременно называющих двух главных героев. Иногда нам кажется, что «толстый» и «тонкий» – их собственные имена:

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он

съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... [Чехов, 1983, с. 251];

Нет, милый мой, поднимай повыше, – сказал толстый. – Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею [Чехов, 1983, с. 251].

В именах членов семьи «тонкого» много книжного, неестественного. Тем смешнее подобная претензия на избранность выглядит на фоне прозаической картины встречи бывших гимназистов одного класса на вокзале. По именам *Порфирий* (греческое происхождение, в переводе означает «философ»), *Луиза*, жена героя, *Нафанаил*, сын героя, можно подумать, что семейство очень знатное и почитаемое людьми. Но после того как «тонкий» рассказывает о себе и сам даёт оценку своему положению в обществе, имена собственные членов семейства начинают играть совсем другими красками и, по нашему мнению, их можно интерпретировать исходя из смысла и ассоциаций, вызываемых звуковыми рядами: Луиза – «ненастоящая, не русская, на иностранный манер»; Нафанаил – «инфантильный, ребячливый».

Имя «толстого» – Миша, и в этом автор поддерживает противопоставление между героями, так как имя говорит о простоте и незнатности. Ассоциативно слово *Миша* может связываться с рядом определений: большой, основательный, влиятельный, может быть, в чём-то неповоротливый, но в деле усердный и решительный, достигающий многого человек. Узнав должность Миши, семейство «тонкого» испытывает крайнюю степень потрясения и начинает подобострастно лебезить (*ваши превосходительство, захихикал ... съёживаясь* и т. п.), вызывая отвращение у толстого (*поморщился*). По реакции семьи «тонкого» понятно, что Антон Павлович просто «назвал вещи своими именами» – показал недостаточность, ущербность, слабость «тонкого» на фоне силы, полнокровности, успешности «толстого».

Рассказ «Лев и Солнце» – ещё один пример чеховского названия, в котором имена нарицательные становятся именами собственными главных героев и несут в себе двойную смысловую нагрузку, раскрывая несоответствие скудного внутреннего содержания личности и стремления к внешнему статусу, высоким чинам, признания в обществе. Некоторые примеры текста: *Рахат-Хелам, громадный азиат с длинным бекасиным носом, с глазами навывкате и в феске, сидел на полу и рылся в своём чемодане*; «Один только городской голова, Степан Иванович Куцын, узнав от секретаря управы о приезде восточного человека, задумался и спросил: – Куда он едет?» [Чехов, 1985, с. 395].

По фамилии городского головы Куцына нетрудно догадаться, что он «куцый», и мы можем интерпретировать значение его фамилии так: «неуверенный в себе, потрепанный жизнью, пронырливый, скудный», но знающий при этом, как достичь желаемого и действующий *голова*, то есть глава города. Иностранная фамилия *знатного перса сановника Рахат Хелама* производит неизгладимое впечатление на Куцына, решающего для себя, что это важная птица, которую можно использовать для достижения своих меркантильных целей, а именно для осуществления страстной, заветной мечты – получения ордена Льва и солнца без сражений и жертвования, но при удобном случае [Чехов, 1985, с. 395].

В произведении Чехова «Контрабас и флейта» мы снова встречаемся с подобной игрой слов, когда нарицательные существительные становятся почти собственными, беря на себя функцию характеристики героя в рамках одного слова.

Музыкант *Иван Матвейч*, играющий на флейте, ожидаемо милый, очень образованный, рассудительный и вежливый человек, во всем подходящий изящным классическим стандартам культуры и мирового искусства. Даже его имя и отчество звучат мягко, начинаются с закрытого гласного звука «и», похожего на негромкое звучание флейты. Об этом же писала Л. Е. Азарова: «Язык произведений Чехова отличается музыкальностью, которая достигается, разумеется, языковыми средствами. Он как бы наполняет

текст звуками, для этого им используются особые языковые средства и их комбинаторика» [Азарова, 2011, с. 84].

Другой герой *Пётр Петрович* – *высокий, длинноногий блондин, с большой стриженной головой, в неуклюжем, короткохвостом фраке. Говорит он глухим басом; когда ходит, то стучит; чихает и кашляет так громко, что дрожат стёкла* [Чехов, 1984, с. 190]. Внешность героя явно соотносима с большим, трудно передвигаемым инструментом, имеющим низкое звучание. В фонетическом звучании имени *Пётр Петрович* присутствует большое количество препятствующих, тормозящих произношение, рычащих согласных. Чехов в 26% употребления антропонимов наделяет своих героев распространёнными именами, не выделяющими их из окружения. Казалось бы, распространённые имена у Чехова начинают звучать в унисон с героями, а нарицательные существительные, называющие предметы, переходят в разряд абстрактных, характеризуя тип личности, и обретают значение собственных имён существительных (31% антропонимов из сплошной выборки по его произведениям образованы таким способом). 41% фамилий у героев А. П. Чехова имеют искусственную природу и через ассоциативный ряд передают авторскую оценку характера их характера.

Произведение А. П. Чехова «Новогодние великомученики» очень интересно с точки зрения расшифровки нарицательных и собственных существительных, называющих людей. Обратимся к примерам: *У одного из подъездов на тротуаре лежит прилично одетый человек в бобровой шубе и новых резиновых калошах... Возле его мертвецы бледного, свежесвыбритого лица валяются разбитые очки. Шуба на груди распахнулась, и собравшаяся толпа видит кусочек фрака и Станислава третьей степени. Грудь медленно и тяжело дышит, глаза закрыты...* [Чехов, 1984, с. 279]. Это описание главного героя – титулярного советника Синклетева. Важную смысловую роль играет должность «титулярный советник», наверно, поэтому для поддержания своего титула и звания он считает своей обязанностью отобедать у всех знатных знакомых на Новый год. *Титулярный советник Синклетев* побывал у всех важных личностей: *Лиходеева, Обдеухова, Пелагеи Емельяновны, Изюмова, Кошкина, Карл Карлыча, Ляпкина, Дарьи Никодимовны, Курдюкова, Порошкова, Шиллера, Дунькина, Рыжкова*. Среди скопления этих имён собственных смешно звучащие фамилии, не менее смешно звучащие имена и отчества, показывающие хаотичность, беспорядочность личных связей советника Синклетева, не понимающего роли этих людей в его жизни. Это впечатление создаётся плотностью употребления имён собственных со странным фонетическим и ассоциативным звучанием, формирующим какофонию звуков и образов.

В произведении «Визитные карточки» мы находим целое собрание сочетаний нарицательных и собственных существительных в виде подписей на визитных карточках, созданных, конечно, не без присущего Чехову юмора и глубокого подтекста: *Графская корона. Под нею буквы не то в готическом, не то в пошехонском стиле: «Потомственный почётный гражданин Клим Иванович Оболдеев»; «Савватий Паникадилович Пищик-Заблудовский, член общества покровительства животным, агент страхового от огня общества «Саламандра», корреспондент журнала «Волна», комиссионер по продаже швейных машин Зингера и Комп. и проч.* [Чехов, 1984, с. 283]. Одни из этих визитных карточек смешные, другие же, наоборот, показывают важность и напыщенность хозяина; на третьих замысловато отражается содержание деятельности человека, на большинстве из них – желание скрыться за ярко звучащими словами. Юмор автора основывается на несоответствии, алогичности сочетаний нарицательных существительных и собственных: *почётный гражданин Оболдеев, здоровеннейший мужчина Жан, советник и Кавалер Лодкин, преподаватель балльных танцев и французского языка Антр-Ну-Суади, статский советник Бумажкин, помощник присяжного Стремглавов, сотрудник журнала «Ребус» Иван Иванович Дьявол* и т. п.

Проведённый анализ рассказов А. П. Чехова позволил понять, насколько мастерски используются языковые приёмы создания комического в литературе. В частности, в интерпретации смысла текста большую роль может играть такая грамматическая особенность, как сочетания собственных и нарицательных существительных. Именно эти языковые элементы помогают почувствовать тонкость иронии А. П. Чехова, который об обыденных явлениях говорит необычно.

В литературоведении особенностью стиля А. П. Чехова принято считать лаконичность, сдержанность в употреблении изобразительно-выразительных средств. Однако в использовании имён собственных проявляется активное словотворчество писателя. Искусственные антропонимы образованы чаще всего суффиксальным способом от имён нарицательных, имеющих бытовое, экспрессивно-сниженное значение. Это подчёркивает частое несоответствие того, кем человек себя представляет, кем желает казаться и кто он есть на самом деле. Неумение быть самим собой и сохранять в себе личность, не распыляющуюся по пустякам, – то горькое свойство человека, на которое направлена ирония автора.

Ниже приведён список имён собственных из некоторых рассказов А. П. Чехова с указанием производящих лексем и способа образования:

Долбонос – «долбить носом» (способ сложения и суффиксации);

Фингал – фингал (суффиксальный способ);

Щепоткин – щепотка (суффиксальный способ);

Пустяков – пустяк (суффиксальный способ);

Леденец – леденец (суффиксальный способ);

Спичкин – спички (суффиксальный способ);

Куцын – «куций» (суффиксальный способ);

Рахат-Хелам – пародия на зарубежные восточные фамилии;

Оболдеев – обалдеть (суффиксальный способ);

Лодкин – лодка (суффиксальный способ);

Бумажкин – бумажка (суффиксальный способ);

Стремглав – стремглав (суффиксальный способ);

Дьявол – дьявол (суффиксальный способ);

Лиходеев – «дать лиха (сложение и суффиксации);

Обдеухов – обделать уши (способ сложения и суффиксации);

Порошков – порошок (суффиксальный способ);

Рыжков – рыжий (суффиксальный способ).

Заметим, что имена собственные, образованные указанными способами, и их сочетания с нарицательными существительными характерны не только для рассказов, но и для других произведений Чехова, например, для повести «Три года». В ней отмечены следующие антропонимы:

Лаптев Алексей Федорыч – лапоток, «лопушок», простой «купчишка», по выражению одной из героинь повести [Чехов, 1977, с. 41], сам себя считающий забитым и бесцветным, испытывающий «унизительное состояние человека, который противен» [Чехов, 1977, с. 24]; недоволен собой и все, что он думает и делает, кажется ему мелким; «убеждён, что всё это неискренно и, что ему льстят, потому что боятся его» [Чехов, 1977, с. 34], «припоминается моё детство и становится жутко» [Чехов, 1977, с. 34]. По мнению его любимой, «...жалкое, восхищённое лицо... наружность у него была приказчицкая, сам он был не интересен» [Чехов, 1977, с. 21].

Репетитор музыки Полина Николаевна Рассудина – разумная, агрессивная («не причисляет себя к слабому прекрасному полу и не нуждается в услугах господ мужчин» [Чехов, 1977, с. 41]), живущая «по уму», не допускающая действий по сердцу и душе: «...взглянула на него открыто и прямо, ...крепко и порывисто пожала ему руку и

спросила <...> И не дожидаясь ответа, пошла дальше стремительно, широко шагая, будто кто толкал её сзади. <...> не умела слушать и говорить покойно. <...> Средства к жизни добывала уроками музыки и участием в квартетах» [Чехов, 1977, с. 40].

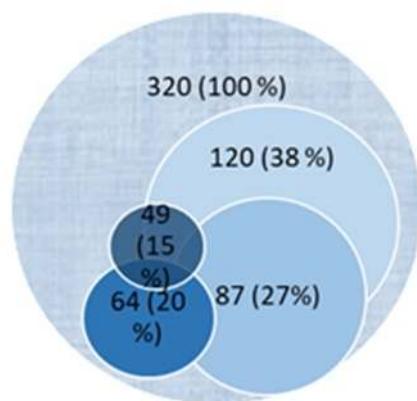
Ярцев Иван Гаврилыч – яркий, страстный, увлекающийся, стремящийся, добивающийся, ответственный, желающий жить, являющийся противоположностью друга, Лаптева Алексея Федоровича. Если для Лаптева время идет медленно, то Ярцеву, наоборот, его не хватает. Он видит, как происходят различные события, и старается быть в их центре. Для Ярцева «жизнь коротка», «время бежит», и сам он нагоняет его, ему хочется «всюду поспеть», «самому участвовать». Как трёхглавый Горыныч он интересуется химией, историей, социологией, «мастер на все руки», поэт, играет на рояле: «и свои небольшие заметки иногда печатал в газетах и журналах, подписываясь буквой Я. Когда он говорил о чём-нибудь из ботаники или зоологии, то походил на историка, когда же решал какой-нибудь исторический вопрос, то походил на естественника» [Чехов, 1977, с. 54].

Помещик «Панауров, красивый, немножко наглый, закуривающий из лампадки и посвистывающий» [Чехов, 1977, с. 11] без профессии и должности, но ассоциируется с понурой лошадей – упёртый, идёт по жизни «...молча, не спеша, несколько раз...» [Чехов, 1977, с. 13], будто, под пинком или плетью, бывший муж больной сестры Алексея Лаптева, который всю жизнь был на её содержании, хотя и «был специалистом по всем наукам и объяснял научно всё, о чём бы ни шла речь» [Чехов, 1977, с. 14], но постоянно создавал в жизни только ситуации, не приносящие никому блага.

«Костя с озабоченным лицом принял пять капель какого-то лекарства, потом, доставши из книжного шкапа две гири, занялся гимнастикой. Он был высок, очень худ, с большими рыжеватыми усами; но самое заметное <...> его необыкновенно длинные ноги» [Чехов, 1977, с. 49] – это адвокат Кочевой Константин Иванович – лёгкий, изворотливый, подвижный в уме и перемещениях: «всё же главным своим занятием считал он не адвокатуру, а эти романы. Ему казалось, что у него тонкая и артистическая организация, и его всегда тянуло к искусству» [Чехов, 1977, с. 52].

«...полный молодой человек в студенческой форме, по фамилии Киш» [Чехов, 1977, с. 42] – молчаливый послушный приспешник, которого всегда можно послать и позвать – имя созвучно глаголу «кыш».

В целом А. П. Чехов продолжает традиции русских писателей XIX века в репрезентации антропонимов. Это подмечено Г. Т. Безкоровайной: «использование имён, имён и отчеств, фамилий» [Безкоровайная, 2016, с. 486]; статуса, не сопровождаемого именем; титулов при официальном обращении. Частота использования различных сочетаний естественных и искусственных, собственных и нарицательных имён в выборке произведений А. П. Чехова представлена на рисунке 2.

Р и с у н о к 2. Частота различных сочетаний антропонимов у А. П. Чехова
Figure 2. Combinations of A. P. Chekhov's anthroponyms

Всего было выявлено 320 сочетаний собственных, нарицательных, естественных, искусственных имён в антропонимах, среди них: 38% составили сочетания имён собственных и искусственных, в том числе фамилии; 27% – естественные нарицательные имена, такие как учитель, секретарь, хозяин и т. д.; 20% случаев были именами собственными естественными; 15% – искусственные нарицательные имена, иронично дополняющие характеристику персонажа (*человек, тг, ноль, студент-юрист, барин, штабс-капитаниша, личность, жилец* и т. д.). В 8 случаях (1%) из общей выборки персонажи произведений Чехова обладают всеми видами имён (несколько примеров из них были приведены в табл. 1).

На основе анализа частоты использования различных сочетаний естественных и искусственных, собственных и нарицательных имён в выбранных произведениях А. П. Чехова можно заключить, что:

- чаще всего употребляются искусственные собственные имена, реже естественные собственные имена, и в каждом девятом или десятом случае использованы сочетания искусственных и нарицательных имён;
- в большинстве случаев Антон Павлович наделяет своих персонажей собственными вымышленными (искусственными) именами. Например, откровенно искусственных фамилий «Гнусов», «Пересекин», «Чертоболотов», «Вихлинев», «Шампунь», «Нянин», «Вратоадов» и так далее в анализируемой выборке было найдено 111 (17%);
- второй по частоте употребления антропонимов группой имён у персоналий в произведениях Чехова являются нарицательные естественные имена, что объясняется разворачиванием сюжетов его произведений вокруг реально существовавших людей и случавшихся ситуаций, отражавших жизненный уклад и нравы того времени;
- в меньшей мере используются нарицательные искусственные имена, которые во многом представляют собой характеристики искусственных собственных имен или нарицательных естественных имён.

3. Выводы [Conclusion]

На основании проведённого анализа антропонимов, найденных в рассказах А. П. Чехова, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в изученных рассказах частотно употребление сочетаний имён нарицательных (другими словами, искусственных) и собственных (38%); они имеют идейно-содержательное значение и характеризуют стиль писателя.

Во-вторых, исследование возможных функций словосочетаний нарицательных существительных с именами собственными показало, что имена нарицательные содержат прямое указание на статус, должность, чин; а имена собственные (фамилия, имя, отчество) передают авторскую оценку героя, намёк на несоответствие внутренних и внешних категорий личности, создающее комический эффект.

В-третьих, лингвистический анализ позволил определить, что имена собственные (фамилии) образованы суффиксальным способом от имён нарицательных, имеющих бытовой, экспрессивно-сниженный характер; а имена нарицательные в рассказах указывают на чин, должность, статус. Имена собственные у А. П. Чехова – это результат словотворчества автора, отражающего его оценку героев.

Наконец, выявлено, что в словосочетаниях имена нарицательные и собственные, с одной стороны, взаимосвязаны, с другой стороны, контрастируют, что придаёт повествованию юмористический оттенок. Зачастую автор подчёркивает и высмеивает в героях несоответствие их истинной ценности и желания показать себя более значимыми даже для случайных обывателей вокруг.

Сочетания имён собственных и нарицательных иронично передают абсурдность, мелочность жизни человека, желающего быть не тем, кто он на самом деле, а значит

определяют вечную проблему в обществе – проблему потери человеком личностного и настоящего. И нельзя не поддержать Р. Карвера, справедливо написавшего, что «чеховские рассказы сейчас так же прекрасны (и необходимы), как и тогда, когда они появились впервые. ...истории, которые ... трогают, обнажают наши эмоции так, как только может сделать настоящее искусство» [Carver, 2004].

Список литературы

- Азарова, 1983 – Азарова Л. Е. Язык произведений А. П. Чехова // Вестник Таганрогского гос. пед. ин-та, 2011, № 5. С. 80–86.
- Безкоровайная, 2016 – Безкоровайная Г. Т. Антропонимы в пространстве художественного текста: на материале произведений русских и английских писателей XIX в. // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна. Саров : Интерконтракт, 2016. С. 484–488.
- Бондалетов, 1983 – Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М. : Просвещение, 1983. 224 с.
- Голомидова, 1998 – Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998. 232 с.
- Громова, 1988 – Громова В. В. Эстетическая характеристика антропонимов в рассказах А. П. Чехова // Языковое мастерство А. П. Чехова. Ростов-на-Дону, 1988. С. 18–24.
- Казакова, 2010 – Казакова Н. И. У каждой эпохи свой Чехов // XIII Чеховские чтения: Антон Павлович Чехов и книга «Остров Сахалин» в движении эпох: век XIX – век XXI / сост. И. А. Костанова. Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. С. 16–23.
- Ланге, 2016 – Ланге Н. В. Искусственные и естественные имена в трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка»: потомки Зверолова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 123–127.
- Мельникова, 2019 – Мельникова Е. С. Авторская ономастика А. П. Чехова в современных английских переводах // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер. : Філологія. 2019. № 41. Т. 1. С. 121–124.
- Милуд, 2018 – Милуд М. Р. Полиаспектный лингвистический анализ рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника» // Научный журнал Современный лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. № 2 (38). С. 133–139.
- Новиков, 1982 – Новиков Л. А. Искусство слова. М. : Педагогика, 1982. 128 с.
- Плешков, 2017 – Плешков Е. С. Значение имени собственного как лингвистическая проблема // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Лингвистика». 2017. Т. 14, № 3. С. 71–75. doi : 10.14529/ling170312.
- Подольская, 1988 – Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 192 с.
- Пономаренко, 2017 – Пономаренко Е. А. Ономастика рассказа А. П. Чехова «Враги»: семиотический аспект // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8–12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. Науч. статей. В 2-х т. Т. 1. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 62–67.
- Реформатский, 1996 – Реформатский А. А. Введение в языковедение.. М. : Аспект Пресс, 1996. 536 с.
- Суперанская, 1979 – Суперанская А. В. Собственные имена в языке и в речи // Onomastica Slavogermanica. Leipzig. 1979. T. V. S. 123–129.
- Чехов, 1983 – Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения в 18 тт. Т. 2. М. : Наука, 1983. 579 с.
- Чехов, 1984 – Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения в 18 тт. Т. 4. М. : Наука, 1984. 547 с.
- Чехов, 1985 а – Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения в 18 тт. Т. 5. М. : Наука, 1985. 707 с.
- Чехов, 1985 б – Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения в 18 тт. Т. 6. М. : Наука, 1985. 739 с.
- Чехов, 1977 – Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения в 18 тт. Т. 9. М. : Наука, 1977. 546 с.

Carver, 2004 – Carver R. Errand // Bartlett, "From Russia, with Love", The Guardian, 15 July 2004.
URL : <https://www.theguardian.com/books/2004/jul/15/classics.antonchekhov> (дата обращения : 04.05.2020).

UDC 81.373.23

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_44_56

Lyidmila V.Kortenko
Ural State University of Economics
Yekaterinburg, Russian Federation
mikroraionEkb@yandex.ru

Svetlana V.Smolyakova, Kseniya S.Kortenko
Gymnasium No. 13
Yekaterinburg, Russian Federation
svsmol@mail.ru

The functioning patterns of anthroponyms in A. P. Chekhov's short stories

Abstract

The aim of the research is to (i) consider the role of proper names in the stories of A. P. Chekhov, to (ii) determine the significance of combinations of common names with proper names in revealing the author's position and creating a humorous effect, and also to (iii) identify frequent word-building patterns for the anthroponyms. Literature analysis on theoretical issues of artificial and natural names as well as studying practical examples from onomastics and anthroponymy realms enabled to specify the functions of combinations of common nouns with proper names. These names are part of the plot, conveying ideological messages, concentrating meaning, structure and content. Combinations of proper names and common nouns characterize the style of the writer. In the stories analyzed, common names contain a direct indication of status, position, rank, while proper names metaphorically portray the character or highlight the dominant of his/her personality and convey the author's message concerning evaluation of the image. Linguistic analysis of word-building patterns has shown that most surnames of the characters in the stories of A. P. Chekhov are formed by suffixation from common names, and they are the result of the author's word-making, another way to implicitly evaluate characters. In Chekhov's word combinations, proper and common names are interrelated and opposed.

Keywords: A. P. Chekhov, language means, suffixation, combination of common names with proper names, noun.

© Kortenko L. V., Smolyakova S. V., Kortenko K. S. 2021

For citation: Kortenko L. V., Smolyakova S. V., Kortenko K. S. (2021). Osobennosti funktsionirovaniya antroponimov v rasskazakh A.P. Chekhova [The functioning patterns of anthroponyms in A. P. Chekhov's short stories]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 44–56. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_44_56.

References

- Azarova, L. E. (2011). Yazyk proizvedeniy A. P. Chekhova [Language of Chekhov's works]. *Vestnik Taganrogskego gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute], 2011, S, 80–86.
- Bezkorovaynaya, G. T. (2016). Antroponymy v prostranstve khudozhestvennogo teksta: na materiale produktov russkikh i englishskikh pisatelov XIX v. [Anthroponyms in the space of a literary text:

- Based on works of Russian and English writers of the XIX century]. *Onomastika Povolzhya: Proc. of the XV International Scientific Conference* ; Arzamas, September 13–16, 2016 (pp. 484–488). Arzamas – Sarov : Intercontract Press.
- Bondaletov, V. D. (1983). *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. Moscow : Prosveshcheniye Press.
- Golomidova, M. V. (1998). *Iskusstvennaya nominatsiya v russkoy onomastike* [Artificial nomination in Russian onomastics]. Yekaterinburg.
- Gromova, V. V. (1988). Esteticheskaya kharakteristika antroponimov v rasskazakh A. P. Chekhova [Aesthetic characteristics of anthroponyms in the stories of A. P. Chekhov]. *Language skills of A. P. Chekhov* (pp. 18–24). Rostov-on-Don.
- Kazakova, N. I. (2010). U kazhdoy epokhi svoi Chekhov [Each era has its own Chekhov]. In I. A. Kostanova (Ed.), *XIII Chekhov readings: Anton Pavlovich Chekhov and the book "Sakhalin Island" in the movement of eras: The XIX century – XXI century* (pp. 16–23). Yuzhno-Sakhalinsk : SakhGU Press.
- Lange, N. V. (2016). Iskusstvennyye i yestestvennyye imena v trilogii Diny Rubinoy «Russkaya kanareyka»: potomki Zverolova [Artificial and natural names in Dina Rubina's trilogy "Russian Canary": The trapper's descendants]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 12 (66): Part 2, 123–127.
- Mel'nikova, Ye. S. (2019). Avtorskaya onomastika A. P. Chekhova v sovremennykh angliyskikh perevodakh [Chekhov in modern English translations]. *Naukoviy visnik Mizhdunarodnogo humanitarnogo universitetu. Ser.: Filologiya* [Scientific Bulletin of the International Humanitarian University. Ser.: Philology], 2019, 41 (1), 121–124.
- Miloud, M. R. (2018). Poliaspektnyy lingvisticheskiy analiz rasskaza A. P. Chekhova «Smert' chinovnika» [Polyaspect linguistic analysis of Anton Chekhov's short story "The death of a government clerk"]. *Nauchnyy zhurnal Sovremennyy lingvisticheskiye i metodiko-didakticheskiye issledovaniya* [Scientific Journal Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches], 2 (38), 133–139.
- Novikov, L. A. (1982). *Iskusstvo slova* [The art of words]. Moscow : Pedagogika Press.
- Pleshkov, Ye. S. (2017). Znachenije imeni sobstvennogo kak lingvisticheskaya problema [The meaning of proper names as a linguistic problem]. *Vestnik YUUrGU. Series «Lingvistika»* [Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics], 14 (3), 71–75. doi : 10.14529/ling170312.
- Podol'skaya, N. V. (1988). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology], 2nd edition, corrected with addenda. Moscow : Nauka Press.
- Ponomarenko, Ye. A. (2017). Onomastika rasskaza A. P. Chekhova «Vragi»: semioticheskiy aspekt [Onomastics of the story by A. P. Chekhov's "Enemies": a semiotic aspect]. In Ye. Ya. Titarenko (Ed.), *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [The Russian language in policultural world]: Proc. I International Symposium, June 8–12, 2017 (Vol. 1, pp. 62–67). Simferopol : IT «ARIAL» Press.
- Reformatskiy, A. A. (1996). *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. Moscow : Aspekt Press.
- Superanskaya, A. V. (1979). Sobstvennyye imena v yazyke i v rechi [Proper names in language and speech]. *Onomastica Slavogermanica* (Vol. 5, pp. 123–129), Leipzig.
- Chekhov, A. P. (1983). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 tt. Sochineniya v 18 tt. T. 2* [Complete works and letters in 30 vols. Essays in 18 vols. Vol. 2]. Moscow : Nauka Press.
- Chekhov, A. P. (1984). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 tt. Sochineniya v 18 tt. T. 4* [Complete works and letters in 30 vols. Essays in 18 vols. Vol. 4]. Moscow : Nauka Press.
- Chekhov, A. P. (1985 a). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 tt. Sochineniya v 18 tt. T. 5* [Complete works and letters in 30 vols. Essays in 18 vols. Vol. 5]. Moscow : Nauka Press.
- Chekhov, A. P. (1985 b). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 tt. Sochineniya v 18 tt. T. 6* [Complete works and letters in 30 vols. Essays in 18 vols. Vol. 6]. Moscow : Nauka Press.
- Chekhov, A. P. (1977). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 tt. Sochineniya v 18 tt. T. 9* [Complete works and letters in 30 vols. Essays in 18 vols. Vol. 9]. Moscow : Nauka Press.
- Carver, R. (2004). Errand: Bartlett, From Russia, with Love. *The Guardian*, 15 July 2004. Retrieved May 4, 2004 from <<https://www.theguardian.com/books/2004/jul/15/classics.antonchekhov>>.

Коршунова Анастасия Сергеевна, Лагута Нина Владимировна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

anastasiakorshun1992@gmail.com, nlaguta@mail.ru

Средства репрезентации временных отношений в публицистических текстах (на материале региональных новостных сайтов)

Аннотация

Особенности восприятия человеком времени отражаются в языке, участвуя в формировании картины мира носителей того или иного языка в целом. Временные отношения в русском языке могут репрезентироваться с помощью различных языковых средств. Данная работа посвящена описанию грамматических и лексических средств выражения временных отношений в публицистических текстах. В качестве основных грамматических средств были выделены видовременные формы глаголов и причастий. К основным лексическим средствам отнесены имена существительные, прилагательные, глаголы и наречия с временной семантикой. В результате выявлено, что грамматические средства являются центральными средствами выражения категории времени. Однако они не всегда способны объективно репрезентировать категорию темпоральности в силу того, что значение формы глагола в русском языке в значительной степени зависит от контекста. Таким образом, лексические средства являются периферийной частью функционально-семантического поля темпоральности и конкретизируют её центральную часть – грамматическую категорию времени.

Ключевые слова: время, темпоральность, грамматические и лексические средства, семантика, контекст, глагол, наречие, существительное, прилагательное, центр, периферия.

© Коршунова А. С., Лагута Н. В. 2021

Для цитирования: Коршунова А. С., Лагута Н. В. Средства репрезентации временных отношений в публицистических текстах (на материале региональных новостных сайтов) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 57–70. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_57_70.

1. Введение [Introduction]

Время – это одна из важнейших категорий человеческого существования, которая всегда вызывала интерес исследователей различных областей знания. Языковая категория времени непосредственно связана с понятием темпоральности. А. В. Бондарко даёт этому термину такое определение: «семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчёта. Вместе с тем темпоральность – это базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле, которое охватывает группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т. п.) средств того или иного языка, которые используются для выражения различных вариантов данной семантической категории» [Бондарко, Функциональная грамматика... с. 5]. Таким образом, языковая категория времени – это сложное явление лингвистики, которое имеет различные подходы к изучению и выражается при помощи средств разных уровней системы языка. С. М. Пометелина уточняет, что «результаты лингвомыслительной деятельности человека находят отражение в языковой модели вре-

мени, которая является совокупностью способов репрезентации концепта «время» разноуровневыми средствами языка: глагольными формами времени, лексическими показателями темпоральности (вчера, день, прошлым летом), сложными синтаксическими конструкциями со значением одновременности или разновременности действий» [Пометелина, 2019, с. 78]. «Категория времени имеет связь с внеязыковой действительностью, поскольку в языковом плане все явления и события могут относиться лишь к одной из трёх временных плоскостей – к настоящему, прошедшему или будущему, и выражает отношение между временем совершения действия и моментом речи» [Бурнакова, Боргоякова, 2020, с. 27].

В рамках данной статьи рассматриваются основные средства репрезентации временных отношений в публицистических текстах. Для анализа было взято 80 текстов, размещенных на региональных новостных сайтах в разделе «Культура» с 2019 по 2021 гг. Материалом для исследования послужили синтаксические единицы с различными грамматическими и лексическими средствами выражения категории темпоральности. Отбор произведен методом сплошной выборки, общее количество составило 250 единиц. Основным методом исследования является метод функционально-семантического анализа с целью определения различных разноуровневых языковых средств, выражающих временное значение.

2. Грамматические средства репрезентации временных отношений [Grammatical means of representing temporality relations]

Центральной частью (ядром) функционально-семантического поля темпоральности, по мнению А. В. Бондарко, является грамматическая категория времени, представленная видовременными формами глагола [Бондарко, Функциональная грамматика..., 1990, с. 84]. Глагол, как грамматическое средство выражения категории времени, представлен в русском языке не только категорией грамматического времени, но и категорией вида. Морфологическая категория времени строится на основе противопоставления различных видовременных форм глагола. Каждая из противопоставленных друг другу форм характеризуется особыми грамматическими маркерами времени. К таким маркерам относятся, во-первых, аффиксы (напр., суффикс -л- у форм прошедшего времени: *Музыка и яркие краски **создавали** атмосферу 50-х, и все это – в проверенном времени спектакле «Стиляги»*; *Под Благовещенском **бились** на мечах и **танцевали***; *Орудя лопатами, вёдрами, совками и даже кухонными тёрками, участники **создавали** снежные скульптуры*; *В Благовещенске «Три баса» **пели** не во весь голос*; *Танцевали полонез, вальсы, мазурку и другие танцы*; *Чёрт с медведем **гадали** и **колядовали** в центре Благовещенска*), являющийся частотным в анализируемом материале (встречается 98 употреблений), а во-вторых – типы основ, к которым присоединяются эти аффиксы. Прошедшее время глагола образуется с помощью формообразующей основы инфинитива. Рассмотрим примеры: *11 июня в парке Дружбы **гуляла** белогорская «Ярмарка»*; *Прежде они **продавались** только в бумажном варианте, причём в разных местах города*; *С 12.30 до 21 часа на набережной **пел** и **танцевал** «Культурный город»*; *А Михаил, в отличие от той же программы «Городок», **играл** в этих смешных минифильмах один все роли*; *24 июня **состоялась** церемония открытия десятого фестиваля, и она **принесла** ещё немало открытий*; *В Благовещенск его **привезла** команда хоккейного сериала «Молодёжка» во главе с «тренером-армейским наставником» Денисом Никифоровым*. Так, от основ инфинитивов на гласный *гуля-ть*, *продава-ться* *пе-ть*, *танцева-ть*, *игра-ть*, путём отсечения инфинитивного суффикса и присоединения суффикса -л- образуются глаголы прошедшего времени *гуляла*, *продавались*, *пел*, *танцевал*, *играл*. В пятом и шестом примерах представлена инфинитивная основа на согласный: *принес-*

ти, **привез-ти**, которая представлена в публицистических текстах в меньшем количестве – всего 20 употреблений, в отличие от 98 с основой на гласный.

Для форм настоящего времени характерно наличие специальных окончаний со значением лица и числа, которые примыкают к основе настоящего времени глаголов несовершенного вида, например: *Амурчанам на карантине **предлагают** писать стихи; Благовещенцев **приглашают** на бал, посвящённый произведениям Шекспира; Амурчан **просят** почитать любимые сказки и победить в конкурсе; Благовещенцам **предлагают** записать на видео исполнение песни «Последний бой» и поделиться в инстаграме; Днём они **несут** службу – каждый на своём фронте, а по вечерам и в выходные **играют** и **поют**; Каждую неделю её участники **делают** маленькие и большие исторические открытия в своём же городе*, и нулевая представленность бытийного глагола, например: *Он – победитель самых престижных международных конкурсов в России, Испании, Италии, Франции и США; Их дом – бескрайняя тайга, где нет электричества, не ловят мобильники, нет банкоматов; Они – фаерики с приличным стажем, 10 лет; Звезда из 90-х, певица Наташа Королева показала благовещенцам, что она – ягодка опять*. Материал показывает, что нулевая представленность бытийного глагола встречается значительно реже (10 единиц), чем формы настоящего времени несовершенного вида (82 единицы).

Формы глаголов совершенного вида будущего простого времени образуются также при помощи личных окончаний, присоединяемых к основе глаголов совершенного вида, например: *В марте в Приамурье **выступит** театр Куклачева; На Дне города в Благовещенске **спойт** Михаил Шуфутинский; Популярная артистка **посетит** амурскую столицу с сольным концертом в рамках своего тура; Популярный российский актёр Павел Прилучный **станет** участником фестиваля кино и театра «Амурская осень»; В Благовещенске в ирландский праздник **спойт** группа «Маленькое красное дерево»*. Противопоставлены всем остальным формам времени формы будущего сложного как аналитические синтетическим; у этих форм есть особый временной маркер – бытийная связка, например: *Количество посетителей и время их пребывания в библиотеке ограничат, а книги **будут проходить** санобработку в специальном обеззараживающем боксе; В Благовещенске мультфильмы **будут делать** на профессиональном оборудовании; В сообществе «Амурские художники» **будет собираться** информация, в том числе вестись и архив; С 6 по 12 мая каждый день в режиме онлайн Дом ремёсел **будет рассказывать** о тех, кто приближал её и какой ценой она досталась; В Благовещенске всё чаще **будут появляться** выставки картин с дополненной реальностью*. Аналитические формы будущего времени являются более частотными в публицистике (48 единиц), чем синтетические (27 единиц).

Категориальные значения временных форм в качестве ориентации нацелены на единую отправную точку – грамматическую точку отсчёта. Это понятие является абстрактным и в целом понимается либо как момент говорения, либо как любой другой момент, относительно которого определяется время действия в момент говорения. Что касается значения, «грамматические формы располагают дифференциальными признаками одновременности, предшествования или следования по отношению к моменту речи или иной точке отсчёта» [Бондарко, Функциональная грамматика..., 1990, с. 84]. Важно отметить, что в зависимости от условий контекста глагол способен репрезентировать иные временные значения, находясь, таким образом, в своём неактуальном значении относительно момента говорения. Например, формы настоящего времени могут выступать в значении прошедшего, будущего и настоящего вневременного. Похожая ситуация, но реже, возникает у форм будущего времени: будущее неактуальное может выражать семантику настоящего вневременного.

Рассмотрим следующие примеры глагольных форм настоящего времени несовершенного вида: *Да нет, мы **говорим** чисто про продвижение кино; «И его творче-*

ство стабильно собирает полные залы», – **говорит** автор проекта Александр Бобошко; «Было такое ощущение, что это гастроль», – **замечает** зрительница Ирина и просит ещё время «наподумать», унося бурлящее послевкусие домой; «Марина Щекина. Роскошная», – **говорит** зрительница Ирина Власова после первого акта. В приведённых примерах выделенные глаголы несовершенного вида выражают семантику одновременности действия с моментом говорения и выступают в своём главном временном значении настоящего актуального. Надо сказать, что в публицистических текстах настоящее актуальное встречается крайне редко, всего в 12 случаях из 82 случаев употребления глаголов настоящего времени несовершенного вида. Данные примеры взяты из интервью, одного из немногих жанров публицистики, где можно встретить действие, происходящее одновременно с моментом говорения.

Промежуточным случаем между настоящим актуальным и настоящим неактуальным является «расширенное настоящее, обозначающее действие, которое реализуется в момент речи, но не только в этот момент: оно охватывает также более или менее обширный (это зависит от контекста) отрезок прошлого; может предполагаться и продолжение его в будущем» [Бондарко, Грамматическая категория..., 1971, с. 66]. Приведём примеры: *Тимати выпустил клип на песню «Дай мне уйти», которую он **исполняет** вместе с Григорием Лепсом. Но мало кто знает, что автором этого ушедшего в народ речевого оборота **является** русский литератор екатерининской эпохи Денис Фонвизин, который создал «Недоросля»; Амурский народный хор **является** хранителем русских, казачьих традиций, и как предки стоит на их страже; Музыку XX века «Чайф» **соединяет** с современными веяниями.* Расширенное настоящее встречается в публицистике значительно чаще настоящего актуального и составляет 39 случаев употребления в исследуемом материале.

Ещё одним вариантом настоящего неактуального времени может быть настоящее потенциальное. Данное значение выражают, главным образом, глаголы, «выражающие умение, способность субъекта совершать обозначаемые ими действия» [Криворучко, 1963, с. 18]. Обратимся к примерам: *Аня Билан **поёт** лучше своего звёздного брата; Китайский дирижёр симфонического оркестра провинции Хэйлуңцзян Фейху Цзяо влюблён в творчество Рахманинова и без акцента **говорит** по-русски; Когда я решила творчеством позаниматься, позвонила ей – она же **вышивает, рисует**; Солостка эстрадно-джазового оркестра «АмурДжазБэнд» Эльвира Габараева прекрасно **поёт** на китайском; А вы сами **танцуете**? Или только других учите?* Выделенные словоформы обозначают способность делать что-либо в общем, а не в сам момент речи. Данный семантический тип представлен всего в 9 случаях из 82 употреблений глаголов настоящего времени несовершенного вида.

Кроме того, в качестве разновидности настоящего неактуального можно рассматривать настоящее изложение, представленное чаще всего в сценариях, рецензиях, аннотациях. Например: *У главной героини при неизвестных обстоятельствах **погибает** брат, после чего её **начинают мучать** реалистичные кошмары. Чтобы во всем разобраться и не сойти с ума, она **обращается** в институт сомнологии, где ей **обещают** помочь. Вместе с группой таких же пациентов её **погружают** в совместный, как их уверяют, осознанный сон.* В данном отрывке выделенные формы настоящего времени находятся в слабой позиции и выступают в непрямом временном значении. Данная разновидность настоящего неактуального представлена в количестве 8 единиц от общего числа употреблений.

Ещё одним типом неактуального значения настоящего времени является настоящее предстоящего действия, которое в лингвистической литературе часто называют «настоящее запланированного будущего» [Гловинская, 2001, с. 155]. А. М. Пешковский характеризует его так: «Настоящее вместо будущего для изображения воображаемых в

будущем фактов как бы уже происходящими в момент самого представления их себе» [Пешковский, 2013, с. 209]. Специфичная семантика этого типа ограничивает круг глаголов, которые употребляются в данном значении. Обычно это глаголы перемещения. Обратимся к примерам: *Любители классической музыки ликуют: в Приамурье вновь **едет** симфонический оркестр, это коллектив из провинции Хэйлунцзян; В Сковородино **едет** группа иностранных искателей приключений на грузовиках; Дальневосточный фестиваль игрового кино «Точка возврата – 2019» **едет** в Благовещенск; Благовещенский битбоксер **едет** покорять Москву*. Количество употреблений настоящего предстоящего действия составляет 14 единиц.

Таким образом, в зависимости от условий контекста форма глагола несовершенного вида настоящего времени может показывать актуальные и неактуальные значения времени.

Положение видовременных форм вроде *объясню, покажу* является дискуссионным в лингвистике. А. В. Бондарко называет подобное явления в языке «коллизией настоящего времени и совершенного вида» [Бондарко, Функциональная грамматика..., 1990, с. 4]. По традиции такие формы относят к будущему простому или будущему совершенного вида. А. В. Бондарко рассматривает такие формы как семантически двойственные, многозначные. Обратимся к следующим примерам: ***Не пойму**, почему это вызывает удивление? – недоумевала Ирина Медведева; **Не пойму**, как так вышло; **Я не пойму**, почему людей так волнует, как живут другие; **Ума не приложу**, не знаю никого, кто бы научился*. В первых трёх предложениях выделенные глаголы стоят в контексте в сильной позиции. Действие, которое совершается одновременно с моментом говорения обладает значением настоящего актуального. В четвёртом примере выделенный фразеологизм выражает невозможность выполнения действия, которое актуально для момента говорения. Количество подобных форм немногочисленно, всего 4 в исследованных нами синтаксических единицах.

Самое распространённое временное значение формы будущего совершенного вида – значение актуального будущего действия. Обратимся к примерам: *Завтра благовещенец Илья Литвинов **спойт** в эфире шоу «Голос. Дети»; Ольга Бузова **выступит** в Благовещенске; Посетители музея **познакомятся** с творчеством известного амурского художника; Амурчане **познакомятся** с молодыми режиссёрами Приамурья*. В данных примерах выделенные глаголы находятся в значении следования за моментом говорения, которое является актуальным для них.

Форма будущего несовершенного времени однозначна, то есть всегда стоит внутри контекста в сильной позиции и выражает семантику будущего актуального. Например: *В Благовещенске все чаще **будут появляться** выставки картин с дополненной реальностью; Амурский областной театр драмы **будет размещать** видеозаписи своих спектаклей на главной странице официального сайта; В библиотеках Благовещенска книги **будут обрабатывать** озоном*. Формы глаголов в приведённых выше предложениях выражают актуальное временное значение относительно момента говорения. Аналитическая форма будущего времени в своем актуальном значении употребляется почти также активно (30 единиц), как и синтетическая (35 единиц).

Значение формы прошедшего времени ограничено планом прошедшего времени. Иными словами, формы прошедшего времени характеризуются сильной позицией в контексте и реализацией основного временного значения, актуального по отношению к моменту говорения. Представленные примеры, наглядно иллюстрируют этот факт: *Обучение **проходило** в дистанционном режиме; Мероприятие **проходило** с соблюдением всех мер безопасности; Любовь Успенская **приветствовала** со сцены в Благовещенске Приморский край; В Благовещенске **прошёл** слингомарафон; Первый выпуск **состоялся** за неделю до начала роковых событий; Трек **прозвучал** в эфире передачи «Вечерний Ур-*

гант» на Первом канале. В приведённых примерах выделенные глаголы несовершенного и совершенного вида выражают своё основное значение предшествования, потому что стоят в сильной позиции.

В лингвистической литературе описаны различные взгляды на характеристику категории времени причастий. Одни исследователи считают, что причастия способны выражать только относительное время, то есть по отношению ко времени глагола-сказуемого (Л. Л. Буланин), другие считают, что причастные формы могут иметь значения как относительного, так и абсолютного времени (А. В. Бондарко, М. А. Шелякин и др.). Рассмотрим следующие примеры: Там открылась выставка, **приуроченная** ко Всемирному дню радио – ср.: *открылась выставка, которую приурочили ко Всемирному дню радио*; Амурская областная научная библиотека проведёт серию интеллектуальных игр, **посвящённых** 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной Войне – ср.: *библиотека проведёт серию игр, которую посвятили 75-й годовщине Победы*. В примерах причастия выражают прошедшее относительное время со значением предшествования по отношению к действию глагола-сказуемого.

В следующей группе примеров причастия выражают абсолютное время, так как их семантика не соотносится со временем глагола сказуемого и ориентируется лишь на момент говорения: В нём **приняли участие** 16 коллективов, **поющих** в народной манере вокального исполнения из Благовещенска, Белогорска, Райчихинска, а также Благовещенского, Ивановского, Магдагачинского и Мазановского районов; Евгений Дятлов – **победитель** телепроекта «Точь-в-точь», **порадивший** профессиональное жюри и миллионы-миллионы телезрителей. В первом предложении причастие настоящего времени выражает значение одновременности с моментом речи, а во втором предложении причастие прошедшего времени выражает значение предшествования моменту речи. Так, в публицистических текстах количество причастий, выражающих относительное время (20 единиц) преобладает над количеством причастий, которые выражают абсолютное время (12 единиц).

3. Лексические средства репрезентации временных отношений [Lexical means of representing temporality relations]

«Центр функционально-семантического поля темпоральности окружён периферийной сферой некатегориальных значений – сферой лексики на службе грамматики» [Бондарко, Категориальные..., 1976, с. 188]. Начнём рассмотрение лексических средств выражения времени с беспредложных и предложно-падежных форм имён существительных. Надо сказать, что беспредложные и предложно-падежные формы с временной семантикой составляют особую синтаксическую конструкцию, в сумме формируя категорию именной темпоральности. Их семантика «складывается из значения существительного, значения предлога и тех смысловых отношений, которые возникают между словоформой и предикативной основой предложения» [Шаповалова, 1990, с. 160]. Поэтому точнее относить их к лексико-синтаксическим средствам. Отметим, что сама лексема может не содержать значения времени. Таким образом, существительные можно разделить на два класса: а) единицы, включающие сему времени; б) единицы, не имеющие семы времени. В рамках первого класса можно выделить следующие семантические группы:

1) наименования времён года: Премьера прошла с успехом **весной** 2018 года; **Осенью** 1910 года все немногочисленное население российского Дальнего Востока и Забайкалья могло погибнуть в считанные месяцы; Для детей разработана краеведческая, познавательная и творческая программа «ПроБлаговещенск». Она продлится **всё лето**; В стародавние времена год начинался с марта, с **весны**. В первых двух предложениях темпоральные словоформы соотносятся во временном значении с глагольной формой и выражают значение предшествование во времени. В третьем примере темпо-

ральная словоформа выражает значение будущего длительного времени, продолжительность события во времени. В четвертом предложении предложно-падежная конструкция обозначает событие, происходившее в прошлом, но не локализованное в конкретном временном отрезке – обычно выполняемое или периодически повторяющееся. Данная семантическая категория представлена в количестве 8 единиц.

2) наименование месяцев: *В Харбине в январе* прошёл конкурс красоты «Miss International ice and snow contest 2020», что в переводе означает «Международный конкурс Мисс льда и снега»; *В октябре* её концерт в Благовещенске отменили по причине того, что не смогли продать билеты; *Посетители музея смогут познакомиться с творчеством известного амурского художника до февраля*; *Мастерскую планируют открыть в июне*. В первом и во втором предложениях предложные конструкции передают конкретную временную семантику, конкретизируя значение предшествования моменту речи, выраженное глаголами. В третьем примере темпоральная словоформа *до февраля* ограничивает значение следования, представленное глаголом будущего времени. В четвертом предложении предложно-падежная форма существительного выполняет функцию конкретизатора грамматической семантики «предстоящее событие». Количество этой семантической категории существительных составляет 10 единиц.

3) наименование дней недели: *В музее самоваров прошла «Тыквенная суббота»*; *Очередное занятие «Школы народного экскурсовода» проведут в Благовещенске в субботу, 14 марта*; *Серия виртуальных встреч начнётся во вторник, 26 мая*; *В ближайшее воскресенье, 18 августа все желающие смогут побывать там на экскурсии. Пять месяцев четыре дня в неделю – по средам, пятницам, субботам и воскресеньям – горожан и гостей города будут развлекать музыканты, художники, артисты и другие творческие люди*. В первом примере глагол прошедшего времени конкретизируется не просто темпоральной словоформой, а беспредложной лексической временной единицей, входящей в состав названия мероприятия, которое предшествовало моменту речи. Второе, третье и четвертое предложения включают кроме предложно-падежных конструкций, конкретизирующих глаголы со значением следования, словосочетания с числительными. Это обусловлено целью новостных текстов – как можно конкретнее обозначить дату и место предстоящих или прошедших событий. В последнем примере время глагола относит нас в план будущего, но лексические конкретизаторы не локализуют действие в конкретном временном отрезке, а выражают семантику периодически повторяющегося действия. Данная семантическая группа существительных активно функционирует в публицистике и составляет 15 единиц.

4) наименование единиц времени и их частей: *Год спустя ещё три живописных этюда поступили из Амурских художественных мастерских*; *Помню, школьники были ошеломлены, когда Александр Семёнович в течение 35 минут наизусть читал поэму «Анна Снегина»*; *В Благовещенске в полдень жители сразу двух дворов по улицам Ленина-Первомайская и Ленина-Политехническая неожиданно стали зрителями большого концерта*; *Сергей Новожилов рассказал, как в этом году пройдёт «Амурская осень»*. В первом предложении конструкция с производным предлогом конкретизирует значение предшествования глагола прошедшего времени и выражает семантику «по истечении времени». Во втором примере с помощью предложно-падежной конструкции выражается отрезок времени, на протяжении которого совершается действие в прошлом. В третьем предложении темпоральная единица конкретизирует время недавнего прошлого. А в четвертом примере к предложной конструкции добавляется ещё и указательное местоимение, которое в сочетании с глаголом выражает актуальное будущее время. Эта группа представлена в количестве 9 единиц.

5) наименование неопределённых временных отрезков: *В период, когда закрыты многие учреждения культуры, музей открывает свои двери для ценителей истории*

ческих интерьеров; **В** самый торжественный **момент** ребяня решила залезть в байдарку вожакого – не самое устойчивое плавсредство; Выраженный стиль и харизматичная солистка **в мгновение** сделали группу популярной; Весь официоз **в момент** улетучился, и девятый фестиваль оттого начался очень тепло. В первом примере семантика предложной конструкции выражает период, относящийся к настоящему времени. А во втором предложении темпоральный конкретизатор выражает значение короткого промежутка времени, в который происходило действие, относящееся к прошлому. В двух последних примерах темпоральные существительные выражают значение очень быстрого действия, которое произошло в прошлом. Наименование неопределённых временных отрезков встречается в исследуемом материале нечасто (6 употреблений).

б) названия возрастных периодов: Участники проекта «Живая струна» решили посочувствовать студентам и заодно рассказать курьёзные истории **из своей молодости**; **Правилам охоты на Севере учатся с детства**. В первом примере предложно-падежная конструкция совместно с глаголом-сказуемым относит нас в план прошлого, но конкретизирует его очень абстрактно. Во втором примере лексическая единица времени конкретизирует действие, не локализованное в конкретном временном отрезке, а выполняемое обычно. Название возрастных периодов редко употребляется в публицистических текстах, всего 2 употребления в отобранных нами синтаксических единицах.

7) название праздников: Амурская филармония приглашает «весело-весело» встретить **старый Новый год**; Благовещенск отметит **День города** театрализованным балом; Благовещенские библиотеки приготовили ко **Дню поэзии** большую программу; В канун **Светлого Христова Воскресения** для детей провели программу «Пасхальные радости». Особенностью данных лексических конструкций является то, что с их помощью не выражается датировка, но слушающий или читающий всегда понимает, о каком конкретно времени идёт речь. Наименование праздников представлено в выборке из публицистики в количестве 9 единиц.

Лексические единицы, не имеющие сему времени, представлены единичными примерами (3 единицы), что можно объяснить тем, что для публицистики более характерна временная определённость: **За работой** время летит незаметно. Она не заметила, как заснула **за чтением** рукописи. Пока мы сидели **за уроками**, она успела всё подготовить.

Таким образом, предложно-падежные формы, как демонстрируют представленные примеры, являются необходимым конкретизирующим компонентом высказывания, при помощи которого репрезентируется и конкретизируется временная семантика.

Собственно лексическими репрезентантами времени в русском языке являются временные наречия. Категория наречной темпоральности анализируется отдельно от именной, так как значение наречия, в отличие от значения существительного, не определяется словоформой, а «выступает только в одной единственной ипостаси и его временная семантика полностью исчерпывается лексическим значением» [Всеволодова, 1979, с. 104]. Обычно наречия являются уточнителями ориентации во времени, расширяют временное значение, уточняют, как часто происходит действие, выражают изменение времени. Наречия поясняют временное значение, которое передаётся формой глагола. Употребляясь с глаголами прошедшего времени, наречия уточняют основное значение предшествования моменту говорения. К таким наречиям относятся: **вчера**, обозначающее «в день перед сегодняшним» [Ожегов, 2012, с. 100]: **Вчера** в посёлке Садовом прошёл один из первых и самых ожидаемых open air; **Вчера** вышло постановление губернатора о проведении в сентябре «Амурской осени»; **позавчера**, обозначающее «накануне вчерашнего дня, третьего дня» [Ожегов, 2012, с. 446]: **Позавчера** в Амурской столице состоялся турнир по бально-спортивным танцам; Билеты на фильмы «Амурской осени» появились в продаже **позавчера**; **сегодня**, обозначающее «в этот, текущий

день, когда идёт речь» [Ожегов, 2012, с. 569]: *Сегодня* на площади Ленина прошёл большой праздник «Весёлое Рождество»; В центре краеведческих и музейных инициатив «Народный музей» *сегодня* открыли первую выставку в рамках историко-мемориального проекта «Вспомним поименно»; *сейчас*, обозначающее «только что, совсем недавно» [Ожегов, 2012, с. 570]: *Сейчас* участницы начали готовиться к поездке; Вот и *сейчас* библейская история вновь наделала много шума в молодёжной творческой среде Благовещенска. Наибольшей активностью среди представленных выше наречий обладает наречие *сегодня* (9 единиц) по сравнению с наречием *вчера* (5 единиц), *позавчера* (3 единицы), *сейчас* (2 единицы).

Следование одного события за другим в прошлом конкретизируют наречия: *сначала*, обозначающее «прежде, вначале, раньше чего-нибудь» [Ожегов, 2012, с. 591]: По традиции *сначала* сделали детский спектакль, потом взрослый; *Сначала* по залу пронёсся удивлённый вздох, а после грянули восторженные аплодисменты; *прежде*, обозначающее «раньше этого времени» [Ожегов, 2012, с. 472]: *Прежде* они продавали только в бумажном варианте, причём в разных местах города; В этот раз группа побывала в здании управления ЗАГС по Амурской области и узнала, где *прежде* располагались музейные коллекции и как делать запрос о восстановлении информации о своей родословной; Если *прежде* здесь проходили экскурсии и чаепитие, то теперь музей ещё и приглашает интересных гостей. Наречия, выражающие семантику следования одного события за другим в прошлом, не являются частотными в публицистике и представлены в следующем количестве: *сначала* (4 единицы), *прежде* (2 единицы).

Значение следования событий в прошлом выражают наречия: *потом*, обозначающее «спустя некоторое время, после» [Ожегов, 2012, с. 464]: «А *потом* начался голод, ужасы и детский дом», – рассказала блокадница Лилия Левина во время телемоста, который стал завершающим в проекте «Листая страницы «Блокадной книги»; 21 июля в Первомайском парке детей учили делать сладкую вату, а *потом* угощали мороженым; Только недавно коллектив вернулся из большого турне по области, *потом* провёл интерактивную программу «Ночь. Хор. Филармония»; *затем*, обозначающее «после этого, потом» [Ожегов, 2012, с. 190]: Мероприятие прошло сначала в Общественно-культурном центре, а *затем* и на главной площади Благовещенска; Главные приглашённые звёзды выступили 23 июня на церемонии открытия ярмарки, мероприятие было сначала в Общественно-культурном центре, а *затем* прошло на главной площади Благовещенска. Наречия, которые выражают значение следования событий в прошлом представлены следующим количеством употреблений: *потом* (5 единиц), *затем* (3 единицы).

Продолжительность прошедшего действия во времени уточняют наречия: *долго*, обозначающее «продолжительно, длительно» [Ожегов, 2012, с. 151]: Зрители *долго* аплодировали стоя; Как выяснилось, *долго* жил в Германии; Её вызывали на бис четыре раза, а потом поклонники *долго* стояли в очереди за автографами; *давно* в значении «в течение долгого времени» [Ожегов, 2012, с. 132]: И, похоже, этих ребят *давно* ждали зрители: за короткое время рейтинги телепроекта взлетели до небес; «Такого весёлого концерта мы давно ждали», – отмечали зрители по его окончании; Этот спектакль *давно* просился на сцену – чтобы в нём пели, танцевали и ещё играл живой оркестр; *всегда*, обозначающее «во всякое время, постоянно» [Ожегов, 2012, с. 97]: Поэтому Масленицу народ *всегда* старался отпраздновать как можно веселее и хлебосольнее; Почему 100 лет назад самовары продавали по весу, кто такие наводильщики и лудильщики, и зачем в горнице *всегда* был рушник; Украинский коллектив *всегда* отличался плотным графиком; *никогда*, обозначающее «ни в какое время, ни при каких обстоятельствах» [Ожегов, 2012, с. 343]: В городе на Амуре они не были *никогда* – Live UK Pink Floyd Show просто не выступают в залах вместимостью меньше тысячи; Но космонав-

том Сергей Лавренов никогда быть не хотел; Ещё никогда в похожем телепроекте «Голос» главный приз не делили между двумя участниками. Наречия, уточняющие продолжительность прошедшего действия во времени представлены следующим количеством: долго (4 единицы), давно (5 единиц), всегда (6 единиц), никогда (3 единицы).

Употребляться с глаголами будущего времени и уточнять значение следования за моментом говорения могут наречные лексемы: завтра, обозначающее «день, следующий за сегодняшним» [Ожегов, 2012, с. 173]: Завтра в Свободном начнётся спартакиада; Завтра портал Амур.net запустит фотоконкурс «Школа моими глазами»; Завтра в Благовещенске пройдёт первая в этом году ярмарка выходного дня; сегодня, обозначающее «в текущий день» [Ожегов, 2012, с. 569]: Сегодня далеко не все смогут закружиться под эти волнующие мелодии; Может быть, именно сегодня мы откроем новую звезду русского балета, – задумчиво улыбнулся преподаватель, внимательно всматриваясь в маленьких девочек, которые в ожидании своей очереди вцепились в руки своих мам; Сегодня Дима Билан выступит на сцене ОКЦ с новой программой "35. Неделимые"; теперь, обозначающее «в настоящее время, сейчас» [Ожегов, 2012, с. 635]: Шоумены теперь весь сезон будут вести мероприятия филармонии; Организаторы проекта говорят, что теперь они не будут ограничены календарными планами и форматом; Теперь к ней присоединятся и другие работы автора. Наречия, уточняющие значение следования за моментом говорения в будущем употребляются в публицистических текстах в следующем количестве: завтра (6 единиц), сегодня (3 единицы), теперь (3 единицы).

Длительность будущего действия конкретизирует наречие долго, обозначающее «продолжительно, длительно» [Ожегов, 2012, с. 151]: Выборы президента России-2018 уже вписаны в историю, и политологи долго будут обсуждать их результаты; Чтобы долго прожить, нужно много спать и вести здоровый образ жизни. Наречие долго, конкретизирующее длительность будущего действия представлено в количестве 2 единиц.

Быстроту прихода будущего события уточняют наречия: скоро, обозначающее «близко по времени, должно наступить через короткий промежуток времени» [Ожегов, 2012, с. 582]: Скоро в этом тихом центральном райончике Благовещенска откроется новый большой ресторан; Но, похоже, совсем скоро этот день завоюет массы читателей и вновь станет всенародным праздником; «Фактор 2»: по популярности мы скоро догоним Серёжу Жукова; сразу, обозначающее «в тот же момент, немедленно» [Ожегов, 2012, с. 608]: Сразу после Дня города в Благовещенске выступит признанный король пародий Александр Песков; И сразу им придётся работать на жюри; Дети сразу начнут показывать на воду пальчиками и шуметь в предвкушении представления. Наречия, уточняющие быстроту прихода будущего события представлены следующим количеством употреблений: скоро (5 единиц), сразу (3 единицы).

Регулярность, повтор событий в будущем уточняют наречия: снова, обозначающее «опять, ещё раз» [Ожегов, 2012, с. 592]: Автор «Лучшего спектакля» «Амурской осени-2019» Глеб Матвейчук снова выступит в Благовещенске; Популярный спектакль «Стиляги» снова соберёт полный зал в Благовещенске; Алексей Воронков, амурский писатель и журналист, автор дюжины романов, один из которых «Албазинец», в этом году снова станет претендентом на соискание премии; опять, обозначающее «ещё раз, снова» [Ожегов, 2012, с. 375]: И опять мне представится такая шикарная возможность; Ох, и напишут же на форуме опять кучу гадостей, – махнув рукой, заводит разговор президент клуба Vlagbike МС Олег Шульга (Шульц); И опять его песни будут звучать отовсюду, потому что снова настанет 25 января. Количество употреблений наречий, выражающих регулярность, повтор событий в будущем составляет: снова (7 единиц), опять (5 единиц).

На очерёдность будущих событий указывают следующие наречия: потом в значении «спустя некоторое время; позже» [Ожегов, 2012, с. 464]: Потом её назовут культо-

вой; Сначала всем нужно сделать взнос в помощь голодающим Поволжья, потом получить красный ленинский значок и только после этого «обряда» разрешено чувствовать себя в полных правах; Многие достали мобильные телефоны и начали снимать, чтобы потом показать друзьям; скоро, которое обозначает «близко по времени, через короткий промежуток времени» [Ожегов, 2012, с. 582]: Слово «сказочную» я умышленно поставил в кавычки – скоро поймёте, почему; Он не просто растит свой Амур Jazz Band, он ещё и воспитывает публику, которая, может быть, уже совсем скоро отбросит некую зажатость и будет бурно, не скупясь на эмоции, реагировать на удачные соло и импровизации. Наречия, указывающие на очередность будущих событий представлены в следующем количестве: *потом* (6 единиц), *скоро* (2 единицы).

К наречиям со значением «соответствия моменту речи» [Беляева, 2020, с. 14] можно отнести следующие: сегодня 1, в значении «в этот, сейчас идущий день» [Ожегов, 2012, с. 569]: Сегодня на вопросы Светланы Казачинской отвечает писатель Станислав Федотов; Сегодня на площади Ленина проходит большой праздник «Весёлое Рождество», его организует Городской Дом культуры; Сегодня в гостях у Светланы Казачинской Александр Маликов, писатель и журналист; сегодня 2, обозначающее «теперь, в настоящее время» [Ожегов, 2012, с. 569]: Сегодня в его репертуаре – свыше 1000 произведений; Имея за плечами только музыкальную школу и «ресторанные университеты», сегодня она может легко посоперничать с гастрوليрующими звёздами; Сегодня в Доме губернатора размещается Городской дом культуры; сейчас, обозначающее «теперь, в настоящее время» [Ожегов, 2012, с. 570]: Сейчас главреж занят постановкой французской комедии «Дура» по пьесе Марселя Ашара; Сам он сейчас отдыхает, изредка комментируя и дополняя информацию об исторических фактах или фотографиях, которые появляются на одном из краеведческих аккаунтов; Выставки Амурского областного краеведческого музея имени Г. С. Новикова-Даурского в последнее время записывались на видео, сейчас они доступны для просмотра в любое время; теперь, обозначающие «в настоящее время, сейчас» [Ожегов, 2012, с. 635]: Теперь он борется с ещё одним испытанием; Посмотреть спектакль, узнать о создании кукол и научиться управлять ими у артистов теперь могут дети из разных городов и районов области; VR-очки, 3D-принтер, цифровое фортепиано и не только теперь есть в благовещенской «чеховке». Наречия, выражающие семантику «соответствия моменту речи» имеют следующее количество употреблений в анализируемом материале: *сегодня 1*, в значении «в этот, сейчас идущий день» (2 единицы), *сегодня 2*, обозначающее «теперь, в настоящее время» (5 единиц), *сейчас* (5 единиц), *теперь* (3 единицы).

Таким образом, наречия уточняют ориентацию во времени, расширяют круг временных значений, выражая измерение времени и кратность действия.

Кроме того, лексическим средством выражения категории времени являются прилагательные. В рассматриваемом материале такие единицы не являются частотными (8 единиц), так как использование подобного рода лексических единиц не характерно для публицистических текстов. Рассмотрим несколько примеров: *Скетчинг* – быстрые зарисовки архитектуры города спиртовыми маркерами или черной ручкой; *Жизнь на чемоданах* продолжается, и на следующий день после открытия часть коллектива отправилась во Владивосток на Дальневосточный театральный форум; *Тогда все победные места завоевали* юные участники из Благовещенска. В первом примере с помощью прилагательного *быстрые* выражается длительность временного отрезка. Во втором предложении прилагательное *следующий* выражает значение последовательности. Прилагательное *юные*, представленное в третьем примере, выражает возрастную соотнесённость. Таким образом, с помощью семантики прилагательных могут выражаться различные временные значения, а именно: длительность, следование и возрастная соотнесённость.

В качестве лексических репрезентантов категории времени М. Н. Сироткина выделяет немногочисленные глаголы с компонентом «лексическое время» со следующими семантическими подгруппами: а) семантическая подгруппа «жизненный цикл»: *рождаться, взрослеть, расти, молодеть, стареть, умирать*; б) семантическая подгруппа «время трапезы»: *завтракать, обедать, полдничать, ужинать* [Сироткина, 2012, с. 5]. Обратимся к примерам: *9 мая 1924 года **родился** Булат Окуджава – советский и российский поэт, бард, композитор, прозаик и сценарист; Этот проект даёт возможность **поужинать** с любимой звездой*. Первый пример представляют семантическую подгруппу «жизненный цикл». Во втором примере употреблён глагол, относящийся к семантической подгруппе «время трапезы». Так, в исследуемом материале семантическая группа «жизненный цикл» представлена в количестве 3 единиц, а семантическая группа «время трапезы» – в количестве 1 единицы.

4. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ основных средств репрезентации временных отношений в русском языке показал, что центром функционально-семантического поля темпоральности являются грамматические средства, представленные видовременными формами глагола и причастиями. Однако грамматические средства в качестве основных средств выражения категории времени не всегда объективным образом репрезентируют категорию темпоральности по причине того, что значение формы глагола сильно зависит от контекста. К периферийной части поля темпоральности относятся лексические средства, представленные в русском языке именами (предложно-падежные формы имен существительных, прилагательные), глаголами с лексическим временным компонентом и наречиями. Лексические средства являются уточнителями временной ориентации видовременных форм глагола, помогают центральной части конкретизировать временное значение.

Функцию временного конкретизатора грамматического значения предшествования и следования относительно момента говорения, а также со значением «соответствия моменту речи» выполняют, во-первых, лексико-синтаксические средства (предложно-падежные конструкции с семой времени и предложно-падежные конструкции без семы времени), которые входят в группы с различным значением (наименования времён года, месяцев, дней недели, наименования единиц времени и их частей, неопределённых временных отрезков, наименования возрастных периодов и праздников), во-вторых, собственно лексические средства – наречия, выражающие значения следования событий в прошлом, следование одного события за другим в прошлом, продолжительность действия в прошлом, длительность будущего действия, быстроту прихода будущего события, регулярность событий в будущем, очерёдность событий в будущем и совпадение события с моментом говорения. Самыми немногочисленными лексическими репрезентантами категории времени в публицистических текстах являются прилагательные (выражают значения длительности и последовательности) и глаголы (семантические группы «жизненный цикл» и «время трапезы»).

Список литературы

- Беляева, 2020 – Беляева Н. В. Временные отношения и средства их выражения в прозе Е. И. Носова (на материале наречий времени) // Курское слово. Курск, 2020. № 21. С. 14–19.
- Бондарко, 1971 – Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л. : Наука, 1971. 115 с.
- Бондарко, 1976 – Бондарко А. В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике // Принципы и методы семантических исследований. М. : Наука, 1976. С. 180–202.
- Бондарко, 1990 – Бондарко А. В. Функциональная грамматика: Темпоральность. Модальность. Л. : Наука, 1990. 264 с.

- Бурнакова, Боргоякова, 2020 – Бурнакова К. Н., Боргоякова Т. Н. Взаимодействие временных форм глаголов в фольклорных текстах // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 2. С. 26–32.
- Всеволодова, 1976 – Всеволодова М. В. О семантическом согласовании глаголов и именных темпоральных распространителей // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 103–113.
- Гловинская, 2001 – Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видовременной системе русского глагола. М. : Русские словари, Азбуковник, 2001. 320 с.
- Криворучко, 1963 – Криворучко П. М. Грамматические значения временных форм русского глагола. Киев : «Рад. школа», 1963. 63 с.
- Ожегов, 2012 – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений ; под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М. : Мир и Образование : Астрель : Оникс, 2012. 736 с.
- Пешковский, 2013 – Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : URSS, 2013. 434 с.
- Пометелина, 2019 – Пометелина С. М. Когнитивная природа становления грамматической категории времени русского глагола // Вестник Сибирского гос. ун-та путей сообщения: гуманитарные исследования. Новосибирск, 2019. № 1 (5). С. 77–83.
- Сироткина, 2012 – Сироткина М. Н. Глаголы современного русского языка с компонентом «лексическое время» в структуре значения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Сироткина Мария Николаевна ; Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2012. 25 с.
- Шаповалова, 1990 – Шаповалова Т. Е. Предложно-падежные формы с временным значением как фрагмент темпоральной системы русского языка // Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика : межвуз. сб. науч. тр. М., 1990. С. 159–166.

UDC 81'36

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_57_70

Anastasia S. Korshunova, Nina V. Laguta
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
anastasiakorshun1992@gmail.com, nlaguta@mail.ru

Means of representing temporality relations in journalistic writing (Based on local internet news site)

Abstract

Features of human perception of time are reflected in the language and participate in forming a coherent picture of the world of particular language speakers. The category of time in the Russian language can be represented by various language means. This work presents a description of grammatical and lexical means expressing temporality in journalistic writing. During the study, tense-aspect forms of verbs and participles were identified as the major grammatical means to express temporality. The main lexical means included nouns, adjectives, verbs and adverbs with the semantics of time. As a result, we were able to conclude that grammatical means are the central means of expressing the category of time. However, they are not always able to objectively represent the category of time due to the fact that the meaning of a verb form in Russian largely depends on the context. Therefore, lexical means are the peripheral part of the functional-semantic field of time that specify its central part – the grammatical category of time.

Keywords: time, temporality, grammatical and lexical means, context, adverb, verb, noun, adjective, center, periphery.

For citation: Korshunova A. S., Laguta N. V. (2021). Sredstva reprezentatsii vremennykh otnosheniy v publitsisticheskikh tekstakh (na materiale regional'nykh novostnykh saytov) [Means of representing temporality relations in journalistic writing (Based on local internet news site)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 57–70. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_57_70.

References

- Belyaeva, N. V. (2020). Vremennye otnosheniya i sredstva ikh vyrazheniya v proze E. I. Nosova (na materiale narechiy vremeni) [Temporary relations and means of their expression in the prose of E. I. Nosov (Based on the adverbs of time)]. *Kurskoe slovo* [Kursk Word], 21, 14–19.
- Bondarko, A. V. (1971). *Grammaticheskaya kategoriya i kontekst* [Grammatical category and context]. Leningrad : Nauka Press.
- Bondarko, A. V. (1976). Kategorial'nye i nekategorial'nye znacheniya v grammatike [Categorical and non-categorical meanings in grammar]. *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and methods of semantic research] (pp. 180–202). Leningrad : Nauka Press.
- Bondarko, A. V. (1990). *Funktsional'naya grammatika: Temporal'nost'. Modal'nost'* [Functional Grammar: Temporality. Modality]. Leningrad : Nauka Press.
- Burnakova, K. N., Borgoyakova, T. N. (2020). Vzaimodeystvie vremennykh form glagolov v fol'klornykh tekstakh [The interaction of verbal tense forms in folklore texts]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (2), 26–32.
- Vsevolodova, M. V. (1979). O semanticheskom soglasovanii glagolov i imennykh temporal'nykh rasprostraniteley [On the semantic congruence of verbs and nominal temporal complementizers]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1, 103–113.
- Glovinskaya, M. Ya. (2001). *Mnogoznachnost' i sinonimiya v vidovremennoy sisteme russkogo glagola* [Polysemantics and synonymy in the tense-aspect system of the Russian verb]. Moscow : Russkie slovari Press, Azbukovnik Press.
- Krivoruchko, P. M. (1963). *Grammaticheskie znacheniya vremennykh form russkogo glagola* [Grammatical meaning of the tense forms of the Russian verb]. Kiev : Rad. Shkola Press.
- Ozhegov, S. I. (2012). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 100 000 slov terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 100,000 words, terms and phraseological units] : Ed. by L. I. Skvortsova. Moscow : Mir i Obrazovanie Press : Astrel' Press : Oniks Press.
- Peshkovskiy, A. M. (2013). *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific view]. Moscow : URSS Press.
- Pometelina, S. M. (2019). Kognitivnaya priroda stanovleniya grammaticheskoy kategorii vremeni russkogo glagola [The cognitive nature of the formation of the Russian verb grammatical tense category]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: gumanitarnye issledovaniya* [The Siberian Transport University Bulletin: Humanitarian Research]. Novosibirsk. 1 (5), 77–83.
- Sirotkina, M. N. (2012). *Glagoly sovremennogo russkogo yazyka s komponentom «leksicheskoe vremya» v strukture znacheniya* [Verbs of the modern Russian language with the component «lexical time» in the structure of meaning]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Tambov : Derzhavin Tambov State University.
- Shapovalova, T. E. (1990). Predlozhno-padezhnye formy s vremennym znacheniem kak fragment temporal'noy sistemy russkogo yazyka [Prepositional forms with the meaning of time as a fragment of the temporality system of the Russian language]. *Leksicheskaya, slovoobrazovatel'naya i sintaksicheskaya semantika* [Lexical, derivational and syntactic semantics: Interuniversity. Scientific labor] : A collection of Scientific papers (pp. 159–166). Moscow.

Хань Юфэн

**Научно-исследовательский институт по межнациональным отношениям
г. Харбин, КНР**

Мэн Шусянь

**Департамент по национальным вопросам этнических меньшинств
Провинция Хэйлунцзян, КНР
mahayer_111@sina.com**

Морозова Ольга Николаевна, Иванашко Юлия Петровна,

Процукович Елена Александровна, Андросова Светлана Викторовна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

morozova_olga06@mail.ru, polia-80@mail.ru, amursea@mail.ru, androsova_s@mail.ru

Булатова Надежда Яковлевна

Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук

Санкт-Петербург, Российская Федерация

bulatovany@gmail.com

Сопоставительные характеристики категории наклонения глагола в ороchonском и эвенкийском языках

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты анализа грамматической категории наклонения глагола ороchonского языка и способы её образования; проведён сопоставительный анализ полученных данных со сведениями научной литературы о морфологических формах наклонения в языке эвенков России и ороchonов Китая. Исследование показало, что система наклонения эвенкийского языка представлена гораздо большим количеством его видов. Суффиксы изъявительного наклонения в настоящем-будущем, прошедшем и будущем временах ороchonского языка находят частичные соответствия в языке эвенков. При равном количестве грамматических категорий повелительного наклонения в двух языках, система аффиксов ороchonского языка данного наклонения представлена большим количеством вариантов, часть из которых имеет неполные соответствия в эвенкийском языке. Морфологические показатели сослагательного наклонения сравниваемых языков не обнаруживают корреляции.

Ключевые слова: ороchonский язык, эвенкийский язык, грамматика, морфология, глагол, категория наклонения, изъявительное наклонение, повелительное наклонение, сослагательное наклонение.

© Хань Юфэн, Мэн Шусянь, Морозова О. Н., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я. 2021

Для цитирования: Хань Юфэн, Мэн Шусянь, Морозова О. Н., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я. Сопоставительные характеристики категории наклонения глагола в ороchonском и эвенкийском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 71–79. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_71_79.

1. Введение [Introduction]

Данное исследование является частью научной работы коллектива авторов, занимающихся изучением парадигматики и синтагматики языка орочонов Китая. К настоящему моменту описаны грамматические категории имени существительного (число, склонение, притяжательность) и лексико-грамматические разряды местоимений в ороchonском языке. Полученные результаты были сопоставлены со сведениями научной литературы о формах и способах образования имён существительных и местоимений в эвенкийском языке [Морозова et al., 2019 ; Хань Юфэн et al., 2020 а]. В текущее время ведётся сопоставительный анализ категорий глагола в ороchonском и эвенкийском языках, на первом этапе которого были рассмотрены категории залога и вида [Хань Юфэн et al., 2020 б]. В настоящей работе предпринята попытка описания и сравнения грамматической категории наклонения.

Ц е л ь ю данной работы является описание грамматической категории наклонения и способов его образования в ороchonском языке. Актуальность проведения анализа грамматического строя ороchonского языка заключается во фрагментарности имеющихся на сегодняшний день данных и необходимости их упорядочивания и классификации. Полученные данные сопоставляются с имеющимися в научной литературе сведениями о значениях и способах образования грамматических категорий глагола в эвенкийском языке, что определяет новизну предпринятого исследования.

При рассмотрении грамматической категории наклонения в ороchonском мы основывались на исследованиях Хань Юфэна и Мэн Шусянь [Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 1993, 2013, 2014 ; Мэн Шусянь, 2017]¹.

2. Формы наклонения и способы их образования в ороchonском языке [Mood and manner of its production in Orochon]

Наклонение – это грамматическая категория глагола, выражающая отношение содержания высказываемого к действительности [Ахманова, 2007, с. 248]. Наклонение представляет собой одно из основных средств реализации отношений предикативности в предложении [Болдырев, 2007, с. 657].

В ороchonском языке Хань Юфэн и Мэн Шусянь [Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 1993, 2013] выделяют следующие виды наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное. В эвенкийском языке, кроме вышеупомянутых видов, выделяют долженствовательное / возможно-долженствовательное и наклонение вероятности [Болдырев, 2007 ; Булатова, 2002 ; Константинова, 1964]; повелительное [Болдырев, 2007 ; Булатова, 2002]; побудительное [Болдырев, 2007 ; Константинова, 1964]; желательное [Константинова, 1964]. В дополнение к указанным формам наклонения в эвенкийском языке Б. В. Болдырев описывает наклонение намерения, косвенно-повелительное, побудительно-предостерегательное, наклонение возможного действия, безлично возможно-долженствовательное и прошедше-вероятное и настоящее-вероятное наклонения [Болдырев, 2007].

2.1. Изъявительное наклонение [Fact mood]

Изъявительное наклонение – это категориальная форма наклонения, указывающая на соответствие между содержанием высказываемого и действительностью, то есть указывающая на то, что действие (состояние, процесс), обозначаемое основой глагола, представляется говорящим как действительно происходящее, происходившее или имеющее произойти. Изъявительному наклонению противопоставляются косвенные накло-

¹ Перевод китайского текста на русский язык выполнен Е. В. Береза (кафедра иностранных языков Амурского государственного университета)

нения [Ахманова, 2007, с. 248]. Изъявительное наклонение обладает грамматическими категориями лица и числа и, в соответствии с этим, спрягается, изменяясь по лицам [Болдырев, 2007, с. 658].

В ороchonском языке выделяют следующие формы изъявительного наклонения – настоящее постоянное, настоящее продолженное (совершается в текущий момент), настоящее-будущее время, настоящее-будущее завершённое, прошедшее постоянное, прошедшее завершённое время, будущее время. Эти формы образуются с помощью присоединения аффиксов времени и лица [Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 2013].

2.1.1 Настоящее время [*Present Tense*]

Форма настоящего постоянного времени изъявительного наклонения обозначает, что действие совершается регулярно, постоянно, и к тому же ещё будет совершаться. Образуется с помощью аффикса: *-уки*. Например:

Бү шōрти гивчēнуи улэйэн дебу^{уки}вун – 'Мы часто (всегда, постоянно) косулье мясо едим'.

Бй шōрти тэхэн улгучē^{уки}в – 'Я часто (всегда, постоянно) так говорю'.

Форма настоящего продолженного времени изъявительного наклонения в ороchonском языке обозначает, что действие находится в процессе совершения, образуется аналитически: глагол в условно-временной форме с аффиксом *-ми-л* и вспомогательного глагола *-бишин* (*би* 'быть', который берёт на себя оформление грамматических функций лица и числа). Например:

Ахинни^в гэрбэмил бишин – 'Старший брат мой трудится постоянно'.

Тихтэ тихтэмил бишин – 'Дождь идёт всё время'.

Форма настоящего-будущего времени изъявительного наклонения обозначает, что действие произошло во время разговора, то есть в момент речи, или произойдёт после него. Образуется с помощью следующих аффиксов: *-ра*, *-рэ*, *-ла*, *-лэ*, *-та*, *-тэ*, *-да*, *-дэ*. Например:

Бү эдү дебутэ^в – 'Мы здесь будем есть'.

Шү илэ нэнэрэй – 'Вы куда пойдёте?'

Бү тимāна йабурав – 'Мы завтра пойдём'.

Форма настоящего-будущего завершённого времени изъявительного наклонения обозначает, что действие скоро закончится, образуется с помощью аффикса *-ōчā*:

Эүэчин гэрбэрэн байанāнōчā – 'Если так трудиться, точно можно разбогатеть'.

Эри кōхан эцин дōлдирэ аминдүви дянчиврэнōчā – 'Если этот ребёнок не будет слушаться, отцом избит непременно будет'.

В ходе сопоставительного анализа двух генетически родственных языков было установлено частичное соответствие некоторых морфологических показателей. Так, в эвенкийском языке выделяются суффиксы *-ра*, *-рэ*, *-да*, *-дэ*, которые используются его носителями для выражения настоящего времени с суффиксом несовершенного вида *-дя*, *-де*, *-дэ*, так и настоящего совершенного действия без данного суффикса:

Куңакār аят алагүвдяра – 'Дети хорошо учатся'.

Бэеткэн химат дйōлā йрэн – 'Мальчик быстро в дом вошёл' (действие закончилось в момент речи).

Тунгусоведы объясняют это возможным недифференцированным значением данных времён в прошлом [Болдырев, 2007, с. 658 ; Константинова, 1964, с. 179]. Как можно видеть из приведённых выше примеров, в ороchonском языке аналогичные суффиксы применяются для выражения настоящего-будущего времени изъявительного наклонения. Таким образом, прослеживается близость употреблений морфемных форм в двух языках в упомянутых значениях. Однако в результате анализа речи ороchonов была выявлена более развитая система способов выражения настоящего-будущего времени.

Орочонский суффикс настоящего постоянного времени *-уки* не находит корреляции с суффиксами аналогичного времени в эвенкийском. Можно предположить, что данный суффикс имеет морфологическую близость с суффиксом *-вки* эвенкийского причастия обычного действия настоящего времени. Нельзя не отметить, что в эвенкийском существует суффикс *-укй*, но он является показателем не настоящего, а прошедшего времени [Болдырев, 2007, с. 686]. Орочонские суффиксы настоящего продолженного и настоящего-будущего завершённого времён (*-ми-л* и *-бчā* соответственно) не находят аналогов в языке эвенков.

В целом, изучение суффиксов настоящего времени позволяет сделать вывод о более развитой системе образования форм данного времени в орочонском языке по сравнению с эвенкийским.

2.1.2 Прошедшее время [Past Tense]

Форма прошедшего времени изъявительного наклонения обозначает, что действие произошло раньше, и образуется с помощью аффиксов *-ча*, *-чэ*, *-чā*, *-чэ̄*:

Бӯ дебчэ̄вун – 'Мы поели'.

Щй тй̄нэ̄вэ̄ эмэчэ̄й? – 'Ты вчера приехал?'

Бӯ тй̄нэ̄вэ̄ гивчэ̄н вāчā̄вун – 'Мы вчера убили косулю'.

Щй тй̄нэ̄вэ̄ гивчэ̄н вāчā̄й? – 'Вы вчера убили косулю?'

Формы прошедшего постоянного времени обозначает, что действие происходило в прошлом, на данный момент уже не продолжается (см. первые два примера). Форма прошедшего завершённого времени изъявительного наклонения обозначает, что действие уже давно завершилось в прошлом (см. вторые два примера). Оба времени образуются с помощью вспомогательного глагола *бичэ̄*:

Бӯ нэ̄вду шōрти улэ̄йэ̄ дебункивун бичэ̄ – 'Мы раньше всегда мясо ели'.

Аминнӣв нэ̄вду шōрти гивчэ̄н вāн̄ки бичэ̄ – 'Отец мой раньше всегда косуль добывал'.

Бй эри дй̄бдӯ āначив бичэ̄ – 'Я в этом доме ночевал когда-то'.

Щин̄н̄и амӣңй улгучэ̄нэ̄ бичэ̄ – 'Твой отец говорил когда-то раньше'.

Сопоставление реализации прошедшего времени в орочонском и эвенкийском языках показало морфологическую корреляцию – суффиксы с долгими гласными *-чā*, *-чэ̄* совпадают, однако суффиксов с краткими гласными в эвенкийском языке нет.

Прошедшее постоянное и прошедшее завершённое времена орочонского языка имеют несколько иную форму образования по сравнению с обычным прошедшим временем – суффикс прошедшего времени *-чэ̄* присоединяется не к смысловому глаголу, а к вспомогательному *би-*. Такое образование глаголов имеется и в эвенкийском языке:

Бй дй̄лā̄ви эмэчэ̄в – 'Я домой пришёл'.

Нуңартын̄ горолō нулгичэ̄тын̄ – 'Они далеко откочевали'.

2.1.3 Будущее время [Future Tense]

Форма будущего времени изъявительного наклонения обозначает действие, которое произойдёт в будущем. Образуется с помощью аффиксов: *-дя*, *-де*, *-дй̄*, *-дэ̄*:

Бй тимā̄на мурина̄ дйа̄дй̄в – 'Я завтра пойду поймаю лошадь'.

Бӯ тимā̄на йабудй̄вун – 'Мы завтра пойдём'.

Бй щихӣэ̄ дебдэ̄в – 'Я вечером поем'.

Бӯ гучин̄ нулгидэ̄вун – 'Мы в следующем году будем переезжать'.

Контрастивный анализ морфемных форм наклонения орочонского и эвенкийского языков выявил как сходства, так и их отличия. Суффиксы *-дя*, *-де*, *-дй̄*, *-дэ̄* используются для образования будущего времени в обоих языках. Однако эвенкийский язык представлен более сложной системой формирования будущего времени – в нём выделяют три его вида: будущее, будущее ближайшее и будущее неопределённое, формы кото-

рых образуются путём прибавления дополнительных аффиксов к -дя, -дē, -дѐ, которые совпадают с ороchonскими, а также -дяңа, -деңэ, -дѐңэ и -дял, -дел, -дѐл.

2.2 Повелительное наклонение [Imperative mood]

Повелительное наклонение – категориальная форма наклонения, выражающая непосредственное волеизъявление [Ахманова, 2007, с. 249; Болдырев, 2007, с. 705]. В ороchonском языке выделяют две формы повелительного наклонения – повелительное наклонение настоящего времени и повелительное наклонение будущего времени.

2.2.1 Повелительное наклонение настоящего времени [Imperative mood. Present tense]

Повелительное наклонение настоящего времени в ороchonском языке обозначает предложение или пожелание произвести действие в настоящее время, или действие, которое побуждает другого человека что-то сделать. Образуется с помощью аффиксов со значением повеления и аффиксов лица к основе глагола.

К повелительным аффиксам настоящего времени 1-го лица относятся: -хта, -хтэ, -хто, -йи, -ни, -хи, -га, -гэ, -на, -нэ и другие. Например:

Бй йабухта – 'Я пойду-ка'.

Бу ябууивун – 'Мы пойдём-ка'.

Микй мудинма тингэл! – 'Давай-ка лошадь отпусти!'

Дѐхтэ дебухтэ – 'Еду поём-ка'.

К повелительным аффиксам настоящего времени 2-го лица относятся: -хал, -хэл, -нал, -нэл. Например:

Щй дѐди йабухал – 'Иди быстрее'.

Шу айиди ичэхэлу! – 'Вы хорошенько посмотрите!'

К повелительным аффиксам настоящего времени 3-го лица относятся: -йи, -ни, -хи. Минни нэхунив эмэйин – 'Попроси-ка прийти моего младшего брата (Пусть мой младший брат приходит)'.

Йабуйитин! – 'Попроси их уйти (Пусть они уходят)'.

Набор морфологических показателей повелительного наклонения настоящего времени в ороchonском языке представлен бóльшим количеством форм по сравнению с эвенкийским, при этом сопоставляемые языки демонстрируют частичное совпадение использующихся суффиксов. Ороchonские суффиксы 1-го лица ед. числа -хта, -на обнаруживают соответствия в эвенкийском языке -кта, -на. В суффиксах -кта / -хта двух языков отмечается чередование начальных согласных, которые имеют одинаковое место образования, но разный способ. Суффиксы 1-го лица мн. числа также демонстрируют неполное совпадение и представлены парой суффиксов – -гат (эвенк. яз.) и -га (ороч. яз.). Ороchonский суффикс -хал 2-ого лица ед. числа коррелирует с эвенкийским -кал. В 3-ем лице ед. числа отмечается корреляция суффиксов, подобная случаям, описанным выше, т. е. пары морфологических форм двух языков -хи, -ни (ороч. яз.) и -ги, -ни (эвенк. яз.) отличаются только способом образования начальных согласных.

2.2.2 Повелительное наклонение будущего времени [Imperative mood. Future tense]

Повелительное наклонение будущего времени обозначает надежду, просьбу, приказ, мольбу, которые следуют за завершением некой ситуации. Образуется с помощью присоединения к основе глагола повелительного аффикса и аффикса лица. К повелительным аффиксам будущего времени относятся -да, -дэ, дѐ, дѐ. Например:

Щй дѐхтэ дебухиэмэр йабудѐй – 'Ты пищу поешь, а потом идите-ка'.

Бу шэлэхихэмэр дебудѐвун – 'Мы проснувшись, поедем'.

Микй дебушэмэр йабудяр – 'Мы поедем, а потом давай пойдём'.

Таршал бми этэхинэмэр дебүдэтин – Как они доделают, давай поедем.

Повелительные аффиксы будущего времени ороchonского языка находят свои аналоги в эвенкийском языке, в котором они представлены историческим суффиксом целевого деепричастия *-дā / -mā / -dē* в сочетании с возвратно-притяжательными суффиксами *-ви / -вар / -вэр*, например, *-дāви / -дāвэр / -māvэр*.

2.3 Сослагательное наклонение [Subjunctive mood]

Сослагательное наклонение – это категориальная форма косвенного наклонения, обычно с развитой системой оттенков (вариантов) модального значения, объединяемых общим признаком отсутствия прямого соответствия содержания высказываемого действительности [Ахманова, 2007, с. 249]. Иными словами, глаголы в форме сослагательного наклонения обозначают действие, которое могло бы реализоваться при определённых обстоятельствах [Болдырев, 2007, с. 700]. Сослагательное наклонение в ороchonском языке образуется присоединением к основе глагола аффиксов времени изъявительного наклонения, условия и аффиксов показателей лица.

Выделяют три формы условного наклонения. Первая форма – настоящего-будущего времени условного наклонения – обозначает действие, которое является обязательной предпосылкой (условием) другого действия или состояния, совершающегося в настоящее время. Образуется с помощью аффикса *-хи*. Например:

Бй айцинахив, тари нян айцинан – 'Если я буду спать, то и он тоже будет спать'.

Щй айади гэрбэхий, эмути аңуани байанди – 'Ты хорошенько потрудись, через год уже сможешь разбогатеть'.

Форма прошедшего времени условного наклонения обозначает действие, которое когда-то было обязательным условием для совершения другого действия или состояния. Образуется с помощью аффикса *-ших*. Например:

Бй нэнэшихив, эдев йабухāна бичэ – 'Если бы я пошёл, мне не позволили бы уйти'.

Бў йабудяшихвун, шў мунэвэ эдешўн ичэрэ бичэ – 'Если бы мы ушли, вы бы нас не смогли увидеть больше'.

Форма будущего времени условного наклонения обозначает действие, которое является в будущем обязательным условием для совершения другого действия. Образуется с помощью аффикса *-ших*. Например:

Шў нэнэдэшихишун, бў нян нэнэдевун – 'Если вы пойдёте, то и мы тоже пойдём'.

Тарил йабудяшихтин, бў эдэвун нэнэ – 'Если они уйдут, то и мы не пойдём'.

Сопоставительный анализ морфем, образующих сослагательное наклонение в ороchonском и эвенкийском языках, не выявил их корреляции. Так, в отличие от ороchonского языка, в эвенкийском суффиксом сослагательного наклонения во всех лицах и числах является *-мча, -мчā, -мчэ*, тогда как в ороchonском выбор показателя данного наклонения зависит от времени глагола (ср. *-хи* – настоящее-будущее время, *-ших* – прошедшее и будущее время) – в эвенкийском языке такой зависимости не отмечено.

3. Заключение [Conclusion]

Предпринятое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Количество наклонений в ороchonском и эвенкийском языках значительно отличается: если в языке ороchonов насчитывается три наклонения, то в эвенкийском языке разными исследователями (Б. В. Болдыревым, Н. Я. Булатовой, О. В. Константиновой) выделяется от пяти до пятнадцати наклонений.

2. Суффиксы изъявительного наклонения, использующиеся для выражения настоящего-будущего времени в ороchonском и эвенкийском языках, частично совпадают,

однако данная грамматическая категория в языке ороحوнов представлена бóльшим количеством образующих её морфемных форм.

3. Изъявительное наклонение в прошедшем времени в ороحوном языке имеет иную форму образования по сравнению с эвенкийским, присоединяя суффикс *-чэ* к вспомогательному глаголу *би-*. В эвенкийском языке соответствующий суффикс добавляется к основе смыслового глагола.

4. Будущее время в ороحوном языке представлено одной формой, тогда как в эвенкийском языке выделяют три его разновидности, в связи с чем образующие их морфологические формы являются более разнообразными и вариативными.

5. Повелительное наклонение сопоставляемых языков выражено одинаковым количеством категорий, однако в ороحوном языке набор морфологических показателей данного наклонения более многообразен, и часть использующихся в нём аффиксов не находит коррелятов в языке эвенков. Кроме того, у схожих суффиксов двух языков наблюдается чередование начальных согласных фонем.

6. Единственным наклонением, в котором не выявлена корреляция аффиксальных морфем, оказалось сослагательное наклонение.

Настоящая работа представляет собой четвёртый этап комплексного исследования грамматической системы ороحوного языка. В перспективе планируется продолжить описание знаменательных и служебных частей речи ороحوного языка в сопоставлении с аналогичными грамматическими категориями языка российских эвенков.

Список литературы

- Ахманова, 2007 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стер. М.: Ком-Книга, 2007. 576 с.
- Болдырев, 2007 – Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. 932 с.
- Булатова, 2002 – Булатова Н. Я. Эвенкийский язык в таблицах. СПб.: Дрофа, 2002. 64 с.
- Константинова, 1964 – Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.–Л.: Наука, 1964. 274 с.
- Хань Юфэн и др., 2019 – Сопоставительные характеристики категории имени существительного в ороحوном и эвенкийском языках / О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, Хань Юфэн, Мэн Шусянь // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 4, № 5. С. 171–181.
- Хань Юфэн и др., 2020 а – Сопоставительные характеристики местоимений в ороحوном и эвенкийском языках / О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, Хань Юфэн, Мэн Шусянь // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 1. С. 161–171.
- Хань Юфэн и др., 2020 б – Сопоставительные характеристики категорий залога и вида глагола в ороحوном и эвенкийском языках / О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, Хань Юфэн, Мэн Шусянь // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 4. С. 136–145.
- Мэн Шусянь, 2017 – Мэн Шусянь. Общее описание ороحوного языка в Китае // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 1. С. 67–86.
- Са Сижун. Элементарная китайско-орочонская сопоставительная хрестоматия. Пекин: Изд-во национальностей, 1981. 71 с.
- Ху Цзэньи, 1986 – 胡增益, 鄂伦春语简志/北京: 民族出版社, 1986 年, 209 页. [Ху Цзэньи. Краткое описание ороحوного языка. Пекин: Народное изд-во, 1986. 209 с.].
- Ху Цзэньи, 2001 – 胡增益 《鄂伦春语研究》 民族出版社 2001 年 [Ху Цзэньи. Исследование ороحوного языка. Изд-во Миньцзу, 2001. 293 с.]
- Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 1993 – 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/ 北京. 中央民族学院出版社出版. 1993 年. 385 页. [Хань Юфэн, Мэн Шусянь. Сопоставительная хресто-

матия ороchonского и китайского языков. Пекин : Центральное изд-во Ин-та национальных меньшинств, 1993. 385 с.].

Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 2013 – 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 简明鄂伦春语读本/哈尔滨市: 黑龙江教育出版社, 2013 年, 185 页 [Хань Юфэн, Мэн Шусянь. Краткая хрестоматия ороchonского языка. Харбин : Изд-во образования провинции Хэйлунцзян, 2013. 185 с.].

Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 2014 – 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 中国鄂伦春语方言研究/大阪市: 国立民族学博物館の人間文化研究機構, 2014 年, 113 页. [Хань Юфэн, Мэн Шусянь. Исследование диалектов ороchonского языка. Осака : Изд. отдел Нац. музея этнологии, 2014. 113 с.].

Материалы..., 2014 – 鄂伦春语材料/黑河市: 黑河市民族宗教事务局, 2014 年, 111 页. [Материалы по ороchonскому языку (сборник). Хэйхэ : Отдел по делам национальностей и религий Правительства г. Хэйхэ, 2014. 111 с.].

УДК 811.512.212, 81'33

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_71_79

Han Youfeng
Research Institute for Interethnic Relations
Harbin, China

Meng Shuxian
Department of National Affairs of Ethnic Minorities
Heilongjiang province, China
 mahayer_111@sina.com

Olga N. Morozova, Yulia P. Ivanashko, Elena A. Protsukovich, Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
 morozova_olga06@mail.ru, polia-80@mail.ru, amursea@mail.ru, androsova_s@mail.ru

Nadezhda Ya. Bulatova
Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
 bulatovany@gmail.com

Comparing mood category in Orochon and Evenki

Abstract

The current article focuses on the results of the analysis of the Orochon language mood category and the ways of its forming. The data obtained are compared with the scientific researches on the mood morphological forms in the Evenki language. The study reveals a larger variety of mood categories of the Evenki grammatical system. The fact mood suffixes of the present-future, past and future tenses in the Orochon language have partial correlation in the Evenki language. The imperative mood in both languages is represented by an equal number of grammatical categories. Therefore, imperative affixes system of the Evenki language is less rich than the one of the Orochon language. Some of the imperative morphemes in the compared languages partially correlate. The sets of subjunctive mood suffixes in the Evenki and Orochon do not correspond.

Keywords: the Orochon language, the Evenki language, grammar, morphology, verb, mood, fact-mood, imperative mood, subjunctive mood.

© Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova O. N., Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Androsova S. V., Bulatova N. Ya. 2021

For citation: Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova O. N., Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Androsova S. V., Bulatova N. Ya. (2021). Sopostavitel'nye kharakteristiki kategorii nakloneniya glagola v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing mood category in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 71–79. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_71_79.

References

- Akhmanova, O. S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : KomKniga Press.
- Boldyrev, B. V. (2007). *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Morphology of the Evenki language]. Novosibirsk : Nauka Press.
- Bulatova, N. Ya. (2002). *Evenkiyskiy yazyk v tablitsakh* [The Evenki language in tables]. St Petersburg : Drofa Press.
- Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow – Leningrad : Nauka Press.
- Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya., Han Youfeng, Meng Shuxian. (2019). Sopostavitel'nyye kharakteristiki kategorii imeni sushchestvitel'nogo v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparative analysis of the noun in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 171–181.
- Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2020 a). Sopostavitel'nyye kharakteristiki mestoimений v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing pronouns in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (1), 161–171.
- Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2020 b). Sopostavitel'nyye kharakteristiki kategoriy zaloga i vida glagola v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing voice and aspect categories in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (4). 136–145.
- Meng Shuxian. (2017). Obshcheye opisaniye orochonskogo yazyka v Kitaye [General description of the Orochon language in China]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], № 3 (1), 67–86.
- Sa Sizhun. (1981). *Elementarnaya kitaysko-orochonskaya sopostavitel'naya khrestomatiya* [Sino-Orochonian Comparative Reading]. Beijing : Natsional'nosti Press.
- 胡增益, 鄂伦春语简志/北京:民族出版社, 1986年, 209页 [Hu Zengyi. (1986). *Short description of the Orochon Language*. Beijing].
- 胡增益《鄂伦春语研究》民族出版社2001年 [Hu Zengyi, Meng Shuxian. (2001). *Studies in the Orochon Language*. Minzu Press].
- 韩有峰(卡基尔),孟淑贤,鄂伦春语汉语对照读本/北京:中央民族学院出版社出版. 1993年. 385页 [Han Youfeng, Meng Shuxian. (1993). *Comparative reader of the Orochon and Chinese*. Central publishing house of the Institute for National Minorities].
- 韩有峰(卡基尔),孟淑贤,简明鄂伦春语读本/哈尔滨市:黑龙江教育出版社, 2013年, 185页 [Han Youfeng, Meng Shuxian. (2013). *Brief reader of the Orochon language*. Heilongjiang Province Education Publishing House].
- 韩有峰(卡基尔),孟淑贤,中国鄂伦春语方言研究/大阪市:国立民族学博物館の人間文化研究機構, 2014年, 113页 [Han Youfeng, Meng Shuxian. (2014). *The study of the dialects of the Orochon language*. Publishing Department of the National Museum of Ethnology, Osaka].
- 鄂伦春语材料/黑河市:黑河市民族宗教事务局, 2014年, 111页 [Materials on the Orochon language (collection). (2014). Department of Nationalities and Religions of Heihe government].

Омаров Артур Абдулагаджиевич
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала, Российская Федерация
arturorient@mail.ru

Семема «ухо» в репрезентации соматического кода культуры в даргинской и арабской фразеологических картинах мира

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному описанию этнических особенностей кодификации объективной реальности, вербализованной фразеологическими средствами с соматизмом «ухо» в даргинском и арабском языках. Актуальность затронутой проблемы заключается в том, что в системе антропоцентрического языкознания сопоставительное исследование соматической фразеологии даргинского и арабского языков с компонентом «ухо» ещё не нашло своего освещения. Материалом анализа послужили устойчивые сочетания слов с семемой «ухо» в даргинском и арабском языках, вычлененные методом сплошной выборки из лексикографических справочников сопоставляемых языков. Предметом исследования являются ментальные сущности, отражённые во фразеологическом пространстве соматизма «ухо» в даргинском и арабском языках. Исследование показывает, что в тематическом плане межъязыковой тезаурус соматизма «ухо» свидетельствует о подавляющей лакунарности рубрик даргинского языка в арабском. Вербализация номинируемых реалий с опорой на одинаковые прототипические ситуации имеет место в тематических группах «внимание», «наказание» и «удивление». Тематические группы арабского языка «назидание», «фитонимы», «вдоволь, много» лакунарны в составе устойчивых сочетаний слов с семемой «ухо» в даргинском языке. В этническом сознании даргинцев и арабов внимательный представляется в образе того, кто виртуально превращается в ухо, сценарий потягивания уха ассоциируется с наказанием кого-либо, а удивление человека ассоциируется с тем, что он не верит своим ушам.

Ключевые слова: соматизм, фразеологизм, концептуализация, композиционная семантика, этническое сознание, даргинский язык, арабский язык.

© Омаров А. А. 2021

Для цитирования: Омаров А. А. Семема «ухо» в репрезентации соматического кода культуры в даргинской и арабской фразеологических картинах мира // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 57–70. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_80_91.

1. Введение [Introduction]

В работах, посвящённых исследованию языковой картины мира, стало традиционным обращение к идеям Вильгельма фон Гумбольдта и его последователей неогумбольдтианцев о существовании особого языкового видения мира [Гумбольдт, 1984, с. 37–78]. Однако, не смотря на определённые недостатки тезиса о том, что язык выступает формой овладения миром, но не выступает формой особого мира [Колшанский, 1990, с. 16], антропоцентрические изыскания, базирующиеся на этой идее, получили широкое распространение в современной лингвистике. Это связано с тем, что несмотря на общность объективной реальности, она по-разному концептуализируется в разных языках.

Задачей антропоцентрических исследований, теоретической базой которых являются вышеуказанные идеи, является определение специфики национального видения мира. Наиболее рельефно этнокультурные особенности обнаруживаются при сравнении

внутренней формы, являющей собой отпечаток мысли, который имел место в момент формирования языковой единицы [Маслов, 1988, с. 45–46]. Во внутренней форме сохраняется историческая память слова [Добродомов, 2002, с. 103, Николаева 2002, с. 36]. Внутренняя форма определяется калькированием семантики сравниваемых единиц, позволяющим установить мотивацию наименования [Солодуб и др., 2005, с. 175], что лучше всего, на наш взгляд, проявляется во фразеологической семантике.

Антропоцентрическая парадигма, став ведущим направлением общего языкознания, получила признание и в отечественной лингвистике [Верещагин, Костомаров, 2000; Вежбицкая, 2001; Арутюнова, 1999; Апресян, 1995, с. 37–67; Тер-Минасова, 2000; Фрумкина, 2001; Маслова, 2007; Алпатов, 2001, с. 16–24 и др.].

Антропоцентрические исследования особенно релевантны применительно к языкам малых народов, к которым относится и даргинский язык. Это объясняется тем, что «полиэтнический Дагестан переживает глубокий кризис, по сути дела наблюдается прогрессирующий этноморфоз, хотя этническая эрозия ещё не приняла обвального характера» [Гаджихамедов, 2007, с. 11].

Известно, что арабский язык оказал ощутимое влияние на даргинский язык, как и на другие дагестанские языки. Значительная часть арабских заимствований прочно закрепились в лексической системе дагестанских языков. Арабизмы находят широкое употребление как в разговорно-обиходной речи, так и в литературных языках. Арабские заимствования существенно обогатили лексический состав этих языков. В дагестанском обществе всегда был и есть на сегодняшний день большой интерес к изучению арабского языка и его влияния на дагестанские языки. Обращение к материалам даргинского и арабского языков обусловлено ещё и тем, что автор данной статьи является носителем даргинского языка и арабистом по профессии.

Свидетельством широкого распространения антропоцентрической парадигмы являются многочисленные труды, посвящённые вопросам романо-германской и славянской филологии. Данное направление оказывает ощутимое влияние и на дагестанское языкознание, включая и материалы даргинского языка [Гацайниева, 2007; Ибрагимова, 2009; Мирзаханова, 2009; Абдулкадырова, 2010; Майтиева, 2011; Раджабова, 2012; Магомедова, 2013; Гаджиалиева, 2017].

Сравнительно-сопоставительные лингвокультурологические исследования арабского и дагестанских языков проводятся на различных уровнях и материалах [Асельдерова, 2013; Магомедова, 2014; Аштабекова, 2016; Гасанова, Меджидова, 2017 и др.].

Этнолингвистика арабского языка анализируется в основном на уровне фразеологических единиц [Морозова, 2004; Лебедев, 2016; Абянова, 2017; Рамазанова, 2017; Магомеднабиев, Магомедова, 2019 и др.]. Важное место в арабской фразеологии занимает сопоставление фразеоречений Корана и классического арабского языка [Ушаков, 1996].

Данная статья является продолжением серии наших работ, посвящённых сопоставительному исследованию соматического кода культуры в даргинской и арабской фразеологических картинах мира, в которых были описаны этнические особенности кодификации объективной реальности, вербализованной фразеологическими средствами с такими соматизмами, как «голова», «глаз», «язык» и др. Соматизм «ухо» фразеологически достаточно продуктивен в сопоставляемых языках, что и обусловило наше обращение в качестве материала анализа к устойчивым сочетаниям слов с данной семемой.

Актуальность затронутой проблемы заключается в том, что в системе антропоцентрического языкознания сопоставительное исследование соматической фразеологии даргинского и арабского языков с компонентом «ухо», несмотря на его важность, ещё не нашло своего освещения. Научная новизна работы в том, что в ней впервые в сопоставительном аспекте описывается фразеологическая картина мира соматизма «ухо»

даргинского и арабского языков в корреляции с прототипами, признаки которых явились мотивационной базой её вербализации.

Ц е л ь исследования – определение особенностей этнического восприятия экстралингвистической реальности, вербализованной устойчивыми сочетаниями слов с соматизмом «ухо» в даргинском и арабском языках. **З а д а ч и** исследования: выборка фразеологизмов с семемой «ухо» в даргинском и арабском языках, определение их количественного состава, отбор рубрик по общности кластеров, сопоставительный анализ семантики межъязыковых фразеологических пар. **М е т о д о м** исследования является сопоставление внутренних форм устойчивых сочетаний слов с компонентом «ухо» посредством анализа особенностей концептуализации наивной картины мира даргинцев и арабов с последующим описанием обнаруженных сходств и различий.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что общее антропоцентрическое языкознание дополняется новыми научными фактами и эмпирическим материалом, полученными из проведённого анализа даргинской и арабской соматической фразеологии с соматизмом «ухо». Практическая ценность работы в том, что её результаты могут быть использованы в практике преподавания даргинского и арабского языков в высшей школе, а богатый фактический материал исследуемых языков может послужить ресурсом для подготовки межъязыковых фразеологических словарей и тезаурусов идиоматических выражений.

2. Эксперимент [Experiment]

Сплошная выборка из лексикографических справочников даргинского языка позволила выделить 37 устойчивых сочетаний слов с компонентом *лихли* «ухо».

Разнообразные аспекты проявления ментальной сущности «в н и м а н и е» отражены в структуре 6 фразеологических единиц с компонентом *лихли* «ухо», ср.: *Лихлиби суркдара* – букв. «уши протри», т. е. «хорошенько прислушайся» [Магомедов, 1997, с. 123]; *Ца лихли сахъли саби* – букв. «одно ухо чуткое есть», т. е. «слушает внимательно» [Гасанова, 2018, с. 267]; *Келпра лихли дингаили* – букв. «оба уха наострив», т. е. «внимательно слушать» [Гасанова, 2018, с. 128]; *Лихли ветаэс* – букв. «в ухо превратиться», т. е. «быть настороже», «держат ушки на макушке» [Гасанова, 2018, с. 159]; *Ца лихлили лехлахъес* – букв. «одним ухом слушать», т. е. «прислушиваться к происходящему вокруг» [Гасанова, 2018, с. 267]; *Лихлиби дингаэс* – букв. «уши держать торчком», т. е. «наострить уши», «держат ушки на макушке» [Гасанова, 2018, с. 159].

Семантика 2 устойчивых сочетаний слов с компонентом *лихли* «ухо» объединена общностью темы «н е в н и м а т е л ь н о с т ь», ср.: *Лихли пяхъбирули ахлен* – букв. «ухом не шевелит», т. е. «и ухом не ведёт», «не обращает внимание» [Юсупов, 2017, с. 610]; *Ца лихлилизирад духинадерхурли, итилизирад дурадиркур* – букв. «в одно ухо влетев, из другого вылетит», т. е. «пропускать все мимо ушей» [Гасанова, 2018, с. 267].

Различные аспекты проявления шума вербализованы в морфологии 7 устойчивых сочетаний слов, ср.: *Лихлиби глянцидариб* – букв. «уши оглушил», т. е. «очень громко» [Магомедов, 1997, с. 123]; *Лихлибазибад гурбухъесли* – букв. «чтобы в ушах зазвенело», т. е. «громко крикнуть» [Магомедов, 1997, с. 123]; *Лихлибазибад тлярхъибухъун* – букв. «уши дырявыми стали», т. е. «от громкого разговора и крика» [Магомедов, 1997, с. 123]; *Лихлиби дучули сари* – букв. «уши шумят, звенят», т. е. «звенит в ушах» [Магомедов, 1997, с. 123]; *Лихлилизи туп игъубсигъуна тлама лебри* – букв. «звук был такой, будто в ухо пушкой выстрелили», т. е. «раздался очень громкий звук» [Магомедов, 1997, с. 124]; *Лихлиби къянхлевливан* – букв. «как будто уши закрыты», т. е. «громко разговаривать» [Гасанова, 2018, с. 159]; *Лихлиби дуцили ахъбуцибси кецлаван* – букв. «как щенок, которого подняли за уши», т. е. «громко визжать, орать» [Гасанова, 2018, с. 160].

Семантика 6 фразеологизмов с компонентом *лихли* «ухо» объединена общностью темы «наказание», ср.: *Лихли битлакӀэс* – букв. «ухо потянуть», т.е. «наказывать» [Юсупов, 2017, с. 609]; *Лихли сирбарес* – букв. «скрутить ухо», т.е. «наказывать» [Магомедов, 1997, с. 124]; *Лихли буцес* – букв. «взять за ухо», т.е. «сильно поругать», «наказывать» [Магомедов, 1997, с. 124]; *Лихлбала бачи бирис* – букв. «из ушей бусы следаю», т.е. «уши оторву» [Магомедов, 1997, с. 123]; *Лихлила гӀела чегахъиб* – букв. «сзади уха приложил», т.е. «дал подзатыльник» [Магомедов, 1997, с. 124]; *Лихлиби дуцили кавкес* – букв. «за уши схватив привести», т.е. «привести силой» [Гасанова, 2018, с. 159].

Семема «надоелливость» объединяет 4 устойчивых сочетания слов с компонентом *лихли* «ухо», ср.: *Лихлбазивад вакӀили сай* – букв. «из ушей пришёл», т.е. «надоел со своими разговорами» [Магомедов, 1997, с. 123]; *Лихлиби жягъдикӀахъули* – букв. «заставив уши жужжать», т.е. «предельно надоест постоянными разговорами об одном и том же» [Гасанова, 2018, с. 159]; *Лихлила мялякъ сабитӀун* – букв. «ушной червь вытащил», т.е. «от чрезмерной болтовни уши перестали слышать», «надоел разговорами» [Магомедов, 1997, с. 124]; *Лихлилизиб хӀунзван* – букв. «словно слепень в ухе», т.е. «о назойливом человеке» [Гасанова, 2018, с. 160].

Тема «орство» представлена в структуре 2 фразеологизмов с компонентом *лихли* «ухо», ср.: *ШайтӀа лихли* – букв. «ухо шайтана», т.е. «непослушный мальчик» [Магомедов, 1997, с. 204]; *ЭмхӀела лихли* – букв. «ослиное ухо», т.е. «разбалованное дитя» [Магомедов, 1997, с. 209].

Следующие 10 устойчивых сочетаний слов в отмеченном нами тезаурусе фразеологического пространства соматизма *лихли* «ухо», не сводимы к единой теме. Они кодифицируют различные рубрики, например: удивление *Лихлбачи вирххӀерес* – букв. «ушам не верить», т.е. «сильно удивляться, изумляться, поражаться услышанному» [Гасанова, 2018, с. 159]; часть тела *Лихлила бухъмуй* – букв. «ушной курдюк», т.е. «мочка уха» [Юсупов, 2017, с. 610] и др.: *Лихлбала ургаб бекӀ дигалли* – букв. «если между ушами хочешь голову», т.е. «если хочешь жить» [Магомедов, 1997, с. 123]; *Лихлбани аргъесли буриб* – букв. «сказал так, чтобы уши слышали», т.е. «доходчиво сказал» [Магомедов, 1997, с. 123]; *Лихлбазу жарма картӀили саби* – букв. «в уши бронзу налили», т.е. «ничего не слышит» [Магомедов, 1997, с. 123]; *Лихлиби гӀянцили, хӀулби сукъурли* – букв. «с глухими ушами, со слепыми глазами», т.е. «человек, который не сплетничает» [Магомедов, 1997, с. 123]; *Ца лихлӀили усули сай, цархӀил лихлӀили лехӀирхъули сай* – букв. «одним ухом спит, другим слушает», т.е. «спит чутко» [Магомедов, 1997, с. 190]; *ГӀярала лихлбар* – букв. «с ушами зайца», т.е. «о человеке, который любит подслушивать» [Гасанова, 2018, с. 72]; *ГӀяра лихлбар* – букв. «с заячьими ушами», т.е. «о трусливом человеке» [Гасанова, 2018, с. 75]; *КӀелра лихлӀиван чехӀебиид* – букв. «не увидишь как оба уха», т.е. «никогда не увидишь, не узнаешь» [Гасанова, 2018, с. 128].

Обращение к лексикографическим справочникам арабского языка позволила нам выделить 25 устойчивых сочетаний слов с компонентом *أذن* «ухо».

Различные аспекты проявления внимания отражены в структуре 4 фразеологических единиц с компонентом *أذن* «ухо», ср.: *فتح أذنيه جيّدا* – «прислушиваться» [Баранов, 1985, с. 30], букв. «хорошо открыть, раскрыть свои уши»; *انهم أذان مُصَغِيّة* – «они готовы внимательно слушать» [Баранов, 1985, с. 29], букв. «они (есть) внимающие уши»; *أصبح كلّه أذنا صاغية* – «развесить уши» [Фавзи, Шкляр, 1989, с. 496], букв. «стать, сделаться полностью слушающими ушами»; *صرّ أذنه* – «насторожиться, наострить уши» [Баранов, 1985, с. 433], букв. «связывать ухо».

Семантика 5 устойчивых сочетаний слов с компонентом *أذن* «ухо» объединена общностью темы «невнимательность», ср.: *لبس أذنه* – «пропускать мимо ушей» [Фавзи, Шкляр, 1989, с. 494], букв. «одеть свои уши»; *جعل أذنا من طين و أخرى من عجين* – «пропускать мимо ушей» [Фавзи, Шкляр, 1989, с. 494], букв. «сделать одно ухо

из глины, другое – из теста»; ألقى دُبْرَ أذنيه بنصائح – «пропускать мимо ушей советы» [Баранов, 1985, с. 245], букв. «бросать советы за уши»; سَدَّ أذنيه – «не желать слушать» [Баранов, 1985, с. 351], букв. «заткнуть уши»; لم يجد أذنا واعية – «никто его не слушал» [Баранов, 1985, с. 30], букв. «он не нашёл внимательного уха».

Тема «назидание» отражена в структуре 2 фразеологических единиц с компонентом أذن «ухо», ср.: ضَعَبَهَا حَلَقَةً فِي أَذْنِكَ – «заруби себе на носу» [Фавзи, Шкляров, 1989, с. 324], букв. «положи себе в ухо кольцо, серьгу (в виде кольца)»; حَطَّه حَلَقَةً فِي أَذْنِهِ – «намотать на ус» [Фавзи, Шкляров, 1989, с. 489], букв. «ставить кольцо, серьгу (в виде кольца) в ухо».

Следующие 2 устойчивых сочетания слов с компонентом أذن «ухо» номинируют фитоимы, ср.: أَذَانُ الْفَأْرِ – «незабудка» [Баранов, 1985, с. 29], букв. «уши мыши»; أَذَانُ الدَّبِّ – бот. «медвежье ухо» [Баранов, 1985, с. 29], букв. «уши медведя».

В структуре 2 фразеологических единиц кодифицировано значение «вдоволь, много», ср.: حَتَّى أَذْنِهِ – «по горло» [Фавзи, Шкляров, 1989, с. 494], букв. «до ушей»; غَرَقَ فِي شَيْءٍ إِلَى أَذْنِهِ – «погружаться по уши во что-либо» [Баранов, 1985, с. 561], букв. «погружаться во что-либо до ушей».

Остальные 10 устойчивых сочетаний слов в отмеченном нами тезаурусе фразеологического пространства соматизма أذن «ухо», не сводимы к единой теме. Они репрезентируют различные рубрики, например: لَا يَصْدُقُ أَذْنِيهِ – «не верить своим ушам» [Баранов, 1985, с. 433], букв. «он не верит своим ушам»; حَاسَةُ الْإِذْنِ – «ушная раковина» [Баранов, 1985, с. 106], букв. «корона уха»; نَاقِظُ الْإِذْنِ – «трепать кого-либо за уши; наказывать» [Баранов, 1985, с. 395], букв. «тянуть, растягивать ухо» и др.: نَامَ عَلَى أَذْنِهِ – «ничего не делать» [Баранов, 1985, с. 30], букв. «спать на ушах»; اسْتَغْرَقَ فِي النَّوْمِ إِلَى أَذْنِهِ – «спать непробудным сном» [Баранов, 1985, с. 30], букв. «погрузиться в сон до ушей»; صَمَّمَ الْأُذْنَ – «оглушать» [Баранов, 1985, с. 444], букв. «закупорить, заткнуть (пробкой) ухо»; قَرَعَ آذَانَهُمْ عَنْ ... – «прожужжать кому-либо уши о...» [Баранов, 1985, с. 633], букв. «стучать, бить по чьим-либо ушам»; إلتِهَابُ الْأُذْنِ – «отит, воспаление уха» [Баранов, 1985, с. 731], букв. «воспламенение уха»; كُلُّ وَقْتٍ وَ لَهُ آذَانٌ – «всякому овощу своё время» [Фавзи, Шкляров, 1989, с. 330], букв. «у каждого времени свои уши»; لَيْسَ لَهُ آذَنٌ مُوسِيقِيَّةٌ – «медведь на ухо наступил» [Фавзи, Шкляров, 1989, с. 280], букв. «у него нет музыкального уха».

3. Заключение [Conclusion]

Сравнение данных межъязыкового фразеологического тезауруса соматизма «ухо» свидетельствует о том, что отмеченные в даргинском языке тематические группы «проявления шума», «надоедливость» и «озорство» не представлены в корпусе фразеологизмов арабского языка. В то же время, тематические группы арабского языка «назидание», «фитонимы», «вдоволь, много» лакунарны в составе устойчивых сочетаний слов с семемой «ухо» в даргинском языке. В рубрике «разное» нами обнаружено по одному совпадению семантики фразеологизмов по темам «удивление» и «часть тела», а также одно соответствие арабского фразеологизма тематической группе даргинского языка «наказание».

В тематической группе «внимательность», представленной 6 устойчивыми сочетаниями слов с компонентом «ухо» в даргинском языке и 4 в арабском, отмечен единственный случай одинаковой репрезентации данной ментальной сущности: в этническом сознании даргинцев и арабов внимательный представляется в образе того, кто виртуально превращается в ухо, ср.: *Luxlu wetaəs* – букв. «в ухо превратиться», т. е. «быть настороже», «держат ушки на макушке»; أَصْبَحَ كُلُّهُ آذَنًا صَاغِيَةً – «развесить уши», букв. «стать, сделаться полностью слушающими ушами»; أَنَّهُمْ آذَانٌ مُصْنَعِيَّةٌ – «они готовы внима-

тельно слушать», букв. «они (есть) внимающие уши». Остальные фразеологизмы данной группы указывают на различное видение внимательности даргинцами и арабами.

Внимательность даргинца объективирована в образе навострённых (торчащих) ушей, ср.: *ЛихIби дингаэс* – букв. «уши держать торчком», т. е. «наострить уши», «держат ушки на макушке»; *КIелра лихIли дингаили* – букв. «оба уха наострив», т. е. «внимательно слушать».

Внимательный даргинец виртуально протирает уши, что является вербализацией реальной ситуации протирания ушей, когда человек плохо слышит, ср.: *ЛихIби суркда-ра* – букв. «уши протри», т. е. «хорошенько прислушайся».

Сценарий слушания одним ухом в сознании даргинцев репрезентирует внимательность различной степени интенсивности: слушание одним ухом представляется как внимательность в меньшей степени концентрации, ср.: *Ца лихIили лехIахъес* – букв. «одним ухом слушать», т. е. «прислушиваться к происходящему вокруг». Чуткость же одного уха в сознании даргинцев воспринимается как внимательность в большей степени, ср.: *Ца лихIли сахъли саби* – букв. «одно ухо чуткое есть», т. е. «слушает внимательно».

В представлении арабов, в отличие от даргинцев, внимательность реализуется в метафорическом открывании или связывании ушей, ср.: *فتح أذنيه جيدًا* – «прислушиваться», букв. «хорошо открыть, раскрыть свои уши»; *صرَّ أذنه* – «насторожиться, наострить уши», букв. «связывать ухо».

Рубрика «н е в н и м а т е л ь н о с т ь», состоящая из 2 фразеологизмов с семой «ухо» в даргинском языке и 3 в арабском, вербализована с опорой на различные прототипические ситуации.

В представлении даргинцев невнимательный человек ассоциируется с тем, кто и ухом не шевелит или с тем, у кого в одно ухо влетает, а из другого вылетает, ср.: *ЛихIли пяхъбирули ахIен* – букв. «ухом не шевелит», т. е. «и ухом не ведёт», «не обращает внимание»; *Ца лихIилизирад духIнадерхурли, итиллизирад дурадиркур* – букв. «в одно ухо влетев, из другого вылетит», т. е. «пропускать все мимо ушей».

Невнимательный в этническом сознании арабов представляется в образе человека, который метафорически «одевает» свои уши, делает одно ухо из глины, другое – из теста или «бросает советы за уши», ср.: *لبس أذنه* – «пропускать мимо ушей», букв. «одеть свои уши»; *جعل أذنا من طين و أخرى من عجين* – «пропускать мимо ушей», букв. «сделать одно ухо из глины, другое – из теста»; *ألقى دُبْرَ أذنيه بنصائح* – «пропускать мимо ушей советы», букв. «бросать советы за уши».

Отсутствие внимания к говорящему отразилось в сознании арабов как ситуация, когда он не находит «внимательного» уха, ср.: *لم يجد أذنا واعية* – «никто его не слушал», букв. «он не нашёл внимательного уха».

Не желающий слушать представляется для арабов в образе того, кто затыкает уши, ср.: *سدَّ أذنيه* – «не желать слушать», букв. «заткнуть уши».

Кластер «н а к а з а н и е», отмеченный 6 устойчивыми сочетаниями слов с семой «ухо» в даргинском языке и 1 в арабском, включает одну пару фразеологизмов, указывающих на одинаковую репрезентацию данной ментальной сущности: сценарий потягивания уха в сознании даргинцев и арабов ассоциируется с наказанием кого-либо, ср.: *ЛихIли битIахIэс* – букв. «ухо потянуть», т. е. «наказывать»; *شدَّ أذنه* – «трепать кого-либо за уши; наказывать», букв. «тянуть, растягивать ухо».

Взять за ухо или скрутить ухо в представлении даргинцев также связывается с наказанием, ср.: *ЛихIли буцес* – букв. «взять за ухо», т. е. «сильно поругать», «наказывать»; *ЛихIли дуцили кавкес* – букв. «за уши схватив привести», т. е. «привести силой»; *ЛихIли сирбарес* – букв. «скрутить ухо», т. е. «наказывать».

В сознании даргинцев с наказанием ассоциируется и виртуальный сценарий изготовления бус из ушей, а также удар рукой в затылок, а именно в часть головы за ушами, ср.: *ЛихIбала бачи бирис* – букв. «из ушей бусы сделаю», т. е. «уши оторву»; *ЛихIила гIела чегахъиб* – букв. «сзади уха приложил», т. е. «дал подзатыльник».

Тема «у д и в л е н и е», представленная единичными устойчивыми сочетаниями слов с семемой «ухо», свидетельствует о том, что данный фрагмент фразеологической картины мира концептуализирован одинаково: и даргинцы, и арабы при удивлении не верят своим ушам, ср.: *ЛихIбачи вирххIерес* – букв. «ушам не верить», т. е. «сильно удивляться, изумляться, поражаться услышанному»; لا يصدق أذنيه – «не верить своим ушам», букв. «он не верит своим ушам».

В межъязыковом фразеологическом пространстве соматизма «ухо» нами отмечена фразеологическая пара, номинирующая ч а с т ь т е л а – мочка в даргинском языке и ушная раковина – в арабском. Несмотря на денотативное отличие данных реалий, их образная репрезентация представляется интересной. В представлении даргинцев мочка уха представляется как курдюк уха, ср.: *ЛихIила бухъмуй* – букв. «ушной курдюк», т. е. «мочка уха». В сознании арабов ушная раковина ассоциируется с короной, ср.: تاج الأذن – «ушная раковина», букв. «корона уха».

Как следует из проведённого сопоставительного анализа межъязыкового фразеологического пространства соматизма «ухо» в даргинском и арабском языках, вербализация номинируемых реалий с опорой на одинаковые прототипические ситуации отмечена в тематических группах «внимание», «наказание» и «удивление». Как было отмечено выше, в этническом сознании даргинцев и арабов внимательный представляется в образе того, кто виртуально превращается в ухо, сценарий потягивания уха ассоциируется с наказанием кого-либо, а удивление человека ассоциируется с тем, что он не верит своим ушам.

Перспективность изысканий в данном направлении обусловливается тем, что настоящая статья является одним из фрагментов исследования национально-специфических особенностей всего корпуса соматической фразеологии даргинского и арабского языков, которому будут посвящены наши дальнейшие работы.

Список литературы

- Абдулкадырова, 2010 – Абдулкадырова П. М. Компаративные фразеологические единицы даргинского языка в сопоставлении с английским языком : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Абдулкадырова Патимат Мирзаевна ; Дагестанский государственный педагогический университет. Махачкала, 2010. 172 с.
- Абянова, 2017 – Абянова А. Р. Соматизм сердце в Коране и его функции // Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка. Грозный : АЛЕФ, 2017. С. 61–65.
- Алпатов, 2001 – Алпатов, В. М. Мировая лингвистика XX века и национальная лингвистика // Вопросы филологии. 2001. Вып. 3, № 9. С. 16–24.
- Апресян, 1995 – Апресян Ю. Д. Образ человека: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
- Арутюнова, 1999 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Асельдерова, 2013 – Асельдерова Р. О. Концептуализация грамматических значений в арабском языке в сравнительном освещении. Махачкала, 2013. 170 с.
- Аштабекова, 2016 – Аштабекова Д. А. Соматизм «палец» в концептуализации наивной картины мира (на материале лезгинского и арабского языков) // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10, № 4. С. 32–37.
- Баранов, 1985 – Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М. : Русский язык, 1985. 943 с.

- Вежицкая, 2001 – Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 392 с.
- Верещагин, 2000 – Верещагин Е. М., Костомаров К. Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2000. 84 с.
- Гаджиалиева, 2017 – Гаджиалиева М. Г. Фрагмент «человек» в зоонимической картине мира в языках различных типологий (на материале даргинского, английского и арабского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Гаджиалиева Марьям Гусеновна ; Дагестанский гос. пед. ун-т. Махачкала, 2017. 202 с.
- Гаджихмедов, 2007 – Гаджихмедов Н. Э. Роль этноязыкового фактора в этническом самосознании этносов в полилингвокультурной ситуации Дагестана // Контенсивная типология естественных языков / отв. ред. П. А. Магомедова. Махачкала : Изд-во ДГУ, 2007. С. 9–12.
- Гасанова, Меджидова, 2017 – Гасанова М. А., Меджидова И. Р. Лингвокультурологический анализ арабских и кумыкских проклятий // Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка. Грозный : АЛЕФ, 2017. С. 248–253.
- Гасанова, 2018 – Гасанова У. У. Фразеологический словарь даргинского языка. Махачкала : Деловой мир, 2018. 300 с.
- Гацайниева, 2007 – Гацайниева Г. К. Сопоставительный анализ соматических фразеологических единиц даргинского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Гацайниева Гюльбарият Курбангаджиевна ; Дагестанский гос. пед. ун-т. Махачкала, 2007. 151 с.
- Гумбольдт, 1984 – Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. С. 37–78.
- Добродомов, 2002 – Добродомов И. Г. Ещё раз об исторической памяти в языке // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 103–108.
- Ибрагимова, 2009 – Ибрагимова Г. Х. Национально-культурный компонент в лексике и фразеологии даргинского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Ибрагимова Галима Хизрикадиевна ; Дагестанский гос. ун-т. Махачкала, 2009. 175 с.
- Колшанский, 1990 – Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М. : Наука, 1990. 107 с.
- Лебедев, 2016 – Лебедев В. В. Как устроена арабская временная система // Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка. Грозный : АЛЕФ, 2016. С. 170–179.
- Магомеднабиев, Магомедова, 2019 – Магомеднабиев А. А., Магомедова С. И. Особенности меропонимии соматизма «лицо» во фразеологии аварского и арабского языков // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 361–363.
- Магомедов, 1997 – Магомедов Н. Г. Даргинско-русский фразеологический словарь. Махачкала, 1997. 215 с.
- Магомедова, 2014 – Магомедова С. И. Соматические фразеологизмы аварского и арабского языков в объективации наивной картины мира. Махачкала : S'perper, 2014. 126 с.
- Магомедова, 2013 – Магомедова Э. И. Фразеосемантическое поле «Поведение человека» в даргинском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Магомедова Эльмира Исламалиевна ; Ин-т языкознания РАН. М., 2013. 175 с.
- Майтиева, 2011 – Майтиева Р. А. Структурно-семантическая характеристика пословиц и поговорок даргинского языка в сопоставлении с английским : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Майтиева Раисат Алиевна ; Дагестанский гос. пед. ун-т. Махачкала, 2011. 167 с.
- Маслов, 1987 – Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1987. 272 с.
- Маслова, 2007 – Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Academia, 2007. 194 с.
- Мирзаханова, 2009 – Мирзаханова С. Д. Фразеологизмы с качественной характеристикой человека в даргинском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Мирзаханова Саят Джамалутдиновна ; Дагестанский гос. пед. ун-т. Махачкала, 2009. 174 с.

- Морозова, 2004 – Морозова В. С. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов современного арабского литературного языка // Арабская филология. Сб. статей, посвященных 75-летию Г. М. Габучана. Вып. 2. М. : Гуманитарий, 2004. С. 110–120.
- Николаева, 2002 – Николаева Т. М. Скрытая память языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 15–41.
- Раджабова, 2012 – Раджабова Н. Г. Структурно-семантический анализ благопожеланий и проклятий даргинского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Раджабова Наида Габизовна ; Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. Махачкала, 2012. 168 с.
- Рамазанова, 2017 – Рамазанова Р. Т. Образ женщины в арабских пословицах и поговорках // Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка. Грозный : АЛЕФ, 2017. С. 333–337.
- Солодуб и др., 2005 – Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б., Кузнецов А. Ю. Теория и практика художественного перевода. М. : Academia, 2005. 304 с.
- Тер-Минасова, 2000 – Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово/ Slovo, 2000. 624 с.
- Ушаков, 1996 – Ушаков, В. Д. Фразеология Корана: Опыт сопоставления фразеоречений Корана и арабского классического языка. М. : Изд-во "Восточная литература" РАН, 1996. 204 с.
- Фавзи, Шкляр, 1989 – Фавзи А. М., Шкляр В. Т. Учебный русско-арабский фразеологический словарь. М. : Русский язык, 1989. 614 с.
- Фрумкина, 2001 – Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М. : Academia, 2001. 315 с.
- Юсупов, 2017 – Юсупов Х. А. Даргинско-русский словарь. М. : Перо, 2017. 1136 с.

UDC 811.351.22; 811.411.21

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_80_91

Artur A. Omarov
Dagestan State University
Mahachkala, Russian Federation
 arturorient@mail.ru

Sememe “ear” in the representation of somatic cultural code in the phraseological picture of the world in Dargin and Arabic

Abstract

The article presents the results of comparative study of ethnic peculiarities of the codification of the objective reality verbalized by the phraseological means with the somatism “ear” in the Dargin and Arabic languages. The actuality of the problem is that the comparative analysis of the somatic phraseology of the Dargin and Arabic languages with the component “ear” in the system of anthropological linguistics has not been the focus of researchers’ attention. Phraseologisms with the sememe “ear” are the material for analysis in these two languages in the Dargin and Arabic languages chosen from the lexicographical manual books of the Dargin and Arabic languages. The subject for research is the mental nature represented in the phraseological space of somatism “ear” in the Dargin and Arabic languages. The research shows that in the thematic plan the interlanguage thesaurus of somatism “ear” reflects an overwhelming lacunarity categories of the Dargin language in the Arabic. The verbalization of the nominated realities with the involvement of the equal prototypical situations takes place in the thematic groups “attention”, “punishment” and “astonishment”. The thematic groups of the Arabic language “warning to”, “phytonym”, “enough, many” are lacunar in phraseologisms with the sememe “ear” in the Dargin language. In the ethnic consciousness of the Dargins and Arabs attentive appears in the image of one who virtually turns into an ear, the ear sipping scenario is associated with the punishment of someone and astonishment is associated with that he doesn’t believe his ears.

Keywords: somatism, phraseologism, conceptualization, compositional semantics, ethnic consciousness, Dargin language, Arabic language.

© Omarov A. A. 2021

For citation: Omarov A. A. (2021). Semema «ukho» v reprezentatsii somaticheskogo koda kul'tury v darginskoy i arabskoy frazeologicheskikh kartinakh mira [Sememe “ear” in the representation of somatic cultural code in the phraseological picture of the world in Dargin and Arabic]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 80–91. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_80_91.

References

- Abdulkadyrova, P. M. (2010). *Komparativnye frazeologicheskie edinitsy darginskogo yazyka v sopostavlenii s angliyskim yazykom* [Comparative phraseological units of the Dargin language in comparison with the English language]. PhD in Philological sci. diss. Makhachkala : Dagestan State Pedagogical University.
- Abyanova, A. R. (2017). Somatizm serdtse v Korane i ego funktsii [Somatism heart in the Quran and its functions]. *Aktual'nye problemy arabskoy filologii i metodiki prepodavaniya arabskogo yazyka* [Current issues of Arabic philology and Arabic language teaching methods] (pp. 61–65). Groznyy : ALEF Press.
- Alpatov, V. M. (2001). Mirovaya lingvistika XX veka i natsional'naya lingvistika [World linguistics of the XX century and national linguistics]. *Voprosy filologii* [Philology Issues], 3 (9), 16–24.
- Apresyan, Yu. D. (1995). Obraz cheloveka: popytka sistemnogo opisaniya [The image of man: An experiment in systemic description based on linguistic data]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1, 37–67.
- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Human language and world]. Moscow : Yazyki russkoi kul'tury Press.
- Asel'derova, R. O. (2013). *Kontseptualizatsiya grammaticheskikh znacheniy v arabskom yazyke v sravnitel'nom osveshchenii* [Conceptualizing grammatical meanings in Arabic in comparative lighting]. Makhachkala.
- Ashtabekova, D. A. (2016). Somatizm «palets» v kontseptualizatsii naivnoy kartiny mira (na materiale lezginskogo i arabskogo yazykov) [Somatism “finger” in the conceptualization of a naive picture of the world (Based on the Lezghin and Arabic languages)]. *Izvestiya DGPU. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University], 10 (4), 32–37.
- Baranov, Kh. K. (1985). *Arabsko-russkiy slovar'* [Arabic-Russian dictionary]. Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Vezhbitskaya, A. (2001). *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
- Vereshchagin, E. M. (2000). *Dom bytiya yazyka. V poiskakh novykh putey razvitiya lingvostranovedeniya: kontseptsiya logoepistemy* [The house where language dwells. In search for new ways of developing linguistic and regional studies: Logo-epistem concept]. Moscow : Pushkin State Russian Language Institute Press.
- Gadzhialieva, M. G. (2017). Fragment «chelovek» v zoonimicheskoy kartine mira v yazykakh razlichnykh tipologiy (na materiale darginskogo, angliyskogo i arabskogo yazykov) [Fragment “human” in the zoonymic picture of the world in languages of various typologies (Based on Dargin, English and Arabic)]. PhD in Philological sci. diss. Makhachkala : Dagestan State Pedagogical University.
- Gadziakhmedov, N. E. (2007). Rol' etnolyazykovogo faktora v etnicheskom samosoznanii etnosov v polilingvokul'turnoy situatsii Dagestana [The role of the ethno-linguistic factor in the ethnic self-awareness of ethnic groups in the multilingual cultural situation of Dagestan]. In P. A. Magomedova (Ed.), *Kontensivnaya tipologiya estestvennykh yazykov* [Intensive typology of natural languages] (pp. 9–12). Makhachkala : Dagestan State University Press.

- Gasanova, M. A., Medzhidova, I. R. (2017). Lingvokul'turologicheskiy analiz arabskikh i kumykskikh proklyatiy [Linguistic and cultural analysis of the Arab and Kumyk curses]. *Aktual'nye problemy arabskoy filologii i metodiki prepodavaniya arabskogo yazyka* [Current issues of Arabic philology and Arabic language teaching methods] (pp. 248–253). Groznyy : ALEF Press.
- Gasanova, U. U. (2018). *Frazeologicheskiy slovar' darginskogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Dargin language]. Makhachkala : Delovoy mir Press.
- Gatsaynieva, G. K. (2007). Sopostavitel'nyy analiz somaticheskikh frazeologicheskikh edinit darginskogo i russkogo yazykov [Comparative study of somatic phraseological units in Dargin and Russian]. PhD in Philological sci. diss. Makhachkala : Dagestan State Pedagogical University.
- Humboldt, W. fon. (1984). O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyani na dukhovnoe razvitiye chelovechestva [On Language, On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental Development of the Human Species]. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics] (pp. 37–78); Moscow : Progress Press.
- Dobrodomov, I. G. (2002). Eshche raz ob istoricheskoy pamyati v yazyke [On the historical memory in language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2, 103–108.
- Ibragimova, G. Kh. (2009). Natsional'no-kul'turnyy komponent v leksike i frazeologii darginskogo yazyka [National-cultural component in the vocabulary and phraseology of the Dargin language]. PhD in Philological sci. diss. Makhachkala : Dagestan State University.
- Kolshanskiy, G. V. (1990). *Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* [Objective picture of the world in knowledge and language]. Moscow : Nauka Press.
- Lebedev, V. V. (2016). Kak ustroena arabskaya vremennaya sistema [How the Arab time system works]. *Aktual'nye problemy arabskoy filologii i metodiki prepodavaniya arabskogo yazyka* [Current issues of Arabic philology and Arabic language teaching methods] (pp. 170–179). Groznyy : ALEF Press.
- Magomednabiev, A. A., Magomedova, S. I. (2019). Osobennosti meronimii somatizma «litso» vo frazeologii avarskogo i arabskogo yazykov [Special features of meronymy of the somatism "face" in phraseology of the Avar and Arabic languages]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2 (75), 361–363.
- Magomedov, N. G. (1997). *Darginsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Dargin-Russian phraseological dictionary]. Makhachkala.
- Magomedova, S. I. (2014). *Somaticheskie frazeologizmy avarskogo i arabskogo yazykov v ob"ektivatsii naivnoy kartiny mira* [Somatic phraseological units of the Avar and Arabic languages in the objectification of a naive picture of the world]. Makhachkala : S'pepper Press.
- Magomedova, E. I. (2013). Frazeosemanticheskoe pole «Povedenie cheloveka» v darginskom i russkom yazykakh [Phraseosemantic field "Human Behavior" in Dargin and Russian]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.
- Maytieva, R. A. (2011). Strukturno-semanticheskaya kharakteristika poslovits i pogovorok darginskogo yazyka v sopostavlenii s angliyskim [Structural and semantic description of proverbs and sayings of the Dargin language in comparison with English]. PhD in Philological sci. diss. Makhachkala : Dagestan State Pedagogical University.
- Maslov, Yu. S. (1987). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
- Maslova, V. A. (2007). *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow : Academia Press.
- Mirzakhanova, S. D. (2009). Frazeologizmy s kachestvennoy kharakteristikoy cheloveka v darginskom i angliyskom yazykakh [Phraseologisms with a qualitative characteristic of a person in Dargin and English]. PhD in Philological sci. diss. Makhachkala : Dagestan State Pedagogical University.
- Morozova, V. S. (2004). Natsional'no-kul'turnaya spetsifika meronimicheskikh frazeologizmov sovremennogo arabskogo literaturnogo yazyka [National and cultural specificity of meronymic phraseological units of the modern Arabic literary language]. *Arabskaya filologiya* [Arabic philology]: A collection of papers in Honor of G. M. Gabuchan's 75th anniversary (Vol. 2, pp. 110–120). Moscow : Gumanitarniy Press.
- Nikolaeva, T. M. (2002). Skrytaya pamyat' yazyka: popytk postanovki problemy [The 'hidden memory' of language: An experience of study]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 4, 15–41.

- Radzhabova, N. G. (2012). Strukturno-semanticheskiy analiz blagopozhelaniy i proklyatiy darginskogo yazyka [Structural and semantic study of good wishes and curses in the Dargin language]. PhD in Philological sci. diss. Makhachkala : Institute of Language, Literature and Art. G. Tsadasy of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
- Ramazanova, R. T. (2017). Obraz zhenshchiny v arabskikh poslovitsakh i pogovorkakh [The image of a woman in Arabic proverbs and sayings]. *Aktual'nye problemy arabskoy filologii i metodiki prepodavaniya arabskogo yazyka* [Current issues of Arabic philology and Arabic language teaching methods] (pp. 333–337). Groznyy : ALEF Press.
- Solodub, Yu. P. (2005). *Teoriya i praktika khudozhestvennogo perevoda* [Theory and practice of fiction translation]. Moscow : Academia Press.
- Ter-Minasova, S. G. (2000). *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow : Slovo Press.
- Ushakov, V. D. (1996). Frazeologiya Korana: Opyt sopostavleniya frazeorecheniy Korana i arabskogo klassicheskogo yazyka [The Koran phraseology: Comparative study of phraseological units in Koran and classical Arabic]. Moscow : "Vostochnaya literatura" RAN Press.
- Favzi, A. M., Shklyarov, V. T. (1989). *Uchebnyy russko-arabskiy frazeologicheskiy slovar'* [Educational Russian-Arabic phraseological dictionary]. Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Frumkina, R. M. (2001). *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow : Academia Press.
- Yusupov, Kh. A. (2017). *Darginsko-russkiy slovar'* [Dargin-Russian Dictionary]. Moscow : Pero Press.

Ризаханова Зулейха Загировна
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала, Российская Федерация
zuleikha12@mail.ru

Структурно-семантические и стилистические особенности устойчивых сравнений в языках различных типологий (на примере сопоставления русского, английского и лезгинского языков)

Аннотация

В данной статье делается попытка рассмотреть значение и форму выражения сравнения. В работе описываются существующие научные подходы к категории сравнения, даётся характеристика структурно-семантических и стилистических особенностей устойчивых сравнений в русском, английском и лезгинском языках. Проведённый анализ, показал, что устойчивые сравнения в рассматриваемых языках как особый разряд фразеологических оборотов тематически разнообразны и используются для характеристики действия человека, предметов, ситуаций, явлений окружающей действительности. Выявлено, что устойчивые сравнительные выражения в исследуемых языках строятся по схожим моделям и имеют двучленную структуру. Установлено, что в качестве объекта сравнения может выступать имя существительное, обозначающее явление природы, животных, птиц, а также вещество, металл, полезное ископаемое или продукт питания. Иногда в составе компаративных единиц встречаются имена собственные или излюбленные герои народных сказок, песен и былин.

Ключевые слова: категория сравнения, устойчивые сравнения, типология сравнений, фразеологизмы, структурно-семантические и стилистические особенности, языковая картина мира, лингвокультурология.

© Ризаханова З. З. 2021

Для цитирования: Ризаханова З. З. Структурно-семантические и стилистические особенности устойчивых сравнений в языках различных типологий (на примере сопоставления русского, английского и лезгинского языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 92–103. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_92_103.

1. 1. Введение [Introduction]

Согласно Ч. Пирсу, язык является системой, которая существует в неразрывном динамическом единстве с интерпретатором и отображаемым миром, что связывает воедино эти три составляющих – язык, человека и реальность (приведена интерпретация известной триады Пирса из работы [Бразговская, 2019, с. 21]). Представители каждого языка воспринимают и постигают мир по-своему, сквозь призму своего языка. Язык отражает национальную культуру, является её хранителем и служит средством формирования его мышления. По мнению В. И. Карасика, культурологический подход к языку предполагает, с одной стороны, выявление национально-специфической части словаря, к которой относятся слова и выражения, эксплицирующие специфический опыт народа, пользующегося языком, имена собственные, культурно исторические реалии, распространённые аллюзии, прецедентные тексты, слова с эмоционально-оценочным фоном, который осознаётся именно данным этносом и т. д., а с другой стороны – обращение к универсальным для всего человечества словам и оборотам [Карасик, 2002].

Язык определяется наличием или отсутствием в нём определённых языковых категорий, причём одной из универсальных категорий выступает компаративность, которая

присутствует в любом языке. Интуитивное чувство сходства, как считает Н. Д. Арутюнова, «играет огромную роль в практическом мышлении, определяющем поведение человека, и оно не может не отразиться в повседневной речи» [Арутюнова, 1990, с. 8]. Процесс человеческого познания невозможно представить без способности человека сравнивать. «Самый процесс познания есть процесс сравнения», писал А. А. Потебня [Потебня, 1997, с. 76]. Сравнить – это сопоставить одно с другим с целью выявить их возможные отношения [ФЭС, 1989, с. 623]. То есть сравнивая, мы сопоставляем объекты, чтобы выявить сходства или различия между ними, тем самым расширяя процесс познания.

Сравнение может быть выражено и словом, и словосочетанием, и сравнительным оборотом, и придаточным предложением и т. п. Согласно Н. И. Кондакову, так называемая «модель сравнения включает в себя объект сравнения (что сравнивают), эталон сравнения (с чем сравнивают), общий признак сравнения, показатель сравнительного отношения» [Кондаков, 1975]. Особое место здесь занимают устойчивые сравнения (далее – УС). Одно из первых определений УС принадлежит В. В. Виноградову – это особый тип фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность фразы определяется традиционной национальной характеристикностью образа, его испытанной меткостью, бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью [Цит. по: Бойко, 2016, с. 100–101 [Виноградов, 1969, с. 15]]. По определению А. В. Терентьева: «устойчивое сравнение в целом – факт языковой системы, характеризующийся речевой воспроизводимостью и традиционностью метафорической основы» [Терентьев, 1997, с. 7]. По мнению Н. Ю. Русовой, УС является одним из способов оценки и осмысления окружающей нас действительности, основанным «на сопоставлении двух предметов или явлений для более точного, образного описания одного из них» [Русова, 2004, с. 229].

Считается, что компаративные выражения состоят из трёх компонентов: прилагательное, сравнительный союз и существительное. Однако В. И. Бартон выделяет четвёртым компонентом в структуре сравнения «вывод из сравнения, т. е. некоторое новое знание, получаемое при сравнении» [Бартон, 1970, с. 29]. Это новое знание чаще всего является субъективным и оценочным, и крайне редко – открыто выраженным.

Л. Г. Бойко отмечает, что УС являются одним из самых многочисленных разрядов фразеологических единиц с однотипными структурно-семантическими свойствами, при этом их компаративная семантика находит явную формальную выраженность [Бойко, 2016, с. 100]. Это означает, что УС – удачный объект для сопоставления. Первый опыт сопоставительного анализа устойчивых образных сравнений был представлен А. В. Куниным, который указал на «существенные различия между русскими и английскими сравнительными конструкциями, многие из которых связаны с различиями в грамматическом строе флективного или синтетического русского языка и аналитического английского» [Кунин, 1969, с. 83].

В. М. Огольцев считает, что «устойчивые сравнения отмечены постоянством лексического состава, которое обеспечивает постоянство образной его основы; они отличаются относительной простотой и однотипностью грамматического строения, обнаруживают лексически несвободные связи компонентов» [Огольцев, 2015]. В. Н. Телия называет устойчивые сравнения «традиционными, т. е. воспроизводимыми из поколения в поколение или эталонными по определению». По мнению Телия, «устойчивые сравнения – это система образов-эталонов». «Эталонизированные представления» в устойчивых сравнениях как бы «задают» образцы красоты, здоровья, глупости и т. д. [Телия, 1996, с. 241–242].

Фразеологические сравнения и устойчивые сравнительные обороты объединяются под общим названием устойчивые сравнения (УС). Устойчивые сравнения могут дать ключ к разгадке национального сознания, они отличаются от метафоры, скрытых сравне-

ний, сравнительных оборотов яркостью образных средств. Устойчивые сравнения имеются в любом языке, однако сложившиеся в определённой культуре стереотипные представления накладывают отпечаток на номенклатуру используемых эталонов сравнения.

Примечательно, что особенность структуры устойчивого сравнения наблюдается не столько в определённой модели логического построения, сколько в особом характере логических элементов сравнения и компаративных отношений между элементами. Более того, сравнение в УС исключает понимание в буквальном смысле, оно всегда является своеобразным семантическим сдвигом. Как утверждает М. В. Огольцев, «в образном сравнении сопоставляется не предмет с предметом, как принято считать, и не понятие с понятием, а конкретный индивидуальный предмет с понятием» [Огольцев, 1984, с. 27]. Ярko выраженная положительная или отрицательная оценка достигается благодаря гиперболизации, которая свойственна этим сочетаниям. Другой примечательной особенностью УС является разнородность сравниваемых элементов. А именно: вы описываете что-либо посредством сравнения с, казалось бы, не сопоставимым явлением или предметом, для придания большей выразительности. Так, к примеру, в УС «смелый как лев», к которому прибегает А. В. Кунин «образность создаётся благодаря сравнению человека со львом, но если мы сравним, скажем, львицу со львом, то образность сравнения исчезает» [Кунин, 1969, с. 80]. Следовательно, получается, что сравниваемые объекты должны быть, с одной стороны, отличными друг от друга, а с другой – обладать определённым одноимённым свойством.

Зачастую устойчивые сравнения в любом языке составляют основу фразеологических оборотов, в которых, по мнению Л. Б. Воробьевой, «проявляется дух народа, его ассоциативное воображение, особенности мировоззрения» [Воробьева, 2002, с. 3]. Это объясняет их широкое использование в устно-разговорной речи, в фольклоре. Они составляют богатство языка и отражают представления народа, его опыт, традиции, различные понятия о собственной материальной и духовной жизни, в связи с чем являются также распространённым способом или приёмом образной речи и в произведениях классической и современной литературы.

Культура народа, его национальные, географические, бытовые свойства отражаются в различных языках по-разному, и каждый язык отражает свою картину мира как через лексику, так и грамматику. Совершенно по-разному воспринимают и выражают одни и те же универсальные понятия россияне, англичане и дагестанцы средствами своего языка. Однако суждения или понятия, выраженные во фразеологической единице (компонентом которых часто выступают УС), их обобщённые, абстрактные значения чаще всего являются общими для разных народов.

Предметом рассмотрения в настоящей работе является устойчивое сравнение в русском языке в сопоставлении с английским и лезгинским языками. Наш выбор пал именно на эти языки, поскольку автор является носителем лезгинского языка, свободно владеет русским и английским языками. Сопоставление разносистемных языков достаточно далёких друг от друга лингвокультур является актуальным в современных научных изысканиях и составляет область наших научных интересов в течение многих лет. Была поставлена цель провести анализ адъективных сравнений и найти сходства и различия между ними на материале часто используемых в речи устойчивых сравнений в указанных языках.

2. Устойчивые сравнения в русском, английском и лезгинском языках

2.1. Материал и методика исследования

Материалом исследования в основном послужили данные различных лингвистических словарей: русского, английского и лезгинского языков.

Материал отбирался методом сплошной выборки вручную, а также через поисковые запросы по электронным ресурсам; были обращения к языковым корпусам русского, английского и лезгинского [КЛЯ] языков. В целом было проанализировано более 300 наиболее часто употребляемых УС в русском (126), английском (118) и лезгинского (76) языках.

В соответствии с поставленной целью, в работе были использованы сравнительно-сопоставительный метод, количественный подсчёт, метод компонентного анализа, описательный и структурно-семантический методы. Собирая материал лезгинского языка, мы также пользовались методами интервьюирования, наблюдения и анкетного опроса. Для отграничения фразеологического материала от смежных единиц лезгинского языка мы пользовались комплексно-оппозитивным методом. Этот метод, предложенный А. Г. Гюльмагомедовым, способствует установлению общего и специфического в сопоставляемых языках на уровне глубинных структур [Гюльмагомедов, 1990, с. 49].

2.2. Обсуждение результатов

В ходе исследования выявлено, что устойчивые сравнительные выражения в сопоставляемых языках строятся по схожим моделям. Так, устойчивые сравнения имеют двучленную структуру, в которой «левая» часть соединяется с «правой» сравнительным союзом. Первая, так называемая исходная часть называет действие, признак или признак действия, тогда как вторая часть (эталонная) создаёт образ сравнения. Это устойчивые сочетания слов со структурой (*такой же*) + *Прилагательное* + *как* + *Существительное* в русском языке; (*as*) + *Adjective* + *as* + *Noun*, а также *such as*, *as if*, *like*, *seem* в английском языке и *Прилагательное* + *Существительное* + *хьиз / хтиз* или же *Существительное* + *хьиз / хтиз* + *Прилагательное*, а также *Существительное* + *хьиз* + *Глагол* или *Существительное* + *хьиз* + *Прилагательное* + *Глагол* в лезгинском языке. С точки зрения структурной организации УС в исследуемых языках в основном представлены глагольными и адъективными структурными моделями. Адъективные сравнения преобладают в семантических полях, характеризующих умственные способности и физические качества человека, глагольные – в семантическом поле, оценивающем речевую деятельность.

В русском языке круг союзов сравнительной семантики шире, чем в английском и лезгинском языках, поэтому на месте союзов *as (like)* и *хьиз* в русских УС часто используются союзы *как*, а также *будто*, *словно*, *точно*. Для оформления сравнения-уподобления в русском языке также имеется ряд средств (словообразовательных, лексических, морфологических, синтаксических), при помощи которых образовались определённые модели компарации. Это такие конструкции как: сравнения с существительными в творительном падеже (*заливаться соловьём*); с формами сравнительной степени прилагательных в сочетании с существительными в родительном падеже (*слова острее кинжала*); со сложными прилагательными с содержанием элементов *-подобный* и *-образный* (*громоподобный смех*); с выражениями *похож*, *походить на кого-*, *что-*, *подобный кому-*, *чему-* и др. (*кожа подобна бархату*); с наречиями, образованными от притяжательных прилагательных при помощи форманта *по-* (*сидеть по-турецки*); со сравнительными оборотами, вводимыми союзами *как*, *точно*, *словно* (*ползти как черепаха*); с придаточными сравнительными предложениями (*крутиться как белка в колесе*).

Устойчивые сравнения в английском языке также определяются своей постоянной трёхчленной структурой, состоящей из субъекта сравнения (первый компарат), основания сравнения – объектной части, вводимой одним из сравнительных союзов (второй компарат, объект-эталон). В английских адъективных сравнениях используются союзы «*as...as*», «*like*», «*as*». Так, устойчивые воспроизводимые сочетания со структура-

ми (as) + Adj + as + N; (as) + Adv + as + N используются при сравнении качества; тогда как as... + many/much + N + ...as – при сравнении количества. Например: (as) *bare as a bone* 1) 'хоть шаром покати, совершенно пустой'; 2) 'голый, обнажённый'; (as) *bright as a diamond* 'блестящий, яркий, как алмаз'; (as) *strong as steel* 'твёрдый как сталь'; (as) *quiet as a mouse* 'тихая как мышь'.

В УС лезгинского языка часто используются сравнительные союзы, такие как, *хъиз* 'словно, как, подобно', *хътин* 'как, словно, как будто, похоже', *кван* 'словно, настолько'. Присоединение к имени прилагательному союза хътин выражает степень признака: *са гъвечIи хътин мехъер* 'небольшая (не шумная) свадьба'. Но *хътин* присоединяется и к существительным, например, *цук хътин руш* 'красивая девушка', букв. 'цветок как (словно) девушка', т. е. 'подобная цветку девушка', *къван хътин рикI* 'сердце словно камень'. Морфема -*хътин* выражает качественное сравнение, тогда как *къван* выражает сравнение по количеству и сравнение по степени интенсивности проявления качества. Например, *руш гада къван кандачир адаз* 'девочку она не любила так, как мальчика'. «Сравнительные конструкции в лезгинском языке могут быть двух- и многокомпонентными», как считает А. Г. Гюльмагомедов [Гюльмагомедов, 1990, с. 31]. По мнению учёного, «у многокомпонентных сравнительных конструкций точно также, как и двухкомпонентных, в постпозиции стоит сравнительный союз *хътин*, а препозитивная часть содержит в себе слово, называющее предмет сравнения, а также лексические единицы, характеризующие предмет: *къене авай рикI хътин* (букв. 'внутри имеющемуся сердцу подобный') 'маленький, симпатичный', *сивай чIугур хътин* (букв. 'из рта протянутому подобный') 'гладкий, прямой'» [Гюльмагомедов, 1990, с. 16]. Прилагательные в УС всегда функционируют в постпозиции, это является особенностью их структуры. Мы наблюдаем здесь регулярный подтип: «прилагательное + существительное + *хътин*». Например, *кIеви къван хътин* (букв. 'крепкому камню подобный') 'очень твёрдый'; *хъуьтуьл мум хътин* (букв. 'мягкому воску подобный') 'очень мягкий' и др. Первый компонент в этих УС даётся в основном, первоначальном значении. Функция сравнительной части всегда усилительная.

По своему значению УС характеризуют различные качества человека: *тIунутI хътин* (букв. 'лепёшке подобный') 'с круглым и обаятельным лицом' (обычно о девушке); *дагъ хътин* (букв. 'горе подобный') 'крупный, полный' (обычно о мужчине); *цIерцI хътин* (букв. 'хворосту подобный') 'тонкий как хворост'; *лам хътин* (букв. 'ослу подобный') 'тихий, тупой'; *наб хътин* (букв. 'женщине подобный') 'красивый'; *цIиципI хътин* (букв. 'цыпленку подобный') 'маленький и беспомощный'; *чIуру чIиж хътин* (букв. 'дикой пчеле подобный') 'драчливый'; *къайи къван хътин* (букв. 'холодному камню подобный') 'замкнутый, неразговорчивый'; *чIулав чIагъ хътин* (букв. 'чёрному ворону подобный') 'чёрный как смола'; *чижер хъиз алтIюшна* (букв. 'налетели как пчёлы') 'налетают со всех сторон, жаждут заполучить' и др.

При рассмотрении семантики УС можно разделить на три группы: 1) УС, полностью совпадающие по образности; 2) УС, не совпадающие по образности; 3) УС, представленные только в одном из трёх сопоставляемых языков.

Первую группу составляют УС, в которых наблюдается полное совпадение оснований объектов и субъектов сравнения в сравниваемых русском, английском и лезгинском языках: *хитрый как лиса* / *sly as a fox* / *амалдар сикI хтин*. Совпадение сравнений во всех трёх языках можно объяснить как заимствованиями в языках, так и совпадением народных наблюдений в разных культурах. Данная группа компаративных фразеологических единиц обнаруживает интернациональный (типологически общий) характер. Примеры представлены в таблице 1.

Таблица 1. Полное совпадение УС
Table 1. [Full match of stable comparisons]

Русский язык	Английский язык	Лезгинский язык
холодный как камень (как лёд)	as cold as a stone (ice)	мурк хьиз кайи
чистый как родниковая вода	pure as spring water	михь булахдин яд хтин
трудиться как пчёлка	as busy as a bee	чИжре (ламра) хьиз кIвалах авун
голодный как волк	as hungry as a wolf	жанавур хьиз гишин
ясный как день	as clear as day	экуь югь хьтин
свободный как ветер	(as) free as (the) air (as the wind)	хьава хьтин
сильный как бык	as strong as an ox	яц хьиз куватлу
красный как помидор	as red as a tomato	памодур хьиз яру
белый как снег	as white as snow	жив хьиз лацу
смелый как лев	as brave as a lion	аслан хьиз викIегь
лёгкий как перышко	as light as a feather	цIакул хьиз кьезил
бледный как смерть	as pale as death	мейит хьиз лацу
как гром среди ясного неба	like a bolt from the blue	цавай аватайди хьиз (букв. с неба свалилось)
весёлая как радуга	as gay as sunshine	нурдин хилер хьтин (букв. как солнечные лучи)
соловьём заливается (красиво говорит)	like a nightingale	билбил хьиз рахазува
гладкий как шёлк	as soft as silk	хьуьтуьл пек хьтин (букв. гладкая как ткань)
прекрасная как лилия	as fair as lilies	цуьк хьиз гьюрчек (красивая как цветок)
мудрый как сова	(as) wise as an owl	тIиб хьиз гзаф акьуллу
глух как тетерев	as deaf as a post	биши кьукь хьиз

В исследуемых нами языках имеется достаточное количество устойчивых выражений, в значении которых отсутствует однозначное соответствие единиц лексико-семантического уровня. Как правило это связано с различиями в ассоциативной цепи, культурными различиями. К примеру, УС в русском языке *слепой как курица*, можно сопоставить с английским *as blind as a bat* (в значении 'слепой как летучая мышь', а устойчивому выражению *старо как мир* в русском языке соответствует '*as old as the hills*' в английском (что означает на русском 'старый как горы'). Другие устойчивые сравнения этой группы представлены в таблице 2.

К третьей группе относятся УС, которые не имеют аналогов в других языках. Данная группа сравнительных единиц привлекает особое внимание ввиду того, что они указывают на национальную специфику каждого языка и раскрывают специфический (идиоэтнический характер). Эти эталоны отражают национальное мировидение и национальное миропонимание. Приведём примеры некоторых таких сравнений в сопоставляемых языках: *сиять как масляный блин*, *жизнь, как в сказке* (о неправдоподобно красивой, удивительно удачной жизни), *стоять как чурбан* (о невоспитанном челове-

ке), *боится как чёрт ладана* (очень боится, всячески старается избежать), *как квашия толстая* (о женщине); *(as) safe as a house* «ничего не грозит», *as lively as a cricket* 'жизнерадостный, полный жизни', *(as) green as a gooseberry* '(разг.) очень неопытный, не знающий жизни', *fresh as a daisy* 'свежий как маргаритка, свежий, энергичный, активный'; *цлай кьурди хьиз* букв. 'бегать, как угорелый', *цавай аватайди хьиз* букв. 'как снег на голову, как гром среди ясного неба', *гьульуьз аватайди хьиз квахна* букв. 'пропал, как в воду канул'.

Таблица 2. УС с отсутствием однозначных соответствий
Table 2. [Stable comparisons without full match]

Русский язык	Английский язык	Лезгинский язык
гордый как орёл	as proud as a peacock 'гордый как павлин'	лекъ хьиз виклегъ (букв. 'смелый как орёл')
нем как рыба	as silent as dead 'нем как мертвец'	мез кьун хьиз (букв. 'за язык держат')
быстрый как ветер	as fast as a deer 'как олень'	гьуьргьуь еб хьиз (букв. 'как свободная непривязанная верёвка')
похожи как две капли воды	as like as two peas in a pot 'похожи как две горошины в стручке'	лап сад хьиз аквада (букв. 'как одинаковые выглядят')
очень просто, просто как дважды два	as easy as ABC 'просто как алфавит'	гьеле-беле хьиз (букв. 'незамысловатый')
работать как осёл	like a slave (nigger) 'как раб (негр)'	ламра хьиз кIвалах авун (букв. 'работать как ишак')
горячий как солнце	as hot as fire 'как огонь'	рагъ хьиз гзаф чими (букв. 'как солнце горячий')
пьяный как сапожник (пьян встельку)	as drunk as a lord 'пьян как лорд'	кьейид хьиз пьян (букв. 'как мертвый пьян')
глуп как пробка	as silly as a goose 'глуп как гусыня'	акьулсуз аял хьиз (букв. 'бесхитростный как ребёнок')
злой как чёрт	as angry as hell 'злой как ад'	хьел квай хьиз (букв. 'со злобой')
простой как три копейки	as easy as a pie 'простой как пирог'	фагьумсуз хьиз (букв. 'без понятий')
трезвый как стеклышко	as sober as a judge 'трезвый как судья'	кьил кьилел алай хьиз (букв. 'голова на месте')
лить как из ведра	like cats and dogs (букв. 'как кошки и собаки')	сел хьиз (букв. 'как ливень')
плестись как улитка	as slow as a snail	галчIур хьун хьиз (букв. 'как будто волокут')
грязный как свинья	as dirty as a hog	вак хьиз кьацIай (кьацIай кицI 'грязная собака')
беден как церковная мышь	as poor as a church mouse	кьекъвераг хьиз (букв. 'как бродяга')

Сравниваемыми компонентами УС в лезгинском языке в данной группе оказываются предметы, особо выделяющиеся своими неповторимыми внешними данными, максимальными особенностями, качеством, количеством, размером. Часто такие слова-символы в языке представлены парами, антонимическими по значению. Например, в лезгинском языке: *дагъ* 'гора' – *дере* 'долина', *стIал* 'капля' – *гьуьл* 'море', *рапун кIвенкIв* 'край иголки' (=очень мало) – *экуь дьунья* 'весь светлый мир' (=очень много), *экуь*, *лацу* 'белый' (=радость) – *чIулав*, *къара* 'чёрный' (=горе), *жанакур* 'волк' (=вор) – *кицI* 'собака' (=сторож) и др.

Интересное сравнение подобных примеров с фактами русского и английского языков проводит Ю. А. Гвоздарев. Слово *волк* употребляется в них как символ отрицательного, символ хищника, жадного и хитрого, слово *овца* – наоборот, символизирует собой нечто беззащитное и угнетаемое, ср.: *волк в овечьей шкуре, пожалел волк кобылу, волчья хватка, старый волк, не клади волку пальца в рот, волка ноги кормят* и т. д. [Гвоздарев, 1977, с. 161].

Совершенно противоположные значения наблюдаются в исследуемых языках в УС с существительным *бомба* – *to go like a bomb* 'идти как бомба'. В английском языке с бомбой сравнивают нечто произошедшее быстро и неожиданно. Неожиданный эффект, сильное, ошеломляющее впечатление от какого-то известия или события, а также успех какого-либо дела англичане сравнивают с разрывом бомбы [Longman, 1992, с. 130]. Абсолютно противоположное значение имеет данное сравнение в русском и лезгинском языках. Для русского человека взрыв бомбы оказывает непоправимое (останки не склеить обратно) и шокирующее (к этому нельзя подготовиться) влияние на всё окружающее.

Наличие специфических образных стержней выявляет национально-культурный фон сравнительных единиц каждого из языков: они содержат в своём образе определённые сведения из истории, быта, культуры народа-носителя языка. На основе анализа наиболее распространённых УС русского, английского и лезгинского языков было отмечено, что достаточно многочисленно в них представлена лексика тематической группы «Человек» (антропонимы, этнонимы, соматизмы, социальная принадлежность, родственные отношения, возраст). Это 71 из рассмотренных 126 УС в русском языке, 63 из 118 в английском языке и 39 сравнительных единиц из 76 в лезгинском языке, что составляет 57%, 54% и 48% соответственно. Данный факт можно объяснить тем, что человек причастен к тем или иным реалиям, причём чем больше его вклад в создание чего-либо, тем специфичнее это воспринимается. Однако компоненты названной группы лексики не обладают столь значимой этнокультурной, страноведческой информацией, которая отмечается в лексике сравнительных компонентов тематических групп «Животный мир» (самой многочисленной и богатой символическими ассоциациями), «Растительный мир», «Неживая природа» (персонификация природных явлений для характеристики или оценки внешнего вида, внутреннего мира, общественного статуса человека), «Предметно-бытовая сфера» (ассоциации, заданные универсальными реалиями предметного мира, их практической пригодностью в быту), «Мифологические представления и религиозные обряды». К сожалению рамки данной статьи, не позволяют провести полный сравнительно-сопоставительный анализ УС названных тематических групп в исследуемых языках. Это может стать предметом нашего дальнейшего исследования.

3. Заключение [Conclusion]

В результате сравнительно-сопоставительного анализа УС русского, английского и лезгинского языков, мы пришли к выводу, что они строятся по схожим моделям и имеют двучленную структуру, в которой левая его часть (основание сравнения) является структурно-грамматическим стержнем всего сравнительного оборота, а также носителем грамматического значения и семантики УС. Компонент основания сравнения употребляется в прямом значении, выражая признак предмета, качественную характеристику действия, выделенные в результате сопоставления. Компонент правой (сравнительной) части уточняет, усиливает или интенсифицирует левую часть сравнения. Левая часть соединяется с правой сравнительным союзом.

УС служат для характеристики разных видов деятельности человека, а также для отображения различных его качеств и свойств. В качестве объекта сравнения может выступать имя существительное обозначающее явление природы, животных, птиц, а также вещество, металл, полезное ископаемое или продукт питания. Иногда в составе

компаративных единиц встречаются имена собственные или излюбленные герои народных сказок, песен и былин.

В процессе исследования нами было отобрано 126, 118 и 76 наиболее часто употребляемых устойчивых сравнений в русском, английском и лезгинском языках соответственно. Выявлено, что адъективные сравнения в исследуемых языках делятся на полностью совпадающие устойчивые выражения, не совпадающие по образности и полностью не совпадающие выражения. Отметим, что при совпадении выражений в двух языках очень часто существует аналогичное устойчивое выражение и в третьем языке, что является следствием накопленного опыта, народных наблюдений, общих для разных стран. Не совпадающие по образности адъективные выражения указывают на национальную специфику каждого языка. Причём полностью не совпадающие УС, представленные только в одном языке, составляют наименьшее количество из нашего списка (18%). Тогда как вторая группа составляет большинство рассмотренных нами УС (44%) и, следовательно, на полностью совпадающие устойчивые выражения приходится 38% от общего количества исследованных сравнительных единиц.

Такой анализ позволил выявить национальную специфику образности, семантических, структурных и экспрессивных свойств УС, а также общность этих параметров, обусловленную как генетическим родством, так и межъязыковой универсальностью материала. В ходе исследования выяснилось, что многие характеристики человека у носителей русского, английского и лезгинского языков оцениваются и воспринимаются достаточно одинаково; специфика выбора образа для сравнения отражает национальные идеалы, символы, понятия, присущие конкретному народу.

Список литературы

- Арутюнова, 1990 – Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
- Бартон, 1970 – Бартон В. И. Развитие сравнения в процессе познания // Философские исследования: сб. ст. Изд-во БГУ, 1970. С. 22–30.
- Бойко, 2016 – Бойко Л. Г. Устойчивые сравнения как одна из форм репрезентации языковой картины мира // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2016. С. 99–104.
- Бразговская, 2019 – Бразговская Е. Е. Семиотика. Языки и коды культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 187 с.
- Валипур, Ибрагимшарифи, 2016 – Валипур А., Ибрагимшарифи Ш. Устойчивые сравнения с названиями животных и их национально-культурная специфика в русском и персидском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2. Ч. 2. С. 66–68.
- Виноградов, 1969 – Виноградов В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли в современном русском языке. М., 1969. С. 5–23.
- Воробьева, 2002 – Воробьева Л. Б. Русские устойчивые сравнения в сопоставлении с литовскими: специфика образности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Воробьева Лина Брониславовна; Пск. гос. педаг. ин-т им. С.М. Кирова. Псков, 2002. 251 с.
- Гвоздарев, 1977 – Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразеобразования. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. 184 с.
- Гюльмагомедов, 1989 – Гюльмагомедов А. Г. Некоторые итоги и перспективы сопоставительного исследования фразеологии русского языка и национальных языков народов СССР // Исследования по общей и дагестанской фразеологии. Махачкала, 1989. – С. 5–13.
- Гюльмагомедов, 1990 – Гюльмагомедов А. Г. Фразеология лезгинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 100 с.
- Гюльмагомедов, 2003 – Гюльмагомедов А. Г. Словарь лезгинского языка (Лезги чІалан словарь). Махачкала, 2003. 472 с.
- Карасик, 2002 – Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

- Керимов, Газретова, 2019 – Керимов К. Р., Газретова Н. Н. Сопоставительное описание выражения степени признака в лезгинском и русском языках // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 361–362.
- Кондаков, 1975 – Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М. : Наука, 1975.
- КЛЯ – Корпус лезгинского языка. URL: <http://dag-languages.org/LezgianCorpus>.
- Кунин, 1969 – Кунин А. В. Устойчивые адъективные сравнения в русском и английском языках (Опыт сопоставительного анализа) // Русский язык за рубежом. 1969. № 3. С. 80–86.
- Лебедева, 2015 – Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2015. 316 с.
- Огольцев, 1984 – Огольцев В. М. Устойчивые сравнения русского языка. М. : Рус. язык, 1984. 176 с.
- Огольцев, 2001 – Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М. : Изд-во АСТ, 2001. 800 с.
- Огольцев, 2015 – Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М. : Изд-во Либроком, 2015. 192 с.
- Ожегов, Шведова, 2003 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М. : ИТИ Технологии, 2003. 944 с.
- Потебня, 1997 – Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Лекция восьмая. Русская словесность: Антология. М. : Красанд, 1997. 172 с.
- Рахимова, 2017 – Рахимова А. Р. Модели устойчивых сравнений русского языка, обозначающих характер человека и его эмоциональное состояние // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4. Ч. 1. С. 163–165.
- Русова, 2004 – Русова Н. Ю. Словарь-тезаурус. М. : Наука, 2004. 154 с.
- Султанов, Сапукова, 2019 – Султанов К. С., Сапукова Г. К. Структурные особенности компаративных фразеологических единиц в кумыкском языке // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 365–367.
- Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Терентьев, 1997 – Терентьев А. В. Адъективные компаративные фразеологические единицы как языковая универсалия (на материале английского языка): дис.. канд. филол. наук : 10.02.04 / Терентьев Андрей Викторович ; Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород, 1997. 352 с.
- Филатова, 2020 – Филатова Е. М. Экспериментальные основы формирования синонимических парадигм устойчивых сравнений русского языка // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 1. Т. 11. URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/01FLSK120.pdf>.
- ФЭС, 1989 – Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичёв. М. : Советская энциклопедия, 1989. 840 с.
- Longman, 1992 – Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow, Essex. 1992. 1528 p.

UDC 801.52

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_92_103

Zuleikha Z. Rizakhanova
Dagestan State University
Makhachkala, Russian Federation
 zuleikha12@mail.ru

Structural semantic and stylistic features of stable comparisons in the languages of different typologies (Based on Russian, English and Lezghi)

Abstract

This article attempts to examine the meaning and the form of the category of comparison. The paper describes the existing scientific approaches to the category of comparison, characterizes the structural, semantic and

stylistic features of stable comparisons in the Russian, English and Lezghi languages. It is established that stable comparisons in the studied languages, as a special category of phraseological constructions, are thematically diverse and are used to characterize the actions of a human, objects, situations, phenomena of the reality. It was found that stable comparative expressions in the studied languages are built according to similar models and have a two-component structure. It has been established that the object of comparison can be a noun denoting phenomenon of nature, animals, birds, as well as a substance, metal, mineral or food product.

Keywords: category of comparison, stable comparisons, typology of comparisons, idioms, structural-semantic and stylistic features, language picture of the world, cultural linguistics.

© Rizakhanova Z. Z. 2021

For citation: Rizakhanova Z. Z. (2021) Strukturno-semanticheskie i stilisticheskie osobennosti ustoychivyykh sravneniy v yazykakh razlichnykh tipologiy (na primere sopostavleniya russkogo, angliyskogo i lezghinskogo yazykov) [Structural semantic and stylistic features of stable comparisons in the languages of different typologies (Based on Russian, English and Lezghi)] *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 92–103. doi: 10.22250/24107190_2021_7_2_92_103.

References

- Arutyunova, N. D. (1990). *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse]. Teoriya metafor [Theory of metaphor] (pp. 5–32). Moscow : Progress Press.
- Barton V. I. (1970). Razvitiye sravneniya v protsesse poznaniya [Comparison development during cognitive process]. *Filosofskiye issledovaniya* [Studies in Philosophy]: A collection of papers (pp. 22–30). St Petersburg : BGU Press.
- Boyko, L. G. (2016). Ustoychivye sravneniya kak odna iz form reprezentatsii yazykovoy kartiny mira [Fixed comparisons as one of the forms of representation of the language world picture]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University.]. 2016, 1 (105), 99–104.
- Brazgovskaya, E. E. (2019). *Semiotika. Yazyki i kody kul'tury* [Semiotics. Languages and culture codes]. 2nd edition, corrected, with addenda. Moscow : Yurayt Press
- Valipur, A., Ibragimsharifi S. (2016). Ustoychivyye sravneniya s nazvaniyami zhiivotnykh i ikh natsional'no-kul'turnaya spetsifika v russkom i persidskom yazykakh [Stable comparisons with the animal names and their national and cultural specifics in the Russian and Persian languages]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2 (2), 66–68.
- Vinogradov, V. V. (1969). O vzaimodeystvii leksiko-semanticheskikh urovney s grammaticheskimi v strukture yazyka [Interaction of lexical, semantic and grammatical levels in the structure of language]. *Mysli v sovremennom russkom yazyke* [Thought about modern Russian] (pp. 5–23). Moscow.
- Vorob'yeva, L. B. (2002). Ustoychivyye sravneniya russkikh v sravnenii s litovskimi: spetsifika obrazov [Russian vs Lithuanian stable comparisons: Image specifics]: PhD in Philological sci. diss. Kirov : Pskov State University.
- Gvozdarev, Yu. A. (1977). *Osnovy russkogo frazeobrazovaniya* [Basics of phrase-building in Russian]. Rostov-on-Don : Rostov University Press.
- Gulmagomedov, A. G. (1989). Nekotoryye rezul'taty i perspektivy sravnitel'nogo issledovaniya frazeologii russkogo yazyka i natsional'nykh yazykov narodov SSSR [Some results and perspectives of comparative studies of Russian and other languages of the peoples of USSR]. *Issledovaniya po obshchey i dagestanskoy frazeologii* [Studies in general and Dagestan phraseology] (pp. 5–13). Makhachkala.
- Gul'magomedov, A. G. (1990). *Frazeologiya lezghinskogo yazyka* [Lezgin phraseology]. Makhachkala : Daguchpedgiz Press.
- Gyulmagomedov, A. G. (2003). *Lezghinskiy slovar'* [Dictionary of the Lezgin language] (Vol. 1). Makhachkala.

- Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena Press.
- Kerimov, K. R., Gazretova, N. N. (2019). Sopostavitel'noye opisaniye vyrazheniya stepeni priznaka v lezginском i russkom yazykakh [Comparative description of the expression of the degree of a feature in the Lezgin and Russian languages]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], 3 (76), 361–362.
- Kondakov, N. I. (1975). *Logicheskiy slovar'-spravochnik* [Reference guide in Logics]. Moscow : Nauka Press.
- Korpus lezginskogo yazyka [Lezgin corpus]. Retrieved from <http://dag-languages.org/LezgianCorpus/search/?interface_language=ru>.
- Kunin, A. B. (1969). Ustoychivyye ad'yektivnyye sravneniya v russkom i angliyskom yazykakh (Opyt sopostavitel'nogo analiza) [Stable comparisons with adjective component in Russian and English]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 3, 80-86.
- Lebedeva, L. A. (2015). Ustoychivyye sravneniya russkogo yazyka: kratkiy tematicheskiy slovar' [Stable comparisons in Russian: Brief subject-area dictionary]. Moscow : FLINTA Press ; Nauka Press.
- Ogol'tsev, V. M. (1984). Ustoychivyye sravneniya russkogo yazyka [Stable comparisons in Russian]. Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Ogol'tsev, V. M. (2001). Slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskiy) [Stable Russian comparisons dictionary (Synonyms and antonyms)]. Moscow : AST Press.
- Ogol'tsev, V. M. (2015). Ustoychivyye sravneniya v sisteme russkoy frazeologii [Stable comparisons in Russian phraseological system]. Moscow : Librokom Press.
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2003). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of Russian: 80000 words and phraseological units]. Moscow : ITI Tekhnologii Press, 2003-944s.
- Potebnya, A. A. (1997). Iz lektsiy po teorii slovesnosti. Basnya. Poslovitsa. Pogovorka. Lektsiya vos'maya. Russkaya slovesnost': Antologiya [Lectures on the theory of literature. Fable. Proverb. Saying. Lecture 8. Russian literature: Anthology]. Moscow : Krasand Press.
- Rakhimova, A. R. (2017). Modeli ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka, oboznachayushchikh kharakter cheloveka i yego emotsional'noye sostoyaniye [Models of Russian stable comparisons designating human character and his emotional state]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 4 (1), 163–165.
- Rusova, N. Yu. (2004). Slovar'-tezaurus [Thesaurus]. Moscow : Nauka Press.
- Sultanov, K. S., Sapukova, G. K. (2019). Strukturnyye osobennosti komparativnykh frazeologicheskikh yedinit v kumyskom yazyke [Structural peculiarities of comparative phraseological units in the Kumyk language]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], 4 (77), 365–367.
- Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turnyy aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatics and linguoculture]. Moscow.
- Terent'yev A. B. Ad'yektivnyye komparativnyye frazeologicheskiye yedinity kak yazykovaya universal'iya (na materiale angliyskogo yazyka) [Comparative phraseological units with adjective component as language universal'ia (Based on English)]. PhD in Philological sci. diss. Nizhny Novgorod : Linguistics University of Nizhny Novgorod.
- Filatova, E. M. (2020). Eksperimental'nyye osnovy formirovaniya sinonimicheskikh paradigm ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka [The experimental basis for the formation of Russian stable comparisons synonymous paradigms]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], 1 (11). Retrieved from <<https://sfk-mn.ru/PDF/01FLSK120.pdf>>.
- Ilyichev, L. F. (Ed.). (1989). *Filosofskiy entsiklopedichskiy slovar'* [Encyclopedic dictionary in Philosophy]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press.
- Longman (1992). *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Harlow, Essex, England.

Сафина Зарема Миниаминовна, Терентьев Олег Сергеевич
Башкирский государственный университет
г. Уфа, Российская Федерация

safinazarema@mail.ru, mylegsarealreadycut.ot@gmail.com

Свойства сложной динамической системы в структуре игры слов и переводе

Аннотация

Данная статья посвящена изучению структурных особенностей игры слов и способов её передачи с английского языка на русский язык на материале рэп-дискурса исполнителя Эминем (Eminem). Актуальность работы заключается в необходимости применения положений теории сложных динамических систем при рассмотрении языковых явлений и процессов, включая языковую игру. Особенности передачи игры слов при переводе текстов рэп-дискурса рассматриваются в указанном ракурсе впервые. В результате проведённого исследования показаны вертикальная и горизонтальная оси игры слов, особенности их использования в исследуемых текстах, а также сложности перевода игры слов. Авторы приходят к выводу, что современный системный подход, применяемый в точных науках, предоставляет лингвисту совершенно иную концептуальную основу, которая может быть использована для интерпретации языка не как изолированной автономной сущности, а как сложной фрактальной системы. Свойства языка как динамической системы следует учитывать и в процессе перевода для обеспечения его адекватности с учётом сложности формы и функции элементов языкового множества.

Ключевые слова: вертикальная и горизонтальная игра слов, перевод песенного текста, сложная динамическая система, нелинейность, аттрактор, фрактал, рэп-дискурс.

© Сафина З. М., Терентьев О. С. 2021

Для цитирования: Сафина З. М., Терентьев О. С. Свойства сложной динамической системы в структуре игры слов и переводе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 104–114. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_104_114.

1. Введение [Introduction]

Начиная с 1970-х годов, достижения в области теории динамических систем и распространение технологий оказали влияние на развитие и изучение многих научных областей, в том числе лингвистики. Некоторые положения, лежащие в основе традиционных подходов к языку, не удовлетворяют исследователей, рассматривающих язык как динамическую систему. Современный системный подход предоставляет лингвисту совершенно другую концептуальную базу, которая может использоваться для интерпретации языка не как изолированного автономного объекта, а сложной системы взаимозависимых и взаимодействующих подсистем. Рассмотрение языка в качестве открытой динамической системы является востребованным, хотя оно ещё не получило должного освещения в трудах отечественных лингвистов, что и обеспечивает актуальность данной работы.

Теория сложных динамических систем представляет собой относительно новый взгляд на естественные науки, который меняет точку зрения на природу реальности с онтологических и эпистемологических позиций. В центре этой точки зрения находятся сложные системы, состоящие из компонентов, которые посредством взаимодействия порождают и образуют связанное целое. Примерами таких систем, привлекающих внима-

ние исследователей, являются экосистемы, экономика, а также биологические процессы, такие как познание и язык [Evans, 2018]. Сложные системы, возникающие из динамической сети взаимосвязанных компонентов, представляют собой нечто большее, чем простая сумма их составных частей. Синергетическое взаимодействие таких компонентов в сочетании с влиянием окружающей среды приводит к новой динамике поведения, которую нельзя описать, рассматривая только отдельные компоненты. Поскольку компоненты системы постоянно взаимодействуют и воздействуют на все аспекты системы в целом, результатом является постоянное изменение и преобразование. Таким образом, сложные системы являются динамическими, и их поведение коренным образом меняется с течением времени. Как полагают исследователи, сложные системы имеют несколько ключевых свойств. К ним относятся нелинейность, самоорганизация, аттракторные состояния, чувствительная зависимость от начальных условий и т. д. [Bertalanfy, 1969]. В то время как теория сложных систем нашла своё применение во многих научных областях, представление о языке как о сложной динамической системе не так давно начало получать своё развитие. Исследователями отмечается динамический, эмерджентный и нелинейный характер развития языка. Однако из-за относительно недавнего появления такой точки зрения на язык учёные не пришли к единому мнению в отношении изучения языка с точки зрения теории сложных динамических систем.

Нами предпринята попытка применить теорию сложных систем для описания структуры языковой игры слов, а также способов её передачи с английского языка на русский язык на материале рэп-дискурса исполнителя Eminem (Эминем). Несмотря на наличие большого числа работ, посвященных изучению игры слов и способам ее перевода, впервые данный стилистический прием рассматривается с точки зрения положений теории сложных систем. Новизна работы заключается также и в выборе материала исследования – дискурс американского исполнителя Эминема не рассматривался ранее в лингвистическом и переводческом аспектах. В качестве единиц для анализа были взяты 185 примеров игры слов на английском языке из трёх последних студийных альбомов исполнителя (2013, 2018, 2020 гг.), отобранные на сайтах [Azlyrics] и [Genius], и переводы, опубликованные на сайте Amalgama-lab [Amalgama-lab]. Следует отметить, что переводы, представленные на этом сайте, не являются профессиональными. Большая их часть выполнена ценителями музыки и фанатами творчества артиста. В случае неудачного перевода или его отсутствия предложен собственный перевод. Орфография и пунктуация переводов принадлежит авторам – пользователям сайта Amalgama-lab.

2. Игра слов в свете теории сложных динамических систем **[Wordplay in the light of the complex dynamical systems theory]**

2.1. Определение понятия «игра слов» [Definition of "wordplay"]

Как известно, игра слов является распространённым стилистическим приёмом, однако у исследователей нет единого мнения относительно границ данного понятия. По словам бельгийского лингвиста Дирка Делабаститы (Dirk Delabastita), распознать игру слов по структуре и использованным языковым средствам не составляет труда, однако проблема заключается в сложности определения границ поля каламбура [Delabastita, 1993, с. 133]. Язык очень гибок, и ситуаций, в которых будет использовано нечто похожее на игру слов, может произойти великое множество. Как следствие, разграничение каламбурных и некаламбурных элементов может стать непростой задачей. Рассуждая об объёме понятия игры слов, нельзя обойти стороной схожесть понятий «игра слов» и «каламбур». Ряд исследователей, в частности [Гальперин, 1958; Кухаренко, 2009; Скребнев, 2003], не проводят различий между ними, таким образом, на сегодняшний день игра слов практически полностью приравнивается к каламбуру. Однако Торстен

Шрётер подчёркивает, что такое обобщение неоправданно, так как игра слов не ограничена уровнем слова (например, существует игра слов на основе фразеологизма), а игра слов, не подразумевающая каламбур, вполне функционирует на словесном уровне [Schröter, 2005, с. 155]. С другой стороны, разговорное использование каламбуров тесно связано с юмористическим эффектом. Следовательно, юмор можно считать элементом, объективно присущим каламбуру, однако при игре слов юмористическая составляющая вовсе не обязательна. Напротив, юмор – лишь одна из возможных реализаций коммуникативной функции игры слов. В данной работе понятия «каламбур» и «игра слов» используются в качестве синонимов и взаимозаменяют друг друга. При этом они понимаются в значении более близкому к сущности понятия «игра слов», нежели «каламбур».

Главная идея игры слов зиждется на полисемии слов и языковых конструкций. Согласно комментарию Д. Делабаститы, игра слов – это общее название различных текстовых явлений, в которых структурные особенности языка используются для того, чтобы вызвать коммуникативно значимое противостояние двух (или более) языковых структур с более или менее сходными формами и более или менее различными значениями [Delabastita, 1993, с. 57]. Другими словами, посредством языковых средств воссоздаётся такая ситуация, при которой слово или языковая конструкция несёт в себе два или более значения в рамках одного и того же контекста. Полагаем, что в этом проявляется свойство нелинейности языка как сложной системы. Как известно, с математической точки зрения нелинейные системы представлены уравнениями, в которых результаты системы не обязательно пропорциональны входным данным. Входные данные лингвистической системы, в данном случае – значения одного и того же слова – в результате синергетического взаимодействия образуют более сложный смысл. Как следствие, реципиент (в том числе, переводчик) может не расшифровать смысл, заложенный автором, а порой привнести и совсем противоположный смысл. Отчасти это объясняется тем, что говорящий и слушающий воспринимают один и тот же предмет с разных сторон и вкладывают различное, индивидуальное содержание в одно и то же слово. Отсюда следует, по мнению В. фон Гумбольдта, что «никто не принимает слов совершенно в одном и том же смысле» [Гумбольдт, 2019, с. 62]. Полагаем, что понятие нелинейности сложных систем «позволяет взглянуть на любой сложный объект как на нелинейную самоорганизующуюся систему и, в частности, дать объяснение процессам, протекающим в структуре текста» [Морозкина, Сафина, 2016, с. 16], а также может способствовать раскрытию оригинальной задумки автора при создании игры слов и более точной передаче всех оттенков смысла на другой язык.

2.2. Нелинейные и аттракторные свойства вертикальной игры слов и перевода [Nonlinear and attractor properties of vertical wordplay and translation]

При исследовании игры слов выделяют две составляющие-оси каламбура. Первая ось включает в себя определённый порядок расположения компонентов игры слов (вертикальная и горизонтальная игра слов), а вторая ось – непосредственно языковые отношения между этими компонентами (омонимия, паронимия, омофония, омография). Различные конфигурации игры слов могут создаваться с помощью разнообразных лексических и грамматических средств (малапропизмы, номинация, словослияние) [Delabastita, 1993, с. 78]. В данной работе мы рассмотрим первую ось игры слов. Различие между вертикальной и горизонтальной игрой слов главным образом обусловлено применением так называемого «стержня», являющегося «словом или фразой, от которой зависит двусмысленность» [Haussman, 1974, с. 16]. При горизонтальной игре слов ключевой компонент реализован внутри текста более одного раза и в разных значениях. В случае, когда ключевой компонент реализован в тексте единожды и второе значение

лежит вне текста, речь идёт о вертикальной игре слов. Вертикальные каламбуры зачастую строятся на основе омофонии и омонимии. По данным проведённого исследования подавляющее число каламбуров в текстах песен Эминема относится к вертикальному типу – 86,1%. В вертикальной игре слов ключевой компонент-стержень упоминается только один раз, и он содержит в себе оба значения. Полагаем, что внетекстуальный стержень вертикальной игры слов служит своеобразным аттрактором динамической системы. В терминологии сложных систем аттрактор – это понятие, которое «тянет» систему к определённому состоянию и функционирует как магнит [Steyn, 1994, с. 100]. В терминах аттрактора фокусирование внимания на конкретном содержании смысла может быть объяснено следующим образом: смысловое содержание текста не является суммой смыслового содержания отдельных слов, а притягивается к критической точке. Полагаем, что внетекстуальный стержень игры слов является своеобразной критической точкой, к которой притягивается смысловое содержание ключевого компонента-стержня. Другими словами, отдельные слова и фразы будут интерпретироваться в соответствии с концептуальной рамкой, установленной внетекстуальным стержнем. Например (внетекстуальный стержень вертикальной игры слов здесь и в дальнейшем будет указываться через правый слэш):

*But it seems like the more they studied my music, the more they remind me of eyeballs
I'm watching my pupils get cornier/cornea.*

*Но чем больше они изучали мою музыку, тем больше напоминали
шерстяные свитера:
Они скатывались.*

В оригинале вертикальная игра слов достигается при помощи омонимов *pupil* – ученик / *pupil* – зрачок и омофонов *cornier* / *cornea*. Автор отмечает, что чем больше его последователи углубляются в его музыку, тем более нелепо они для него выглядят (*cornier*). Для создания игры слов Эминем включает компонент *eyeballs* в качестве индикатора каламбура, и фраза приобретает второе значение – зрачки с роговицей – которое не несёт в себе смысла буквально, но вносит нотку юмора и определённую долю абсурда. Таким образом, внетекстуальный стержень *cornea* служит своеобразным аттрактором, который тянет читателя/слушателя к раскрытию смысла, заложенного автором. Все остальные компоненты игры слов трактуются в терминах смыслового содержания данного стержня. При переводе удалось сохранить аттрактор, хотя и в изменённом виде. Переводчик заменил индикатор каламбура с *eyeballs* на *свитера* и воссоздал игру слов на основе многозначности слова *скатываться* – *свёртываться, принимая форму трубки, шарика/спускаться, падать вниз*, таким образом, воспроизводя «некую инвариантность, заданную непосредственно автором текста (целевой аттрактор)» [Морозкина, Сафина, 2016, с. 15]. Несмотря на то, что перевод выполнен частично, так как оригинал насчитывает две пары вертикальных стержней, а перевод только одну, мы считаем этот вариант вполне удачным, передающим основной посыл автора. Однако не всегда при переводе вертикальной игры слов удаётся воспроизвести целевой аттрактор и сохранить игру слов. Следующий отрывок представляется непросто задачей для переводчика, что, по нашему мнению, в первую очередь связано с обилием американских реалий.

*Holy Toledo, it's Miss Ohio
That's the best girl I've seen in a while
We should be datin' Dayton, she's from Cleveland
But she's a bengal, this chick is catty*

Is that a mini-skirt if it's a maxi?

That's the shortest thing for a dress/address since an addy/Cincinnati.

Святой Толидо, это Мисс Огайо.

Это лучшая девчонка, что я видел за последнее время.

Нам надо бы встречаться, – она из Кливленда,

Но она бенгалка, это хитрая цыпочка.

Разве это мини-юбка, это же макси?

Это самое короткое из платьев с того момента, что я принял аддералл.

Комплексная игра слов включает в себя омофоны (*a dress/address; since an addy/Cincinnati; datin'/Dayton*), буквализацию идиомы *holy Toledo!* (боже мой!/город Толидо в Огайо), и схему из городов штата Огайо (Толидо, Дэйтон, Кливленд, Цинциннати). Также здесь прослеживается связь с баскетбольной командой *Cincinnati Bengals*, чьим талисманом является бенгальский тигр, и возможная отсылка на актрису Холли Берри, которая родилась в Кливленде, в 1986 году стала мисс Огайо и играла Женщину-Кошку (отсюда *'this chick is catty'*). Сохранить все аттракторы и компоненты каламбура при переводе трудновыполнимо или даже невозможно, но переводчик не только не справился хотя бы с одной задачей, но и неправильно перевёл последнюю строку. Вероятно, он ошибочно принял лексему *addy* как сокращение от медицинского препарата *Adderall*, в то время как она является сокращением от *address*. Как результат, перевод абсолютно не отражает даже малой доли задумки исполнителя, а именно – каламбур стержней *address-addy-Cincinnati* и схемы по городам штата Огайо. В целом по результатам проведённого исследования, общий показатель успешного перевода внутри группы вертикальной игры слов составил лишь 14,5%. Полагаем, что проблема непереводимости некоторых элементов языковой системы на другой язык связана, с одной стороны, с характером языка как динамической системы, имеющей нелинейный характер. Нелинейность позволяет видеть мир гораздо более сложным с точки зрения моделей поведения систем, поэтому в современных исследованиях нелинейность признается первичной по сравнению с линейностью. Мы полагаем, что исследуемый нами дискурс является «динамичной системой, нелинейность которой создаётся за счёт намеренного столкновения» текстуальных и интертекстуальных смыслов при создании игры слов [Сафина, Бакиев, 2016, с. 396]. С другой стороны, проблема непонимания и неверной интерпретации сообщений и текстов связана, по мнению В. фон Гумбольдта, с «его [языка] собственными, только ему присущими особенностями, и его полным смысла многообразием» [Гумбольдт, 1985, с. 373]. Таким образом, взаимное понимание между участниками коммуникации всегда неполно и неравнозначно по смысловому наполнению. Своеобразие естественных языков, а также культурный аспект, полагают исследователи, представляют собой основную трудность в переводе игры слов и являются причиной того, почему она часто считается непереводимой [Schröter, 2005, с. 105].

2.3. Самоподобие и фрактальная размерность горизонтальной игры слов в аспекте перевода [Self-similarity and fractal dimension of horizontal wordplay in terms of translation]

Если в вертикальной игре слов два противоположных значения чаще всего появляются одновременно, то в горизонтальной игре слов они несколько отделены друг от друга. Горизонтальная игра слов характеризуется наличием двух стержней с разными значениями, при этом каждое значение связано с отдельным словом или словосочетанием. В отличие от вертикальной игры слов, горизонтальная зачастую не содержит аллюзий на другой текст и менее интертекстуальна. По данным проведённого исследования

число каламбуров горизонтального типа составило 13,9%. Горизонтальный тип игры слов встречается достаточно редко в творчестве Эминема, и этот факт может быть обусловлен очевидностью данного типа. Эминем как рэп-исполнитель постоянно самосовершенствуется в искусстве владения словом. Как следствие, его игра слов становится более сложной и изощрённой от альбома к альбому. Чем игра слов более хитроумна и нестандартна, тем большую реакцию она вызовет у слушателя. На позднем этапе творчества Эминема горизонтальная игра слов практически всегда носит развлекательный характер. Также необходимо отметить, что во многих случаях исполнитель использует данный тип игры слов не для передачи скрытого смысла, а скорее для благозвучия строки, усиления эстетической составляющей текста. Например:

*Don't try to **fix** me, I'm **broke**, so I **don't** work
So are you, but you're **broke** 'cause you **don't** work.*

*Не надо меня чинить, я сломан, и уже не работаю,
Как и ты, но ты сломана, потому что не работаешь.*

Необходимо отметить, что горизонтальный тип игры слов проще поддаётся переводу, нежели вертикальный. Два значения одного стержня располагаются близко друг другу в рамках одного текста, следовательно, не составляет труда идентификация игры слов как таковой. Однако показатель успешного перевода данного типа игры слов составил 14,2%, и данный результат кажется нам неоднозначным. С одной стороны, уже упомянутая в данной работе простота определения горизонтальной игры слов в тексте не должна вызывать затруднений у переводчиков, следовательно, ожидался более высокий показатель в рамках этой группы каламбуров. Тем не менее, уникальный стиль рэпера вносит коррективы в логику рассуждений. Горизонтальная игра слов в его исполнении носит развлекательный и эстетический характер, тем самым уводя переводчиков в сторону поэтического перевода, так как в этом случае требуется воссоздать аллитерацию, рифму и синтаксические конструкции, нежели просто ветвь дополнительных смысловых значений. Как итог, в большинстве случаев переводчики использовали стратегию опущения, и игра слов не была передана. По нашему мнению, это нарушает принцип подобия фрактальной динамической системы. Как известно, фрактал – это бесконечно сложная форма, которая самоподобна на всех уровнях масштаба. Фрактал является визуальным символом теории нелинейных динамических систем. Объекты называются фракталами, когда они обладают свойством масштабной инвариантности и самоподобия [Mandelbrot, 1983]. Самоподобие выступает как характеристика, присущая всем фракталам и заключающаяся в точной рекуррентии определённых элементов при любом масштабе наблюдения, другими словами, это строгая самопохожесть. Таким образом, фрактал – это такая деталь целого, которая структурно подобна каждой другой части и всему целому. Фрактальное самоподобие в языке сводится, в основном, к аналогии и сравнению языковых структур. Однако между одной и той же структурой, появляющейся на разных уровнях, нет строгой идентичности. Скорее, можно говорить об «аналогичной» структуре [Rosenhouse, 2017]. Полагаем, что нарушение принципа фрактального подобия в процессе перевода затрудняет адекватную интерпретацию текста, представляющего собой сложную динамическую систему.

В приведённом выше примере горизонтальная игра слов, основанная на омонимии, переведена буквально, не было передано двойное значение лексемы *broke* – *сломанный / не имеющий денег*, из-за чего текст песни на русском языке воспринимается как бессмыслица. Считаем, что, следуя принципу подобия, данную игру слов можно передать посредством глагола *лечить*, при этом смысл оригинала частично сохранится:

*Что ты мне лечишь, я не работаю, и это не вылечить
А ты не лечишься, потому что не работаешь.*

В предложенном нами варианте перевода утраченное значение оригинального стержня *broke* – не имеющий денег компенсируется многозначностью стержня *лечить* – принимать меры к выздоровлению кого-нибудь/говорить человеку что-то неприятное. Подобная компенсация при переводе игры слов с английского языка на русский, являющихся разнотипными языками, «подтверждает наличие в них свойства фрактального самоподобия, что означает, что некоторые фрагменты структуры повторяются и воспроизводятся в различных масштабах (в нашем случае – в различных языках) без видимых изменений» [Сафина, 2018, с. 161].

Как видно из предыдущего примера, ключевые компоненты в горизонтальной игре слов обычно располагаются рядом друг с другом, хотя остаётся неясным, насколько близко они должны стоять в тексте, чтобы игра слов считалась горизонтальной. В случае, когда ключевые компоненты сильно разделены, существует риск того, что каламбур останется незамеченным. Тем не менее, такая игра слов встречается в анализируемом нами дискурсе. Связь между двумя стержнями может быть усилена или ослаблена в зависимости от того, одинаковы или различны их семантические и синтаксические функции, одинаковую ли позицию они занимают в предложении. Например, стержни горизонтального каламбура чаще всего находятся на расстоянии не более нескольких слов (или нескольких строк в диалоге), но повторение более ранней семантической структуры может соединить даже стержни, отделённые несколькими страницами в тексте. В следующем примере два стержня разделены девятнадцатью строками. Такая игра слов может считаться внутритекстовой отсылкой:

Cracker with the barrel, armed to the teeth, Anderson . Paak

...

...

You ain't seen God 'til you starin' down a barrel

I was gun-shy, but now like a snail

The slug's comin' out of its shell.

Белый рэпер с пушкой, вооружён до зубов как Андерсон Пак

...

...

Если ты не смотрел в дуло пушки, ты не видел Бога

Я был тихоней, но теперь усыпаю всё гильзами.

Полагаем, что подобная структура игры слов является показателем фрактальной размерности как одного из свойств фрактала. Концепция размерности была переопределена Бенуа Мандельбротом (Benoît Mandelbrot), который ввёл дробный размер выше единицы, но меньше двух для сложных линий, тем самым сделав различие между измерениями более размытым, чем чёткое традиционное различие [Mandelbrot, 1967]. Размерность характеризует усложнение множества и отражает свойство масштабной инвариантности рассматриваемой системы. Считаем, что неоднородность и многообразие структурных компонентов игры слов в анализируемом дискурсе являются показателями фрактальной размерности, являющейся одним из свойств сложной динамической языковой системы [Сафина, 2019, с. 879]. При переводе подобных случаев игры слов, скорее всего, будет также прослеживаться принцип фрактальной размерности, выражающийся в неоднородной передаче всех элементов такой игры на другой язык. По мнению Т. Шрётера, сложная игра слов не должна всегда заменяться одинаково сложной языковой игрой в целевом тексте, даже если переводчик решил, что количество игро-

вых экземпляров должно быть одинаковым в оригинале и переводе. Выбор, который необходимо сделать переводчику, становится менее очевидным, если игра слов оригинала многогранна [Schröter, 2005, с. 105]. Таким образом, когда игра слов в языке оригинала обладает свойством инвариантности, она может иметь различные масштабы отображения в языке перевода.

Особым типом горизонтальной игры слов, в которой второй стержень отсутствует, но легко воспроизводится читателем/слушателем, является эллиптический каламбур [Schröter, 2005, с. 163]. В следующем примере фраза *the word in front of a matrimony* подразумевает игру слов *holey (mattress) / holy (matrimony)*:

*I'm at your home ready to spray you
While you nappin' homie
Have everything on and around your mattress*

Lookin' like the word in front of a matrimony.

Необходимо отметить, что подобные случаи настолько редки, что они не оказали существенного влияния на общий результат нашего исследования.

3. Заключение [Conclusion]

Таким образом, в ходе исследования использованы некоторые механизмы анализа, описания и объяснения языка как сложной динамической системы. Описание нелинейной, открытой, динамичной системы языка является отличительной особенностью современной научной парадигмы. Анализ структуры игры слов, а также способов её передачи с английского языка на русский язык продемонстрировал, что свойства нелинейности, самоподобия, фрактальной размерности, аттракторного состояния присущи системе языка и могут быть использованы при исследовании различных языковых явлений. Поскольку игра слов обладает практически неисчерпаемой возможностью интерпретации толкований подобных, но не идентичных авторским, исследование с позиций теории динамических систем позволяет тщательно изучить и проанализировать смысл игры слов, заложенный автором, что будет способствовать более точной передаче смыслов с одного языка на другой. Результаты данной работы продемонстрировали, что перевод игры слов, полученный с сайта Amalgama-lab, в 23,8% случаев был успешным; в 21,2% – был осуществлён посредством пояснительной сноски; в 55% – отсутствовал/был неправильным/игра слов не была идентифицирована переводчиком. Такое большое число случаев неудовлетворительного перевода, не передающего оригинальную задумку автора, может привести к тому, что русскоязычный слушатель не только не получит оригинальный смысловой посыл, вложенный автором изначально, но и неоправданно изменит мнение о творчестве артиста. Некорректная передача текста оригинала может привести к появлению бессмысленного контекста и к абсурдной трактовке. Такие последствия негативно сказываются на развитии жанра рэп в России, а также зарождают заведомо ложные субъективные суждения и оценки о творчестве авторов и даже самой аудитории. Полагаем, что применение теории сложных динамических систем в процессе анализа игры слов, представляющей собой сложную систему, позволяет реципиенту (в том числе, переводчику) толковать глубинные авторские смыслы и найти адекватные способы их передачи на другой язык. В целом, применение положений теории сложных динамических систем может предоставить лингвисту возможность взглянуть на язык под другим углом. В ходе перевода также необходимо принимать во внимание свойства языка как динамической системы, корректируя перевод с учётом сложности формы и функции элементов языкового множества.

Список литературы

- Гальперин, 1958 – Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.
- Гумбольдт, 1985 – Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. 451 с.
- Гумбольдт, 2019 – Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 376 с.
- Кухаренко, 2009 – Кухаренко В. А. Практикум по стилистике английского языка. *Seminars in Stylistics* : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2009. 184 с.
- Морозкина, Сафина, 2016 – Морозкина Е. А., Сафина З. М. Фрактальность грамматических форм в оригинале и переводе // Модернизация высшего образования в России: опыт истории и векторы развития: междунар. науч.-практ. конф., посвящённая 100-летию со дня рождения первого ректора Башкирского гос. ун-та Чанбарисова Шайхуллы Хабибулловича. Часть II / отв. ред. Н. Д. Морозкин. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 14–20.
- Сафина, 2018 – Сафина З. М. Фрактальные свойства языка в аспекте перевода // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: традиции и инновации: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 70-летию Ин-та иностр. языков МПГУ. Ч. 2. М. : МПГУ, 2018. С. 157–163.
- Сафина, 2019 – Сафина З. М. Структурная и семантическая фрактальность фразовых глаголов // Вестник Башкирского ун-та. 2019. Т. 24, № 4. С. 877–881.
- Сафина, Бакиев, 2016 – Сафина З. М., Бакиев А. Г. Нелинейность (фрактальность) художественного дискурса // Актуальные вопросы университетской науки : сб. науч. тр. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 395–400.
- Скребнев, 2003 – Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2003. 221 [3] с.
- Bertalanffy, 1969 – Bertalanffy L. von General System Theory. New York : George Braziller, 1969. 289 p.
- Delabastita, 1993 – Delabastita D. There's a double tongue: an investigation into the translation of Shakespeare's wordplay, with special reference to Hamlet. Amsterdam : Atlanta : Rodopi, 1993. 525 p.
- Evans, 2018 – Evans D. R. Bifurcations, Fractals, and Non-linearity in Second Language Development: A Complex Dynamic Systems Perspective. New York, 2018. 194 p.
- Hausmann, 1974 – Hausmann F. J. Studien zu einer Linguistik des Wortspiels: das Wortspiel im Canard enchaîné. Tübingen : M. Niemeyer, 1974. 166 p.
- Mandelbrot, 1967 – Mandelbrot B. How Long Is the Coast of Britain? Statistical Self-Similarity and Fractional Dimension // Science. 1967. 156 (3775). P. 636–638.
- Mandelbrot, 1983 – Mandelbrot B. The fractal geometry of nature. New York : W. H. Freeman and Company, 1983. 469 p.
- Rosenhouse, 2017 – Rosenhouse J. Fractals as a metaphor in dialectology // Int. J. of Design & Nature and Ecodynamics. 2017. Vol. 12, No. 3. P. 385–395.
- Schröter, 2005 – Schröter T. Shun the pun, rescue the rhyme? The Dubbing and Subtitling of Language-Play in Film. Karlstad : Universitetstryckeriet, 2005. 398 p.
- Steyn, 1994 – Steyn J. Language : A Complex-systems Approach. University of Cape Town, 1994. 337 p.

Источники иллюстративного материала

- Amalgama-lab. URL : <http://www.amalgama-lab.com/songs/e/eminem> (дата обращения : 27.04.2020).
- Azlyrics. URL : <http://www.azlyrics.com/e/eminem> (дата обращения : 23.04.2020).
- Genius. URL : <http://www.genius.com/artists/Eminem> (дата обращения : 23.04.2020).

UDC 81'255

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_104_114

Zarema M. Safina, Oleg S. Terentyev**Bashkir State University****Ufa, Russian Federation**

safinazarema@mail.ru, mylegsarealreadycut.ot@gmail.com

Properties of a complex dynamic system in the structure of wordplay and its translation

Abstract

The article studies structural characteristics of wordplay and ways of its translation from English into Russian. The research is a case study of wordplay translation in the lyrics of epy American rap artist Eminem. We argue that the theory of complex dynamic systems helps reveal the many aspects of wordplay. The vertical and horizontal axes of wordplay, the peculiarities of their use in the artist's verses, as well as the difficulties of translating wordplay were considered. Any difficulties and differences that result from the translation process may be overcome if the language is viewed as a complex fractal system. It is concluded that the modern system approach provides a completely different conceptual framework for the linguist. The properties of a language as a dynamic system should be taken into account in wordplay investigation and wordplay translation to ensure adequate interpretation of the ideas meant by the author.

Keywords: vertical and horizontal wordplay, verse translation, complex dynamic system, non-linearity, attractor, fractal, rap discourse.

© Safina Z. M., Terentyev O. S. 2021

For citation: Safina Z. M., Terentyev O. S. (2021). Svoystva slozhnoy dinamicheskoy sistemy v strukture igrы slov i perevode [Properties of a complex dynamic system in the structure of wordplay and its translation]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 104–114. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_104_114.

References

- Galperin, I. R. (1958). *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on English stylistics]. Moscow : Literatura na inostrannykh yazykakh Press.
- Humboldt, V. von (1985). *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and the philosophy of culture]. Moscow : Progress Press.
- Humboldt, V. von (2019). *O razlichii organizmov chelovecheskogo yazyka i o vliyani etogo razlichiya na umstvennoe razvitie chelovecheskogo roda. Vvedenie vo vseobshchee yazykoznanie* [On differences of human language nature and on influence of this difference on the mental development of mankind. Introduction to comprehensive linguistics]. Moscow : LIBROCOM Press.
- Kuharenko, V. A. (2009). *Praktikum po stilistike angliyskogo yazyka. Seminars in Stylistics: uchebnoe posobie* [Seminars in Stylistics: manual]. Moscow : Flinta Press ; Nauka Press.
- Morozkina, E. A., Safina, Z. M. (2016). Fraktal'nost' grammaticheskikh form v originale i perevode [Fractality of grammar forms in the original and its translation]. In N. D. Morozkin (Ed.), *Modernizatsiya vysshego obrazovaniya v Rossii: opyt istorii i vektory razvitiya: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya pervogo rektora Bashkirskogo Gosudarstvennogo Universiteta Chanbarisova Shaykhully Khabibullovicha. Ch. II* [International research and practice conference held in a centenary year of the first head of the Bashkir State University Chanbarisov Sh. H. "Higher school remodeling in Russia: Historical experience and vector of development". Part II] (pp. 14–20). Ufa : PPC BSU Press.

- Safina, Z. M. (2018). Fraktal'nye svoystva yazyka v aspekte perevoda [Fractal properties of language in terms of translation]. In *Aktual'nye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki: traditsii i innovatsii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Instituta inostrannykh yazykov MPGU*. Ch. 2 [Proc. of International research and practice conference devoted to the 70th anniversary of the Institute of Foreign Languages of MPGU “Topical issues of linguistics and linguodidactics: traditions and innovations”. Part 2] (pp. 157–163). Moscow : MPGU Press.
- Safina, Z. M. (2019). Strukturnaya i semanticheskaya fraktal'nost' frazovykh glagolov [Structural and semantic fractality of phrasal verbs]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 24 (4), 877–881.
- Safina, Z. M., Bakiev A. G. (2016). Nelineynost' (fraktal'nost') khudozhestvennogo diskursa [Nonlinearity (fractality) of literary discourse]. *Actual'nye voprosy universitetskoi nauki: Sbornik nauchnikh trudov* [Col. of research papers “Topical issues of university research”] (pp. 395–400). Ufa : PPC BSU Press.
- Skrebnev, Yu. M. (2003). *Osnovi stilistiki angliyskogo yazika* [The essentials of the English language stylistics]. Moscow : Astrel Press ; AST Press.
- Bertalanffy, L. von (1969). *General System Theory*. New York : George Braziller.
- Delabastita, D. (1993). *There's a double tongue: an investigation into the translation of Shakespeare's wordplay, with special reference to Hamlet*. Amsterdam – Atlanta. Rodopi.
- Evans, D. R. (2018). *Bifurcations, Fractals, and Non-linearity in Second Language Development: A Complex Dynamic Systems Perspective*. New York.
- Hausmann, F. J. (1974). *Studien zu einer Linguistik des Wortspiels: das Wortspiel im Canard enchaîné*. Tübingen : M. Niemeyer.
- Mandelbrot, B. (1967). How Long Is the Coast of Britain? Statistical Self-Similarity and Fractional Dimension. *Science*, 156 (3775), 636–638.
- Mandelbrot, B. (1983). *The fractal geometry of nature*. New York : W. H. Freeman and Company.
- Rosenhouse, J. (2017). Fractals as a metaphor in dialectology. *Int. J. of Design & Nature and Ecodynamics*, 12 (3), 385–395.
- Schröter, T. (2005). *Shun the pun, rescue the rhyme? The Dubbing and Subtitling of Language-Play in Film*. Karlstad. Universitetsstryckeriet.
- Steyn, J. (1994). *Language: A Complex-systems Approach*. University of Cape Town.

Illustration material sources

- Amalgama-lab. Retrieved April 27, 2020 from <<http://www.amalgama-lab.com/songs/e/eminem>>.
- Azlyrics. Retrieved April 23, 2020 from <<http://www.azlyrics.com/e/eminem>>.
- Genius. Retrieved April 23, 2020 from <<http://www.genius.com/artists/Eminem>>.

УДК 81'373.47

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_115_124

Федоринов Алексей Васильевич
Независимый исследователь
г. Оренбург, Российская Федерация
fedorinovalexis@mail.ru

Ремизова Валентина Фёдоровна
Оренбургский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова
г. Оренбург, Российская Федерация
very-valentina@list.ru

Персонификация в художественном тексте (на материале романа Арно де ла Гранжа «Les vents noirs» («Чёрные ветры»))

Аннотация

Научная статья посвящена денотатам персонификации в романе Арно де ла Гранжа «Les vents noirs» («Чёрные ветры»). Проведённый количественный и качественный анализ материала исследования позволил выявить основные группы персонификаций в художественном тексте: персонификация предметов; олицетворение абстрактных понятий; персонификация физических (природных) явлений. Внутри каждой группы на основании семантических признаков были выделены подгруппы. Группа физических (природных) явлений включает денотаты метеорологических явлений, времени суток, небесные светила и порождаемое ими освещение. Группа абстрактных понятий охватывает самые разнообразные денотаты, связанные с психическими состояниями, ментальными и физическими способностями, моральными переживаниями, военно-политическими реалиями, понятием времени. Выявлено, что самыми частотными являются примеры персонификации предметов, к которым относятся географические объекты, природные объекты и взаимосвязанные с ними субстанции, части тела человека, объекты, связанные с войной. Персонификации подверглись предметы и явления, которые играют ключевую роль в развитии романа. Персонификация, входящая в лексическую систему романа, служит важнейшим средством построения текста данного художественного произведения.

Ключевые слова: стилистические фигуры, тропы, персонификация, художественный текст; денотат.

© Федоринов А. В., Ремизова В. Ф. 2021

Для цитирования: Федоринов А. В., Ремизова В. Ф. Персонификация в художественном тексте (на материале романа Арно де ла Гранжа «Les vents noirs» («Чёрные ветры»)) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 115–124. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_115_124.

1. Введение [Introduction]

В современной лингвистике художественный текст рассматривается как законченное сообщение, единица художественной речи. Изучаемый в данном ракурсе художественный текст представляет собой результат процесса, включающего на всех этапах формирования выбор языковых средств, обусловленных объективными (соответствие денотату, семантика, сочетаемость и т. п.) и субъективно-авторскими причинами. Лексические единицы внутри художественного текста проявляют признаки системности, т. е. взаимообусловленности и взаимосвязанности: слова приобретают особые качества только в отдельном художественном произведении, и теряют их вне его. Идейно-тематическое и композиционное развёртывание художественного произведения диктует необходимость актуализировать дополнительные контекстуальные коннотации слов в

лексической микросистеме конкретного художественного текста. Средства выразительности, тропы, фигуры речи – все эти термины употребляются для обозначения ряда способов преобразования лексических значений. Среди них выделяется персонификация как один из эффективных, но сложных для теоретического осмысления тропов. Таким образом, актуальность исследования персонификации в лингвистическом аспекте вызвана противоречием между большим наличием работ по фигурам и тропам как средством «украшения» текста и недостаточным количеством исследований этих феноменов как средств построения художественного текста.

Кроме того, важность обращения к художественным произведениям на французском языке обусловлена социальными, политическими и культурными факторами. На современном этапе развития цивилизации сотрудничество России и Франции проявляется в различных сферах: в кинематографе, изобразительном искусстве, литературе, автомобилестроении. Укрепляющийся авторитет России на международной арене способствует возрастанию интереса не только зарубежных читателей, но и французских писателей, среди которых можно назвать Арно де ла Гранжа, французского журналиста, корреспондента газеты «Фигаро», современного писателя, автора романа «Чёрные ветры» [Grange, 2017], в котором отражены военные действия в России глазами французского офицера, сражающегося на стороне Антанты в двадцатых годах прошлого века.

Анализ литературы по проблемам стилистических фигур и тропов в целом и персонификации в частности показал, что персонификация известна с античных времён. Образные возможности персонификации описаны в фундаментальных трудах по стилистике таких выдающихся лингвистов, как Ш. Балли [Балли, 2009], В. В. Виноградов [Виноградов, 1981], И. В. Арнольд [Арнольд, 2002], И. Р. Гальперин [Гальперин, 2014].

Известный французский писатель Поль Валери говорит: «Образование фигур неотделимо от самого языка, все абстрактные слова которого получены путём некоторого неправильного употребления или некоторой передачи значения, сопровождаемого утратой первоначального значения» [Valéry, 2020].

Персонификация есть вариант метафоры [Белая, Симонов, 2006, с. 122]. «Персонификация – это стилистическая фигура, с помощью которой мы придаём человеческие качества вещи, идее или животному. Персонификация – это продукт сравнения или метафоры. Существование персонификации по метонимии оспаривается» [Adrian, 2017]. В целом, персонификация изучается во взаимосвязи со всеми элементами тропеической системы [Воскресенская, 2006]. С. Ю. Воскресенская считает персонификацию психическим феноменом, связанным с выражением гендерных стереотипов в различных лингвокультурах [Воскресенская, 2006]. Е. В. Серебрякова, рассматривая персонификацию с позиций грамматико-семантического подхода, приходит к выводу, что использование глаголов с семантикой одушевлённости является самым частотным способом выражения персонификации [Серебрякова, 2010].

В языковедческих трудах последних десятилетий разрабатываются вопросы, связанные с персонификацией небесных тел [Туралина, Биль 2012], объектов флоры [Соколова, 2020], природных явлений [Юрикова, 2008], чувств и эмоций [Воскресенская, 2008], искусственных артефактов [Лисецкий, Сопина 2019]. Персонификация активно изучается в медиа-текстах [Сазонова, 2018] и в политическом дискурсе [Назарова, 2008], в сфере потребительской коммуникации [Ащенко, 2012]. В качестве материала исследования выступают как художественные произведения в прозе [Маьдиева, 2020], так и поэтические произведения [Воскресенская, 2008 ; Козлова, 2012 ; Туралина, Биль 2012], фольклорные тексты [Венгранович, Филатова, 2019], тексты на различных языках. Зачастую персонификация рассматривается только как средство «приукрашивания» текста. Однако феномену персонификации как материалу для построения художественного текста внимания уделяется недостаточно.

В исследованиях, посвящённых персонификации, отдельно рассматриваются лексемы, трансформирующие свои значения при персонификации, и персонифицируемые слова. В данной статье мы сосредоточились на словах, называющих объекты, явления, действия и т. п., подвергающиеся персонификации. Персонифицируемые объекты и явления имеют особую значимость в романе А. де ла Гранжа «Чёрные ветры». Называя обычные предметы (обычные для ситуаций романа), неодушевлённые имена, получающие персонифицирующий импульс, становятся ключевыми не только для того участка текста романа, где они локализованы, но и для всего произведения.

Ц е л ь настоящего исследования заключается в том, чтобы выявить и проанализировать денотаты персонификации в романе Арно де ла Гранжа «Чёрные ветры» на французском языке.

2. Материал и методы исследования [Material and methods]

Материалом исследования послужили фрагменты романа французского писателя Арно де ла Гранжа «Les vents noirs» («Чёрные ветры»), содержащие персонификацию.

Изучая персонификацию в романе А. де ла Гранжа «Les vents noirs» («Чёрные ветры»), мы опирались на широкое понимание этого стилистического феномена как одушевления, включающего не только антропоморфизм, но и анимализацию неодушевлённых предметов и отвлечённых понятий. В пользу этой позиции говорит и тот факт, что некоторые действия и атрибуты свойственны всему живому. Из полного текста романа методом сплошной выборки было найдено 164 примера персонификации, которые далее подверглись анализу и статистической обработке (методом простого количественного подсчёта). Для анализа и классификации примеров применялись контекстуальный, компонентный, лексико-стилистический, структурно-семантический анализ и сопоставление.

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Лексико-стилистический анализ романа позволил выявить большое количество случаев использования персонификации. Начнём с примеров действий, свойственных всему живому – *броситься навстречу друг другу* (1), *пить* (2):

(1) Deux géants en armure s'étaient défiés en se cognant le torse (о двух поездах) [Grange, 2017, с. 68] – 'Два гиганта в доспехах бросились навстречу друг другу, ударившись туловищами'.

(2) Pensez-vous que des rêves puissent s'abreuver au sang des autres? [Grange, 2017, с. 315] – 'Не думаете ли вы, что мечты смогут напиться кровью других?'

Как отмечалось выше, персонификация связывается с метафорой или сравнением. Пример (3) содержит и метафору, и сравнение, созданные на основе персонификации:

(3) ...dehors le vent courait en tous sens comme une hyène blessée. [Grange, 2017, с. 191] – '...снаружи ветер бежал во все стороны, как раненая гиена'.

Концентрация актуализированных лексических элементов – персонификация абстрактного понятия и его сравнение с физическим объектом – наблюдается в следующем фрагменте:

(4) ...la vérité tremblait comme l'horizon sur les sables brûlants [Grange, 2017, с. 194]. – '...правда дрожала, как горизонт над раскалёнными песками'.

Кроме того, в тексте романа «Чёрные ветры» были выявлены персонифицирующие эпитеты. Прилагательное «мёртвый» (4), как антоним слова «живой», в своём первоначальном значении характеризует организмы; к органической, живой природе относится и прилагательное «кровавый» (5).

(5) ...l'appel avait retenti vainement dans l'air mort. [Grange, 2017, с. 215] – '...в мёртвом воздухе раздался зов'.

(6) Une nature sanguine mise en service d'un esprit fin... [Grange, 2017, с. 253] – 'Кровавая природа, поставленная на службу тонкому разуму...'

Персонификация, как лексический приём, основанный на взаимодействии словарного значения со значением, контекстуально обусловленным, может совмещаться с синтаксическим силлепсическим образованием – зевгмой:

(7) Ismaïl Beg était de ceux qui préfèrent dresser les chevaux plutôt que les passions [Grange, 2017, с. 256] – 'Исмаил Бег был из тех, кто предпочитает дрессировать лошадей, а не страсти'.

Оба частных случая метафоры – персонификация и метонимия – могут сочетаться в пределах одного контекста. В приведённом фрагменте предложения солнце представлено метонимическими отношениями с его формой (disque 'диск') и температурным режимом (определение brûlant 'раскалённый').

(8) ... un disque brûlant (= soleil) s'apprêtait à découper la terre [Grange, 2017, с. 238] – '... раскалённый диск готовился разрезать землю'.

В фокусе нашего внимания находились денотаты, подвергшиеся персонификации. В итоге денотаты были классифицированы в следующие группы: персонификация абстрактных понятий (32 случая), олицетворение физических (природных) явлений (16 раз), персонификация предметов (116 примеров) (типичные примеры см. в табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Денотаты персонификации в романе А. де ла Гранжа
«Les vents noirs» (фрагмент*)

Table 1. Personification denotata in the novel «Les vents noirs» by A. de la Grange

Денотаты персонификации	Пример на исходном языке (французский)	Пример на переводящем языке (русский)
Физическое явление	... comme si <i>une langue de feu</i> avait couru le long de la voie ferrée.	... как будто <i>язык огня (пламени)</i> пробежал вдоль железной дороги
Природное явление	... <i>la plainte</i> immense des grands vents	... бесконечный <i>стон</i> сильных ветров
Предмет (военный)	... <i>son uniforme souffrant</i> sous la poussée du ventre...	... его <i>форма, страдающая</i> от давления живота
Абстрактное понятие	<i>Une idée</i> qui avait cheminé toute seule..	<i>Идея блуждала</i> сама по себе...
Предмет (военный) + абстрактное понятие	Si <i>les armes s'étaient tues</i> en Europe, <i>la révolution</i> faisait couler le sang en Russie.	Если в Европе <i>оружие замолчало</i> , то <i>революция проливала кровь</i> в России
Абстрактное понятие	... <i>l'opération</i> avait couru sur son erre.	... <i>операция</i> пошла своим чередом.
Объект действительности	Sur les clochetons dorés d'une chapelle, <i>la lune</i> avait fait halte	На золочёных колокольчиках часовни <i>остановилась Луна</i> .
Вещество	... <i>son sang</i> parlait encore.	... <i>его кровь</i> рассказывала ещё.
Предмет (оружие)	... <i>des mitrailleuses</i> ... muettes	... <i>немые пулемёты</i> ...
Предмет (населённый пункт)	Le train filait dans <i>la campagne blessée</i> .	Поезд шел по <i>раненой деревне</i> .

В процентном отношении количество персонификаций в романе выразилось следующим образом: абстрактные понятия – 19,5%, конкретные предметы – 70,8%, природные (физические) явления – 9,7%. Эти три группы персонифицированных денотатов подразделяются на подгруппы в зависимости от характеристик обозначаемых объектов и явлений.

Объекты и явления действительности, входящие в группу природных (физических) явлений, конкретизируются следующим образом:

– метеорологические явления – снег, ветер, тучи, воздух:

(9) ...la plainte immense des grands vents... [Grange, 2017, с. 72] – ...'громкая жалоба великих ветров...'

(10) L'air glacé les avait giflés à deux mains... [Grange, 2017, с. 98] – 'Ледяной воздух шлёпнул их обеими руками...'

– время суток – утро, заря, вечер:

(11) L'aube en était toujours à ses incertitudes [Grange, 2017, с. 102] – 'Рассвет всё ещё был в неуверенности'.

(12) ...le soir a repoussé dans la pénombre les horreurs du jour [Grange, 2017, с. 123] – '...вечер отогнал в полумрак ужасы дня'.

– небо, небесные светила, свойственный им цвет и порождаемое ими освещение – звёзды, луна, лунный свет, сияние солнца, глазурь неба:

(13) Dans le ciel les étoiles mouraient [Grange, 2017, с. 135] – 'На небе умирали звёзды'.

В число абстрактных понятий входят следующие денотаты:

– напряжённые психические состояния, негативные эмоциональные переживания – нетерпение, тревога, грусть, печаль, ожидание, страх, оцепенение, ярость:

(14) ... où couvait désormais une hâte brûlante... [Grange, 2017, с. 104] – '... где теперь тлела жгучая поспешность...'

– мысленные представления: мечта, грёзы, идея:

(15) ...ses rêves se trempent dans le sang... [Grange, 2017, с. 214] – '...его мечты пропитываются кровью...'

– личностные способности: сообразительность, дар, ум:

(16) ... son esprit vorace se refusait à cloisonner [Grange, 2017, с. 82]... – '... его прожорливый ум отказывался перегородить...'

– морально-этические переживания, морально-психологические черты личности: гордость, вина, жестокость, дух:

(17) ...une fierté blessée... [Grange, 2017, с. 244] – '...гордость ранена...'

(18) La culpabilité sécrétait son venin [Grange, 2017, с. 306] – 'Чувство вины вырабатывало яд'.

– политические, военные реалии: революция, (военная) операция:

(19) ... la révolution faisait couler le sang en Russie [Grange, 2017, с. 23] – '... революция пролила кровь в России'.

– время:

(20) ... le poids des siècles... [Grange, 2017, с. 193] – '...тяжесть веков...'

Таким образом, группа абстрактных понятий охватывает самые разнообразные денотаты, связанные с психическими состояниями, ментальными и физическими способностями, моральными переживаниями, военно-политическими реалиями, понятием времени.

Класс конкретных предметов, являясь самым многочисленным, тем не менее, охватывает ограниченное число денотатов. К ним относятся:

– географические объекты, места обитания людей, – земля, страна, город, равнина, пустыня:

(21) La terre parfois semblait se redresser sur ses coudes... [Grange, 2017, с. ...] – 'Земля иногда, казалось, выпрямляется на локтях...'

(22) Ce pays saigné... [Grange, 2017, с. 274] – 'Эта кровоточащая страна...'

(23) Le désert alors psalmodiait âmes [Grange, 2017, с. 130] – 'Пустыня тогда пела псалмы душам'

(24) ...emporter par la puissance de la plaine... [Grange, 2017, с. 125] – 'унесённые силой равнины...'

– природные объекты и взаимосвязанные с ними субстанции – скала, почва, песок, река, вода, дерево:

(25) Les squelettes des arbres blanchissaient au soleil [Grange, 2017, с. 273] – 'Скелеты деревьев белели на солнце'.

(26) Le sol a frémi, gagné par un sourd grondement... [Grange, 2017, с. 345] – 'Земля содрогнулась, издав глухой грохот...'

(27) La roche avait été scalpée... [Grange, 2017, с. 250] – 'Скала была скальпирована...' – части тела человека, связанные с ними действия – лицо, глаза, руки, ноги, голос, кровь, слеза, взгляд.

(28) Deux yeux comme deux doigts effleurant sa nuque... [Grange, 2017, с. 76] – 'Два глаза, как два пальца, коснувшиеся его затылка...'

(29) Des yeux noirs riaient pour le reste du visage [Grange, 2017, с. 88] – 'Чёрные глаза смеялись над остальной частью лица'.

(30) ...les pieds mordent le vide... [Grange, 2017, с. 245] – '...ноги кусают пустоту...'

(31) Une larme traçait un fin sillon [Grange, 2017, с. 75] – 'Одна слеза прочертила тонкую борозду'.

(32) ... son sang parlait encore [Grange, 2017, с. 41] – '... его кровь всё ещё говорила.' – объекты, связанные с войной – бронепоезд, оружие, оружие, пулемёт, пуля:

(33) ...une balle le prit. Une seule, égarée... [Grange, 2017, с. 342] – '... пуля подхватила его. Одна, сбита с толку...'

(34) Verken contemplait la valse de ces batteries mobiles [Grange, 2017, с. 146] – 'Веркен созерцал вальс этих мобильных батарей'.

(35) ...les pièces des wagons de queue pouvaient encore donner de la voix [Grange, 2017, с. 56] – '...части хвостовых вагонов ещё могли подать голос'.

(36) Monstre vomissant ses huiles et ses eaux grises en crachant ses balles d'acier... [Grange, 2017, с. 57] – (monstre 'орудие') 'Монстр извергает свои масла и серые воды, выплёвывая свои стальные пули...'

Денотаты последней подгруппы получили самые разнообразные персонификации. Роман Арно де ля Гранжа «Чёрные ветры» повествует о войне, изображает батальные сцены, что накладывает отпечаток на лексический состав произведения. Являясь тематическими, военно-армейские лексемы подверглись наибольшему воздействию стилистических приёмов, в том числе и персонификации. Так, говоря об орудиях, де ля Гранж уподобляет их зверям, имеющим пасть, умеющим лаять:

(37) ...une large gueule noircie... [Grange, 2017, с. 58] – '... широкая почерневшая пасть...'

(38) On les sentait prêts à aboyer [Grange, 2017, с. 58] – 'Чувствовалось, что они готовы лаять'.

Большое количество примеров персонификации и её влияние на образность всего произведения свидетельствуют о том, что персонификация является неотъемлемым компонентом структуры данного художественного текста. Семантические трансформации лексических единиц, совершаемые при персонификации в романе, индивидуальны, уникальны и свойственны конкретной лексической микросистеме изучаемого художественного произведения. Благодаря персонификации предметы, явления, понятия становятся более колоритными, насыщаются глубоким содержанием, приобретают новые смыслы.

Слово, вынесенное в заголовок романа и поставленное во множественное число, – ветер – персонифицируется несколько раз, тем самым автор подчёркивает его значимость для своего замысла; ветер, сметающий всё и вся на своём пути, является стержневым элементом романа, важнейшим образом, созданным за счёт образных значений слов, его описывающих. Отсюда следует, что персонификация, как одно из звеньев словесной цепи романа, служит важнейшим средством построения текста данного художественного произведения.

Проведённый анализ персонифицируемых денотатов, предложенная классификация денотатов персонификации позволяют оценить авторский стиль Арно де ла Гранжа.

3. Заключение [Conclusion]

Необходимость исследования персонификации в романе А. де ла Гранжа «Les vents noirs» («Чёрные ветры») обусловлена двумя факторами: во-первых, неослабевающим интересом лингвистов к этому активно изучаемому, но не до конца изученному феномену; во-вторых, необходимостью изучить авторский стиль популярного французского писателя, создающего исторические романы о России.

Изучив персонификацию в романе Арно де ла Гранжа «Les vents noirs» («Чёрные ветры»), мы пришли к выводу, что данный приём является важным структурным элементом всего текста романа, а не только изобразительно-выразительным средством: персонификация нанизана на лексическое обозначение тех объектов и явлений, которые играют ключевую роль в развитии романа.

Персонифицируемые денотаты были разделены на три группы: олицетворение физических явлений, абстрактных понятий и конкретных предметов. По семантическому признаку в каждой группе были выделены подгруппы денотатов персонификаций. Персонифицирующая проекция в наибольшей степени направлена на подгруппу объектов, связанных с войной, входящую в группу конкретных предметов.

Такие денотаты, как ветер, оружие, бронепоезд, оказываются высокочастотными. Содержание произведения обуславливает многочисленное употребление этих слов, а персонификация обозначаемых ими предметов служит для усиления воздействующего характера этого содержания.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных результатов в процессе преподавания устного и письменного перевода французского языка, стилистики, лексикологии, аналитического чтения.

Дальнейшее исследование предусматривает анализ иных стилистических фигур и тропов, встречающихся в романе: сравнений, анаколута и т. д.; изучение лексических трансформаций при переводе персонификации, а также позиционный анализ персонификаций в тексте романа.

Список литературы

- Арнольд, 2002 – Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М. : Флинта, Наука, 2002. 384 с.
- Ащенкова, 2012 – Ащенкова Г. А. Феномен персонификации «вещи» в сфере потребительской коммуникации (на материале антропокулинаронимов во французском языке) // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. 2012. Т. 1, № 17. С. 28–36.
- Балли, 2009 – Балли Ш. Упражнения по французской стилистике. М. : Либроком, 2009. 275 с.
- Белая, Симонов, 2006 – Белая Г. В., Симонов К. И. Аналитическое чтение : учеб. пособие. М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2006. 236 с.
- Венгранович, Филатова, 2019 – Венгранович М. А., Филатова Е. В. Художественная персонификация как средство образной конкретизации в структуре фольклорного текста // Поволжский вестник науки. 2019. № 2 (12). С. 54–56.
- Виноградов, 1981 – Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М., 1981. 319 с.
- Воскресенская, 2006 – Воскресенская С. Ю. Особенности взаимодействия персонификации с другими тропами (метафорой, метонимией, аллегорией) // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. : Филология. 2006. № 6. С. 136–141.
- Воскресенская, 2008 – Воскресенская С. Ю. Персонификация любви в поэтическом тексте // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. : Филология. 2008. № 13. С. 3–12.

- Гальперин, 2014 – Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. М. : Либроком, 2014. 336 с.
- Козлова, 2012 – Козлова А. Г. Персонификация в поэзии Джона Апдайка // Известия Южного фед. ун-та. Филологические науки. 2012. № 3. С. 90–97.
- Лисецкий, Сопина, 2019 – Лисецкий М. Л., Сопина А. Л. Персонификация роботов в публицистическом дискурсе: friend or foe // Актуальные проблемы языкознания. 2019. Т. 1. С. 29–34.
- Маъдиева, 2020 – Маъдиева А. Д. Средства выражения персонификации в произведениях Германа Гессе // Интернаука. 2020. № 8-1 (137). С. 70–72.
- Назарова, 2008 – Назарова Т. В. Персонификация новости в «Известиях» // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 7. С. 161–166.
- Сазонова, 2018 – Сазонова М. Д. Модели концептуальной персонификации в англоязычном новостном дискурсе // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2018. № 16 (811). С. 132–145.
- Серебрякова, 2010 – Серебрякова Е. В. Особенности метафорического согласования при персонификации в рамках субстантивного словосочетания // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе : материалы Междунар. конф. М. : РУДН, 2010. С. 463–466.
- Соколова, 2020 – Соколова М. Г. Образные парадигмы "тополь – человек" как приём персонификации в лирике XIX–XX веков // Поволжский пед. вестник. 2020. Т. 8, № 1 (26). С. 104–108.
- Туралина, Биль, 2012 – Туралина Н. А., Биль О. Н. Олицетворение как средство персонификации космического пространства в поэзии начала XX в. // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. : Лингвистика. 2012. № 4. С. 73–79.
- Юрикова, 2008 – Юрикова Н. И. О концептуальной персонификации в произведениях Германа Гессе (на примере описания облаков) // Вестник Московского ун-та. Сер. 9 : Филология. 2008. № 2. С. 143–151.
- Adrian, 2017 – Adrian P. Personnification: définition et exemples | Figure de style // La Culture Générale. URL : <https://www.laculturegenerale.com/personnification-definition-simple-exemples/> (дата обращения : 25.05.2020).
- Grange, 2017 – De la Grange A. Les Vents noirs. Paris : Éditions Jean-Claude Lattès, 2017. 380 p.
- Valéry, 2020 – Valéry P. Paul Valéry // Wikipédia. L'encyclopédie libre. URL : https://fr.wikipedia.org/wiki/Paul_Valéry (дата обращения : 25.05.2020).

UDC 81'373.47

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_115_124

Alexey V. Fedorinov
Independent researcher
Orenburg, Russian Federation
 fedorinovalexis@mail.ru

Valentina F. Remizova
Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg branch
Orenburg, Russian Federation
 very-valentina@list.ru

Personification in the emotive prose text (In the novel "Les vents noirs" ("The Black Winds") by Arnaud de la Grange)

Abstract

The paper examines the denotata of personification in the novel "Les vents noirs" ("The Black Winds") by Arnaud de La Grange. The quantitative and qualitative analysis of the material under study has resulted in the identification of the main groups of personifications in the emotive prose text: personification of objects, personification of abstract concepts, personification of physical (natural) phenomena. Within each group,

subgroups have been identified based on semantic features. The group of physical (natural) phenomena includes denotata of meteorological phenomena, time of day, celestial bodies and the light they radiate. The group of abstract concepts covers a wide variety of denotata related to mental states, mental and physical abilities, moral experiences, military and political terms and the philosophical category of time. It has been figured out that the most frequent examples are personification of objects that include geographical objects, natural objects and related substances, human body parts, and objects related to the war. Those objects and phenomena that play a key role in the development of the novel have been personified. Personification as a part of the lexical system of the novel, serves as the most important means of constructing this emotive prose text.

Keywords: stylistic devices, tropes, personification, emotive prose text, denotatum.

© Fedorinov A. V., Remizova V. F. 2021

For citation: Fedorinov A. V., Remizova V. F. (2021). Personifikatsiya v khudozhestvennom tekste (na materiale romana Arno de la Granzha «Les vents noirs» («Chernye vetry»)) [Personification in the emotive prose text (in the novel "Les vents noirs" ("The Black Winds ") by Arnaud de la Grange)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 115–124. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_115_124.

References

- Arnold, I. V. (2002). *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moscow : Flinta Press, Nauka Press.
- Ashhenkova, G. A. (2012). Fenomen personifikatsii «veshchi» v sfere potrebitel'skoy kommunikatsii (na materiale antropokulinaronimov vo frantsuzskom yazy'ke) [Phenomenon of personification of "Thing" in sphere of consumer communications (on the material of anthropoculinaronyms in French language)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 1, 17, 28–36.
- Bally, Ch. (2009). *Uprazhneniya po frantsuzskoy stilistike* [Exercises in French stylistics]. Moscow : Librokom Press.
- Belaya, G. V., Simonov, K. I. (2006). *Analiticheskoe chtenie* [Analytical reading]: A coursebook. Moscow : NVI-TEZAURUS Press.
- Vengranovich, M. A., Filatova, E. V. (2019). Khudozhestvennaya personifikatsiya kak sredstvo obraznoy konkretizatsii v strukture fol'klornogo teksta [Artistic personification as a means of figurative concretization in the structure of folklore text]. *Povolzhskiy vestnik nauki* [Povolzhsky Bulletin of Science], 2 (12), 54–56.
- Vinogradov, V. V. (1981). *Problemy russkoy stilistiki* [Issues of Russian stylistics]. Moscow.
- Voskresenskaya, S. Yu. (2006). Osobennosti vzaimodeystviya personifikatsii s drugimi tropami (metaforoy, metonimiey, allegorией) [Peculiarities of interaction of personification with other tropes (metaphor, metonymy, allegory)]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 6, 136–141.
- Voskresenskaya, S. Yu. (2008). Personifikatsiya lyubvi v poe'ticheskom tekste [Personification of love in the poetic text]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 13, 3–12.
- Galperin, I. R. (2014). *Stilistika angliyskogo yazyka* [Stylistics of the English language]. Moscow : Libpokom Press.
- Kozlova, A. G. (2012) Personifikatsiya v poe'zii Dzhona Apdayka [Personification in John Updike's poetry]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 3, 90–97.
- Lisetskiy, M. L. Sopina, A. L. (2019). Personifikatsiya robotov v publitsisticheskom diskurse: friend or foe [Friend or foe: Personification of robots in media discourse]. *Aktual'nyye problemy yazykoznaniya* [Current Issue of linguistics], 1, 29–34.
- Ma"dieva, A. D. (2020). Sredstva vyrazheniya personifikatsii v proizvedeniyakh Germana Gesse [Means of Expression of Personification in the Works of Hermann Hesse]. *Internauka* [International Science], 8-1 (137), 70–72.

- Nazarova, T. V. (2008). Personifikatsiya novosti v «Izvestiyax» [The personification of the news in the "Izvestiya"]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism], 7, 161–166.
- Sazonova, M. D. (2018). Modeli kontseptual'noy personifikatsii v angloyazychnom novostnom diskurse [Models of conceptual personification in the English-language news discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 16 (811), 132–145.
- Serebryakova, E. V. (2010). Osobennosti metaforicheskogo soglasovaniya pri personifikatsii v ramkakh substantivnogo slovosochetaniya [Features of metaphorical agreement in personification within the framework of a substantive phrase]. *Professional'no oriyentirovannoye obucheniye inostrannomu yazyku i perevodu v vuze* [Professionally oriented teaching of foreign language and translation at the university] : Proc. International Conference (pp. 463–466). Moscow : RUDN Press.
- Turanina, N. A., Bil, O. N. (2012). Olitsetvorenje kak sredstvo personifikatsii kosmicheskogo prostranstva v poe'zii nachala XX v. [Embodiment as means of personification of the space in poetry of the beginning of the XX century]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 4, 73–79.
- Yurikova, N. I. (2008). O kontseptual'noy personifikatsii v proizvedeniyax Germana Gesse (na primere opisaniya oblakov) [On conceptual personification in Hermann Hesse's works (On the basis of cloud description)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], 2, 143–151.
- Adrian, P. (2017). Personification: définition et exemples | Figure de style. *La Culture Générale*. Retrieved May 25, 2020 from <<https://www.laculturegenerale.com/personnification-definition-simple-exemples/>>.
- De la Grange, A. (2017). *The Black Winds*. Paris: Éditions Jean-Claude Lattès.
- Valéry, P. (2020). *Paul Valéry*. *Wikipédia. L'encyclopédie libre*. Retrieved May 25, 2020 from <https://fr.wikipedia.org/wiki/Paul_Valéry>.

Филиппова Анастасия Анатольевна**Пермский государственный национальный исследовательский университет****г. Пермь, Российская Федерация****flore2004@list.ru**

Фреймовый анализ понятия «контроль» в немецком методическом дискурсе

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы терминологической компетентности обучающихся в области методики преподавания иностранных языков. При этом под терминологической компетентностью понимается знание терминов предметной области и умение применять их в профессиональной деятельности согласно поставленным задачам. Одним из вариантов, способствующих более быстрому и качественному формированию терминологической компетентности, предлагается фреймовый анализ терминов, который предполагает составление фрейма и детальное описание его слотов. Приводится пример фреймового анализа понятия «контроль» в немецком методическом дискурсе. В результате анализа данного дискурса составлен двухуровневый фрейм, слотами первого порядка которого являются «управление», «диагностика», «экзамен», «обучение». К слотам второго порядка отнесены слоты «обучающий» и «обучающийся», соотносимые со слотом первого уровня «управление». При этом делается вывод, что слоты фрейма задают проекцию функциям контроля в методическом дискурсе. Фреймовый анализ рассматривается как вариант раскрытия семантического потенциала терминов и более полного понимания их соотношения в терминосистеме.

Ключевые слова: терминологическая компетентность, методика преподавания иностранных языков, фрейм, контроль, анализ.

© Филиппова А. А. 2021

Для цитирования: Филиппова А. А. Фреймовый анализ понятия «контроль» в немецком методическом дискурсе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 125–134. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_125_134.

1. Введение [Introduction]

В русле современного системно-деятельностного подхода, согласно утверждённым программам обучения, к студентам предъявляются определённые требования, которые отражаются в ряде универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Дисциплина «Методика преподавания иностранных языков» по профилю «Педагогическое образование» на факультете иностранных языков играет в обучении студентов первостепенную роль. Будущим педагогам, которым необходимо быть в курсе современных тенденций, важно владеть понятийно-категориальным аппаратом методики преподавания иностранных языков с учётом смены подходов и, соответственно, появления новых терминов и наполнения новым содержанием прежних. При этом обучающимся важно владеть способностью к пониманию терминов не только русского методического дискурса, но и методического дискурса на изучаемом языке, например, немецком. Знание иноязычной терминосистемы, умение анализировать её на предмет появления новых подходов, теорий, методов необходимо обучающимся для решения учебных и профессиональных задач. Другими словами, студенты должны быть компетентными в области методики преподавания иностранных языков в терминологическом плане, то есть у обучающихся должна быть сформирована терминологическая компетентность по данной

отрасли. При этом под терминологической компетентностью понимается «способность и готовность специалиста грамотно применять терминологию при решении профессиональных задач, используя при этом минимальный объём личностных, материальных, временных и других ресурсов» [Бордовская, Кошкина, 2016, с. 5].

Для систематизации терминологии, для более полного понимания её структуры и связей между терминами может использоваться фреймовое моделирование с фреймовым анализом [Сытникова, 2008 ; Ревина, 2011 ; Тихонова, 2011 ; Широколобова, 2011 ; Корюкина, 2015 ; Вековищева и др. 2017]. Теория фреймов уже давно активно применяется исследователями как при описании концептов, входящих в терминосистемы, так и при описании концептов в разнообразных типах дискурса. При этом исследователями справедливо замечено, что одним из основных свойств фреймов является «возможность фокусировки внимания человека на любой части фрейма» [Гусейханова, Султанов, 2019, с. 53]. Иными словами, один и тот же фрейм разными исследователями может быть описан по-разному, поскольку направление фокуса внимания индивидов зачастую неодинаково. Как известно, фрейм представляет собой когнитивную структуру, в которой отражено знание о стереотипных ситуациях, вербализующееся посредством естественного языка [Филлмор, 1988]. Фрейм может быть формально представлен в виде двухуровневой структуры узлов и отношений, где для вершинных узлов характерны данные, всегда справедливые для определённой ситуации, а узлы или слоты второго уровня заполнены данными из конкретной практической ситуации [Минский, 1979]. Фреймовый анализ предполагает детальное изучение лексических единиц, входящих в тот или иной слот фрейма. С нашей точки зрения, фреймовый анализ может способствовать более быстрому и качественному запоминанию терминов и более полному пониманию отношений между ними в терминосистеме.

Что касается методики преподавания иностранных языков, то, как и любая другая наука, она обладает понятийно-категориальным аппаратом, в который входят базисные категории, то есть основные термины, с которыми так или иначе связаны другие термины рассматриваемой терминосистемы. К базисным категориям относятся такие, как цель, содержание, подходы, методы, принципы, средства обучения иностранным языкам. Одним из терминов методической терминосистемы является «контроль», через призму которого контролируются основные категории методической науки. С помощью контроля в образовательном процессе реализуется целый ряд функций: обучающая, диагностическая, корректировочная, управленческая и оценочная [Азимов, Щукин, 2009, с. 112]. Поэтому, на наш взгляд, термин «контроль», вербализованный в методическом дискурсе, заслуживает особого внимания исследователей. Рассмотрим на примере фрейма «Контроль» в немецком методическом дискурсе работу над фреймовым анализом.

2. Фреймовый анализ понятия «контроль» **[Frame analysis of the notion «control»]**

На основе изучения немецкого методического дискурса, а именно, литературы по методике преподавания иностранных языков (монографий, пособий, учебников), было получено представление о понятии «контроль». Затем были выписаны контексты, включающие термин «контроль» и определены на основе компонентного анализа коллокаций контекстуальные значения исследуемого термина. В ходе анализа методического дискурса было выявлено, что понятие «контроль» выражается лексемами *die Kontrolle*, *die Prüfung*. При этом в лексикографических источниках термин *die Kontrolle* имеет одно значение, а именно, 'контроль, проверка' [БНРС, 1998, с. 735], а термин *die Prüfung* – несколько: '1. испытание, проверка; контроль; опробование; исследование; 2. экзамен, испытание; 3. испытание (страданием)' [БНРС, 1998, с. 214].

В процессе анализа методического дискурса было выявлено, что термином *die Prüfung* выражаются такие значения, как 'экзамен, испытание, контроль', при этом другие значения не актуализируются.

Итак, был составлен фрейм «Контроль», который представлен двухуровневыми слотами. Каждый слот наполнен корпусом контекстов, в которых термином «контроль» на основе контекста актуализируется то или иное значение. К слотам первого уровня относятся «управление», «диагностика», «экзамен», «обучение». Слотами второго уровня оказались «обучающий» и «обучающийся», соотносимые со слотом первого уровня «управление». Рассмотрим подробнее представленные слоты.

Слот «управление» репрезентирован набором контекстов, в которых контроль понимается как управление процессом обучения от лица преподавателя или обучающегося на разных его стадиях. Управление – это «процесс действия по глаголу управлять» [БТСРЯ], а управлять предполагает «руководить деятельностью кого-либо или чего-либо, направлять чью-либо работу. Направлять чьи-либо поступки, быть побудительной причиной, руководящим началом чего-либо» [БТСРЯ]. Другими словами, управление – это координация чьих-либо действий, поступков. Пример:

(1) *Reflexion meint den gemeinsamen Rückblick über die ausgeführten Handlungen und den Vergleich von Lernerhandlung und Expertenhandlung zum Zwecke der Korrektur und der weiteren Annäherung, aber auch ein Mittel, bewusste Kontrolle über die eigenen Problemlösestrategien zu gewinnen* [Neveling, 2002, с. 186] – 'Рефлексия подразумевает совместное рассмотрение выполняемых действий и сравнение действий учащегося и действий эксперта с целью исправления и дальнейшего сближения, а также средство получения осознанного контроля над собственными стратегиями решения проблем'.

В данном контексте термин «контроль» представлен в словосочетании *bewusste Kontrolle über die eigenen Problemlösestrategien* 'осознанный контроль над собственными стратегиями решения проблем', что позволяет интерпретировать контроль как управление своими умозаключениями относительно выбора решения возникших проблем.

Слот «управление» делится на слоты второго порядка «обучающий» и «обучающийся», в которых термин контроль понимается как управление процессом обучения со стороны преподавателя и управление процессом получения знаний, приобретения навыков и умений со стороны обучающегося. В качестве примера слота «обучающий» может быть представлен следующий контекст:

(2) *Instruktivismus, verstanden als direkter Transfer von portionierten, in sich abgeschlossen und oft kontextfrei präsentierten, als objektiv vorhanden angenommenen Wissensstrukturen, bezeichnet die Gesamtheit der von einer Lehrperson geplanten und eingesetzten Methoden und Mittel zur Vorbereitung, Steuerung und Kontrolle von kognitiven Mechanismen im Rahmen eines Lernprozesses* [Surkamp, 2017, с. 115] – 'Инструктивизм, понимаемый как прямая передача порционных, замкнутых в себе и часто контекстно-представленных, как объективно существующих структур знаний, обозначает совокупность запланированных и используемых учителем методов и средств подготовки, контроля и контроля когнитивных механизмов в рамках учебного процесса'.

В данном контексте на основе словосочетания *von einer Lehrperson geplanten* 'запланированных учителем' становится понятным, что управление в процессе обучения исходит от лица обучающего.

Другим контекстом, репрезентирующим термин «контроль» в значении управления от лица обучающего может быть рассмотрен следующий:

(3) *Wird die Aktivität jedoch in Kleingruppenchats ausgeführt, so hat dies nicht nur den Vorteil, dass sich die Gruppen nicht gegenseitig stören, sondern auch, dass sich die Studierenden vom Lehrenden nicht beobachtet fühlen, der Lehrende aber dennoch eine Kontrolle über die Durchführung der Aktivität hat, weil er hinterher die Logfiles lesen kann*

[Ollivier, 2005, с. 106] – 'Однако, если деятельность выполняется в небольших групповых чатах, это имеет преимущество не только в том, что группы не мешают друг другу, но и в том, что студенты не чувствуют себя наблюдаемыми преподавателем, тем не менее обучающий осуществляет контроль над выполнением деятельности, потому что он может прочитать выполненные файлы позднее'.

В данном контексте указывается ведущая роль обучающего в плане контроля: *der Lehrende aber dennoch eine Kontrolle über die Durchführung der Aktivität hat* 'обучающий при этом контролирует (дословно: 'имеет контроль над') осуществление деятельности'.

Следующий контекст может явиться примером, репрезентирующим слот «обучающийся»:

(4) *Bei der Ausführung dieser mentalen Prozesse überwachen Lesende fremdsprachlicher Texte gleichzeitig ihr Verständnis und beobachten beispielsweise, wie sie beim Lesen vorgehen, ob das Vorgehen erfolgreich ist oder wie sie möglicherweise erfolgreicher lesen könnten (metakognitive Kontrolle)* [Surkamp, 2017, с. 218] – 'При выполнении этих психических процессов читающие тексты на иностранном языке одновременно контролируют своё понимание и, например, наблюдают за тем, как они действуют при чтении, успешны ли действия или как они могут потенциально более успешно читать (метапознавательный контроль)'.

В данном контексте представлена коллокация *metakognitive Kontrolle* 'метапознавательный контроль', при этом речь идёт о читающих иноязычные тексты. Следует отметить, что метапознавательный контроль включает в себя: «планирование, оценку и регуляцию познавательной деятельности» [Понятие метапознания, 2020], поэтому термин «контроль», на наш взгляд, может интерпретироваться как управление учащимся своей познавательной деятельностью.

Следующий слот – «диагностика» – репрезентирован корпусом контекстов, в которых термин «контроль» понимается как диагностика уровня знаний, навыков и умений обучающихся. Под диагностикой понимается «распознавание, распознавание» [ТСЖВЯ, 1955], а именно, применительно к методическому дискурсу выявление уровня владения студентами иностранным языком, то есть с помощью контроля происходит реализация диагностической функции в обучении. Примером вербализации термина «контроль» в значении диагностика может быть представлен следующий контекст:

(5) *Sehr bald jedoch wurden die Lernziele zu Instrumenten in der Hand von Lehrern und Schulverwaltungen. Sie wurden zum bevorzugten Mittel der Strukturierung und Beschreibung, von Unterrichtsstunden, von Lehrplänen, zur Mitteln der Kontrolle des Lernerfolgs* [Neveling, 2002, с. 36] – 'Очень скоро, однако, цели обучения стали инструментами в руках учителей и школьных администраций. Они стали предпочтительным средством структурирования и описания, уроков, учебных программ, средством контроля успеваемости'.

В данном контексте представлена коллокация *die Kontrolle des Lernerfolgs* 'контроль успеваемости'. Успеваемость – это «степень успешности занятий учащихся, усвоения ими знаний» [Ефремова, 2000]. Как известно, степень или уровень знаний учащихся могут быть проверены с помощью диагностических тестов, упражнений на развитие навыков и умений, поэтому данный контекст может быть отнесён к слоту «диагностика».

Другим примером, репрезентирующим термин «контроль» в значении 'диагностика' может быть следующий:

(6) *Allerdings wurden auch gravierende Probleme offenkundig: hoher Zeitbedarf für Durchführung (Gruppenarbeit, langsame Progression, Stofffülle, schwierige Kontrolle der Ergebnisse (Notengewinnung, Korrekturaufwand,...)* [Surkamp, 2017, с. 235] – 'Тем не менее, были очевидны и серьёзные проблемы: высокая потребность во времени для вы-

полнения (групповая работа, медленная прогрессия, изобилие материала, сложный контроль результатов (получение оценок; усилия, затраченные на коррекцию),...).

В данном контексте фигурирует коллокация *Kontrolle der Ergebnisse* 'контроль результатов'. Для любой диагностики необходимы определённые результаты. Результат – это «то, что получено в завершение какой-н. деятельности, работы, итог» [Ожегов, Шведова, 1971]. В контексте педагогической деятельности под результатом понимаются приобретённые знания, сформированные навыки и умения по иностранному языку как некий итог на определённом этапе обучения. Таким образом, в данном контексте контроль может быть интерпретирован как диагностика навыков и умений.

Слот первого уровня «экзамен» репрезентирован набором контекстов, в которых термин «контроль» понимается как экзамен. Экзамен – это «проверочное испытание по какому-либо учебному предмету. Испытание чьих-либо знаний, навыков, при успешном результате которого приобретаются соответствующие официальные права» [БТСРЯ, 2014]. Как правило, после экзамена, то есть контроля приобретённых навыков и умений, учащимся выставляются оценки, баллы, на основании которых они получают определённые права (в зависимости от цели экзамена): право обладать аттестатом зрелости, учиться в выбранном учебном заведении, учиться в следующем семестре, иметь диплом различной степени и т. д. Термин «контроль» в значении 'экзамен' представлен во всех контекстах лексемой *die Prüfung*. В качестве примера может послужить следующий контекст:

(7) *Weniger Stress beim Lernen reduziert Angst und Nervosität. Das Ziel von SRL ist es, Stress bei Prüfungen zu reduzieren, effizienteres Lernen zu vermitteln und Lehrer und Trainer anzuregen, eine angstfreihere Lernatmosphäre zu schaffen* [Gehring, Merkl, 2014, с. 78] – 'Меньше стресса при обучении снижает беспокойство и нервозность. Цель SRL – уменьшить стресс на экзаменах, научить более эффективному обучению и побудить учителей и тренеров создавать учебную атмосферу, свободную от стресса'.

В данном контексте представлена коллокация *Stress bei Prüfungen zu reduzieren* 'уменьшить стресс на экзаменах (контроле)'. Контроль в виде экзамена представляется наиболее жёсткой формой проверки знаний, навыков и умений обучающегося. Как правило, во время данного типа контроля экзаменуемый находится в определённом стрессовом состоянии.

Другим примером, репрезентирующим термин «контроль» в значении экзамена может быть следующий:

(8) *Ein recht banaler Grund für das Überwiegen schriftlicher Texte ist, dass Unterrichtsmaterialien meist gedruckt vorliegen und ein Großteil der Prüfungen immer noch schriftlich abgehalten wird* [Gehring, Merkl, 2014, с. 102] – 'Довольно банальная причина перевеса письменных текстов заключается в том, что учебные материалы в основном печатаются, и большая часть экзаменов по-прежнему проводится в письменной форме'.

В данном контексте представлены словосочетания *ein Großteil der Prüfungen immer noch schriftlich abgehalten wird* – 'большая часть экзаменов (контроля) по-прежнему проводится в письменной форме'.

Следующий слот «обучение» репрезентирован корпусом контекстов, в которых термин «контроль» понимается с точки зрения обучения, а именно, выполнения определённых упражнений, направленных на формирование лексических, фонетических, грамматических навыков и развитие умений чтения, письма, говорения, аудирования:

(9) *Auf dem Gebiet der Fremdsprachendidaktik findet erst ab den 1970er Jahren eine verstärkte Auseinandersetzung mit Legitimation, Funktionen, Formen, Kontrolle und Korrektur von Hausaufgaben statt* [Surkamp, 2017, с. 99] – 'В области дидактики иностранного языка только с 1970-х годов усиленно рассматриваются проблемы узаконивания, функций, форм, контроля и коррекции домашних заданий'.

В данном контексте представлена коллокация *Kontrolle von Hausaufgaben* 'контроль домашних заданий'. Согласно установленным программам обучения, домашнее задание призвано обеспечить закрепление навыков и умений по темам, которые были освещены во время аудиторных занятий. При этом закрепление навыков и умений является одним из этапов в обучении, а именно, следующим после предъявления нового материала и первичной активизации навыков. Следовательно, данный контекст по праву может быть отнесён к слоту «обучение».

В качестве ещё одного примечательного контекста, в котором термин «контроль» понимается с точки зрения обучения, может рассматриваться следующий:

(10) *Dazu gehören die genannten Fragetypen, sprachliche wie inhaltlich orientierte Aufgaben, die auf Kontrolle des Textverständnisses zielen, aber auch Aktivitäten, in denen der Teil strukturiert, Figuren charakterisiert, Argumentationen oder Beschreibung rekonstruiert werden* [Surkamp, 2017, с. 199] – 'К ним относятся упомянутые типы вопросов, как языковые, так и содержательные задания, направленные на контроль понимания текста, а также задания, в которых часть структурируется, характеризуются фигуры, реконструируются рассуждения или описание'.

В контексте встречается коллокация *Kontrolle des Textverständnisses* 'контроль понимания текста'. Согласно методике преподавания иностранных языков, к контролю понимания текста относятся упражнения, которые включены в третий этап («послетекстовый этап») работы над чтением текста [Соловова, 2005, с. 163]. Это разнообразные упражнения на понимание прочитанного, в результате выполнения которых становится ясным степень понимания текста обучающимся. В ходе систематической работы над текстами, то есть их прочтения и выполнения различных упражнений на понимание прочитанного, у обучающегося формируется один из основных видов речевых умений при обучении иностранным языкам, умение чтения (по целевой направленности). Поскольку работа над текстами относится к процессу обучения чтению, соответственно, данный контекст может быть отнесён к слоту «обучение».

3. Заключение [Conclusion]

Итак, в настоящей статье был представлен фреймовый анализ понятия «контроль» в методическом дискурсе, в результате которого было выделено несколько контекстуальных значений термина «контроль». А именно, контроль понимается как управление в обучении со стороны субъектов образовательного процесса (обучающего и обучающегося), диагностика уровня знаний, навыков, умений обучающихся, экзамен и сам процесс обучения, то есть закрепление навыков, умений за счёт выполнения определённых упражнений. Кроме этого после осуществления фреймового анализа становится более понятным выделение функций контроля в педагогической деятельности. От слотов фрейма может быть задана проекция к функциям контроля, что даёт возможность сделать следующий вывод: слотом «управление» отражается управленческая функция контроля, слотом «диагностика» – диагностическая, слотом «экзамен» – оценочная и слотом «обучение» – обучающая функция контроля. Понимание студентами всех контекстуальных значений понятия при чтении иноязычной методической литературы чрезвычайно важно для определения семантического потенциала термина, и соответственно, правильного толкования в методическом дискурсе.

Хотелось бы отметить, что фреймовый анализ может быть произведён в сравнительном варианте, то есть при сравнении одних и тех же терминов в методическом дискурсе на русском и немецком языках. Данное сравнение может пролить свет на сопоставление двух терминосистем, выявить существенные схожие и отличительные черты. В заключение следует подчеркнуть, что фреймовый анализ, осуществляемый

студентами в самостоятельном режиме, может способствовать развитию терминологической компетентности, то есть знания терминов и способности использовать их в своей педагогической деятельности согласно их семантическому потенциалу, что крайне необходимо специалистам при решении учебных и профессиональных задач.

Список литературы

- Азимов, Щукин, 2009 – Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика преподавания языков). М. : Изд-во ИКАР, 2009 447 с.
- БНРС, 1998 – Большой немецко-русский словарь : В 3 т. / под общ. рук. О. И. Москальской. 4-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1998.
- БТСРЯ – Большой современный толковый словарь русского языка. URL : <https://slovar.cc/rus/tolk/1954.html> (дата обращения : 14.04.2020).
- БТСРЯ, 2014 – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. 2014. – URL : <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D1%8D%D0%BA%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD&all=x> (дата обращения : 16.04.2020).
- Бордовская, Кошкина, 2016 – Бордовская Н. В., Кошкина Е. А. Терминологическая компетентность специалиста: проявление и уровни развития // Человек и образование. 2016. № 3 (48). С. 4–11.
- Вековищева и др., 2017 – Фреймовое моделирование терминологии безопасности жизнедеятельности в английском и русском языках / С. Н. Вековищева, Е. М. Приорова, Е. П. Савченко, В. М. Романов // Вестник РУДН. Сер. : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 206–218.
- Гусейханова, Султанов, 2019 – Гусейханова З. С., Султанов К. Г. Фреймовая организация концепта «ислам» в англоязычных СМИ // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5. № 4. С. 52–61.
- Ефремова, 2000 – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL : <https://www.efremova.info/> (дата обращения : 16.04.2020).
- Корюкина, 2015 – Корюкина Е. Е. Использование языка для специальных целей при фреймовом анализе англоязычной терминосистемы инклюзивного образования // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 3. С. 226–234.
- Минский, 1979 – Минский М. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979. 151 с.
- Ожегов, Шведова, 1971 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL : <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения : 16.04.2020).
- Понятие метапознания, 2020 – Понятие метапознания // Master Pedagogy. URL : <http://www.zelgo.ru/mpibos-318-1.html> (дата обращения : 15.04.2020).
- Ревина, 2011 – Ревина Ю. Н. Фреймовое представление автомобильной терминосистемы в русском языке // Омский научный вестник. 2011. №5 (101). С. 142–145.
- Соловова, 2005 – Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. 3-е изд. М. : Просвещение, 2005. 239 с.
- Сытникова, 2008 – Сытникова Т. А. Фреймовый анализ терминологии предметной области (на примере англоязычной компьютерной технической терминосистемы) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 85. С. 254–258.
- Тихонова, 2011 – Тихонова И. Б. Особенности фреймового анализа терминосистемы нефтепереработки в английском языке // Вестник Башкирского ун-та. 2011. Т. 16. № 3. С. 713–715.
- ТСЖВЯ, 1955 – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. URL : http://www.rubricon.com/tsd_1.asp (дата обращения : 15.04.2020).
- Филлмор, 1988 – Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике / пер. с англ. Л. Н. Баранова. М. : Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 52–92.
- Широколобова, 2011 – Широколобова А. Г. Фреймовый анализ терминосистемы гидротехники русского и английского языков // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 52–56.

- Ollivier, 2005 – Ollivier Ch. Internet-Fremdsprachen-Didaktik an und für Sprachenzentren. Qualitätskriterien bzw. Modelle für den Einsatz des Internets im Lernprozess von Fremdsprachen. Salzburg: Sprachenzentrum der Universität, 2005. URL: <https://www.uni-salzburg.at/fileadmin/multimedia/Sprachenzentrum/documents/internet-fremdsprachendidaktik-ollivier.pdf> (дата обращения: 14.04.2020).
- Surkamp, 2017 – Surkamp C. Metzler Lexikon Fremdsprachendidaktik: Ansätze – Methoden – Grundbegriffe. Stuttgart: Springer-Verlag GmbH Deutschland, 2017. URL: https://books.google.ru/books?id=0qUyDwAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Metzler+Lexikon+Fremdsprachendidaktik+2017&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiqktiHm_LoAhXRk4sKHen5D8sQ6AEIKDAA#v=onepage&q=Metzler%20Lexikon%20Fremdsprachendidaktik%202017&f=false (дата обращения: 14.04.2020).
- Gehring, Merkl, 2014 – Gehring W., Merkl M. Oldenburger Forum Fremdsprachendidaktik. Englisch lehren, lernen, erforschen. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität, 2014. Band 7. URL: <http://oops.uni-oldenburg.de/2301/1/geheng14.pdf> (дата обращения: 16.04.2020).
- Neveling, 2002 – Neveling Ch. Perspektiven für die zukünftige Fremdsprachendidaktik. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2002. URL: https://books.google.ru/books?id=k5kQTLsHck4C&pg=PA42&lpg=PA42&dq=Kontrolle+im+Fremdsprachendidaktik&source=bl&ots=UknvVgfjxo&sig=ACfU3U3RUKEqI_ONJYjDFMWaScVBPhrqg&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwiH5afki9boAhXSwsQBHskGDVgQ6AEwAHoECAQLg#v=onepage&q=Kontrolle%20im%20Fremdsprachendidaktik&f=false (дата обращения: 14.04.2020).

UDC 81'139

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_125_134

Anastasia A. Filippova
Perm State University
Perm, Russian Federation
flore2004@list.ru

Frame analysis of the notion «control» in German foreign language teaching discourse

Abstract

The article discusses the terminological competence of students in foreign language teaching. Terminological competence means knowledge of terms of the subject area and ability to apply them in professional activity according to the set tasks. A frame analysis of terms is proposed as one of the methods that contribute to faster and better formation of terminology competence. Frame analysis includes the compilation of a frame and a detailed description of its slots. There is an example of a frame analysis of the concept of «control» in German in foreign language teaching discourse. As a result of the analysis of this discourse, a two-level frame was compiled, whose slots of the first order are «management», «diagnostics», «examination», «teaching». Second-order slots include «teacher» and «student» slots that relate to the first-level slot «management». It is concluded that slots of the frame set projection to functions of control in foreign language teaching discourse. Frame analysis is seen as a method to reveal the semantic potential of terms and to better understand their correlation in the term system.

Keywords: terminological competence, foreign language teaching, frame, control, analysis.

For citation: Filippova A. A. (2021). Freymovyy analiz ponyatiya «kontrol'» v nemetskom metodicheskom diskurse [Frame analysis of the notion «control» in German foreign language teaching discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 125–134. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_125_134.

References

- Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2009). *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika prepodavaniya yazykov)* [New vocabulary of methodological terms and concepts (Theory and practice of teaching languages)]. Moscow : IKAR Press.
- Moskal'skaya, O. I. (Ed.). (1998). *Bol'shoy nemetsko-russkiy slovar' (BNRS)* [German-Russian dictionary], 4th edition. Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Bol'shoy sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka (BSTSRYa) [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Retrieved April 14, 2020 from <<https://slovar.cc/rus/tolk/120954.html>>.
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2014). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka (BTSRYa)* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Retrieved April 16, 2020 from <<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D1%8D%D0%BA%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD&all=x>>.
- Bordovskaya, N. V. Koshkina, E. A. (2016). Terminologicheskaya kompetentnost' spetsialista: proyavlenie i urovni razvitiya [Specialist's terminology competence: manifestation and levels of development]. *Chelovek i obrazovanie* [Man and Education], 3 (48), 4–11.
- Vekovishcheva, S. N., Priorova, E. M., Savchenko, E. P., Romanov, V. M. (2017). Freymovoe modelirovanie terminologii bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti v angliyskom i russkom yazykakh [Frame analysis of safety terminology in English and Russian languages]. *Vestnik RUDN. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 8 (1), 206–218.
- Guseykhanova, Z. S., Sultanov, K. G. (2019). Freymovaya organizatsiya kontsepta «islam» v angloyazychnykh SMI [The concept of islam: Frame modeling in the english-language mass media]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 52–61.
- Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [The new dictionary of the Russian language. Explanatory and word-building]. Moscow. Retrieved April 16, 2020 from <<https://www.efremova.info/>>.
- Koryukina, E. E. (2015). Ispol'zovanie yazyka dlya spetsial'nykh tseley pri freymovom analize angloyazychnoy terminosistemy inkluzivnogo obrazovaniya [Language for Special Purposes in the Frame Analysis of the Inclusive Education English Term System]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 3, 226–234.
- Minskiy, M. (1979). *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Knowledge Frames]. Moscow : Energiya Press.
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Ju. (1971). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Retrieved April 16, 2020 from <<https://gufo.me/dict/ozhegov>>.
- Ponyatie metapoznaniya [The concept of metacognition]. *Master Pedagogy*. Retrieved April 15, 2020 from <<http://www.zelgo.ru/mpibos-318-1.html>>.
- Revina, YU. N. (2011). Freymovoe predstavlenie avtomobil'noy terminosistemy v russkom yazyke [Frame presentation of a Russian automobile terminological system]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 5 (101), 142–145.
- Solovova, E. N. (2005). *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyy kurs lektsiy* [Foreign language teaching: a basic course of lectures]. Moscow : Prosveshchenie Press.
- Sytnikova, T. A. (2008). Freymovyy analiz terminologii predmetnoy oblasti (na primere angloyazychnoy komp'yuternoy tekhnicheskoy terminosistemy) [Frame analysis of a subject field's terminology (based on the English computer technical term system)]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences], 85, 254–258.
- Tikhonova, I. B. (2011). Osobennosti freymovogo analiza terminosistemy neftepererabotki v angliyskom yazyke [Features of frame analysis of oil refining terminology in the english language]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 16 (3), 713–715.

- Dal, V. (1955). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dal'a* [Vladimir Dal's Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow. Retrieved April 15, 2020 from <http://www.rubricon.com/tsd_1.asp>.
- Fillmor, Ch. (1988). *Freymy i semantika ponimaniya* [Frames and semantics of understanding]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New issues in foreign linguistics] (Vol. 23, pp. 52–92); Moscow : Progress Press.
- Shirokolobova, A. G. (2011). Freymovyy analiz terminosistemy gidrotekhniki russkogo i angliyskogo yazykov [Frame analyzing of Russian and English hydrotechnics terminology]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 1, 52–56.
- Ollivier, Ch. (2005). *Internet-Fremdsprachen-Didaktik an und für Sprachenzentren. Qualitätskriterien bzw. Modelle für den Einsatz des Internets im Lernprozess von Fremdsprachen*. Salzburg : Sprachenzentrum der Universität. Retrieved April 14, 2020 from <<https://www.uni-salzburg.at/fileadmin/multimedia/Sprachenzentrum/documents/internet-fremdsprachendidaktik-ollivier.pdf>>.
- Surkamp, C. (2017). *Metzler Lexikon Fremdsprachendidaktik: Ansätze – Methoden – Grundbegriffe*. Stuttgart : Springer-Verlag GmbH Deutschland. Retrieved April 14, 2020 from <https://books.google.ru/books?id=0qUyDwAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Metzler+Lexikon+Fremdsprachendidaktik+2017&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiqktiHm_LoAhXRk4sKHen5D8sQ6AEIKDAA#v=onepage&q=Metzler%20Lexikon%20Fremdsprachendidaktik%202017&f=false>.
- Gehring, W., Merkl, M. (2014). *Oldenburger Forum Fremdsprachendidaktik. Englisch lehren, lernen, erforschen*. – Oldenburg : BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität, Band 7. Retrieved April 16, 2020 from <<http://oops.uni-oldenburg.de/2301/1/geheng14.pdf>>.
- Neveling, Ch. (2002). *Perspektiven für die zukünftige Fremdsprachendidaktik*. Tübingen : Gunter Narr Verlag. Retrieved April 14, 2020 from <https://books.google.ru/books?id=k5kQTLsHck4C&pg=PA42&lpg=PA42&dq=Kontrolle+im+Fremdsprachendidaktik&source=bl&ots=UknvVgfjxo&sig=ACfU3U3RUEqI_ONJYjDFMWa sCeVBPhrqg&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwiH5afki9boAhXSwsQBH5SkGDVgQ6AEwAHoECA sQLg#v=onepage&q=Kontrolle%20im%20Fremdsprachendidaktik&f=false>.

УДК 811.11-112, 81'23

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_135_151

Хлопова Анна Игоревна, Ладоса Оксана Михайловна
Московский государственный лингвистический университет,
Национальный исследовательский университет "МЭИ"
г. Москва, Российская Федерация
chlopova_anna@mail.ru, o.m.ladosha@yandex.ru

Лексико-семантическое содержание ценности «Erfolg» в немецкой лингвокультуре

Аннотация

В статье авторы обращаются к исследованию лексико-семантического содержания базовой ценности *Erfolg* 'успех' в немецкой лингвокультуре. Исследование строится в этнопсихолингвистической парадигме, в рамках которой соотношение языка и культуры рассматривается как лингвистическая проблема, поэтому в качестве основных методов исследования используются метод контекстного анализа и свободный ассоциативный эксперимент. Проведенное исследование показало, что для представителей немецкой лингвокультуры большую роль играет успех в карьере, что также подтверждают данные проведенных ранее исследований. Кодифицированные в лексикографических и этимологических источниках значения выявлены также в актуальных исследованиях. Динамика базовой ценности *Erfolg* проявляется в выявлении дополнительных семантических признаков: сфера реализации успеха, ритуальная роль успеха в составе этикетных речевых актов, указание на источники и субъекты успеха, а также временные характеристики ситуации.

Ключевые слова: базовая ценность, семантический анализ, анализ корпуса текстов, свободный ассоциативный эксперимент, модель ассоциативно-вербальной сети, модель ассоциативного значения.

© Хлопова А. И., Ладоса О. М. 2021

Для цитирования: Хлопова А. И., Ладоса О. М. Лексико-семантическое содержание ценности «Erfolg» в немецкой лингвокультуре // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 135–151. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_135_151.

1. Введение [Introduction]

Настоящее исследование проводится в русле этнопсихолингвистической парадигмы, предполагающей изучение содержания базовых ценностей, репрезентированных соответствующими лексемами [Пищальникова, 2007; Пищальникова, 2018; Пищальникова, Хлопова, 2020; Deppermann, Reineke, 2018].

В процессе социализации человеком усваиваются определенные идеалы и ценности, которые являются адаптивным механизмом, облегчающим бытие человека. Поэтому система базовых ценностей в каждой культуре, с одной стороны, устойчива, но с другой стороны, имеет динамичную структуру, так как она формируется стихийно под влиянием различных факторов. То, какие ценности будут приняты в обществе в качестве базовых, зависит напрямую от культурно-идеологических и социально-исторических процессов [Über Tugend und Werte, 2002]. В любом случае, содержание ценности, как и другие составляющие человеческого самосознания, так или иначе отражается в языке. Лингвистический анализ лексем, репрезентирующих ценности, чрезвычайно важен, так как он является «инструментом доступа к содержанию идеальной культуры, зафиксированной и описанной при помощи языковых знаков» [Синячкин, 2010, с. 77]. Определив содержание базовых ценностей, можно моделировать ядерные представления определенной культуры.

За основу исследования берется модель ассоциативно-вербальной сети Ю. Н. Караулова [Караулов, 1993]. Предложенная им методика заключается в сборе и выявлении вербальных ассоциаций респондентов на предъявляемые им слова-стимулы. Данная модель относится к семантико-грамматическому уровню организации языковой личности, то есть, к слову и значению. В то же время, как показали эксперименты, даже в идеальных условиях реакция может быть запрограммирована выбранным стимулом. Так, в качестве реакций чаще выступают такие словоформы, которые в лексико-грамматическом отношении сочетаются со словом-стимулом.

Кроме того, ассоциативно-вербальная сеть выявляет актуальное для респондента в данное время значение слова, а потому может служить одним из инструментов выявления семантики таких сложных явлений, как концепты и ценности. Для их изучения требуется привлечение контекстов, в изобилии представленных в корпусах рассматриваемого языка. С момента появления корпусной лингвистики в фокусе ее внимания находились такие понятия как частотность и дистрибуция языковых единиц. С другой стороны, в настоящее время очевидно, что смысл кодируется в слове лишь в совокупности значений всех составляющих конструкцию языковых единиц, то есть корпусная лингвистика дает тот самый необходимый материал для дискурсивных и когнитивных лингвистических исследований [Методы..., 2019, с. 48–52]. В корпусе языка представлен аутентичный материал, который может быть подвергнут дальнейшему анализу.

Ведущим методом контекстного анализа в данной работе является метод когнитивной интерпретации, под которым понимается «мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, с целью итогового моделирования содержания концепта» [Попова, Стернин, 2014, с. 162].

Ц е л ь исследования заключается в осуществлении анализа динамики содержания базовой ценности *Erfolg* 'успех', входящей в содержание ядра картины мира носителей немецкой лингвокультуры [Prange, 2016 ; Sauer, 2019]. Для достижения указанной цели сопоставляются: 1) содержание ценности, смоделированное на основе лексикографических источников, позволяющих установить инвариантные семантические признаки лексем, номинирующих соответствующую ценность; 2) данные ассоциативного эксперимента, позволяющего выявить психологически актуальное содержание, стоящее за словом; 3) результаты анализа корпуса текстов немецкого языка для установления особенностей функционирования рассматриваемой номинативной единицы в контексте ее употребления. Расхождения, которые проявляются в содержательной специфике, в количестве и иерархии компонентов ценности будут свидетельствовать о динамике базовой ценности *Erfolg* 'успех'.

Психологи полагают, что базовые ценности, одной из которых является ценность *Erfolg* / *успех*, изменяются медленно и остаются устойчивыми в 2–3 поколениях носителей языка [Porreï, 2004]. Однако лингвистический анализ, проводимый нами, показывает, что в настоящее время даже ядерные ценности существенно изменяются гораздо быстрее. В условиях глобализации происходит быстрая трансформация базовых ценностей, составляющих ядро культуры, что далеко не всегда приводит к положительным социальным последствиям [Porreï, 2004]. Поэтому более ранняя диагностика таких процессов, в том числе и лингвистическая, является чрезвычайно актуальной.

Выбор ценности *Erfolg* 'успех' обусловлен не только ее значением как базовой ценности, но и возможностью проследить ее динамику, сопоставив данные ассоциативного эксперимента с результатами аналогичного исследования, проведенного в 2009 г. Тогда в ходе экспериментального исследования было выявлено, что «в современном сознании немца главными составляющими концепта «*Erfolg*» являются *gute Karriere* 'хорошая карьера', *Geld* 'деньги', *Glück* 'счастье', *Zufriedenheit* 'довольство, удовлетворение',

Annerkennung 'признание, одобрение'» [Хрынина, 2009, с. 7], а в качестве дополнительных значений выступали «1) социальный рост человека; 2) достижение материального благополучия; 3) духовные завоевания человека; 4) заранее распланированный успех; 5) самореализация человека; 6) эмоциональное состояние» [ibid, с. 16].

Р а б о ч а я г и п о т е з а заключается в том, что ядро ценности представляет собой стабильное инвариантное образование, динамика ценности будет проявляться в возникновении дополнительных семантических признаков.

Понятие «ценность» можно рассматривать в разных аспектах: философском, социологическом, психологическом. С точки зрения философии «ценности, даже если они при сопоставлении разных культур рассматриваются как универсальные, будучи аксиологическими понятиями, принадлежат субъективному восприятию и сознанию и существуют в индивидуальных смыслах» [Ваньяжоу, 2019]. По мнению немецкого философа Г. Риккерт, о ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только что они значат или не имеют значимости [Риккерт, 1998, с. 44–128]. М. Шеллер также полагает, что ценность не может быть одновременно позитивной и негативной. Каждый человек в праве сам определять, какая ценность является для него значимой, а какая нет. С точки зрения социологии каждый человек сам определяет свои ценности, придает им различную значимость. Поэтому система ценностей одного человека определяет его действия [Гуревич, 2000]. Немецкий философ и социолог М. Вебер рассматривал ценность как форму, при помощи которой люди организуют свой жизненный опыт. Он считает, что ценности занимают центральное место в системе мотивации человека [Weber, 1972, с. 1–30]. Российский психолог Д. А. Леонтьев определяет ценности как «идеальную модель должного», отражающую опыт общества, указывающую человеку направление его деятельности, играющую роль источника смысла жизни человека [Леонтьев, 1996]. Таким образом, мы можем определить базовые ценности как «совокупность жизненных установок и идеалов, которые сами члены этноса считают характерными и важными для своего народа и которые реализуют их в своей деятельности» [Хлопова, 2018]. При этом отметим, что только сам индивид может считать определенную ценность значимой лично для него.

2. Лексико-семантическое содержание базовой ценности Erfolg [The lexical and semantic content of the “Erfolg” value]

2.1. Материал и методы [Material and methods]

М а т е р и а л о м исследования послужили лексикографические источники; корпус немецкого языка DWDS Politische Reden; экспериментальные данные свободного ассоциативного эксперимента (с участием 200 немецких респондентов).

В работе использованы следующие методы: (1) анализ лексикографических источников, (2) свободный ассоциативный эксперимент, (3) метод контекстного анализа. На основе принятой модели лексического значения полученные данные сопоставляются.

Для установления инвариантных семантических признаков лексемы *Erfolg* / *успех* как формы экспликации соответствующей базовой ценности были проанализированы этимологические и толковые словари немецкого языка [Agricola URL ; Dudenredaktion URL ; DWDS URL ; Erfolg URL].

Свободный ассоциативный эксперимент проводился в апреле 2019 г. в городах Фехте, Берлин, Потсдам, Баден-Баден. Респонденты – школьники и студенты в возрасте от 17 до 23 лет. Респонденты получали печатную анкету с 15 словами-стимулами, на которые они должны были реагировать первым пришедшим на ум словом.

Теоретико-методологической базой для включения данного эксперимента в исследование послужила теория речевой деятельности А. А. Леонтьева, определённая ав-

тором как система речевых действий в различных конкретных речевых ситуациях [Леонтьев, 2005, с. 27, 29]. Такая трактовка позволяет рассматривать соотношение стимула и реакции в нашем эксперименте как речевого действия и, следовательно, устанавливать смысловые сдвиги (см. аналогичный опыт её применения в [Ахутина 2008, с. 79–104]). Поэтому свободный ассоциативный эксперимент позволяет выявить психологически актуальное содержание, стоящее за словом.

Политические речи, представленные в корпусе немецкого языка, являются, согласно теории речевой деятельности А. А. Леонтьева, одним из видов речевых актов. Это динамичная форма речи, в которой проявляются тенденции в изменении значения слов. Для верификации нашей гипотезы об изменении значения ценности мы сравниваем различные речевые акты, произведённые разными носителями языка, в нашем случае подростками и политиками, в одинаковый временной период. Если имеется общая динамика в разных речевых актах, то можно говорить об общих тенденциях в изменении содержания ценности. При этом отметим, что в разных речевых актах скорость и направления изменения содержания ценности могут проявляться по-разному, о чём будут свидетельствовать выявленные несовпадения.

Интеграция инструментов корпусной лингвистики в дискурсивные исследования позволяет решить фундаментальную проблему отбора релевантного и надежного аутентичного материала исследования. В то же время мы не ограничиваемся сугубо статистическим дистрибутивным анализом контекстов, поскольку полагаем, что для установления актуального значения лексической единицы и концепта, на который она указывает, требуется интерпретация ее широкого контекста. Полученные в ходе такого анализа результаты могут лишь частично коррелировать с данными компонентного анализа словарных статей и выделенными в ходе ассоциативного эксперимента признаками, поскольку не все значения находят эксплицитное вербальное выражение в контексте употребления.

Для анализа контекстов употребления нами был выбран корпус немецкого языка *DWDS Politische Reden*. Он представляет собой корпус с политическими речами, доступный для поиска в цифровом формате. Большую часть текстов составляют речи обладателей четырех высших ролей в федеральном правительстве Германии: федерального президента, федерального канцлера, президента бундестага и министра иностранных дел, в основном в период правления с 1990 по 2019 гг. Другая часть состоит из выступлений влиятельных политических деятелей из Австрии и Швейцарии, а также примеров из Восточной Бельгии, Южного Тироля и Лихтенштейна. Коллекция текста в настоящее время состоит из около 22 миллионов токенов [Barbaresi, 2019 URL].

Поскольку ассоциативный эксперимент для установления актуального значения концепта был проведен в 2019 г., этот же период был выбран для отбора контекстов. Поиск по ключевому слову *Erfolg* выдал 159 контекстов употребления лексемы.

Данные контексты были распределены на семантические группы по дистрибуции токена¹ *Erfolg*: 1) формально-грамматическую, 2) аффективно-оценочную дистрибуцию, 3) источники успеха, 4) сферу реализации, 5) временную протяженность успеха, 6) результат успеха, 7) смежные понятия.

2.2. Анализ лексикографических источников [Dictionary analysis]

Согласно словарю Duden, слово восходит к средневерхненемецкому *ervolgen* 'достигать'.

В словаре DWDS указано, что слово *Erfolg* 'успех' появилось в XVII в. и означало *Wirkung, Erreichen eines Zieles* 'эффект, достижение цели' (перевод наш – А. Х., О. Л.).

¹ Под токеном понимается реализация данной лексемы в том или ином контексте

В толковом словаре Duden лексема *Erfolg* 'успех' толкуется как *positives Ergebnis einer Bemühung; Eintreten einer beabsichtigten, erstrebten Wirkung* [Dudenredaktion URL] – 'положительный результат какого-либо усилия, достижение ожидаемого, желаемого эффекта'.

В словаре DWDS лексема объясняется как *Eintritt einer beabsichtigten, angestrebten Wirkung, positives Ergebnis* [Erfolg URL] – 'достижение намеченного, желаемого эффекта, положительного результата'.

В словаре Agricola [Agricola, 2012] не приведено дефиниции лексемы *Erfolg*, однако приведены следующие примеры: *glänzenden, großen, durchschlagenden, keinen Erfolg, viele Erfolge haben* 'иметь блестящий, большой, громкий успех, не иметь успеха, иметь большой успех'; *von Erfolg zu Erfolg schreiten* 'шагать от одного успеха к другому'; *das Unternehmen, der Abend, die Darbietung war ein voller Erfolg* 'предприятие, вечер, представление имело полный успех'; *seine Bemühungen waren ohne Erfolg, waren von Erfolg gekrönt, begleitet, hatten den gewünschten Erfolg* 'его усилия были безуспешны, увенчались успехом, сопровождалась успехом, имели желаемый успех'; *etwas nach dem Erfolg beurteilen* 'судить о чем-то по успеху'; *ich habe mich mit Erfolg an dem Wettbewerb beteiligt* 'я успешно принял участие в соревновании'; *der einzige Erfolg (die Folge) war, dass alles lachte* 'единственным следствием было то, что все смеялись'; *er hat bei den Frauen Erfolge (ist bei ihnen beliebt)* 'он имеет успех у женщин'. На основе примеров мы можем выделить основные признаки, которые отражают примеры на слово *Erfolg* 'успех': результат, достижение, а также дополнительные значения: следствие, популярность.

Таким образом, на основе этимологии и дефиниций толковых словарей мы можем выделить ядро лексемы: 1) достижение цели, 2) положительный результат, 3) желаемый эффект.

2.3. Результаты свободного ассоциативного эксперимента [Results of free associative experiment]

На слово-стимул *Erfolg* 'успех' последовало 200 реакций. Для более четкой классификации реакций обратимся к модели ассоциативного значения В. А. Пищальниковой, которая предлагает разделять все полученные реакции в соответствии со следующими признаками: понятия, представления, формально-грамматические реакции, культурные реакции, эмоционально-оценочные реакции. В каждом из этих признаков нами были выделены дополнительные признаки, по которым происходит ассоциирование:

1. Успех в работе: *Arbeit* 'работа' (31 реакция); *Karriere* 'карьера' (28 реакций); *Beruf* 'профессия' (14 реакций); *arbeiten* 'работать' (2 реакции); *beruflich* 'профессионально' (2 реакции); *Job* 'подработка' (2 реакции); *Geschäft* 'сделка, дело' – всего 82 реакции.

2. Следствие успеха: *Glück* 'счастье' (26 реакций); *angesehen* 'авторитетный'; *Ansehen* 'авторитет'; *Ehre* 'честь'; *ehrgeizig* 'тщеславный'; *eins* 'один'; *Fortschritt* 'прогресс'; *Freude* 'радость'; *Macht* 'сила'; *macht Spaß* 'доставляет удовольствие'; *Selbstentwicklung* 'саморазвитие'; *Sieg* 'победа'; *Übermut* 'высокомерие', *Zufriedenheit* 'удовлетворение' – всего 40 реакций.

3. Материальное благополучие: *Geld* 'деньги' (14 реакций); *Gewinn* 'прибыль' (14 реакций); *Reichtum* 'богатство'; *Wohlgefühl* 'благополучие' – всего 30 реакций.

4. Успех как результат стараний: *Fleiß* 'прилежание' (5 реакций); *Anstrengung* 'напряжение'; *Bemühen* 'старания'; *fleißig* 'прилежный'; *hängt von dir ab* 'зависит от тебя'; *harte Arbeit* 'тяжёлая работа'; *Mühe* 'старания'; *Schweiß* 'пот'; *schwer* 'тяжело'; *streben* 'стремиться'; *verdienen* 'заслужить'; *viel Arbeit* 'много работы' – 16 реакций.

5. Источники успеха: *gut sein* 'быть хорошим' (2 реакции); *schön* 'красивый' (2 реакции); *Bildung* 'образование'; *Talent* 'талант' – всего 6 реакций.

6. Успех в учебе: *Note* 'оценка'; *Noten* 'оценки'; *Prüfungen bestehen* 'сдать экзамены'; *Studium* 'учеба'; *Uni* 'университет' – всего 5 реакций.

7. Успех как достижение цели: *erreichtes Ziel* 'достигнутая цель'; *seine Ziele erreichen* 'достигать свои цели'; *Ziele* 'цели'; *zielstrebig* 'целеустремленный' – всего 4 реакции.

8. Желаемый эффект: *Zukunft* 'будущее' (2 реакции); *Träume* 'мечты'; *wünschenswert* 'желательный' – всего 4 реакции.

9. Оценка успеха: *gut* 'хорошо'; *positiv* 'положительно'; *wichtig* 'важно' – всего 3 реакции.

10. Успех в спорте: *Pokal* 'кубок'; *Sport* 'спорт' – всего 2 реакции.

11. Неважность успеха: *Nebensache* 'второстепенное дело' – 1 реакция.

12. Место реализации: *überall* 'повсюду' – всего 1 реакция.

Отметим, что среди реакций респондентов отсутствуют формально-грамматические реакции и клишированные фразы, а также культурные реакции. В ассоциативном поле ценности *Erfolg* 'успех' отмечены понятийные реакции, соответствующие словарной дефиниции лексемы. Прежде всего, это реакции, соответствующие выделенному дополнительно признаку «успех как достижение цели». Эмоционально-оценочные реакции соответствуют выделенному дополнительно признаку «оценка успеха», а также частично признакам «следствие успеха», «источники успеха». Наибольшее количество реакций – представления, свидетельствующие о наличии личностных смыслов, связанных с исследуемым стимулом. 41% от общего количества реакций отражает признак «успех в работе», который связан в сознании респондентов с собственной реализацией в профессиональной деятельности, а, следовательно, с продвижением по карьерной лестнице. Реакции, соответствующие признаку «следствие успеха» (20% от общего количества) можно разделить на положительные и отрицательные. С одной стороны, достижение успеха непосредственным образом связано с такими чувствами, как *счастье*, *удовлетворение* и *радость*, которые в свою очередь также относятся к категории морально-этических ценностей. С другой стороны, успех способствует достижению определенного статуса человека в обществе, а, соответственно, повышению авторитета и получения силы и власти. С третьей стороны, успех ведет к развитию у человека таких негативных качеств, как тщеславие и высокомерие. Реакции, реализующиеся в признаке «материальное благополучие» (15% от общего количества) свидетельствуют о четкой ассоциативной связи у респондентов: успех – деньги, которая сводится к тому, что все успешные люди богаты. Реакции, соответствующие признаку «успех как результат стараний» (8% от общего количества реакций) отражают типичный национальный стереотип и свидетельствуют о трудолюбии немецкой нации. В понимании респондентов для достижения результата нужно много и упорно работать. Противоположен этому признаку признак «источники успеха» (3% от общего количества реакций), который указывает на качества, благодаря которым можно добиться успеха. Реакции, репрезентирующие признак «успех в учебе» (2,5% от общего количества реакций) типичны для избранной группы респондентов, которые являются студентами или школьниками старших классов. Все реакции, входящие в следующую группу, содержат компонент *Ziel*, что позволяет выделить признак «успех как достижение цели». Как было отмечено выше, эти реакции являются понятийными и соответствуют словарной дефиниции лексемы *Erfolg* / *успех*. Незначительная группа реакций, позволяющая выделить признак «желаемый эффект» указывает на то, что успех в представлении респондентов ориентирован на будущее и желание получения успеха также является своеобразной целью, к которой необходимо стремиться. Этот признак соответствует также словарной дефиниции. Со-

гласно признаку «оценка успеха» респонденты дают этому понятию сугубо положительную оценку, что также соответствует определениям понятия *Erfolg* / *успех*. Единичные реакции позволяют также выделить признаки «успех в спорте», «неважность успеха», «место существования успеха».

Таким образом, сопоставляя семантическое поле, выделенное на основе этимологических и толковых словарей с ассоциативным полем, смоделированным на основе результатов свободного ассоциативного эксперимента, отметим, что значение слова *Erfolg* сохранило инвариантное значение. Динамика значения проявляется в появлении новых признаков данного понятия: «успех в работе», «следствие успеха», «материальное благополучие», «успех как результат стараний».

2.4. Анализ корпуса текстов [Text corpus analysis]

2.4.1. Формально-грамматическая дистрибуция лексемы *Erfolg* [Formal-grammatical distribution of the lexeme *Erfolg*]

Данная группа представлена наибольшим количеством контекстов (97) и может быть разделена на следующие подгруппы:

а) речевые формулы и клише (24): *(viel) Erfolg (wünschen)*, например, *Deshalb wünsche ich Ihnen viel Erfolg für dieses Internet Governance Forum in Berlin* – 'Поэтому я желаю вам **больших успехов** на этом форуме по управлению интернетом в Берлине';

б) движение к успеху (22): *(Wege) zum Erfolg (führen)* (8): *Das heißt natürlich nicht, dass jede diplomatische Initiative auch zum Erfolg führt* – 'Конечно, это не значит, что каждая дипломатическая инициатива **также ведет к успеху**';

Erfolge erzielen (6): *Hier Erfolge zu erzielen, kann nur gemeinschaftlich gelingen.* – '**Успех** здесь может быть **достигнут** только коллективно';

Erfolg bringen (4): *Ich freue mich natürlich, dass <...> auch meine Russischlehrerin hier ist, die uns ja durch ihre Motivation zu ungeahnten Erfolgen gebracht hat.* – 'Мне, конечно, приятно, что <...> моя учительница русского языка тоже здесь, которая **помогла** нам **добиться** беспрецедентного **успеха** благодаря своей мотивации';

zu + Erfolg (machen) (1): *Ich denke, wir alle sollten gemeinsam daran arbeiten, dass wir dieses Fachkräfteeinwanderungsgesetz <...> nun auch wirklich zu einem Erfolg machen.* – 'Я думаю, что мы все должны работать вместе, чтобы **сделать** этот закон об иммиграции <...> действительно **успешным**';

Erfolg generieren (1): *Dass Subventionen kein Mittel sind, um dauerhaft Erfolg zu generieren.* – 'Что субсидии не являются средством **обеспечения** долгосрочного **успеха**';

Erfolg erreichen (1): *Aber wir sehen auch, dass wir solche Erfolge, wie sie zu wünschen wären, bis jetzt noch nicht erreicht haben.* – 'Но мы также видим, что мы еще не **достигли** того **успеха**, который хотели бы видеть';

Erfolg erringen (1): *Wir haben in den letzten Monaten einen großen Erfolg errungen.* – 'Мы достигли большого успеха за последние месяцы';

в) наличие успеха (25): *Subst. ist Erfolg* – 8:

Das ist erst mal ein Erfolg. – 'Это первый **успех**'; *Erfolg + haben* – 7: *Du hattest Erfolg damit, und dafür gibt es ganz viele Beispiele.* – 'Ты **был** в этом **успешен**, и есть много примеров этого';

mit + Erfolg (7): *Ich habe mich massiv dafür eingesetzt, dass wir Gelder aus dem Klimafonds erhalten – mit Erfolg.* – 'Я усердно работал, чтобы обеспечить получение средств из климатического фонда – и **успешно**';

Erfolg aufzeigen (1): *Der Bildungsbericht 2018 zeigt uns, dass wir bei den Themen "Bildung" und "Chancengerechtigkeit" viele Erfolge aufzuzeigen haben.* – 'Отчёт об об-

разовании 2018 года **показывает** нам, что у нас есть большой **успех** в сферах «образования» и «равных возможностей»;

*Erfolg melden (1): Und ich hoffe, dass ich Ihnen in absehbarer Zeit einen **Erfolg melden** kann.* – 'И я надеюсь, что смогу **сообщить** вам **об успехе** в обозримом будущем';

*Erfolg ausmachen (1): Gerade das **macht** auch den **Erfolg** Deutschlands als Industrieland und als Innovationsstandort **aus**.* – 'Именно это **составляет успех** Германии как индустриальной страны и места для инноваций';

г) отсутствие успеха (6): *Erfolg oder Misserfolg – 2: Vielleicht ist die Personalversammlung im Auswärtigen Amt ja ein ganz guter Spiegel für **Erfolg oder Misserfolg** von Haushaltsberatungen.* – 'Возможно, встреча сотрудников Министерства иностранных дел является очень хорошим отражением **успеха или неудачи** бюджетного консультирования';

*kein Erfolg (2): Denn wenn diese das nicht implementieren, was wir an Ressourcen geben können, dann wird daraus auch **kein Erfolg** werden.* – 'Потому что, если они не реализуют то, что мы можем дать с точки зрения ресурсов, то это **не будет успешно**';

*ohne Erfolg (1): **Ohne Erfolg**, wie wir heute wissen.* – '**Безуспешно**, как мы знаем сегодня';

*verlieren (1): Ich setze sehr darauf, dass das, was wir an Erfolg **verloren** haben, dann aufgeholt werden kann und wir wieder vorankommen.* – 'Я ставлю на то, что **потерянное** в отношении успеха можно нагнать и снова развить';

д) указание на принадлежность (16): *Erfolg von Subst. / Gen. (11): Der **Erfolg solcher Arbeit** ist nicht nur eine wachsende Gemeinschaft.* – '**Успех такой работы** – не просто растущее сообщество';

*Posessivpron. + Erfolg (5): Eines <...> haben Sie bei all Ihren **Erfolgen** nie vergessen.* – 'Одно <...> Вы никогда не забывали при всех **своих успехах**';

е) указание на ситуацию (4): *dies + Erfolg: **Dieser Erfolg** hatte Auswirkungen: Sie haben den Hunger bei uns besiegt.* – '**Этом успехе** имел последствия: Вы победили голод у нас'.

Блок формально-грамматических дистрибуций лексемы является наиболее обширным в анализируемом корпусе, поскольку именно данный тип лексического окружения служит целям нейтрального употребления лексической единицы в контексте. В нем тематизируются такие аспекты семантики слова как движение и путь к успеху, а также наличие и отсутствие успеха и указание на принадлежность и ситуацию. Пожелание успеха в клишированных речевых формулах свидетельствует о значимости ценности в рассматриваемой лингвокультуре. Этикетные речевые акты имеют большое значение для межличностной коммуникации. Использование клишированных речевых формул как части этикетных речевых актов обусловлено потребностью в однозначном выражении соответствующей интенции коммуниканта [Шишова, 2016, с. 133].

2.4.2. Аффективно-оценочная лексика [Affective-evaluative vocabulary]

В данной группе представлено 30 контекстов:

*groß + Erfolg (14): Das ist ein **großer Erfolg**.* – 'Это **большой успех**';

*voller Erfolg (2): Die Aktion war ein **voller Erfolg**.* – 'Эта акция оказалась **полным успехом**;

*toller Erfolg (2): Das ist ein **toller Erfolg**.* – 'Это **невероятный успех**';

*wichtig + Erfolg (3): Mit unserer gemeinsamen Arbeit in der Kommission Gleichwertige Lebensverhältnisse haben wir **wichtige Erfolge** erzielt.* – 'Благодаря нашей совместной работе в Комиссии по обеспечению равных условий жизни мы достигли **важного успеха**';

großartig + *Erfolg* (1): *Das ist ein **großartiger Erfolg**.* – 'Это **огромный успех**';
wesentliche Erfolge (1): *Alle Reformpartner in Afrika haben <...> in den letzten Jahren **wesentliche Erfolge** erzielt.* – 'Все партнеры по реформе в Африке достигли **больших успехов** в последние годы';

substanziell + *Erfolg* (1): *Keine hat aber auch nur annähernd **substanziellen Erfolg** gebracht.* – 'Но ни один из них не принес почти никакого **существенного успеха**';

ungeahnt + *Erfolg* (1): *Ich freue mich natürlich, dass <...> dass auch meine Russischlehrerin hier ist, die uns ja durch ihre Motivation zu **ungeahnten Erfolgen** gebracht hat.* – 'Мне, конечно, приятно, что <...> моя учительница русского языка тоже здесь, которая **помогла** нам **добиться** беспрецедентного **успеха** благодаря своей мотивации';

spürbar + *Erfolg* (1): *Es ist vor allen Dingen aber ein **spürbarer Erfolg** für die Menschen vor Ort.* – 'Но, прежде всего, это **заметный успех** для местного населения';

selten + *Erfolg* (1): *Letztlich ist das auch ein **seltener Erfolg** der multilateralen Zusammenarbeit.* – 'В конечном итоге это также **редкий успех** многостороннего сотрудничества';

Erfolg messen (1): *Darüber, wie man und ob man überhaupt den **Erfolg** eines APA-Vorsitzenden **messen** kann, kann man natürlich spekulieren.* – 'О том, как и можно ли вообще **измерить успех** председателя АПА, можно размышлять';

nachweisbar + *Erfolg* (1): *Es gibt **nachweisbare Erfolge**.* – 'Есть **очевидные успехи**';

gut + *Erfolg* (1): *Achtens: Es war ein **guter** und ein wichtiger **Erfolg**.* – 'В-восьмых: это был **хороший** и важный **успех**'.

В блоке аффективно-оценочной информации реализована эвалюативная интенция коммуниканта. На первый план выходят такие характеристики успеха, как возможность его измерения, а также значимость успеха для продуцента. Поскольку понятие успеха является во многих отношениях субъективным концептом, личностная составляющая в оценке успеха имеет большое значение. Обращает на себя внимание исключительно положительная характеристика рассматриваемого концепта и отсутствие негативной коннотации.

2.4.3. Источники успеха [The sources of success]

В следующей группе представлено 19 контекстов:

а) *независимые от труда* (6): *schön (Schönheit) und Erfolg* (4): *Wie hat man Erfolg, und in welchem Verhältnis stehen **Schönheit und Erfolg** zueinander?* – 'Как добиться успеха и как соотносятся **красота и успех**?';

selbstverständlich + *Erfolg* (1): *Das war ein Stück harter Arbeit, und der Erfolg war keinesfalls **selbstverständlich**.* – 'Это была тяжёлая работа, и успех ни в коем случае не был само **собой разумеющимся**';

in den Schoß fallen (1): *Der Erfolg **fiel** den Bauhäuslern nicht in den Schoß.* – 'Успех не **свалился** представителям «Баухауза» на голову';

б) *предпосылки* (7): *Erfolg versprechen* (2): *<...> welche Therapien **Erfolg versprechen**, individuell und persönlich.* – 'Какие методы лечения **обещают успех**, индивидуально и лично';

Garantie (1): *In diesem Geist haben Sie miteinander verhandelt; das war die **Garantie** für Ihren **Erfolg**.* – 'В этом духе вы договаривались друг с другом; это было гарантией вашего успеха';

Voraussetzung für + *Erfolg* (1): *Trotzdem war natürlich die Kombination <...> auch eine ganz wichtige **Voraussetzung für den Erfolg**.* – 'Тем не менее, комбинация <...> была, конечно, также очень важным **условием успеха**';

Zeichen des Erfolges (1): *Deshalb ist seine heutige weitgehende Reduzierung auch ein Zeichen des Erfolges des Zusammenwachsens in Deutschland.* – 'Поэтому его нынешнее сокращение сегодня также является признаком успеха срастания в Германии';

möglich + Erfolg (1): *Auch ein Blick auf die weltweite Gesundheit zeigt, dass Erfolge möglich sind.* – 'Даже взгляд на здоровье в мире показывает, что **успех возможен**';

Erfolg sichern (1): *Erstens: Ohne ein genaues Bild davon <...> werden wir die bisherigen Erfolge im Kampf gegen den IS nicht sichern können.* – 'Во-первых: без точной картины <...> мы не сможем **обеспечить** предыдущий **успех** в борьбе с ИГ';

в) **успех как результат труда** (6): *abhängen* (2): *Unser Erfolg hängt ab von unseren Partnerschaften.* – 'Наш успех зависит от наших партнерских отношений';

Bemühungen und Erfolge (1): *Manchmal dauert es sehr lange, manchmal haben solche Bemühungen aber auch Erfolge.* – 'Иногда это занимает много времени, но иногда такие усилия оказываются успешными';

Erfolg kein Selbstläufer (1): *Doch trotzdem ist der Erfolg kein Selbstläufer.* – 'Тем не менее, **успех** не происходит **сам собой**';

viel Aufwand betreiben für Erfolge (1): *Politische Bildner müssen bereit sein, auch für kleine – im Sinne der Messbarkeit kleine – Erfolge viel Aufwand zu betreiben.* – 'Политические просветители должны быть готовы **приложить немало усилий** для достижения маленького – в смысле измеримости – маленького **успеха**';

Erfolg erarbeiten (1): *Auch wenn wir uns den Erfolg in manchen langen Sitzungen hart erarbeiten müssen.* – 'Даже если мы должны усердно работать, чтобы **добиться успеха** в некоторых долгих сессиях'.

В распределении семантического признака «источник успеха» обращает на себя внимание указание на успех как результат усердного труда или же как не зависящий от приложенных усилий результат. В контекстах также представлено указание на предпосылки и обусловленность успеха внешними факторами.

2.4.4. Сфера реализации [Scope of implementation]

Данная группа представлена 13 контекстами:

а) **экономическая сфера** (8): *wirtschaftlich + Erfolg* (6): *Ein guter Kommunikator zu sein, ist für den wirtschaftlichen Erfolg eines Unternehmens eben keine Nebensächlichkeit.* – 'Быть хорошим коммуникатором – не второстепенный вопрос для **экономического успеха** компании';

unternehmerisch + Erfolg (2): *Dafür dürfen wir Ihnen dankbar sein – für den kreativen wie für den unternehmerischen Erfolg des Vereins.* – 'Мы можем быть благодарны за это – как за творческий, так и за **предпринимательский успех** ассоциации';

б) **политическая сфера** (5): *politisch + Erfolg* (3): *Die Aktion <...> führte auch zu einem politischen Erfolg, nämlich dazu, dass die Weinsteuer wegfiel.* – 'Акция <...> также привела к **политическому успеху**, а именно, что налог на вино больше не применялся';

demokratisch + Erfolg (1): *In Polen erreichte die Solidarność erste demokratische Erfolge.* – '«Солидарность» достигла своего первого **демократического успеха** в Польше';

asiatisch + Erfolg (1): *Dann stellt man fest, dass das im Wesentlichen asiatische Erfolge sind, allen voran Chinas, aber auch anderer Länder.* – 'Тогда вы понимаете, что это в основном **успехи Азиатских стран**, особенно Китая, но также и других стран' (из речи канцлера ФРГ А. Меркель).

Выбранный для анализа корпус обусловил также и выбор акцентированных областей для возможного успеха экономической и политической сферами, которые распределены примерно равным образом.

2.4.5. Временная протяженность [Time extent]

В данной группе 6 контекстов:

erst + Erfolge (2): Einer der ersten Erfolge dieser Hartnäckigkeit <...> war, die Haushaltspläne der öffentlichen Hand transparent zu machen. – 'Одним из **первых успехов** этой настойчивости <...> было обеспечение прозрачности бюджетов государственного сектора';

bisherigen Erfolge (1): Erstens: Ohne ein genaues Bild davon <...> werden wir die bisherigen Erfolge im Kampf gegen den IS nicht sichern können. – 'Во-первых: без точной картины <...> мы не сможем закрепить **предыдущие успехи** в борьбе с ИГ';

künftig + Erfolg (1): Künftige Erfolge aber werden sich an denen Dieter Kosslicks messen lassen müssen. – '**Будущие успехи** должны быть измерены Дитером Коссликом';

kurzfristig + Erfolg (1): Kurzfristige Erfolge können eben nicht darüber wegtäuschen. – '**Краткосрочные успехи** не могут скрыть этот факт';

schnell + Erfolg (1): <...> dass dieser Einsatz für kooperative Sicherheit, für Abrüstung und Rüstungskontrolle wahrscheinlich keine einfachen, schnellen Erfolge bringen wird. – '<...> что эта приверженность совместной безопасности, разоружению и контролю над вооружениями вряд ли принесет легкие и быстрые результаты'.

Поскольку успех мыслится как изменчивое явление, его темпоральная соотнесенность также акцентирована в рассмотренных контекстах. Успех может быть временным, первым, будущим или быстрым.

2.4.6. Результат успеха [Effects of success]

Группа представлена 6 контекстами:

а) положительный – (3): *verbessern (1): Erfolge, die das Leben hunderttausender Menschen ganz praktisch verbessern.* – '**Успехи**, которые практически **улучшают** жизни сотен тысяч людей';

sich ausruhen (1): Wir dürfen uns nicht auf Erfolgen ausruhen. – 'Мы не можем **почивать на лаврах**';

hinterhertrauern (1): Wir dürfen nicht den Erfolgen der Vergangenheit hinterhertrauern, sondern wir müssen neue technologische Entwicklungen mitbestimmen. – 'Мы не должны **тосковать** об успехах прошлого, мы должны иметь право голоса в новых технологических разработках';

б) отрицательный – (3): *Erfolge zunichtemachen (2): Die Erfolge im Kampf gegen den IS <...> können so zunichtegemacht werden.* – '**Успехи** в борьбе с ИС <...> могут быть **аннулированы** таким образом';

trotz aller Erfolge (1): Denn richtig ist, dass trotz aller Erfolge der Aufschwung im letzten Jahrzehnt nicht bei allen Menschen angekommen ist. – 'Потому что это правда, что, **несмотря на все успехи**, подъем не достиг всех за последнее десятилетие'.

К данному семантическому признаку мы отнесли контексты, в которых представлено указание на период после достижения успеха. Обращает на себя внимание то, что успех представлен как преходящее явление, а потому нет возможности останавливаться на достигнутом.

2.4.7. Смежные понятия [Related concepts]

Группа представлена 3 контекстами:

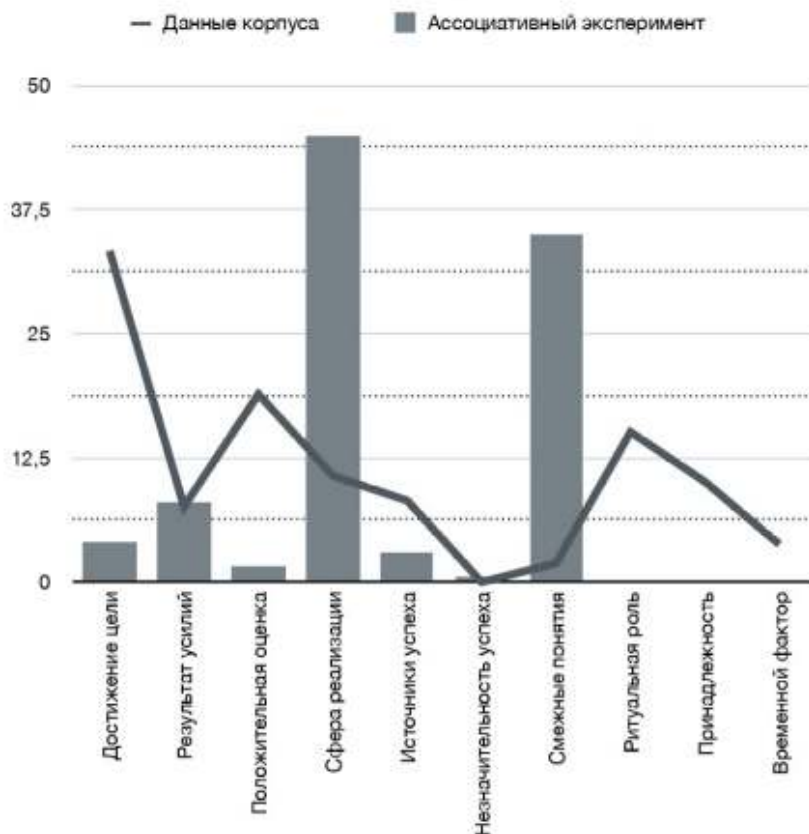
Fortschritte und Erfolge – 1: Manchmal bringt es mich regelrecht auf die Palme, wie wir Fortschritte und Erfolge, Chancen und Potenziale klein reden oder gänzlich außer Acht lassen. – 'Иногда меня действительно расстраивает то, как мы говорим о **прогрессе или успехах**, возможностях и потенциале или полностью игнорируем его'; *Erfolg und*

Fortentwicklung – 1: Der Erfolg und die Fortentwicklung des europäischen Projekts ist und bleibt unser nationales Kerninteresse, ist und bleibt Teil unserer Staatsraison. – '*Успех и дальнейшее развитие* европейского проекта является и остаётся нашим основным национальным интересом, является и остаётся частью нашей государственной политики'; *Stabilität und Erfolg – 1: Diese Stabilität und den Erfolg, den dieser Einsatz hat, dürfen wir nicht aufs Spiel setzen.* – 'Мы не должны ставить под угрозу эту **стабильность и успех**, которые имеют эти усилия'.

Успех является одной из ценностей лингвокультуры, а потому включён в систему ценностей носителей языка. Таким образом, успех коррелирует с такими концептами как «прогресс» и «стабильность», «шансы», «потенциал», «дальнейшее развитие».

3. Заключение [Conclusion]

В заключение сопоставим данные, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента и когнитивного анализа корпуса текстов немецкого языка (рис. 1).

Р и с у н о к 1. Частотность семантических признаков, выявленных в ходе ассоциативного эксперимента и анализа корпуса

Figure 1. Semantic features frequency according to associative experiment and corpus analysis

В первую очередь, обращает на себя внимание различие полученных результатов. По данным ассоциативного эксперимента главными семантическими признаками являются «сфера реализации», а также смежные понятия, тематизирующие сопутствующие успеху положительные явления (материальный успех, счастье и др.). В то же время в корпусе текстов немецкого языка вербализованы такие признаки, как «успех как движение к цели», а также в меньшей степени положительная оценка успеха и ритуальная

роль пожеланий успеха в коммуникации. Данные расхождения могут быть обусловлены рядом факторов и, особенно, тем, что содержание ценности у подростков в возрасте от 17 до 23 лет и политиков (уже состоявшихся личностей) различно.

С другой стороны, наряду с различиями, данные методы выявили и общие семантические признаки. Таким образом, несмотря на различие в подходах, комбинация психолингвистических методов и корпусного анализа в рамках когнитивных исследований позволяет получать достоверные верифицируемые результаты.

Моделирование семантической структуры базовой ценности *Erfolg* / *успех* позволяет выявить ядерные и периферийные признаки, определенные на основании усредненных значений (рис. 2).

Р и с у н о к 2. Семантическая структура базовой ценности *Erfolg* / *успех*

Figure 2. Basic value *Erfolg* / *success* semantic structure

Ядерным семантическим признаком является сфера реализации успеха. На ближней периферии находятся признаки «успех как достижение цели» и смежные понятия / ценности (счастье, материальное благополучие и др.) как положительные явления, сопутствующие успеху. На дальней периферии располагаются такие признаки как «успех как результат приложенных усилий», положительная оценка успеха, а также успех как часть ритуальных клише. Источники, принадлежность и незначительность успеха, а также темпоральные характеристики ситуации успеха располагаются на крайней периферии.

Таким образом, сопоставление результатов ассоциативного эксперимента и анализа корпуса текстов выявило следующее. Во-первых, успех в карьере, а также сопутствующие успеху эмоциональные состояния счастья и удовольствия по результатам обоих ассоциативных экспериментов (2009 и 2019 гг.) ранжированы достаточно высоко. В то же время в ходе проведения последнего эксперимента не были выявлены признаки «социальный рост человека», «духовные завоевания человека» «самореализация человека». Во-вторых, кодифицированные в лексикографических источниках признаки «достижение цели», «результат усилий», «желаемый эффект» и «положительный результат» были выявлены обоими методами анализа. Дополнительно были выявлены такие семантические признаки, как «сфера реализации успеха» (образующий семантическое ядро понятия), ритуальная роль успеха в составе этикетных речевых актов, а также указание на источники и субъекты успеха и временные характеристики си-

туации. Все это свидетельствует о значимости ценности в рассматриваемой лингвокультуре и динамике её развития.

В заключение отметим, что подобного рода исследования, основанные на сопоставлении этимологических данных, лексикографических данных, данных ассоциативного эксперимента и корпуса текстов являются, на наш взгляд, особенно перспективными для исследования базовых ценностей общества ввиду того, что при таком последовательном анализе выявляются реальные компоненты значения, которые необходимы для интерпретации ценностей, а возможные ошибки в интерпретации сводятся к минимуму.

В то же время, для получения абсолютно достоверного и неопровержимого результата исследования необходим тщательный отбор материала. К перспективам исследования можно отнести дальнейшее изучение различных корпусов немецкого языка и выявление сходств и расхождений в объеме реализации представленного признака. Вероятно, последующие работы покажут различную степень реализации отдельных семантических признаков в отобранном методом сплошной выборки корпусе текстов в социальных сетях и блогах, в публикациях СМИ разной направленности (политической, развлекательной, экономической сферы). Однако только всестороннее изучение явления позволяет построить наиболее полную картину происходящих в языке процессов.

Список литературы

- Ахутина, 2008 – Ахутина Т. В. Модель порождения речи Леонтьева-Рябовой: 1967–2005 // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи / под ред. Т. В. Ахутиной, Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2008. С. 79–104.
- Ваньжоу, 2019 – Ваньжоу Ч. Психолингвистический анализ базовых ценностей «терпимость» и «родина» в китайской культуре // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2019. №4 (820). С. 81–90.
- Гуревич, 2000 – Гуревич П. С. Философия культуры : учебник для вузов. М. : nota bene, 2000. URL : https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gurevich/index.php (дата обращения : 01.05.2020).
- Ильина и др., 2016 – Проблемы конструирования инокультурного ценностного сознания / В. А. Ильина, Д. В. Маховиков, А. А. Нистратов., Н. Л. Синякина, Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. 2016. №4 (30). С. 216–235.
- Караулов, 1993 – Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М. : Русский язык, 1993. 330 с.
- Леонтьев, 2005 – Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. 3-е изд. М. : КомКнига, 2005. 216 с.
- Леонтьев, 1996 – Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности (статья первая) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1996. № 4. С. 35–44.
- Методы..., 2019 – Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. 2-е изд. М. : Издательский Дом ЯСК, 2019. 344 с.
- Пищальникова, 2007 – Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: курс лекций : в 3 ч. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М. : МГЛУ. 2007. 228 с.
- Пищальникова, 2018 – Пищальникова В. А. Этнопсихолингвистика как методологическая база межкультурных исследований // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 4 (793). С. 11–19.
- Пищальникова, 2019 – Пищальникова В. А. Психологически актуальное содержание вежливости в картине мира российских студентов // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = (Human being: Image and essence. Humanitarian aspects). 2019. № 2 (37). С. 120–130.
- Пищальникова, 2020 – Пищальникова В. А., Хлопова А. И. Этнопсихолингвистика. Ч. 1. Этническая идентичность : учеб. пособие. М. : Проспект, 2020. 112 с.
- Пищальникова, В. А., Хлопова, А. И. Экспериментальные методики верификации данных ассоциативного поля // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 4 (820). – С. 38–51.

- Попова, Стернин, 2014 – Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания: Учебное пособие. Изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД, 2014. 176 с.
- Риккерт, 1998 – Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: пер. с нем. / Генрих Риккерт. М.: Республика, 1998. 410 с.
- Хлопова, 2018 – Хлопова А. И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Хлопова Анна Игоревна; Моск. гос. лингв. ун-т. М., 2018. 213 с.
- Хрынина, 2009 – Хрынина Е. Н. Лингвокультурная специфика концепта «успех/Erfolg»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Хрынина Евгения Николаевна; Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2009. 20 с.
- Шишова, 2016 – Шишова О. М. Коммуникативно-прагматическая норма поведения участников виртуальной коммуникации (на примере немецкоязычного сетевого дневника) // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Общественные науки. 2016. № 2 (741). С. 22–134.
- Яо, 2018 – Яо Ч. Ассоциативное поле слова как инструмент анализа его значения // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2018. № 13 (807). С. 308–314.
- Agricola, 2012 – Agricola E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2012. 818 S.
- Barbaresi, 2019 – Barbaresi A. German Political Speeches Corpus (Version v4.2019). 2019. URL: https://www.dwds.de/r?corpus=politische_reden (дата обращения: 01.05.2020). doi.org/10.5281/zenodo.3611246.
- Deppermann, Reineke, 2018 – Deppermann A., Reineke S. Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext. 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/326613159_Einleitung_Sprache_im_kommunikativen_interaktiven_und_kulturellen_Kontext. (дата обращения: 24.05.2021).
- Dudenredaktion (o. J.): „Erfolg“ auf Duden online. URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/Erfolg> (дата обращения: 01.05.2020).
- Erfolg // das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Erfolg> (дата обращения: 01.05.2020).
- Poppei, 2004 – Poppei G. Quo vadis Globalisierung // Rohrbacher Manuskripte: Rosa-Luxemburg-Stiftung. 2004. № 11. S. 26–34.
- Prange, 2016 – Prange P. Werte. Von Plato bis Pop. Alles, was uns verbindet. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuchverlag, 2016. 752 S.
- Sauer, 2019 – Sauer F. H. Das große Buch der Werte. Enzyklopädie der Wertvorstellungen. Köln: INTUISTIK-Verlag, 2019. 600 S.
- Über Tugend und Werte: Beiträge von Andrzej Szczypiorski, Bożena Chojak und Heinrich Olschowsky. Frankfurt am Main. 2002. 49 S.
- Weber, 1972 – Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: Mohr, 1972. 948 S.

UDC 811.11-112, 81'23

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_135_151

Anna I. Khlopova, Oksana M. Ladoshina
Moscow State Linguistic University, National Research University "MPEI"
Moscow, Russia

chlopova_anna@mail.ru, o.m.ladosha@yandex.ru

Lexical and semantic content of the “Erfolg” value in German linguistic culture

Abstract

The article examines the lexical and semantic content of the core value *Erfolg* 'success' in German linguistic culture. The research is based on the ethno-psycholinguistic paradigm, and the relationship between language and culture is considered as a linguistic problem; therefore the main research methods are the method of

contextual analysis and free associative experiment. The study showed that for representatives of German linguistic culture an important role is played by career success, which is also confirmed by data from previous studies. Values codified in lexicographic and etymological sources are also identified in relevant studies. The dynamics of core value *Erfolg* is manifested in the identification of additional semantic attributes: the sphere of success, the ritual role of success in etiquette speech acts, an indication of the sources and subjects of success, as well as the temporal characteristics of the situation.

Keywords: core value, semantic analysis, text corpus analysis, free associative experiment, associative-verbal network model, associative meaning model.

© Khlopova A. I., Ladosha O. M. 2021

For citation: Khlopova A. I., Ladosha O. M. (2021). Leksiko-semanticheskoe sodержanie tsennosti «Erfolg» v nemetskoy lingvokul'ture [Lexical and semantic content of the “Erfolg” value in German linguistic culture]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 135–151. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_135_151.

References

- Ahutina, T. V. (2008). Model' porozhdeniya rechi Leont'eva-Ryabovoy: 1967–2005 [Model of speech generation by Leontiev-Ryabova: 1967–2005]. In T. V. Ahutina, D. A. Leont'ev (Eds.), *Psihologiya, lingvistika i mezhdistitsiplinarnye svyazi* [Psychology, Linguistics and Interdisciplinary Relations] (pp. 79–104). Moscow : Smysl Press.
- Wanrou, Ch. (2019). Psikholingvisticheskii analiz bazovykh tsennostei "terpimost" i "rodina" v kitaiskoi kul'ture [Psycholinguistic analysis of basic values “Tolerance” and “Motherland” in Chinese culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 4 (820), 81–90.
- Gurevich, P. S. (2000). *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of culture] : A coursebook. Moscow : nota bene. Retrieved May 5, 2020 from <https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gurevich/index.php>.
- Ilyina, V. A., Makhovikov, D. V., Nistratov, A. A., Sinyachkina, N. L., Tarasov, E. F. (2016). Problemy konstruirovaniya inokul'turnogo tsennostnogo soznaniya [Problems of designing a foreign cultural value consciousness]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 4 (30), 216–235.
- Karaulov, Yu. N. (1993). *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative grammar of the Russian language]. Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Leont'ev, A. A. (2005). *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, speech, speech activity]. 3d ed. Moscow : KomKniga Press.
- Leont'ev, D. A. (1996). Ot sotsial'nykh tsennostei k lichnostnym: sotsiogenez i fenomenologiya tsennostnoi regulatsii deyatelnosti (stat'ia pervaya) [From social to personal values: sociogenesis and phenomenology of the value regulation of activities (article one)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology], 4, 35–44.
- Zabotkina, V. I. et al. (2019). *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'iuterno-korpusnyi podkhod* [Methods of cognitive analysis of word semantics: computer-corpus approach]. Moscow : YaSK Press.
- Pishchalnikova, V. A. (2007). Istoriya i teoriya psikholingvistiki: kurs lektsiy: v 3-h ch. Ch. 2. Etnopsiholingvistika [History and theory of psycholinguistics: a course of lectures: in 3 parts. Part 2. Ethnopsycholinguistics]. Moscow : MGLU Press.
- Pishchalnikova, V. A. (2018). Etnopsikholingvistika kak metodologicheskaya baza mezhkul'turnykh issledovaniy [Ethno-psycholinguistics as a methodological base for intercultural research]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 4 (793), 11–19.
- Pishchalnikova, V. A. (2019). Psikhologicheski aktual'noe sodержanie vezhlivosti v kartine mira rossiyskikh studentov [Psychologically relevant content of politeness in the picture of the world of

- Russian students]. *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Human being: Image and essence. Humanitarian aspects], 2 (37), 120–130.
- Pishchalnikova, V. A., Khlopova, A. I. (2019). Eksperimental'nye metodiki verifikatsii dannykh assotsiativnogo polia [Experimental methods for associative field's data verification]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 4 (820), 38–51.
- Pishchalnikova, V. A., Khlopova, A. I. (2020). Etnopsikholingvistika. Chast' 1. Etnicheskaya identichnost' [Ethnopsycholinguistics. Part 1. Ethnic identity]: A coursebook. Moscow : Prospekt, Press.
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2014). *Leksicheskaia sistema yazyka: Vnutrenniaia organizatsiya, kategorial'nyy apparat i priemy opisaniia* [Lexical system of language: Internal organization, categorical apparatus and methods of description] : A coursebook. Moscow : LENAND Press.
- Rikkert, G. (1998). *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Natural sciences and cultural sciences]. Moscow : Respublika Press.
- Khlopova, A. I. (2018). *Verbal'naia diagnostika dinamiki bazovykh tsennostei* [Verbal diagnosis of the dynamics of basic values] : PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Linguistic University.
- Khrynina, E. N. (2009). *Lingvokul'turnaia spetsifika kontsepta "uspekh/Erfolg"* [Linguistic and Cultural Specificity of the Success / Erfolg Concept] : PhD in Philological sci. diss.. Stavropol : Stavropol State University.
- Shishova, O. M. (2016). Kommunikativno-pragmaticheskaya norma povedeniya uchastnikov virtual'noy kommunikatsii (na primere nemetskoyazychnogo setevogo dnevnika) [Communicative-pragmatic norm of behavior of participants of virtual communication (on the example of the German weblog)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social sciences], 2 (741), 122–134.
- Yao, Ch. (2018). Assotsiativnoe pole slova kak instrument analiza ego znacheniiia [Associative field of the word as a tool in analyzing its value]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 13 (807), 308–314.
- Agricola, E. (2012). *Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch* [Words and phrases. Dictionary of German language use]. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich : Dudenverlag.
- Barbaresi, A. (2019). *German Political Speeches Corpus* (Version v4.2019). Retrieved May 5, 2020 from <https://www.dwds.de/r?corpus=politische_reden>. doi.org/10.5281/zenodo.3611246.
- Deppermann, A., Reineke, S. (2018). *Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext*. Retrieved May 5, 2020 from <https://www.researchgate.net/publication/326613159_Einleitung_Sprache_im_kommunikativen_interaktiven_und_kulturellen_Kontext>.
- Dudenredaktion (o. J.). „Erfolg“ on Duden online. Retrieved May 5, 2020 from <<https://www.duden.de/suchen/dudenonline/Erfolg>>.
- Erfolg from das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [the digital dictionary of the German language]. Retrieved May 5, 2020 from <<https://www.dwds.de/wb/Erfolg>>.
- Poppei, G. (2004). Quo vadis Globalisierung // *Rohrbacher Manuskripte: Rosa-Luxemburg-Stiftung*, 11, 26–34.
- Prange, P. Werte. (2016). Von Plato bis Pop. Alles, was uns verbindet. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuchverlag.
- Sauer, F. H. (2019). Das große Buch der Werte. Enzyklopädie der Wertvorstellungen. Köln : INTUISTIK-Verlag.
- Über Tugend und Werte (2002) : Beiträge von Andrzej Szczypiorski, Bozena Choluj und Heinrich Olschowskz. Frankfurt am Main.
- Weber, M. (1972). Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen : Mohr.

Цыренов Бабасан Доржиевич**Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН****г. Улан-Удэ, Российская Федерация**

tsyrenovbabasan@mail.ru

Хайдапова Марина Бато-Очировна**Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова****г. Улан-Удэ, Российская Федерация**

khaimarina@yandex.ru

Выражение понятия «толстый» в бурятском и китайском языках: перцептивный аспект

Аннотация

В статье рассматриваются особенности выражения понятия «толстый» в двух типологически и генетически неродственных языках – бурятском и китайском. Исследование особенностей выражения тех или иных понятий в неродственных языках получило распространение относительно недавно, а сравнительное изучение бурятского и китайского языков в этом плане проводится впервые. Источником материала для исследования послужили переводные словари и электронные корпуса данных языков, из которых методом сплошной выборки были извлечены примеры. Для интерпретации найденных лексем в различных контекстах применялись общенаучный и сравнительно-сопоставительный методы. В ходе исследования выявлено, что различие в генезисе и типологии бурятского и китайского языков не отрицает общности в выражении данного понятия. Обобщающим является дифференциация по «топологическому типу», который диктует употребление синонимичных слов для обозначения толщины предметов с разными геометрическими параметрами. По топологическому параметру в исследуемых языках различаются предметы условно плоские (*зузаан*, кит. 厚 *hou*) и условно цилиндрические (*будүүн* и 粗 *cu*), в том числе и параметры тела человека. Также общим является выражение полноты человека (жирный), которое коррелирует с обозначением степени предельной упитанности домашних животных: *тарган* и 肥 *fei*. В данном контексте определение полноты несёт отрицательный оценочный характер.

Ключевые слова: бурятский язык, китайский язык, понятие, топологический тип, синонимия, семантика, эквивалент, толстый.

© Цыренов Б. Д., Хайдапова М. Б.-О. 2021

Для цитирования: Цыренов Б. Д., Хайдапова М. Б.-О. Выражение понятия «толстый» в бурятском и китайском языках: перцептивный аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 152–159. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_152_159.

1. Введение [Introduction]

Обращение к человеку при изучении языка и речи – антропоцентрический подход – получает в лингвистике всё большую актуальность. Значительную долю в таких исследованиях занимает изучение восприятия человеком окружающего мира, его познание и способы вербализации ощущений [Земичева, 2016, с. 3]. Бурное развитие исследований в области обозначения восприятия обусловило возникновение нового междисциплинарного направления с альтернативными названиями 1) лингвосенсорика (см. одноимённую монографию [Харченко, 2012]), 2) лингвистическая перцептология, предметом которой можно назвать «уникальный перцептивный опыт, сформированный на основе национального языкового сознания» [Мещерякова, 2011, с. 7]. В настоящее

время оба названия нового направления сосуществуют одновременно, тем не менее, значительная часть работ, особенно диссертационных, включают слова «перцепт», «перцептивный» и т. д. В. А. Нагорная в своей работе считает удачным и поддерживает термин «сенсорная лингвистика» (лингвосенсорика), который был предложен В. К. Харченко [Харченко, 2012]. В его пользу В. А. Нагорная приводит три аргумента: «Во-первых, он семантически прозрачен и точно отражает суть научного направления. Во-вторых, он обладает необходимой ёмкостью и охватывает многочисленные, но разрозненные исследования языка человеческих ощущений, проводимые лингвистами на протяжении последних 30 лет. Тем самым, своим появлением в научном дискурсе он способствует легитимизации уже существующей научной области, формированию отдельной, самостоятельной научной парадигмы в рамках современной лингвистики. И в-третьих, термин позволяет гармонично вписать эту формирующуюся парадигму в общенаучный контекст, обозначив её место в структуре современного гуманитарного знания и отнеся её к области сенсорных исследований (Sensory Studies)» [Нагорная, 2017, с. 4]. Сенсорные исследования подразумевают изучение особенностей восприятия мира посредством зрения, осязания, слуха, обоняния и вкуса. Н. К. Рябцева перечисляет такие физические явления, охватываемые ситуацией зрительного восприятия: свет, цвет, (о)краска; размеры и форма (длинный, большой, квадратный); количество; физические свойства; пространство и расположение; <...> геометрические фигуры (линия, угол, кривая) и т. д. [Там же, с. 27].

Ц е л ь настоящего исследования – рассмотреть лексико-семантические особенности выражения понятия «толстый», относящегося к восприятию размера, в двух типологически и генетически неродственных языках – бурятском и китайском.

При изучении языковой системы размеров Е. В. Рахилина вслед за Л. Талми применяет понятие «топологический тип» [Рахилина, 2010, с. 121] как производное нескольких эталонных форм объектов. В объёме понятия «толстый» она выделяет два топологических типа: 1) толщина плоских объектов и 2) диаметр «палок» и «верёвок» [Там же, с. 122]. Последний тип в настоящей работе мы обозначили как «толщина цилиндрических (условно цилиндрических) объектов». Л. О. Наний (ученик Е. В. Рахилиной) применительно к китайскому языку предлагает дополнительный тип «одушевлённость» [Наний, 2016, с. 179], который также находит отражение на материале бурятского и китайского языка с поправкой на то, что в этих двух языках характерен дополнительный топологический тип «человек / не человек». Данное противопоставление наиболее ярко выражается в категории существительных и личных местоимений. Например, в бурятском языке относительно человека может быть заданы вопросы *хэн?* ‘кто?’, *хэнэй?* ‘чей?’, *хэниие?* ‘кого?’ и т. д., а относительно других предметов (в том числе и животных) *юун?* ‘что?’, *юунэй?* ‘чего?’, *юу?* ‘что?’.

2. Перцептивные особенности понятия «толстый» [Perceptual patterns of «fat»]

Источником материала для настоящего исследования послужили словари русского, китайского языков [ССРЯ, 1975 ; СРЯ, 1981–1984 ; БКРС ; НСКЯ, 1995] и электронные корпуса бурятского и китайского языков [БК ; ККЯ], из которых методом сплошной выборки были извлечены примеры. Для интерпретации найденных лексем в различных контекстах применялись общенаучный и сравнительно-сопоставительный методы

Анализ показал, что в бурятском и китайском языках понятие «толстый» выражается следующими эквивалентами: бур. *зузаан*, кит. 厚 *hou* ‘толстый (о плоских предметах, или топологический тип «толщина плоских объектов»)’, бур. *бүдүүн*, кит. 粗 *cu* ‘толстый (о цилиндрических предметах, топологический тип «толщина цилиндриче-

ских (условно цилиндрических) объектов)», бур. *тарган*, кит. 胖 *pang* ‘полный, тучный’ (топологический тип «одушевленность»), которые находятся в квазисинонимических отношениях между собой в соответствующем языке, имея обобщающие семы «большой в объёме / сечении», «имеющие объём больше эталонного в сечении». «Наличие в языке нескольких слов для обозначения одного и того же понятия оправдывается и обуславливается различием выполняемых ими функций. Слова-синонимы служат выражению тонких смысловых оттенков данного понятия, выражению той или иной экспрессии, эмоциональной или стилистической окраски» [ССРЯ, 1975].

В четырёхтомном «Словаре русского языка», именуемом в лингвистической литературе МАС – Малый академический словарь, прилагательное *толстый* имеет три значения, или лексико-семантических варианта: 1) большой, значительный в объёме, поперечном сечении: *толстое дерево*, <...> *толстая книга*; 2) имеющий полную, тучную фигуру, тело; полный; 3) разг. низкий, густой (о голосе, звуках): *Бабушка, изображая волка, говорила и пела толстым голосом* [СРЯ, 1981–1984, с. 515–516]. Первые два значения характеризуют предмет в плане размера, который может быть определён визуально или тактильно, третье значение – высоту голоса или звука: низкий, густой.

В бурятском и китайском языках первое значение русского прилагательного *толстый* может быть передано двумя разными словами. Разные эквиваленты обусловлены, прежде всего, формой объекта: объекты цилиндрической или условно цилиндрической формы (дерево, карандаш, палка и т. п.) и предметы плоские (книга, стена, лист бумаги и т. п.). В первом случае употребляются слова: бур. *бүдүүн*, кит. 粗 *cu*, а во втором – бур. *зузаан*, кит. 厚 *hou*. Например:

бурятский:

Эрдэмтэ *бүдүүн* шидам абаад, гүйжэ ошобо (Ч. Цыдендамбаев) [ЭКБЯ] – ‘Эрдэмтэ подбежал, схватив *толстую* дубину’;

Зузаан мүлхэ арай шамай сооложо, моридоо уһалба (В. Гармаев) [ЭКБЯ] – ‘Напоил коней, кое-как пробив *толстый* лёд’.

китайский:

为什么人类脚粗手臂细啊? *Wei shenme renlei jiao cu shoubi xi ne?* (Чжоу Мэйсэнь) [ККЯ] – ‘Почему у человека ноги *толстые*, а руки тонкие?’;

他觉得费解, 桌上蒙了那么厚的灰尘, 窗玻璃居然如此洁净 (Юй Хуа) [ККЯ] *Ta jue de feijie, zhuoshang mengle name hou de huichen, chuang boli juran ruci jiejing* – ‘Он был в замешательстве, ничего не понимая: стол был покрыт *толстым* слоем пыли, а оконное стекло неожиданно было таким чистым’.

Таким образом, ошибочным будет перевод словосочетаний *толстое дерево*, *толстые пальцы*, *толстая коса* с прилагательным бур. *зузаан*, вместо *бүдүүн* и кит. 厚 *hou*, вместо 粗 *cu*: *бүдүүн модон*, *бүдүүн хурганууд*, *бүдүүн гээгэ* и, соответственно, на китайском языке 粗树干 *cu shugan*, 粗手指 *cu shouzhi*, 粗辫子 *cu bianzi*.

В той же степени будет ошибочным употребление прилагательного бур. *бүдүүн*, кит. 粗 *cu* в описании толстых объектов плоской формы, вместо *зузаан* и 厚 *hou*: *бүдүүн хабтагай* (вм. *зузаан хабтагай*) ‘толстая доска’, *бүдүүн ула* (вм. *зузаан ула*) ‘толстая подошва’; кит. 厚木板 *hou tuban* (вм. 粗木板 *cu tuban*) ‘толстая доска’, 厚墙 *hou qiang* (вм. 粗墙 *cu qiang*) ‘толстые стены’.

Для китайского языка Л. В. Наний выделяет также топологический тип ЗЁРНА / КРУПИНКИ, который совмещается в китайском языке со СТЕРЖНЯМИ и ВЕРЕВКАМИ и выражается словом 粗 *cu*. Данный тип в бурятском языке, как и в русском языке, выражается словом *томо* ‘крупный’ (антоним – *жэжэ* ‘мелкий’), который выходит за пределы сем «большой в объёме / сечении», «имеющий объём больше эталонного в сечении», и станет темой отдельного исследования.

Второе значение «имеющий полную, тучную фигуру, тело; полный» (топологический тип «одушевленность») в бурятском языке передаётся словом *бүдүүн* 'толстый', поскольку человек условно может быть отнесён к объектам цилиндрической формы:

Набтар бүдүүн хүн тракторайнгаа двигателяин дэргэдэ шүрээб мушхана гү, яа-наб даа, тухашарна (Д-Д. Дугаров) [ЭКБЯ] – 'Низенький **толстый** человек возится возле двигателя своего трактора: то ли шуруп какой-то крутит, то ли еще что-то'.

Иная ситуация в китайском языке – данное значение реализуется другим словом – *胖 pang* 'полный', а не *粗 ci*, например:

人瘦不要穿黑衣裳, 人胖不要穿白衣裳 (У Цзоцяо) [ККЯ] *Ren shou bu yao chuan hei yishang, ren pang bu yao chuan bai yishang* – 'Худым людям не надо носить чёрную одежду, а **полным** людям – белую...'

Кроме того, для передачи значения «толстый» в отношении человека в бурятском и китайском языках употребляются другие сходные по смыслу слова: бур. *тарган* и кит. *肥 fei* букв. 'толстый, жирный; упитанный, откормленный'. Основное значение данных слов, как в бурятском языке, так и в китайском, совпадает, они употребляются в отношении животных, в характеристике упитанного, тучного скота или жирного мяса (мясных блюд), т. е. того, что можно употребить в пищу, и переводятся на русский язык преимущественно словом *жирный*:

бурятский:

Эгээ *тарган* эрьеын мяха шанахат (М. Осодоев) [ЭКБЯ] – 'Сварите мясо самого **жирного** барана-валуха';

Тарган мяха эдижэ огто болохогүй...– гэнэ (Ж. Тумунов) [ЭКБЯ] – 'Ни в коем случае нельзя есть **жирное** мясо... – говорит'.

китайский:

马无夜草不肥 *Ma wu yecao bu fei* – Лошадь без ночного корма не бывает **упитанной** [НСКЯ, с. 280].

健康老人很奇怪, <...> 有人说他不吃肉, 所以健康; 有的还爱吃肉, 专吃肥肉 (Лю Хуэйжун) [ККЯ] *Jiankang laoren hen qigua, <...> youren shuo ta bu chi rou, suoyi jiankang; youde hai ai chi rou, zhuan chi fei rou* – 'Здоровые старики удивляют, <...> одни говорят, что не едят мяса, потому и здоровы; другие же любят есть мясо, притом предпочитают **жирное** мясо'.

Применительно к человеку данные слова используются в целях создания стилистического эффекта и встречаются в основном в текстах художественной литературы, а также в разговорной речи. Употребление этих слов свидетельствует о пренебрежительном отношении говорящего к объекту, сниженном стиле, например:

бурятский:

Ямаан хахалтай Тагар набтархан тарган хүн хоёр нюураа уришылгалдан, саашаа ябаабад (Д. Батожабай) [ЭКБЯ] – 'Тагар с козлиной бородкой и низенький **толстый** человек, сморщив лица, пошли дальше';

Хаа-яа тарган Намсалмаагайнь habяahaгүйгөөр «hi-hii, ha-haa» гэжэ пишага-наса энеэхэ, Дугарай бүр-бар үүгэнэхэ дуулдаха (С. Цырендоржиев) [ЭКБЯ] – 'Изредка слышно, как **толстая** Намсалма (его) легкомысленно посмеивается «хи-хи, ха-ха» и невнятно мычит Дугар'.

Подобные примеры, по нашему мнению, стоит относить к стилистическому употреблению сходных по значению синонимов. Это подтверждается тем, что в бурятской художественной литературе по данным электронного корпуса бурятского языка определение *тарган* применяется при описании отрицательных героев:

Бээжэн дээрэ хамаг амитан хуу тарган бэшэ, үнэн дээрээ бүгэдөөрэн туранхайнууд байха. Тээ эдихэ хэбтэхэ хоёрһоо таргалһан хүнүүд ябагаар юундэ ябаха хэм? Тиимэ дээрэхээ рикишэдэ тарган хүнүүд дайралдана бишуу (Д. Батожабай) [ЭКБЯ] –

‘В Пекине не все такие **толстые**, на самом деле, в большинстве [китайцы] худые. Но разве же будут ходить пешком те, кто растолстел от постоянного лежания и принятия пищи. Потому-то рикше и попадают **толстые** (букв. *жирные, откормленные*) люди’.

Эгээл *хүүлийн тэргэ дээрэ шалхагар улаан хасартай тобир тарган офицерхэн хуунхай* (Ч. Цыдендамбаев) [ЭКБЯ] – ‘На самой последней телеге сидит упитанный **толстый офицеришка** с пухлыми красными щеками’.

Пренебрежительное и даже уничижительное отношение в последнем примере выражено при помощи уменьшительной частицы *-хэн*, которая в переводе передана соответствующим суффиксом *-ишк-* с уменьшительно-пренебрежительным значением.

Вышеописанное справедливо и в отношении художественных текстов на китайском языке, о чём свидетельствуют данные электронного корпуса китайского языка, где слово 肥 *fei* тоже встречается в характеристике отрицательных героев.

Тот год, 有些人的需要是畸形的, 那个胖男人对虹姐丰满而又富有魅力的身体根本不屑一顾, 他的眼睛, 只盯着小滋, 肥厚的嘴巴恨不能流下口水来。 “你的女儿很漂亮啊!” 那**肥男人**咂着嘴巴说道, “这年头, 年幼的处女是很值钱的” (Суи Нинсян) [ККЯ] – ‘В те годы потребности у некоторых людей были ненормальные, тот толстяк и не взглянул на пышную и привлекательную фигуру Хунцзе, он глаз не спускал с молодой Сяоцзы, из его толстого рта от нетерпения потекли слюни. «Твоя дочь очень красива!» – сказал тот **жирный мужчина**, причмокивая губами. – «В наши дни, юные девственницы очень ценятся»’.

Заметим, что слово 肥 *fei*, которое в китайском общенациональном языке путунхуа, употребляется нормативно лишь в отношении животных (не считая случаев стилистического употребления), на кантонском диалекте в провинции Гуандун применимо и для характеристики людей, в том числе без какой-либо отрицательной коннотации. Так, словосочетанию «полная женщина» на путунхуа 胖女人 *pang nüren* соответствует гуандунское 肥婆 *fei po*, которое на путунхуа имеет отрицательный экспрессивно-стилистический оттенок и сопоставимо с русским словом толстуха. На кантонском же диалекте 肥婆 *fei po* стилистически нейтрально. То же самое можно сказать и о словосочетании «полный мужчина»: на путунхуа – 胖男人 *pang nanren*, на кантонском диалекте в провинции Гуандун – 肥佬 *fei lao*. На путунхуа в сочетании 肥佬 *fei lao*, кроме негативного компонента 肥 *fei* ‘жирный’, пренебрежительный оттенок имеет и второй компонент 佬 *lao*. Подтверждение данному факту диалектного употребления компонента 肥 *fei* по отношению к человеку можно найти и в текстах художественной литературы в электронном корпусе китайского языка:

她姓田名丽, 大家给她取了一大堆别名, 什么 “阿肥”、“肥女”、“肥阿丽” 等等, 但都离不开个 “肥” 字, 翻译成普通话大致就是 “胖子”、“胖丫头”、“胖子小丽” 的意思. 在普通话里, “肥” 字是用来形容动物的, 形容人只能用 “胖” 字但广东话并无这种区别, 似乎广东人对人的认识更贴近于真实, 人与动物本来就没有太大的区别 (Чан Вэнь) [ККЯ] – ‘Её звали Тянь Ли, но все ей давали кучу других имён, как то А-фэй, Фэй нью, Фэй А-ли, но во всех именах было слово *полный*, если перевести на путунхуа, то получится что-то наподобие ‘толстуха’, ‘толстая девчонка’, ‘толстушка Сяо-ли’. В путунхуа слово *фэй* используется для характеристики животных, при описании человека употребляется только слово *пан*, однако на кантонском диалекте вовсе нет этого различия, словно представления гуандунцев о человеке более близки к истине, ведь изначально между человеком и животным нет большой разницы’.

Третьему значению прилагательного **толстый** ‘низкий, густой (о голосе, звуках)’ в бурятском языке соответствует прилагательное *бүдүүн* ‘бас, низкий (о голосе, звуках)’. В китайском языке для характеристики подобного голоса используются двусложные слова 沉厚 *chenhou* ‘глубокий, густой’, 浑厚 *hunhou* ‘низкий, глубокий и сильный’, 宽厚 *kuanhou* ‘звонкий, громкий, звучный, сильный, глубокий’, в состав которых

входит лексема 厚 *hou* ‘толстый (о плоских предметах)’ в одном из производных значений ‘густой, насыщенный, крепкий, сильный’, например:

沉厚的低音 *chenhou de diyin* ‘густой бас’ [БКРС];

浑厚的嗓音 *hunhou de sangyin* ‘звучный голос’ [БКРС];

她的嗓音浑厚圆润. *Tade sangyin hunhou yuanrun*. – У неё глубокий и мелодичный голос [НСКЯ, с. 400];

音量特别宽厚 *yinliang tebie kuanhou* ‘голос исключительно глубокий и сильный’ [НСКЯ, с. 401].

Примечательно, что низкий по тембру голос, звук в бурятском языке обозначается прилагательным, описывающим цилиндрические предметы, а в китайском – плоские. Употребление прилагательного *будуун* в этом значении в бурятском языке мы склонны связывать со способностью сочетаться со словом *хоолой* ‘горло, глотка; голос’, т. к. горло (трахея) имеет форму полого цилиндра, из которого и исходит звук. Кроме того, само слово *будуун* обладает более низким, глухим звучанием по сравнению со словом *зузаан*:

Хаанашьёб ойрохон будуун хоолойтой баха дуугаржа, баханарай аймагта үдэшынгөө концерт эхилхэ дохёо үгэбэ хэбэртэй (Б. Мунгонов) [ЭКБЯ] – ‘Где-то поблизости лягушка низким (букв. толстым) голосом квакнула (букв. издала звук) и возвестила о начале вечернего концерта в лягушачьем царстве’;

Гэрнүүд соо нарин, будуун хоолойгоор утаар татажа байгаад дуу-лалдана (Б. Санжин, Б. Дандарон) [ЭКБЯ] – ‘В домах протяжно поют высокими и низкими голосами’.

3. Заключение [Conclusion]

Несмотря на то что бурятский и китайский языки и типологически, и генетически не являются родственными, в плане выражения понятия «толстый» имеют существенное сходство. В то же время в выражении понятия «низкий, густой (о голосе)» в этих языках имеются расхождения: низкий голос в бурятском языке получает определение *будуун* (=толстый в поперечнике – о цилиндрических (условно цилиндрических) предметах), а в китайском – *hou* (=толстый – о плоских предметах), что может объясняться национальной спецификой данных языков, мировосприятием их носителей. Как заметил проф. Л. Д. Шагдаров, «если синонимическому ряду одного языка противопоставлять лишь синонимический ряд другого, не привлекая дополнительных речевых ресурсов, адекватной передачи семантико-стилистических оттенков может не получиться, поскольку во многих случаях к иностранным словам будут подобраны лишь синонимы, а не адекватны. В значении слов имеются абсолютные и относительные элементы. Относительность значения определяется изменчивостью и национальной спецификой языков» [Шагдаров, 1974, с. 169–170]. Эти синонимы кроме топологически релевантных различий могут реализовывать и стилистические задания, например, при описании отрицательных героев в художественной литературе.

Благодарности [Acknowledgments]

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России ((проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Список литературы

БКРС – Большой китайско-русский словарь. URL : <http://bkrs.info>.

БК – Бурятский корпус (Электронный корпус бурятского языка). URL : http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru.

- Земичева, 2016 – Земичева А. А. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 208 с.
- ККЯ – Корпус китайского языка ВСС. URL : <http://bcc.blcu.edu.cn>.
- Мещерякова, 2011 – Мещерякова О. А. Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина : автореф. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Мещерякова Ольга Александровна ; Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина. Елец, 2011. 51 с.
- Наний, 2016 – Наний Л. О. Прилагательные простейших форм и размеров китайского и русского языков в типологическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Наний Людмила Олеговна ; Ин-т языкознания РАН. М., 2016. 393 с.
- НСКЯ – 新编汉语词典. 责任编辑: 邓家智. 湖南省新华印刷一厂印刷. 1995 年 3 月第 3 版. (Xinbian hanyu cidian. Zeren bianji: Deng Jiazhi. Hunan sheng Xinhua yinshua yichang yinshua) [Новый словарь китайского языка / отв. ред. Дэн Цзячжи. 3-е изд. Хунань, 1995. 1528 с.].
- Рахилина, 2010 – Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. 2-е, изд. испр. и доп. М. : Изд. центр «Азбуковник», 2010. 448 с.
- СРЯ – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984. URL : <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (дата обращения : 04.04. 2020).
- ССРЯ – Словарь синонимов русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. Л. : Наука, 1975. URL : <http://cfrl.ruslang.ru/synonyms/docs/vved.htm> (дата обращения : 04.04. 2020).
- Харченко, 2012 – Харченко В. К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 216 с.
- Шагдаров, 1974 – Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1974. 348 с.

UDC 81'37:811.512.31+811.581

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_152_159

Babasan D. Tsyrenov

**The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences**

Ulan-Ude, Russian Federation

tsyrenovbabasan@mail.ru

Marina B.-O. Khaidapova**Buryat State University named after D. Banzarov****Ulan-Ude, Russian Federation**

khaimarina@yandex.ru

Expression of the concept “thick” in Buryat and Chinese: Perceptive aspect

Abstract

The article discusses the patterns of expressing the concept "thick" in two typologically and genetically unrelated languages – Buryat and Chinese. The research of different concepts manifestation in unrelated languages has recently become widespread, and the comparative study of Buryat and Chinese in this regard is conducted for the first time. Translation dictionaries and electronic corpora of the languages were taken as sources for the material from which the necessary tokens were selected using continuous sampling method. To interpret the obtained examples in various contexts, we applied a general scientific method and comparative analysis techniques. As a result, it was discovered that despite the difference in the genesis and typology of Buryat and Chinese, common patterns in the concept expression were found. The common pattern is the differentiation by "topological type", which dictates the use of synonymous words to denote the thickness of objects with different geometric parameters. According to the topological parameter, the objects can be classified as relatively flat (*zuzaan*, Chinese 厚 *hou*) or relatively cylindrical (*buduun* and 粗 *si*), and this can also be

applied to the parameters of the human body. Another common feature is the expression of human fatness (fat) in correlation with domestic animals' fatness degree: *targan* and 肥 *fei*. In this context, the definition of fatness has negative connotation.

Keywords: Buryat language, Chinese language, concept, topological type, synonymy, semantics, equivalent, thick.

© Tsyrenov B. D., Khaidapova M. B.-O. 2021

For citation: Tsyrenov B. D., Khaidapova M. B.-O. (2021). Vyrazhenie ponyatiya «tolstyy» v buryatskom i kitayskom yazykakh: pertseptivnyy aspekt [Expression of the concept “thick” in Buryat and Chinese: Perceptive aspect]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 152–159. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_152_159.

References

- Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar' (BKRS) [Big Chinese-Russian dictionary]. Retrieved from <<http://bkrs.info>>.
- Buryatskiy korpus (BK) [Buryat corpus]. Retrieved from <http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru>.
- Zemicheva, A. A. (2016). *Pertseptivnaya kartina mira dialektnoy yazykovoy lichnosti* [A dialect speaker perceptual picture of the world]. Tomsk : Tomsk University Press.
- Korpus kitayskogo yazyka BCC (KKYa) [Chinese corpus BCC]. Retrieved from <<http://bcc.blcu.edu.cn>>.
- Meshcheryakova, O. A. (2011). *Semantika pertseptsii v aspekte khudozhestvennoy kognitsii I. A. Bunina* [Semantics of perception in the cognitive aspect of I. A. Bunin's fiction]: Author's abstract of Doctoral in philological sci. diss. Yelets : Bunin Yelets State University.
- Naniy L. O. (2016). *Prilagatel'nye prosteyshikh form i razmerov kitayskogo i russkogo yazykov v tipologicheskoy aspekte* [Comparative study of adjectives denoting the simplest shapes and sizes in Chinese and Russian]: PhD in philological sci. diss. Moscow : Institute of Linguistics.
- 新编汉语词典. 责任编辑: 邓家智. 湖南省新华印刷一厂印刷. 1995年3月第3版. (Xinbian hanyu cidian. Zeren bianji: Deng Jiazhi. Hunan sheng Xinhua yinshua yichang yinshua) [Deng Jiazhi (Ed.). (1995). New Chinese dictionary (NSKYa). 3d edition].
- Rakhilina, E. V. (2010). *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Object names cognitive analysis: Semantics and distribution]. 2nd edition, corrected with addenda. Moscow : Azbukovnik Press.
- Evgen'eva, A. P. (Ed.). (1981–1984). *Slovar' russkogo yazyka* (SRYa): in 4 volumes. 2nd edition, corrected, with addenda. Moscow : Russkiy yazyk Press. Retrieved April 4, 2020 from <<http://slovari.ru/search.aspx?p=3068>>.
- Evgen'eva, A. P. (Ed.). (1975). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* (SSRYa). Leningrad : Nauka Press. Retrieved April 4, 2020 from <<http://cfrl.ruslang.ru/synonyms/docs/vved.htm>>.
- Kharchenko, V. K. (2012). *Lingvosensorika: Fundamental'nye i prikladnye aspekty* [Sensory Linguistics: Fundamental and applied issues]. Moscow : LIBROKOM Press.
- Shagdarov, L. D. (1974). *Funktsional'no-stilisticheskaya differentsiatsiya buryatskogo literaturnogo yazyka* [Functional and stylistic variants of the Standard Buryat language]. Ulan-Ude : Buryatskoye Press.

Шевченко Татьяна Ивановна

Московский государственный лингвистический университет

г. Москва, Российская Федерация

tatashevchenko@mail.ru

Английское словесное ударение в условиях длительного языкового контакта

Аннотация

Работа обобщает ряд современных исследований, направленных на изучение динамики акцентной формы многосложных английских слов, обусловленной долговременным языковым контактом английского языка с французским языком. Материал канадского варианта английского языка отражает сохранение такого контакта в настоящее время. Наблюдается взаимодействие различных тенденций, обусловленных ассимилятивными процессами в заимствованной лексике романского происхождения. Определяющими в исторической перспективе остаются рецессивная и ритмическая тенденции. Результаты, основанные на лексикографических источниках, дополняются социокультурными данными корпусного и когнитивного анализа. Отмечено присутствие ритмического ударения в британском, американском и канадском вариантах английского языка и нарастание его доли в сложных словах в силу исчезновения структуры с двумя равными ударениями. Особенно ярко данная тенденция выражена в английской речи билингвов провинции Квебек, акцентирующих последний слог в слове.

Ключевые слова: английский язык, французский язык, словесное ударение, языковой контакт, корпусный анализ, канадский вариант английского языка, ритмическое ударение.

© Шевченко Т. И. 2021

Для цитирования: Шевченко Т. И. Английское словесное ударение в условиях длительного языкового контакта // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, No 2. С. 160–168. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_160_168.

1. Введение [Introduction]

Периоды воздействия языковых контактов на произношение, включая изменение определённых акцентных структур, можно оценить на примере контактов английского языка с французским языком:

– многовековой опыт акцентной ассимиляции французской лексики, начиная с Норманнского завоевания и последующих эпох, в результате чего английская акцентная система представляет собой арену борьбы двух противоборствующих тенденций, рецессивной и ритмической [Торсуев, 1960 ; Vassilyev, 1970], когда ударение определяется либо по германскому правилу, либо по романскому правилу [Crystal, 1996];

– межвариантное различие британского и американского типов произношения как следствие, в том числе, контактов с другими европейскими языками в период становления американского варианта [Шахбагова, 1992];

– современное состояние британского и американского вариантов произношения английского языка, динамично развивавшееся в течение XX века, что можно было наблюдать, сопоставляя различные издания словаря Д. Джоунза, приобретённого Кембриджским издательством начиная с 9-го издания [Левина, 2021];

– особо важный материал содержится в национальных словарях и корпусах звучащей речи канадского варианта английского языка, функционирующего в одной и той

же стране наряду с французским языком [Shevchenko, Pozdeeva, 2017; Шевченко, Абызов, 2019; OCD, 2004];

– внутри канадского ареала существуют регионы с большей или меньшей долей франкофонного населения, что отражено в корпусах устной речи соответствующих регионов, различающихся по характеру языкового контакта [Методы..., 2020].

Гораздо выразительней в современном контексте выглядит характер изменений акцентных структур английских слов в «новых английских языках», таких, как индийский английский, нигерийский английский, карибский английский [Постникова и др., 2012]. Во втором издании книги об этих вариантах английского языка [The Handbook of World Englishes, 2019], в своё время подготовленной её редактором, американским учёным Р. Качру, появились главы, посвящённые китайскому варианту в КНР и даже российским вариантам (обращает на себя внимание множественное число!), не говоря уже о европейских вариантах.

Таким образом, актуальность предложенной темы обусловлена не только установленным разнообразием акцентных структур в таких национальных вариантах английского языка, как британский, американский, канадский, австралийский и новозеландский (так называемый «внутренний круг», по классификации Качру) (см. анализ в работе [Шевченко, Бурая, 2020]), но и в постколониальных вариантах типа индийского, сингапурского и нигерийского («внешний круг»), а также в странах, где английский является самым распространённым иностранным языком в школьном образовании, как в России, Китае и в Бразилии («расширяющийся» круг) [Методы..., 2020].

Какое это имеет значение для использования английского языка в качестве лингва франка? Если принять во внимание тот факт, что английское слово идентифицируется, прежде всего, по качеству гласного в ударном слоге [Cutler, 2012, 2015], то смещение ударения, вызванное использованием другой акцентной структуры или другого правила её применения, вызывает, безусловно, помеху в восприятии, в узнавании слова, понимании устной речи.

Анализ вариативности английского ударения показывает, как возникли новые варианты при языковом контакте.

2. Акцентная ассимиляция французской лексики [Accentual assimilation in the French-origin lexicon]

В современную эпоху, когда английский язык становится глобальным и оказывает влияние на другие языки, уместно проследить, как он сам справлялся с заимствованиями из других языков, прежде всего с огромным пластом французской лексики, которая, начиная с середины XI в., вследствие Норманнского завоевания и в силу других исторических условий, проникла в английский язык. В настоящее время разные источники оценивают долю слов французского происхождения в английском культурном лексиконе в размере 40–60%, а количество языков, которые обогатили английский язык, приблизилось к 21 [Прошина, 2017]. Французская лексика оказалась привитой на английскую грамматику, при этом она расширила стилистические возможности языка и преодолела фонетические сложности произношения.

Этот процесс, включающий акцентную ассимиляцию, как мы постараемся показать, продолжается и в настоящее время на разных территориях, с разными темпами и результатами.

С фонетической точки зрения «гибридный», по выражению Д. Кристала [Crystal, 1996], характер английской лексики ярче всего проявляется в том, что в английском лексическом ударении проявляются две основные тенденции: *р е ц е с и в н а я*, которая

притягивает главное ударение к корневой основе, а точнее, к первому слогу в существительных, и *р и т м и ч е с к а я*, которая обеспечивает чередование сильных и слабых слогов, т. е. ударных и безударных. Рецессивная тенденция объединяет все германские языки, где счёт ударных слогов ведётся слева направо, в то время как согласно романской традиции ударные слоги определяют своё место при счёте справа налево. Действие ритмической тенденции, как правило, связывают с ассимиляцией французских слов, которые в исконной лексике имели ударение на последнем слоге, например, в словах *family*, *colony*. Первоначальная стадия ассимиляции состояла в появлении двух ударений: на первом слоге под воздействием рецессивной германской тенденции, на последнем слоге – как результат французского финального ударения, что не противоречило ритмическому чередованию ударных и безударных слогов. Со временем рецессивная тенденция оказывалась сильнее, и финальное ударение исчезло в этих словах, но не во всех. Появился целый ряд слов, в которых сохраняются два ударения, главное и второстепенное, и при этом ритмическая тенденция торжествует: *ˌuniˈversity*, *ˌeleˈmentary*.

Место главного и второстепенного ударения зависит от взаимодействия ещё целого ряда факторов: фонологического состава слогов, количества слогов в слове, морфологического состава слов, морфологической категории слов (существительное или глагол). В. А. Васильев, например, в зависимости от эпохи заимствования различал следующие тенденции: *д и а х р о н и ч е с к и р и т м и ч е с к у ю*, как в словах типа *family*, *colony*, *radical*, *enemy*, *unity*, где следы второго ударения уже исчезли, и *с и н х р о н н о р и т м и ч е с к у ю*, характерную для более поздних заимствований из французского и других романских языков: *ˌproˌnunciˈation*, *ˌsubdiˈvide*, *ˌunderˈgo*, *ˌdisapˈpoint* [Vassilyev, 1970]. Г. П. Торсуев, напротив, на первое место ставил в таких случаях *семантический фактор*, поскольку в этих случаях семантика префиксов сохраняется и требует особого выделения посредством словесного ударения [Торсуев, 1960].

3. Оценка современного состояния английской акцентуации [Evaluation of the current trend in English accentuation]

Ван дер Хульст характеризует английское ударение как определяемое *к о л и ч е с т в о м*, т. е. составом сильного слога (quantity-sensitive), близостью к *к р а ю с л о в а* (edge-sensitive), с тенденцией к *т р о х е и ч е с к о м у* (trochaic rhythm), т. е. хореическому ритму, в котором ударный слог предшествует безударному [Hulst, 2014]. Изучая экспериментальным путём, какие характеристики ударного слога оказываются «ключами» для узнавания ударного слога в паре типа *ˈpermit – perˈmit*, А. Катлер пришла к выводу, что именно *к а ч е с т в о г л а с н о г о* является определяющим для восприятия носителей языка [Cutler, 2012, 2015]. Тем не менее, в другой работе, выполненной в соавторстве с нидерландскими экспериментаторами, отмечается, что просодия также важна для восприятия главноударного слога носителями английского языка: не только голландцы, но и австралийцы используют «просодические ключи» длительности и мелодики для узнавания слов [Cooper et al., 2002].

Освещая различные факторы, влияющие на расстановку ударения в английском языке, исследователи выявляют, таким образом, сложность наблюдаемого явления, в котором можно проследить определённые тенденции, но невозможно установить непреложные правила, действующие во всех случаях [Fox, 2007]. Сопоставляя только главное ударение в британском и американском вариантах английского языка по словарю Дж. Уэллза, Т. Берг нашёл, что различия связаны с использованием французской лексики, именами собственными и многосложными словами, частотность которых невелика [Berg, 1999]. Тот факт, что группа слов до сих пор интуитивно воспринимается амери-

канцами как французская, способствует сохранению ударения на последнем слоге, как, например, в *ba'llet, bu'ffet, ca'fé*.

В перечень воздействующих факторов включается в р е м е н н о й фактор. Так, например, в 1970 г. В. А. Васильев писал о противоборстве рецессивной и ритмической тенденций, которое привело к образованию акцентных вариантов: *'hospitable* – *hos'pitable*, а сегодня второй вариант стал первым, нормативным [Jones, 2011 ; Wells, 2008]. Д. А. Шахбагова считала ритмическую тенденцию более характерной для североамериканских вариантов, американского и канадского, и эта тенденция сохраняется, но, тем не менее, частично оспаривается современными авторами, поскольку по данным современных словарей ритмическая тенденция в равной степени представлена в британском варианте [Шахбагова, 1992 ; Бурая, 2010]. В частности, к концу XX в. исчезли два равноценных ударения в сложных словах типа *cottontail, cottonwood, eighteen, nineteen, ultra-modern*, на смену которым пришла либо доминирующая структура с одним объединяющим ударением на первом слоге *'cottontail, 'cottonwood*, либо с одним главным и одним второстепенным *eight'teen, nine'teen, ultra-'modern* [Ерошин, 1989 ; Левина, 2021], при этом перспективной стала акцентная структура с второстепенным ударением п о с л е главного, которое называют т р е т и ч н ы м или п о с т т о н и ч е с к и м р и т м и ч е с к и м ударением [Hulst, 2014 ; Шевченко, Поздеева, 2019]. По данным последних изданий словаря Д. Джоунза, процентное соотношение акцентных структур в британском варианте для сложных слов установилось следующим образом: а) с главным ударением на первом слоге – 55,4%, б) с ритмическим ударением до главного (п р е д т о н и ч е с к о е) – 20% и в) после главного ударения (посттоническое) – 22,6% [Левина, 2021].

4. Новые данные корпусного, когнитивного и социофонетического анализа ударения [New data from corpora, cognitive and socio-phonetic analysis]

Современные методы исследования открывают нам новые аспекты лексического ударения в английском языке благодаря корпусному анализу, когнитивному аспекту выявления акцентных структур и учёту социодемографических факторов определённых групп населения, которые используют английский язык в общении.

В результате количественных наблюдений и отбора слов по словарям авторы составляли списки слов (от 800 до 1000 слов), в которых британская и американская акцентуация различаются. Было установлено, что, в основном, это малоупотребительные слова романского происхождения [Berg, 1999 ; Бурая, 2010 ; Постникова и др., 2012].

Дальнейшие исследования выявили преимущества метода к о р п у с н о г о а н а л и з а для изучения словесного ударения. К ним относятся следующие.

1. Большие массивы естественной речи, собранные в корпусах, в силу своей р е п р е з е н т а т и в н о с т и дают возможность осознать масштабы значимости самого явления для коммуникации. В английском языке, например, односложные слова составляют 80% всех слов в дискурсе, что оставляет только 20% многосложных слов для определения места словесного ударения, причём по мере нарастания количества слогов их частотность резко падает.

2. Ч а с т о т н о с т ь оказалась ключевым моментом для определения того, что сильный слог в инициальной позиции, как правило, находится под ударением в английском языке. Ударение, таким образом, выделяет либо знаменательное односложное слово на фоне служебных, либо начало слова [Cutler, Carter, 1987]. Таким образом, наличие большого числа коротких слов германского происхождения, которое было очевидно на материале словарей, получило своё убедительное подтверждение на материале корпусов, и оказалось существенным для изучения ударения и ритма. Р и т м и ч е с к а я

т е н д е н ц и я, которая участвует в просодическом оформлении многосложных слов французского происхождения, является, безусловно, английской по природе и состоит в чередовании сильных и слабых слогов, что характерно для английского тактосчитающего ритма.

3. Выявленная частотность слов, имеющих различие в акцентной структуре слов британского и американского вариантов произношения, проверенная на материале трёх национальных корпусов (BNC – британский, COCA – американский, CCE – канадский) оказалась неоднородной. Примерно каждое десятое слово из списка, составленного по словарям, общим числом около 100 единиц, имеет не низкую, как предполагалось, а среднюю частотность в корпусах (50 слов на миллион), причём эти показатели совпали во всех трёх корпусах [Shevchenko, Pozdeeva, 2017]. Это значит, что в отношении слов романского происхождения при их средней частотности национальные варианты продемонстрировали единство, обеспечивающее более успешную коммуникацию.

Установленная частотность слов в корпусах естественной речи имеет непосредственное отношение к когнитивному аспекту речепроизводства на английском языке. Частотные слова, как известно, быстрее извлекаются из памяти, поскольку частотность, яркость и недавнее употребление входят в признаки, способствующие сохранению слов в памяти и более успешному их использованию в речи. Так, в частности, применительно к ударению это обеспечивает более успешное узнавание слов в потоке речи. Когнитивный аспект изучается и другими методами, направленными на обнаружение ментальных репрезентаций слов, в нашем случае – идеальных акцентных структур слов, которые хранятся в памяти носителей языка. Современные технологии позволяют выбрать вариант дистанционно, по Интернету, с помощью экспресс-опроса [Shevchenko, Pozdeeva, 2017].

Социодемографический и социокультурный аспекты ударения показывают, с одной стороны, как разные слои населения используют данное слово, тем самым намечая возрастные и гендерные приоритеты, существенные для развития акцентологической системы. Дж. Уэллз, например, включил в свой словарь графики, иллюстрирующие предпочтения молодых и старых респондентов: в слове *re'search* даётся помета, что при общебританском показателе 80% преподаватели университетов дают показатель 95%, т. е. практически не отклоняются от избранной нормы [Wells, 2008, p. 683]. Это профессиональный социокультурный маркер академического речевого сообщества. Сопоставление графиков ударения в слове *in'comparable* – *incom'parable* показывает, что и в Англии, и в США чем моложе респонденты, тем больше они предпочитают второй вариант [Wells, 2008, p. 407]. Это свидетельство нарастающей тенденции современной акцентуации. Аналогичная тенденция просматривается в смещении ударения на второй слог в слове *'protester* – *pro'tester*, также на основе возрастных данных, но только в Великобритании [Ibid., p. 647].

5. Канада: эффект сохранения контактов с французским языком [Canada: The effect of long-lasting French impact]

По традиции исследование канадского варианта первоначально было направлено на поиск идентичности путём сопоставления со списком британо-американских различий, что позволило обнаружить не только американо-британские предпочтения, но и специфическую с точки зрения частотности и дистрибуции канадскую модель с посттопическим второстепенным ударением [Shevchenko, Pozdeeva, 2017]. Далее весь лексикон, включённый в словарь Gage [GCCD, 2002], был изучен методом сплошного анализа для верификации частотности этой модели в зависимости от количества слогов

в слове [Шевченко, Абызов, 2019]. Основным доменом характерной канадской идентичности оказались 2-х и 3-х-сложные слова, при этом в двухсложных словах обнаружилась оригинальная акцентная модель с двумя ударениями, главным и посттоническим второстепенным, что можно рассматривать, как признак влияния французского слогового ритма, например: *'de, tail, 'mo, vie, 'bath, tab, 'cray, fish*. Примеры 3-х-сложных слов: *'conse, quence 'other, wise 'motor, bike*.

Обращаясь к корпусному анализу канадской разговорной речи (монологическая часть интервью с жителями Канады из разных регионов страны), рассмотрим эффект влияния на расстановку ударения в двух регионах, из которых Онтарио – типичный регион проживания англофонов, а Квебек – типичный регион проживания франкофонов-билингвов. Наиболее выразительной региональной характеристикой оказалось ударение на финальном слоге в двухсложных словах: в Квебеке вдвое чаще, чем в Онтарио. Второй признак состоит в том, что доля всех дополнительных, т. е. ритмических, ударений в Квебеке значительно больше, чем в Онтарио, и среди них преобладают акцентные структуры с главным ударением на финальном слоге, как во французском языке.

В свете полученных данных представляется, что реальное своеобразие канадской речи проявилось в большем сохранении (или развитии) некоторых черт французского слогосчитающего ритма и французского ударения на финальном слоге.

6. Заключение [Conclusion]

Обобщая основные признаки влияния долговременного контакта французского языка на английское словесное ударение можно отметить следующее. Во-первых, появились ритмические ударения в результате взаимодействия германского ударения на первом слоге и французского ударения на последнем слоге в словах романского происхождения, которые были заимствованы в XI веке и в последующие эпохи. Отмечено нарастание доли ритмического ударения после главного в сложных словах в течение XX века за счёт исчезновения структуры с двумя равными ударениями.

Во-вторых, сравнение акцентных моделей в лексике английского языка методом сплошного анализа в британском, американском, канадском, австралийском и новозеландском национальных словарях и корпусах показало, что ритмические ударения присутствуют во всех вариантах, но в разной степени.

В-третьих, на фоне относительно низкой частотности слов романского происхождения корпусный анализ выявил около ста слов средней частотности, которые в равной степени присутствуют в британском, американском и канадском вариантах английского произношения, обеспечивая успешность коммуникации.

Наконец, продолжительный контакт с французским языком в Канаде повлиял на увеличение доли ритмических ударений, что особенно ярко отразилось в речи билингвов провинции Квебек на английском языке, акцентирующих последний слог в слове.

Список литературы

- Бурая, 2010 – Бурая Е. А. Акцентуация в британском и американском вариантах английского языка: Конвергенция или дивергенция? // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. 2010. Вып. 1 (580). С. 23–41.
- Ерошин, 1989 – Ерошин А. А. Логическая обусловленность вариативности акцентной структуры слова в процессе коммуникации // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1989. Вып. 332. С. 119–130.
- Левина, 2021 – Левина Т. В. Эволюция акцентной структуры сложных существительных английского языка // Иностранные языки в школе. 2021. № 1. С. 21–27.

- Методы..., 2020 – Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты / Т. И. Шевченко, Е. А. Бурая, И. Е. Галочкина, М. О. Кузьмина, Т. В. Сокорева, М. В. Федотова; под ред. Е. А. Бурой, Т. И. Шевченко. Дубна: Феникс+, 2020. 252 с.
- Постникова и др., 2012 – Типология вариантов фонологической системы английского языка / Л. В. Постникова, Е. А. Бурая, И. Е. Галочкина, Т. И. Шевченко. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2012. 194 с.
- Прошина, 2017 – Прошина З. Г. Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории (=World English paradigm): учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2017. 208 с.
- Торсуев, 1960 – Торсуев Г. П. Вопросы акцентологии современного английского языка. М.; Л.: Изд-во. АН СССР, 1960. 91 с.
- Шахбагова, 1992 – Шахбагова Д. А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка). М.: Изд-во. Фоллис, 1992. 284 с.
- Шевченко, Абызов, 2019 – Шевченко Т. И., Абызов А. А. Канадское ударение: от специфики ко всему лексикону // Учёные записки Петрозавод. гос. ун-та. 2019. № 1 (178). С. 57–61.
- Шевченко, Бурая, 2020 – Шевченко Т. И., Бурая Е. А. Словесное ударение в пяти национальных вариантах английского языка: ритмические тенденции // Вестник Московского ун-та. 2020. Сер. 9. Филология. № 4. С. 65–79.
- Шевченко, Поздеева, 2019 – Шевченко Т. И., Поздеева Д. Т. Фонетическая форма и частотность «третичного» ударения в британском, американском и канадском вариантах английского языка // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2019. № 5 (821). С. 259–269. URL: www.vestnik-mslu.ru/vest19-821z (дата обращения: 30.09.2019).
- Berg, 1999 – Berg Th. Stress variation in British and American English // World Englishes. 1999. Vol. 18, N 2. P. 123–143.
- Cooper et al., 2002 – Cooper N., Cutler A., Wales R. Constraints of lexical stress on lexical access in English: Evidence from native and non-native listeners // Lang. a. speech. 2002. N 45 (3). P. 207–228.
- Crystal, 1996 – Crystal D. The past, present and future of English rhythm // Changes in pronunciation (Special issue of Speak Out!). IATEFL, 1996. P. 8–13.
- Cutler, 2015 – Cutler A. Lexical stress in English pronunciation // The Handbook of English Pronunciation / Ed. by M. Reed, J. M. Levis. Chichester, 2015. P. 106–124.
- Cutler, 2012 – Cutler A. Native listening: The flexibility dimension // Dutch Journal of Applied Linguistics. 2012. N 1 / 2. P. 169–188.
- Cutler, Carter, 1987 – Cutler A., Carter D. M. The predominance of strong initial syllables in the English vocabulary // Computer speech a. lang. 1987. N 2. P. 133–142.
- Fox, 2007 – Fox A. Prosodic features and prosodic structure: The phonology of suprasegmentals. Oxford: Oxford University Press, 2007. 399 p.
- GCCD, 2002 – GCCD: Gage Canadian concise dictionary. Toronto: Gage, 2002. 1024 p.
- Hulst, 2014 – Hulst H., van der. The study of word accent and stress: past, present, and future // Word stress: Theoretical and typological issues / Ed. by van der H. Hulst. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 3–55.
- Jones, 2011 – Jones D. Cambridge English pronouncing dictionary. 18th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 580 p.
- OCD, 2004 – OCD: Oxford Canadian Dictionary / Ed. by K. Barber. 2nd ed. Toronto: Oxford University Press, 2004. 987 p.
- Shevchenko, Pozdeeva, 2017 – Shevchenko T., Pozdeeva D. Canadian English word stress: A corpora-based study of national identity in a multilingual community // Specom 2017. Vol. 10458. / Ed. by A. Karpov, R. Potapova., I. Mporas. LNAI. – Cham: Springer, 2017. P. 221–232.
- Vassilyev, 1970 – Vassilyev V. A. English phonetics: A theoretical course. Moscow: Higher School Publ. House, 1970. 321 p.
- Wells, 2008 – Wells J. C. Longman Pronunciation Dictionary. 3rd ed. Harlow: Pearson Longman, 2008. 922 p.

Tatiana Shevchenko
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
 tatashevchenko@mail.ru

English word stress in long-term language contact

Abstract

The paper summarizes the results of recent studies concerned with English accentual patterns dynamics in polysyllabic words, based on English and French language contact. Canadian English reflects the present-day situation of language contact. Intersection of a variety of tendencies is observed which are due to accentual assimilation in lexicon of Romance origin borrowed from French. The recessive and the rhythmical are the major ones in the historical perspective. The data collected in dictionaries are further supplied with sociocultural comments based on corpus and opinion survey cognitive analyses. The presence of rhythmical stress was discovered in British, American and Canadian Englishes with the growing tendency in compound words due to disappearing of the pattern with two equal stresses. The tendency is most vivid in bilingual speakers from the Province of Quebec who accentuate word-final syllable.

Keywords: English, French, word stress, language contact, corpus analysis, Canadian English, rhythmical stress.

© Shevchenko T. I. 2021

For citation: Shevchenko T. I. (2021). Angliyskoe slovesnoe udarenie v usloviyakh dlitel'nogo yazykovogo kontakta [English word stress in long-term language contact]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 160–168. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_160_168.

References

- Buraya, E. A. (2010). Aktsentuatsiya v britanskom i amerikanskom variantakh angliyskogo yazyka: Konvergentsiya ili divergentsiya? [Accentuation in British and American English: Convergence or divergence?]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 1 (580), 23–41.
- Eroshin, A. A. (1989). Logicheskaya obuslovlennost' variativnosti aktsentnoy struktury slova v protsesse kommunikatsii [Logical grounds for word-stress pattern variation in the communication process]. *Sb. nauch. tr. MGPIYA im. M. Toreza* [Collection of scientific papers of the Maurice Thorez Moscow State Institute of Foreign Languages] (Iss. 332, pp. 119–130). Moscow.
- Levina, T. V. (2021). Evolyutsiya aktsentnoy struktury slozhnykh sushchestvitel'nykh angliyskogo yazyka [Evolution of the English compound nouns accentual structure]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign Languages for Schools], 1, 21–27.
- Shevchenko, T. I., Buraya, E. A., Galochkina, I. E., Kuz'mina, M. O., Sokoreva, T. V., Fedotova, M. V. (2020). *Metody analiza zvuchashchey rechi: novye izmereniya i rezul'taty* [Methods of oral speech analysis: New measurements and results]. Dubna : Feniks+ Press.
- Postnikova, L. V., Buraya, E. A., Galochkina, I. E., Shevchenko, T. I. (2012). *Tipologiya variantov fonologicheskoy sistemy angliyskogo yazyka* [Typology of the English language phonological system variants]. Tula : Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University Press.
- Proshina, Z. G. (2017). *Kontaktnaya variantologiya angliyskogo yazyka: Problemy teorii* [World English paradigm] : A coursebook. Moscow : Flinta Press : Nauka Press.
- Torsuev, G. P. (1960). *Voprosy aktsentologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Issues of modern English accentology]. Moscow ; Leningrad : AN SSSR Press.

- Shakhbagova, D. A. (1992). *Foneticheskaya sistema angliyskogo yazyka v diakhronii i sinkhronii: (na materiale britanskogo, amerikanskogo, avstraliyskogo, kanadskogo variantov angliyskogo yazyka)* [Phonetic system of the English language in diachrony and synchrony (Based on British, American, Australian and Canadian Englishes)]. Moscow : Follis Press.
- Shevchenko, T. I., Abyzov, A. A. (2019). Kanadskoe udarenie: ot spetsifiki ko vsemu leksikonu [Canadian stress: From specificity to the whole lexicon]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gos. un-ta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 1 (178), 57–61.
- Shevchenko, T. I., Buraya, E. A. (2020). Slovesnoe udarenie v pyati natsional'nykh variantakh angliyskogo yazyka: ritmicheskie tendentsii [Word stress in five national varieties of English: Rhythm trends]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], 4, 65–79.
- Shevchenko, T. I., Pozdeeva, D. T. (2019). Foneticheskaya forma i chastotnost' «tretichnogo» udareniya v britanskom, amerikanskom i kanadskom variantakh angliyskogo yazyka [Phonetic form and frequency of “tertiary” stress in British, American and Canadian English]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [MSLU Bulletin. The Humanities], 5 (821), 259–269. Retrieved September 30, 2019 from <www.vestnik-mslu.ru/vest19-821z>.
- Berg, Th. (1999). Stress variation in British and American English. *World Englishes*, 18 (2), 123–143.
- Cooper, N., Cutler, A., Wales, R. (2002). Constraints of lexical stress on lexical access in English: Evidence from native and non-native listeners. *Lang. a. speech*, 45 (3), 207–228.
- Crystal, D. (1996). The past, present and future of English rhythm. *Changes in pronunciation (Special issue of Speak Out!)*. IATEFL, 8–13.
- Cutler, A. (2015). Lexical stress in English pronunciation. In M. Reed, J. M. Levis (Eds.), *The Handbook of English Pronunciation* (pp. 106–124). Chichester.
- Cutler, A. (2012). Native listening: The flexibility dimension. *Dutch Journal of Applied Linguistics*, 1 / 2, 169–188.
- Cutler, A., Carter, D. M. (1987). The predominance of strong initial syllables in the English vocabulary. *Computer speech a. lang*, 2, 133–142.
- Fox, A. (2007). *Prosodic features and prosodic structure: The phonology of suprasegmentals*. Oxford : Oxford University Press.
- GCCD: Gage Canadian concise dictionary (2002). Toronto : Gage.
- Hulst, H. van der. (2014). The study of word accent and stress: past, present, and future. In van der H. Hulst (Ed.), *Word stress: Theoretical and typological issues* (pp. 3–55). Cambridge : Cambridge University Press.
- Jones D. (2011). *Cambridge English pronouncing dictionary*. 18th ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 580 p.
- Barber, K. (Ed.). (2004). *Oxford Canadian Dictionary* (OCD). 2nd ed. Toronto : Oxford University Press.
- Shevchenko, T., Pozdeeva, D. (2017). Canadian English word stress: A corpora-based study of national identity in a multilingual community. In A. Karpov, R. Potapova, I. Mporas (Eds.), *Specom 2017* (Vol. 10458, pp. 221–232). LNAI. – Cham : Springer.
- Vassilyev, V. A. (1970). *English phonetics: A theoretical course*. Moscow : Higher School Publ. House.
- Wells, J. C. (2008). *Longman Pronunciation Dictionary*. 3rd ed. Harlow : Pearson Longman.

Шиянова Анастасия Антоновна
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
SyaziA@mail.ru

Семантика прилагательных хантыйского языка, характеризующих погодные явления

Аннотация

В статье рассматривается семантическая структура имён прилагательных хантыйского языка, характеризующих погодные явления. Исследование проводится на материале западных диалектов хантыйского языка – казымском, шурышкарском и приуральском. Материалом исследования послужила картотека, составленная из примеров двуязычных словарей по хантыйскому языку, фольклорных сборников и образцов разговорной речи, собранных у информантов. Результатом исследования стало описание семантики языковых единиц, характеризующих погодные явления во всех исследуемых диалектах хантыйского языка. Выявлено, что словообразование имён прилагательных, характеризующих погодные явления, происходит по пяти моделям: 1) модель «N+ =эң/=сң», 2) модель «N + =лы», 3) модель «N + =и/=ы», 4) модель «V + =ам/=эм», 5) модель «N + =ам». Данные прилагательные формируют четыре лексико-семантических группы. Научная новизна исследования заключается в систематизации данной лексико-семантической группы, рассмотрении способов словообразования, уточнении лексических единиц, характеризующих природные явления.

Ключевые слова: хантыйский язык, диалекты хантыйского языка, имя прилагательное, лексика, семантика, словообразовательные модели, характеристика природных явлений.

© Шиянова А. А. 2021

Для цитирования: Шиянова А. А. Семантика прилагательных хантыйского языка, характеризующих погодные явления // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 169–178. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_169_178.

1. Введение [Introduction]

Исследование различных групп имён прилагательных в последние годы вызывает особый интерес у лингвистов, это связано с тем, что в современных языках имена прилагательные играют важную роль при описании явлений окружающей действительности и активно участвуют в формировании модели мира.

Теоретической базой послужил ряд работ, посвящённых структурно-семантическим особенностям прилагательных в разных языках, а также рассматривающих их в лингвокультурологическом аспекте. В ходе анализа литературных источников была выявлена степень изученности проблемы. Так, Т. Е. Токарева [Токарева, 1976] на материале русского языка рассматривала роль контекста при изучении семантической структуры на примере четырёх прилагательных со значением температуры (*тёплый, холодный, жаркий, горячий*). П. М. Магомедова [Магомедова, 2004] описала семантико-функциональную систему имён прилагательных, характеризующих человека и природу, и выявила структурно-семантические особенности исследуемых прилагательных в кумыкском языке (в сопоставлении с арабским). А. А. Быкова в диссертационном исследовании описала фрагмент русской языковой картины мира, репрезентированной метафорами с семантикой

температуры, в аспекте её системных свойств и дискурсивного варьирования [Быкова, 2014]. В статье А. Л. Этру описаны лексемы, обозначающие температурные признаки в русском языке и в языке тви (Гана), проанализированы прилагательные *горячий, жаркий, тёплый, холодный, прохладный* и наречия *горячо, жарко, тепло, холодно, прохладно* [Этру, 2016]. А. Э. Амрахова изложила результаты изучения семантической структуры имён прилагательных *знойный, жгучий, палящий, раскалённый и нагретый*, а также соответствующих им прилагательных азербайджанского языка, входящих в лексико-семантическую группу имён прилагательных со значением температуры [Амрахова, 2017]. В статье И. В. Чекулай и О. Н. Прохоровой рассмотрена семантика «ветра» в пространстве русской лингвокультуры [Чекулай, Прохорова, 2017]. Мао Янь описала модели развития качественной семантики у относительно-притяжательных прилагательных в современном русском языке [Мао, 2018] и др. О. А. Штиц исследовала «прилагательные» в уральских языках на материале финно-угорских (финского, венгерского, удмуртского, коми и мордовских) языков [Штиц, 2006]. Д. А. Ефремов рассматривал морфологические, синтаксические и словообразовательные свойства прилагательных в удмуртском языке [Ефремов, 2009]. Д. В. Цыганкин выявил потенциальные возможности финно-угорского (уральского) словообразовательного суффикса -н в мордовских, хантыйском и мансийском языках [Цыганкин, 2014]. А. Н. Ракин в своих работах рассмотрел метеорологическую лексику в финно-угорских языках [Ракин, 2015 а, б, 2018]. Т. П. Арискина продемонстрировала образование имён прилагательных на материале эрзянского языка [Арискина, 2019 а, б]. В хантыйском языке данные слова не были предметом специального исследования, а краткая справка об именах прилагательных даётся лишь в грамматических описаниях: [Животиков, 1942, с. 61–62; Терешкин, 1966, с. 327; Штейниц, 1980; Николаева, 1995, с. 58–60; Filchenko, 2007; Каксин, 2010, с. 59–60; Соловар и др., 2016, с. 94–99 и др.]. Н. Б. Кошкарёва подробно писала о выделении имени прилагательного как самостоятельной части речи в хантыйском языке [Кошкарёва, 2013, с. 10]. Работа П. М. Кузнецова посвящена исследованию лексической и грамматической структуры единиц, выступающих в диалектах хантыйского языка средствами выражения признака предмета [Кузнецов, 2004].

С точки зрения лингвокультурологии к данной теме обращались В. Н. Соловар, М. В. Кумаева – ими рассмотрены языковые средства, описывающие представление хантов об атмосферных явлениях, которые позволяют раскрыть национальную специфику языкового сознания [Соловар, Кумаева, 2014]. В статье Е. Д. Каксиной и А. А. Бурыкина рассматриваются представления о Грозе и Громе как персонификации грозы в религиозном мировоззрении и верованиях ханты [Каксина, Бурыкин, 2015].

В диалектологическом атласе уральских языков, распространённых на территории Ямало-Ненецкого автономного округа рассмотрены обозначения для разных видов снега, града, дождя, а также пути развития метафорических наименований данных природных явлений [Кошкарёва и др., 2017].

В настоящей статье будут выявлены словообразовательные модели, рассмотрены лексико-семантические группы и сочетаемость прилагательных хантыйского языка, характеризующих погодные явления на материале западных диалектов хантыйского языка – казымском, шурышкарском и приуральском.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м данного исследования послужила картотека, собранная из образцов разговорной речи, записанных у информантов. Картотека содержит более 200 образцов, в качестве информантов выступили два мужчины и четыре женщины в

возрасте от 28 до 65 лет, ведущих кочевой образ жизни и в совершенстве владеющих хантыйским языком. Кроме этого, было отобрано 63 примера из двуязычных словарей [Steinitz, 1966–1991 ; Сязи, Скамейко, 2007 ; Вальгамова и др., 2011 ; Рандымова, 2011 ; Соловар, 2014] (15, 12, 28, 12 и 40 примеров соответственно).

Исходя из общей цели и задач работы и особенностей изучаемого объекта, в исследовании использовались следующие методы: наблюдения, лингвистического описания, сравнительный, а также метод сплошной выборки и структурно-семантического анализа.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Итак, погодными явлениями считаются ветер, дождь, град, гроза, радуга, роса, мороз, снег, иней. К ним также относят различные стихийные бедствия, например ураганы, пыльные бури, а иногда и снежные метели. В ходе исследования были выявлены все имена прилагательные, характеризующие данные погодные явления, рассмотрены словообразовательные модели, лексико-семантические группы и сочетаемость данных лексических единиц.

По собранному фактическому материалу видно, что в хантыйском языке имена прилагательные, характеризующие погодные явления, образуются в соответствии со следующими словообразовательными моделями:

1) прилагательные, образованные способом аффиксации от субстантивной основы в соответствии со словообразовательной моделью $N + =\text{əŋ}/=\text{eŋ}$: суффикс $=\text{əŋ}$ обозначает обладание каким-либо качеством, или снабжённый чем-либо, например: каз., шур. *рўв* $=\text{əŋ}$, приур. *ров* $=\text{əŋ}$ ‘жаркий, знойный’ от существительного каз., шур. *рўв*, приур. *ров* ‘жара, зной’; каз. *хăтл* $=\text{əŋ}$ от существительного *хăтэл* ‘солнце, день’; шур., приур. *най* $=\text{əŋ}$ ‘солнечный, огненный, божественный’ от существительного *най* ‘солнце, огонь, божество’; каз., шур., приур. *лоŋц* $=\text{əŋ}$ ‘снежный’ от существительного *лоŋц* ‘снег’; каз., йерт $=\text{əŋ}$, шур., приур. *йэрт* $=\text{əŋ}$ ‘дождливый’ от существительного *йэрт* ‘дождь’; каз. *вуцал* $=\text{eŋ}$ ‘слякотно, сыро, сырой, липкий’ от существительного *вуцалы* ‘липкое вещество’; каз., шур., приур. *вот* $=\text{əŋ}$ ‘ветренный’ от существительного *вот* ‘ветер’; каз., шив $=\text{əŋ}$, шур. *шув* $=\text{əŋ}$, приур. *сыв* $=\text{əŋ}$ ‘туманный’ от существительного *шив/шув/сыв* ‘туман’; каз., шур., приур. *пăлŋ* $=\text{əŋ}$ ‘пасмурный, облачный, хмурая’ от существительного *пăлŋ* ‘облако, туча’; приур. *халтат* $=\text{əŋ}$ ‘с берегами’ от существительного *хăлтатэт* ‘забереги’; каз., шур., приур. *тылц* $=\text{əŋ}$ ‘с месяцем’ от существительного *тылэц* ‘месяц’;

2) прилагательные, образованные способом аффиксации от субстантивной основы в соответствии со словообразовательной моделью $N + =\text{лы}$: суффикс $=\text{лы}$, имеет значение: не обладающий каким-либо качеством, лишённый чего-либо [Каксин, 2010, с. 59], например: каз. *ув* $=\text{лы}$, шур., приур. *ов* $=\text{лы}$ ‘без течения’ от существительного каз. *ув*, шур., приур. *ов* ‘течение’; приур. *вот* $=\text{лы}$ ‘безветренный’ от существительного *вот* ‘ветер’;

3) прилагательные, образованные способом аффиксации от субстантивной основы в соответствии со словообразовательной моделью $N + =\text{и}/=\text{ы}$: суффикс $=\text{и}/=\text{ы}$ присоединяется к именным основам, имеет значение обладания предметом или признаком, названным основой существительного [Немысова и др., 2014, с. 52], например: каз., шур. *йеŋк* $=\text{и}$, приур. *йуŋк* $=\text{и}$ ‘ледяной’ от существительного *йеŋк/йуŋк* ‘лёд’; каз. *лоŋц* $=\text{и}$, шур., приур. *лўŋц* $=\text{и}$ ‘тёплый (о жидкости), мокрый, слюнявый’ от существительного *лоŋц/лўŋц* ‘слюна’; каз., шур., приур. *лоŋц* $=\text{и}$ ‘снежный’ от существительного *лоŋц* ‘снег’; каз., шур., приур. *йиŋк* $=\text{и}$ ‘мокрый’ от существительного *йиŋк* ‘вода’;

4) прилагательные, образованные способом аффиксации от глагольной основы в соответствии со словообразовательной моделью $V + =\text{ам}/=\text{эм}$: суффикс $=\text{ам}/=\text{эм}$

присоединяется к глагольным основам (образуя причастия прошедшего времени, которые затем переходят в прилагательные), имеет значение – обладающий свойством, возникшим в результате действия или процесса [Каксин, 2010, с. 60], например: каз. *лул=ам* ‘растаявший’ от глагола *лулты* ‘растать’, каз., шур., приур. *сор=ам* ‘сухой’ от глагола *сотры* ‘высохнуть’, каз. *ептэм*, приур. *энт=ам* ‘разлитый (о реке)’ от глагола *епатты* / *эпатты* ‘разлиться’, приур. *мәриц=ам* ‘знойная’;

5) прилагательные, образованные способом аффиксации от субстантивной основы в соответствии со словообразовательной моделью $N + =ам$, например: каз. шур. *вэвт=ам*, приур. *вейт=ам* ‘плохой, ненастный’ от существительного *вэв* ‘слабость’.

В хантыйском языке имеется ряд непроеизводных имён прилагательных, характеризующих погодные явления, например: каз., шур., приур. *хошам* ‘тёплый’, *атэм* ‘ненастная, неблагоприятная, плохая’, *тарам* ‘суровая’, *ицълам* ‘кристаллический (о снеге)’, *аплэк* ‘глубокий (о снеге)’, *къл* ‘глубокий (о снеге)’, *мъл* ‘глубокий (о воде)’, *этэр* ‘ясный’, *ицки* ‘морозная, промозглая, холодная’, *йъм* ‘благоприятная, хорошая’, *мелэк* ‘тёплая, прохладная’, *тэвэн* ‘тихий (о воде)’, *так* ‘сильный (о ветре)’, каз. *йицл* ‘прохладный’, *йилкам* ‘прохладный’, приур. *вүцэл* ‘сырой, мокрый (о снеге)’.

Итак, прилагательные хантыйского языка, характеризующие погодные явления, образуются по пяти словообразовательным моделям: первая модель « $N + =ау/=еу$ » образует одиннадцать прилагательных; вторая модель « $N + =лы$ » образует два; третья модель « $N + =и/=ы$ » образует четыре; четвёртая модель « $V + =ам/=эм$ » образует четыре; пятая модель « $N + =ам$ » образует одно прилагательное. И довольно большое количество – шестнадцать прилагательных, характеризующих погодные явления, – являются непроеизводными.

Прилагательные хантыйского языка, характеризующие погодные явления сочетаясь с существительными каз. *төрэм*, шур., приур. *турэм* ‘небо, погода’, *хятэл* ‘день’, *сүс* ‘осень’, *тъл* ‘зима’, *тови* ‘весна’, *лүн* ‘лето’, *сыс* ‘пора’ характеризуют временной отрезок: соотносённость со временем года, с определённым месяцем, с частью суток, например: *атэм төрэм* ‘плохая погода’, *йъм төрэм* ‘хорошая погода’, *атэм хятэл* ‘плохой день’ имеется в виду плохая, мерзкая, неблагоприятная, ненастная, неподходящая погода, *вотән хятэл* ‘ветренный день’, *ицки хятэл* ‘морозный день’, *ицки хятэл* ‘холодный день’, *йъм хятэл* ‘хороший день’ хорошая благоприятная подходящая чудная погода, *йэртән хятэл* ‘дождливый день’, *мелэк хятэл* ‘прохладный день’, *найән хятэл* ‘солнечный день’, *пълнән хятэл* ‘облачный день’, *пълнән хятэл* ‘пасмурный день’, *ровән хятэл* ‘жаркий день’, *шивән/сывән хятэл* ‘туманный день’, *тэвэр хятэл* ‘тихий день’, *хосам хятэл* ‘тёплый день’, *этэр хятэл* ‘ясный день’; *йэртән сүс* ‘дождливая осень’, *лоньцән тъл* ‘снежная зима’, *йэртән лүн* ‘дождливое лето’, *ицки сүс* ‘холодная осень’, *мелэк тови* ‘тёплая весна’; *хошам сыс* ‘тёплая пора’.

В ходе исследования выявлено четыре лексико-семантические группы прилагательных, характеризующих погодные явления в хантыйском языке на материале западных диалектов (при этом внутри первой группы выделено три подгруппы).

1. Прилагательные, обозначающие признак «атмосферные осадки» – атмосферные явления, связанные с присутствием в атмосфере воды в жидком или твёрдом состоянии, выпадающей из облаков или осаждающейся из воздуха на земную поверхность и какие-либо предметы:

а) дождь, например: каз., шур., приур. *йэртән/йэртән* ‘дождливый’ от сущ. *йэрт* ‘дождь’ – *Йэртән/йэртән хятэл* ‘Дождливый день’, *Йэртән/йэртән лүн* ‘Дождливое лето’; Так *йэрт похэл иицл* ‘сильный ливень надвигается’, *Тъм хятэл иув йэрт полыйэл* ‘Сегодня мелкий (туманный) дождик идёт’; *Камән ай йэрт сэмна посыйэл* ‘На улице маленькими каплями капает’; *Похэл йэрт* ‘Грозовой дождь’; приур. *Пилна тохэл лълты йэрт* ‘Комаров крылья смачивающий дождь’;

б) снег, например: каз., шур., приур. *лоньцэу* ‘снежный’ – *Лоньцэу тэу вэс/ус* ‘Снежная зима была’, лексема *лоньцэу* сочетается только с лексемой, обозначающей время года, в отличие от лексемы *йэртэу* ‘дождливый’, которая может сочетаться со словом *хэу* ‘день’ и временем года; каз. *вуцалэу* ‘слякотно, сыро, сырой, липкий’ – *Камэн вуцалэу* ‘На улице мокрый снег падает’, в приур. *вэуцэу* ‘мокрый, липкий снег’ не присоединяет суффикс =эу – *Камэн вуцэу* ‘На улице мокрый снег (падает)’;

в) град, например: каз., шур. *йэукаэу*, приур. *йэуки* ‘ледяной’ – *Камэн йэуки сэмна нитэу* ‘На улице идёт град (букв.: на улице ледяные капли падают)’; приур. *хэуятэу* ‘с берегами’ от существительного *хэуят* ‘берег’ – *Асэв хэуятэу* ‘Объ с берегами’.

2. Прилагательные, характеризующие наличие облаков на небе, например: каз., шур., приур. *пэуэу* ‘пасмурный, облачный’ – *Пэуэу хэу* ‘Пасмурный день’; каз., *шивэу*, шур. *шувэу*, приур. *сивэу* ‘туманный’ – *Шивэу/Шувэу/Сивэу хэу* ‘Туманный день’.

3. Прилагательные, характеризующие скорость ветра, например: каз., шур., приур. *вотэу* ‘ветренный’ – *Вотэу хэу* ‘Ветренный день’; *Так вотэу хэу* ‘штормовая погода’; *Ай вот рувийи* ‘Тихий ветерок’. Во всех трёх диалектах безветренную погоду обозначают лексемой *тэвэн* ‘безветренные’, но наряду с этой лексемой в приуральском диалекте зафиксирована употребление лексемы *вотлы* ‘безветренный’. Лексемы, характеризующие направление ветра, например: приур. *хэу* ‘восточный ветер (букв.: покойник ветер)’; *лотэу* ‘западный ветер (букв.: болото ветер)’ – так называют ветер за Уральскими горами в европейской части; *кевэу* ‘западный ветер (букв.: гора ветер)’ – так называют на Оби; *нымэу* ‘северный ветер’; *нумэу* ‘южный ветер’.

В приуральском диалекте зафиксирована характеристика ветра *сыйэв сакэнтэу* ‘телят душащий ветер’, весной, во время отёла после тёплых дней начинается метель, в эти дни умирает много новорождённых телят. Считается, что таким образом происходит естественный отбор, и сохраняется баланс в природе, так как погибшие телята становятся средством пропитания для других животных и птиц, чтобы те тоже смогли вырастить своё потомство.

4. Прилагательные, характеризующие температуру, например: каз., шур. *рэуэу*, приур. *ровэу* ‘жаркий, знойный, тёплый’ – *Рэуэу/ровэу хэу* ‘Знойный день’; шур. *хошэу*, приур. *хосэу* *хэу* ‘тёплая погода’, шур., приур. *найэу* ‘солнечный, огненный, божественный’ – *Найэу хэу* ‘Солнечный день’, *Найэу* ‘пелёк’ ‘Солнечная сторона’; лексема *найэу* в каз. диалекте имеет значение ‘огненный, божественный’ (от сущ. *най* ‘огонь, женщина (возвышенный стиль), богиня’), в казымском диалекте характеристика погоды передаётся лексемой *хэу* ‘солнечный’ – *Хэу хэу* ‘Солнечный день’, *Хэу пелёк* ‘Солнечная сторона’.

В приуральском диалекте прилагательное *тэу* ‘огненный, со светом’ в сочетании с существительным *ицки* ‘холод, мороз’ приобретает значение *тэу ицки* ‘сильный, обжигающий мороз’ – *Тэу хэу камэн тэу ицки* ‘Сегодня на улице сильный мороз’;

Структура прилагательных, характеризующих погодные явления, в хантыйском языке представлена определённым набором сем, например: каз., шур. *рэуэу*, приур. *ровэу* ‘жаркий, знойный’ каз. *хэу* ‘солнце, день’, шур., приур. *найэу* ‘солнечный, огненный, божественный’, каз., шур., приур. *лоньцэу* ‘снежный’, каз., *йэртэу*, шур., приур. *йэртэу* ‘дождливый’, каз. *вуцалэу* ‘слякотно, сыро, сырой, липкий’, каз., шур., приур. *вотэу* ‘ветренный’, каз., *шивэу*, шур. *шувэу*, приур. *сивэу* ‘туманный’, каз., шур., приур. *пэуэу* ‘пасмурный, облачный, хмурая’ и др., Данная группа прилагательных обязательно представляет лексико-семантическую группу погодные явления – ядерные семы, вторая группа прилагательных, которые дополняют семантическую структуру, характеризующих природные явления – периферийные, например: *ай* ‘маленький’, каз. *вэн*, шур. *ун*, приур. *вэу* ‘большой’, *так* ‘сильный’.

3. Заключение [Conclusion]

В результате проведённого исследования были выявлены словообразовательные модели, рассмотрены лексико-семантические группы и сочетаемость имён прилагательных, характеризующих погодные явления на материале казымского, шурышкарского и приуральского диалектов хантыйского языка. Прилагательные хантыйского языка, характеризующие погодные явления, представлены пятью словообразовательными моделями: первая модель «N + =эң/=ең»; вторая модель «N + =лы»; третья модель «N + =и/=ы»; четвёртая модель «V + =ам/=эм»; пятая модель «N + =ам». Довольно большая группа прилагательных является непроемными основами.

Лексико-семантические группы исследуемых прилагательных делятся на четыре группы: обозначающие признак «атмосферные осадки» – двенадцать лексем; характеризующие наличие облаков на небе – две лексемы; характеризующие скорость и направление ветра – десять лексем; характеризующие температуру – пять лексем.

В хантыйском языке общими словами, характеризующими погоду, являются прилагательные: *ййм* ‘хороший’, *атэм* ‘плохой’.

Сокращения

каз. – казымский диалект;
шур. – шурышкарский диалект;
приур. – приуральский диалект.

Список литературы

- Амрахова, 2017 – Амрахова А. Э. Семантическая структура имён прилагательных «знойный», «жгучий», «палящий», «раскалённый» и «нагретый» в русском и азербайджанском языках // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 5А. С. 15–24.
- Арискина, 2019 а – Арискина Т. П. Сложные прилагательные в эрзянском языке // Финно-угорский мир. 2019 а. № 2. С. 126–135.
- Арискина, 2019 б – Арискина Т. П. Суффиксальное образование имён прилагательных в эрзянском языке в сравнении с венгерским // Вестник угроведения. 2019 б. Т. 9. № 3. С. 407–416.
- Быкова, 2014 – Быкова А. А. Температурная метафора в русской языковой картине мира: дискурсивное варьирование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Быкова Алина Анатольевна; Нац. исслед. Томский гос. ун-т. Томск, 2014. 182 с.
- Вальгамова и др., 2011 – Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарева, С. В. Онина, А. А. Шианова. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
- Ефремов, 2009 – Ефремов Д. А. Имя прилагательное в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. 124 с.
- Животиков, 1942 – Животиков П. К. Очерк грамматики хантыйского языка. п. Ханты-Мансийск, 1942. 120 с.
- Каксин, 2010 – Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд.. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 176 с.
- Каксина, Бурыкин, 2015 – Каксина Е. Д., Бурыкин А. А. Представления о Громе и грозе в культуре казымских ханты // Вестник угроведения. 2015. № 2 (21). С. 46–52.
- Кошкарева и др., 2017 – Диалектологический атлас уральских языков, распространённых на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / Н. Б. Кошкарева, Е. В. Кашкин, Ю. Б. Коряков, О. А. Казакевич, С. И. Буркова, Н. А. Муравьёв, Е. М. Будянская. Калининград: РОСТ-ДООАФК, 2017. 256 с.
- Кошкарева, 2013 – Кошкарева Н. Б. Имя прилагательное в хантыйском языке (на материале западных диалектов) // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11. Вып. 1. С. 5–11.

- Кузнецов, 2004 – Кузнецов П. М. Средства выражения признака предмета в диалектах хантыйского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Кузнецов Павел Михайлович ; Томский гос. пед. ун-т. Томск, 2004. 184 с.
- Магомедова, 2004 – Магомедова П. М. Лексико-семантический и функциональный анализ имён прилагательных в кумыкском языке (в сопоставлении с арабским) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Магомедова Патимат Магомедалиевна ; Дагестанский гос. пед. ун-т. Махачкала, 2004. 20 с.
- Мао, 2018 – Мао Я. Модели развития качественной семантики у относительно-притяжательных прилагательных в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Мао Янь ; СПбГУ. СПб., 2018. 24 с.
- Немысова и др., 2014 – Немысова Е. А., Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н. Правила хантыйской орфографии : справочник. Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2014. 164 с.
- Николаева, 1995 – Николаева И. А. Обдорский диалект. Москва-Гамбург, 1995. 156 с.
- Ракин, 2015 а – Ракин А. Н. Метеорологическая лексика коми-пермяцкого языка (названия атмосферных явлений) // Вестник угроведения. 2015 а. № 2 (21). С. 76–81.
- Ракин, 2015 б – Ракин А. Н. Обозначения атмосферных явлений в составе метеорологической лексики пермских языков // Труды Карельского научного центра РАН. 2015 б. № 8. С. 56–61.
- Ракин, 2018 – Ракин А. Н. Происхождение метеорологической лексики коми языка // Финно-угроведение. 2018. № 1 (59). С. 91–94.
- Рандымова, 2011 – Рандымова З. И. Хантыйско-русский словарь (приуральский диалект). Салехард : Красный Север, 2011. 96 с.
- Соловар, 2014 – Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень : Формат, 2014. 386 с.
- Соловар, Кумаева, 2014 – Соловар В. Н., Кумаева М. В. Фрагменты концепта «природа» в языковой картине мира: на материале обско-угорских языков // Вопросы уралистики 2014. Научный альманах. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 485–497.
- Соловар и др., 2016 – Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А. Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск ; Ижевск : Принт-2, 2016. 348 с.
- Сязи, Скамейко, 2007 – Сязи З. И., Скамейко Р. Р. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурыш. диал.): 5–9 кл. СПб. : Просвещение, 2007. 192 с.
- Терешкин, 1966 – Терешкин Н. И. Хантыйский язык // Языки народов СССР. Т. 3. М., 1966. С. 319–342.
- Токарева, 1976 – Токарева Т. Е. Роль контекста при изучении семантической структуры многозначных прилагательных // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1976. № 2. С. 93–101.
- Цыганкин, 2014 – Цыганкин Д. В. Словообразовательный потенциал прафинно-угорского суффикса -п в мордовских, хантыйском и мансийском языках // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 83–89.
- Чекулай, Прохорова, 2017 – Чекулай И. В., Прохорова О. Н. Семантика «ветра» в пространстве русской лингвокультуры // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2017. Т. 3, № 1. С. 17–27.
- Шитц, 2006 – Шитц О. А. «Прилагательные» в уральских языках (на материале финского, венгерского, удмуртского, коми и мордовских языков) // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 9 (60). С. 67–70.
- Этру, 2016 – Этру А. Л. Лексемы, обозначающие температурные признаки в русском языке и в языке тьви (Гана): особенности семантики и употребления // Вестник ВолГУ. Сер. 2 : Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. С. 221–226.
- Filchenko, 2007 – Filchenko A. Y. A Grammar of East Khanty. Houston : Rice University, 2007. 615 p.
- Steinitz, 1966–1991 – Steinitz W. Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Akademie Verlag. T. I–XV. Berlin, 1966–1991. 2023 p.
- Steinitz, 1980 – Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprach-Wissenschaft und Ethnographie. Berlin : Akademie-Verlag, 1980. Band IV. 499 p.

Anastasia A. Shiyanova
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
 SyaziA@mail.ru

Semantics of the Khanty adjectives characterizing weather phenomena

Abstract

The article considers the semantic structure of the Khanty adjectives characterizing weather phenomena. The study is carried out on the material of Western dialects of Khanty – Kazymsky, Shuryshkar and Priural. The material for the study was a card file composed of examples of bilingual dictionaries on the Khanty language, folklore collections and samples of spoken speech collected from Khanty native speakers. The result of the study was a description of the semantics of the language units characterizing weather events in all studied dialects of the Khanty language. Five word-building patterns were discovered for the adjectives: 1) «N+ =əj/=eɟ», 2) «N + =jy», 3) «N + =i/=ɨ», 4) «V + =am/=əɲ», 5) «N + =am». These adjectives form 4 lexico-semantic groups. Neither systematization of these lexico-semantic groups has been previously performed, nor the 5 word-building patterns have been previously reported in the literature devoted to the Khanty language. Another contribution was clarification of lexical units characterizing natural phenomena.

Keywords: Khanty language, Khanty dialects, adjectives, vocabulary, semantics, word-building patterns, natural phenomena characteristic features.

© Shiyanova A. A. 2021

For citation: Shiyanova A. A. (2021). Semantika prilagatel'nykh khantyyskogo yazyka, kharakterizuyushchikh pogodnye yavleniya [Semantics of the Khanty adjectives characterizing weather phenomena]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 169–178. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_169_178.

References

- Amrahova, A. E. (2017). Semanticheskaya struktura imyon prilagatel'nykh «znoynyy», «zhguchiy», «palyashchiy», «raskalyonnyy» i «nagretyy» v russkom i azerbaydzhanskom yazykakh [Semantic structure of adjectives sultry, burning, scorching, red-hot and heated in Russian and Azerbaijan languages]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (5A), 15–24.
- Ariskina, T. P. (2019). Slozhnye prilagatel'nye v erzyanskom yazyke [Compound adjectives in the Erzya]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2, 126–135.
- Ariskina, T. P. (2019). Suffiksial'noe obrazovanie imyon prilagatel'nykh v erzyanskom yazyke v sravnenii s vengerskim [Suffixal word-formation of adjectives in the Erzya language in comparison with the Hungarian language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 9 (3), 407–416.
- Bykova, A. A. (2014). Temperaturnaya metafora v russkoy yazykovoy kartine mira: diskursivnoe var'irovanie [Temperature metaphor in the Russian language picture of the world: discursive variation]. PhD in Philological sci. diss. Tomsk : National Research Tomsk State University.
- Valgamova, S. I., Koshkareva, N. B., Onina, S. V., Shiyanova, A. A. (2011). *Dialektologicheskii slovar' khantyyskogo yazyka (shuryshkarskiy i priural'skiy dialekt)* [The dialectological dictionary of the Khanty language (shuryshkarsky and Cisural dialects)]. Yekaterinburg: Basko.
- Efremov, D. A. (2009). *Imya prilagatel'noe v udmurtskom yazyke* [Name adjective in the Udmurt language]. Izhevsk : Udmurt University.

- Zhivotikov, P. K. (1942). *Ocherk grammatiki khantyyskogo yazyka* [Essay of the Khanty grammar]. Khanty-Mansiysk : Tipografiya gazety Stalinskaya tribuna.
- Kaksin, A. D. (2010). *Kazymskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [The Kazym dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk : IIZ YUGU Press.
- Kaksina, E. D., Burykin, A. A. (2015). Predstavleniya o Grome i groze v kul'ture kazymskikh khanty [Representations of the Thunder and the storm in the culture of the Kazym Khanty]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2 (21), 46–52.
- Koshkareva, N. B., Kashkin, E. V., Koryaks, Yu. B., Kazakevich, O. A., Burkova, S. I., Muravyev, N. A., Budyanskaya, E. M. (2017). *Dialektologicheskii atlas ural'skikh yazykov, rasprastranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [The dialectological atlas of the Ural languages extended to territories of the Yamalo-Nenets Autonomous Area]. Kaliningrad : ROST-DOAFK Press.
- Koshkareva, N. B. (2013). Imya prilagatel'noe v khantyyskom yazyke (na materiale zapadnykh dialektov) [Adjectives in Khanty language (on the basis of western dialects)]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 11 (1), 5–11.
- Kuznecov, P. M. (2004). *Sredstva vyrazheniya priznaka predmeta v dialektakh khantyyskogo yazyka* [Means of expressing the feature of the subject in dialects of Khanty language]. PhD in Philological sci. diss. Tomsk : Tomsk State Pedagogical University.
- Magomedova, P. M. (2004). *Leksiko-semanticheskii i funktsional'nyi analiz imen prilagatel'nykh v kumyyskom yazyke (v sopostavlenii s arabskim)* [Lexico-semantic and functional analysis of adjective names in Kumyk (Compared to Arabic)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Mahachkala : Dagestan State Pedagogical University.
- Mao, Yan. (2018). *Modeli razvitiya kachestvennoy semantiki u otnositel'no-prityazhatel'nykh prilagatel'nykh v sovremennom russkom yazyke* [Models of development of quality semantics in relative-possessive adjectives in modern Russian]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : St Petersburg University.
- Nemysova, E. A., Koshkareva, N. B., Solovar, V. N. (2014). *Pravila khantyyskoy orfografii: spravochnik* [Khanty spelling rules: reference book]. Hanty-Mansiysk : Yugorskiy format Press.
- Nikolaeva, I. A. (1995). *Obdorskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [The Obdorsk dialect of the Khanty language]. Moscow; Hamburg : Production Copy shop, Lüneburg.
- Rakin, A. N. (2015). Meteorologicheskaya leksika komi-permyackogo yazyka (nazvaniya atmosferykh yavleniy) [Meteorological vocabulary of the Komi-Permian language (Names of the atmospheric phenomena)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2 (21), 76–81.
- Rakin, A. N. (2015). Oboznacheniya atmosferykh yavleniy v sostave meteorologicheskoy leksiki permskikh yazykov [Designations of the atmospheric phenomena in the structure of meteorological vocabulary of the permian languages]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences], 8, 56–61.
- Rakin, A. N. (2018). Proiskhozhdenie meteorologicheskoy leksiki komi yazyka [The origin of the meteorological vocabulary in the komi language]. *Finno-ugrovedenie* [Finno-ugrovedeniye], 1 (59), 91–94.
- Randymova, Z. I. (2011). *Khantyysko-russkiy slovar' (priural'skiy dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Ural dialect)]. Salekhard : Krasnyy Sever Press.
- Solovar, V. N. (2014). *Khantyysko-russkiy slovar' (kazymskiy dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Tyumen : Format Press.
- Solovar, V. N., Kumayeva, M. V. (2014). Fragmenty kontsepta «priroda» v yazykovoy kartine mira: na materiale obsko-ugorskikh yazykov [Concept fragments "nature" in a language picture of the world: On material of Ob-Ugrian languages]. *Voprosy uralistiki 2014. Nauchnyy al'manakh*. [Questions of an uralistika 2014. Scientific almanac] (pp. 485–497). St Petersburg : Nestor-Istoriya Press.
- Solovar, V. N., Nakhracheva, G. L., Shiyanova, A. A. (2016). *Dialekty Khantyyskogo yazyka* [Dialects of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk ; Izhevsk : Print-2 Press.

- Syazi, Z. I., Skameyko, R. R. (2007). *Slovar' khantyysko-russkiy i russko-khantyyskiy (shurysh. Dial.)*: 5–9 kl. [Khanty-Russian and Russian-Khanty dictionary (Shuryshkar dialect): 5–9 grades]. St Petersburg: Prosveshchenie Press.
- Tereshkin, N. I. (1966). Khantyyskiy yazyk [Khanty language]. *Yazyki narodov SSSR* [Languages of the people of the USSR] (Vol. 3, pp. 319–342). Moscow : Nauka Press.
- Tokareva, T. E. (1976). Rol konteksta pri izuchenii semanticheskoy struktury mnogoznachnykh prilagatelnykh [The role of context in the study of the semantic structure of polysemic adjectives]. *Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Filologicheskie nauki Scientific reports of higher education. Philological Sciences], 2, 93–101.
- Tsygankin, D. V. (2014). Slovoobrazovatel'nyy potentsial prafinno-ugorskogo suffiksa -ŋ v mordovskikh, khantyyskom i mansiyskom yazykakh [The word building potential of the protofinno-ugric suffix -ŋ in Mordvin, the Khanty, and the Mansi languages]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences], 3, 83–89.
- Chekulai, I. V., Prokhorova, O. N. (2017). Semantika «vetra» v prostranstve russkoy lingvokul'tury» [The “beret” semantics in the Russian linguistic and cultural space]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research result. Theoretical and Applied linguistics], 3 (1), 17–27.
- Shitts, O. A. (2006). «Prilagatel'nye» v ural'skikh yazykakh (na materiale finskogo, vengerskogo, udmurtskogo, komi i mordovskikh yazykov) [“Adjectives” in Ural languages (on Basis of the Finnish, Hungarian, Udmurt, Komi and Mordvinian Languages)]. *Vestnik TGPU* [TSPU Bulletin], 9 (60), 67–70.
- Etru, A. L. (2016). Leksemy, oboznachayushchie temperaturnye priznaki v russkom yazyke i v yazyke t'vi (Gana): osobennosti semantiki i upotrebleniya [Lexemes with temperature characteristics in the Russian language and in the language of Twi (Ghana): Semantic peculiarities and usage]. *Vestnik VolGU. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of VolSU. Linguistics], 15 (4), 221–226.
- Filchenko, A. Y. (2007). *A Grammar of Eastern Khanty*. Houston : Rice University.
- Steinitz, W. (1966–1991). *Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin : Akademie-Verlag.
- Steinitz, W. (1980). *Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprach-Wissenschaft und Ethnographie*. Berlin : Akademie-Verlag.

Яковлев Дмитрий Иванович, Хомутова Тамара Николаевна
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
г. Челябинск, Российская Федерация
mr.diyakovlev@mail.ru, khomutovatn@susu.ru

Локальный энциклопедический дискурс г. Челябинска: история и современность

Аннотация

В статье рассматривается проблема локального энциклопедического дискурса и текста. Обосновывается применение интегрального подхода как оптимального для решения поставленных задач. С позиций интегральной лингвистики уточняются понятия локального текста, локального энциклопедического дискурса и текста. Интегральный подход позволяет представить эти сущности как интегральные рассредоточенные объекты: фрагменты знания об определенном локусе, представленного в сжатом концентрированном виде, фрагменты национальной и локальной культур, фрагменты локального социального пространства и фрагменты национального языка, единицы которых взаимозависимы и взаимообусловлены и актуализуются в процессе коммуникации, при этом дискурс характеризуется как процесс, а текст – как продукт и результат коммуникации. Приводится обзор работ, посвящённых истории и современному состоянию челябинского локального энциклопедического текста, выявляются его локально-специфические характеристики. Намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: локальный текст, локальный энциклопедический текст, дискурс, интегральный подход, интегральный объект.

© Яковлев Д. И., Хомутова Т. Н. 2021

Для цитирования: Яковлев Д. И., Хомутова Т. Н. Локальный энциклопедический дискурс г. Челябинска: история и современность // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 179–189. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_179_189.

1. Введение [Introduction]

В последнее время у исследователей разных научных направлений (лингвистов, культурологов, антропологов и т. д.) наблюдается устойчивый интерес к изучению такого объекта, как локальный текст. В. В. Абашев объясняет данную тенденцию с помощью экзистенциального аспекта отношений человека к месту его жизни: «человек не выносит ценностной пустоты места, где он живет, ему насущно необходимо его осмыслить и ценностно упорядочить» [Абашев, 2000, с. 5]. Н. Ю. Ланцевская отмечает прикладной характер исследований локального текста: «В 21 веке российские территории находятся в поиске своей собственной идентичности, уникальности, самопознания. Все чаще возникает необходимость создания привлекательного образа-имиджа места» [Ланцевская, 2014, с. 424], который может способствовать многоуровневому и целевому развитию данной территории, то есть приведёт к созданию и раскрытию ее экономического, культурного, политического и других потенциалов. Имидж территории складывается под влиянием множества различных факторов, одним из которых является «потенциал, заключённый в семиотике территории, т.е. культурно-символической сфере провинциального пространства» [Ланцевская, 2014, с. 424]. Таким образом, экзистенциальный и прикладной (имиджевый) аспекты становятся ключевыми в исследованиях

локального (городского и регионального) текста, придают особый импульс изучению этого сложного объекта.

Не меньшее значение в области современных гуманитарных исследований приобретает проблематика дискурса как специфического способа конституирования социальной реальности. На сегодняшний день одним из самых востребованных типов дискурса является энциклопедический, что связано, на наш взгляд, с большими объемами информации, требующей представления накопленных знаний о мире в новой компактной и систематизированной форме. Особую актуальность приобретает в этой связи исследование локального энциклопедического дискурса как одного из инструментов быстрого продвижения положительного образа-имиджа территорий. Все это приводит к осознанию необходимости изучения локального энциклопедического дискурса в рамках новой интегральной парадигмы описания языка с помощью новых качественных методов исследования.

Основной целью настоящей работы является разработка теоретических оснований интегрального подхода к анализу локального энциклопедического дискурса и текста. Достижение поставленной цели требует решения ряда задач, в числе которых уточнение понятия локального текста и локального энциклопедического текста с позиций интегральной лингвистики, обзор работ, посвященных истории развития локального энциклопедического текста г. Челябинска, определение перспективных направлений исследования. Для решения конкретных задач в работе применяется интегральный подход, который включает различные общенаучные, лингвистические, лингвокультурологические, социолингвистические и другие методы и приемы анализа.

2. Локальный текст: определение понятия [Local Text: Definition]

По мнению В. В. Абашева, филологические науки могут внести существенный, «генерализирующий» вклад в изучение таких «сложных социокультурных объектов, как город», поскольку «все процессы, сопровождающие жизнь города (экономические, природные, социальные), приводят к знаковым отложениям в языке, и зачастую только по следам в языке становятся доступными для наблюдения. Поэтому понятие локального текста, понимание города (и территории) как текста в определенной степени резюмирует жизнь человека в месте его жизни» [Абашев, 2000, с. 14].

Основоположниками теории локального текста в литературоведении стали представители тартуско-московской семиотической школы В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, А. М. Пятигорский и др. (см., напр., [Успенский и др., 2000 ; Топоров, 1993, 2003 ; Лотман, 1996 и др.]), которые в качестве материала исследования выбрали литературу о Петербурге, анализ которой позволил сформировать само понятие Петербургского текста, определить его структуру и модели.

Впервые термин «локальный текст» появился в работах В. Н. Топорова [Топоров, 1993]. По В. Н. Топорову, городской текст представляет собой «всю информацию, которую открыто или имплицитно дают нам улицы, площади, сады, памятники, здания, горожане и т.д.»; город «может быть понят, как гетерогенный текст, которому приписывается некий определенный смысл и на основании которого может быть реконструирована система знаков, реализуемая в тексте» [цит. по: Ланцевская, 2014, с. 424].

Ю. М. Лотман, рассматривая семиотику города как «котёл текстов и кодов», отмечает, что «в роли текстов выступают не только литературные произведения и – шире – письменные источники, но также и устные высказывания, и «архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц...» [цит. по: Галимова, 2012, с. 1 [Лотман, 1996]]. Исследования учёных тартуско-московской семиотической школы о Петербургском тексте заложили основу теории локального текста в

литературоведении, а также породили бурное развитие направления по изучению семиотики локальных мест России и мира.

В. В. Абашев определяет локальный текст как сверхтекст, как «совокупность высказываний, текстов, ограниченную темпорально и локально, объединенную содержательно и ситуативно, характеризующуюся цельной модальной установкой, достаточно определёнными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального / аномального»; его можно рассматривать как «технологичный инструмент анализа результатов символической деятельности человека по адаптации места жизни к порядку культуры» [Абашев, 2000, с. 11]. Это связано с непрерывным процессом символизации человеком окружающего пространства, результатом чего и является локальный текст. Автор подчёркивает отсутствие чётких границ локального текста: в стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется относительно стабильная сетка семантических констант, которые становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы, формируя локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему [Абашев, 2000, с. 12].

Рассмотрев развитие понятия локального текста, мы приходим к следующему выводу: тенденция к изучению локального текста как сверхтекста в литературоведении близка к интегральному изучению текста в лингвистике, что обусловлено необходимостью глобального осмысления языка и языковых объектов. Определения локального текста в литературоведении созвучны лингвистическому определению текста в рамках интегрального подхода в том, что в них проявляется интегральная природа текста. Так, в литературоведческих определениях упоминается когнитивный аспект локального текста («город как гетерогенный текст, которому приписывается некий определённый смысл» [Топоров, 1993]), культурный аспект («Пермь – структурно-семантическое образование, одна из категорий русской культуры, осмысливающая и город, и землю» [Абашев, 2000, с. 5]), социальный аспект («совокупность текстов..., характеризующуюся цельной модальной установкой, достаточно определёнными позициями адресанта и адресата...» [Купина, Битенская, 1994, с. 215]) и языковой аспект (город «как гетерогенный текст ..., на основании которого может быть реконструирована система знаков, реализуемая в тексте» [Топоров, 1993]). Однако ни в одном из рассмотренных выше определений нет единства всех четырёх секторов, что не позволяет объективно, со всех сторон рассмотреть локальный текст и текст вообще. Кроме того, литературоведы определяют локальный текст как совокупность художественных текстов о локусе и выделяют символы как основные элементы структуры локального текста. Однако такой подход оставляет без внимания большое количество текстов иной стилевой и жанровой принадлежности, в которых содержится ценная информация о локусе, что, по нашему мнению, не позволяет составить объективного представления о локальном тексте, объективно показать его структуру и представить его модель. Поэтому под локальным текстом мы будем понимать всю совокупность текстов о конкретном локусе. Такой подход позволяет выделить подтип локального энциклопедического текста и рассмотреть его более подробно в рамках данной работы.

3. Локальный энциклопедический дискурс и текст как объекты интегральной лингвистики [Local Encyclopedic Discourse and Text as Objects of Integral Linguistics]

3.1. Интегральный подход в современной лингвистике [Integral Approach in Modern Linguistics]

Как известно, современная лингвистика характеризуется полипарадигмальностью, под которой мы понимаем сосуществование частных парадигм лингвистического

знания. Однако, как справедливо отмечают многие исследователи, в частности, Е. С. Кубрякова [Кубрякова, 1995], в большинстве этих парадигм наблюдаются попытки продвижения в сторону новой интегральной парадигмы, в основе которой лежит комплексное междисциплинарное исследование с учётом взаимодействия различных областей лингвистического знания. В своей работе мы используем термин «интегральный» в широком (общем) и узком (частном) смысле слова. В широком смысле под интегральной парадигмой понимается такая виртуальная метапарадигма, которая предполагает комплексное многоаспектное исследование с учётом взаимодействия различных областей лингвистического знания. В такой интерпретации к ней относятся и когнитивно-дискурсивная, и коммуникативно-прагматическая, и лингвосинергетическая, и другие частные парадигмы лингвистического знания. Они, безусловно, отличаются друг от друга, но общий принцип, по которому мы характеризуем их как интегральные, а именно комплексность и многоаспектность, присутствует в каждой из них. Это актуализированные варианты общей интегральной метапарадигмы современной лингвистики. В узком, частном, смысле мы используем термин «интегральный» по отношению к парадигме, в рамках которой выполнено наше собственное исследование. Эта парадигма также является частным случаем общей интегральной метапарадигмы. Она является интегральной не только по сути, но и по названию. Такое название она получила от создателя универсального интегрального подхода Кена Уилбера [Wilber, 1997], идеи которого легли в основу интегрального подхода к языку и языковым явлениям [Хомутова, 2010]. Отличие применяемого нами частного интегрального подхода от системного, когнитивно-дискурсивного и других подходов современной лингвистики заключается в том, что он даёт оригинальную модель, матрицу, с помощью которой можно рассматривать любое языковое явление, выделяя в нём когнитивный, языковой, культурный и социальный секторы, единицы которых взаимосвязаны и взаимозависимы, а их актуализация происходит в процессе речевой деятельности.

3.2. Локальный энциклопедический дискурс и текст: интегральное определение [Local Encyclopedic Discourse and Text: An Integral Definition]

В настоящей работе мы разграничиваем понятия дискурса и текста: дискурс и текст являются различными аспектами коммуникации: дискурс – это процесс коммуникации, текст – это продукт или результат этого процесса. Дискурс шире текста, так как помимо текста включает в свою структуру и другие компоненты. С позиций интегральной лингвистики [Хомутова, 2014] локальный энциклопедический дискурс (далее ЛЭД) представляет собой интегральный рассредоточенный феномен, процесс сопряжения коммуникативных деятельности представителей различных социумов, вербализующий фрагменты энциклопедического знания о локусе, национального языка, национальной и локальной культуры и локального социального пространства в их глобальном единстве и взаимообусловленности. К структурным единицам ЛЭД относятся участники коммуникации (автор – адресат), локальный энциклопедический текст и локальный социокультурный контекст (неречевые деятельности коммуникантов, условия коммуникации и референтная ситуация). Поскольку мы изучаем ЛЭД на примере конкретных текстов, необходимо представить определение локального энциклопедического текста.

Локальный энциклопедический текст (далее ЛЭТ) представляет собой предметно-знаковую модель сопряжённых коммуникативных деятельности представителей определённого социума, вербализующую фрагменты энциклопедического знания о локусе, национального языка, национальной и локальной культуры и локального социального пространства в их глобальном единстве и взаимообусловленности.

Отличие данных определений ЛЭД и ЛЭТ от интегральных определений дискурса и текста состоит в конкретизации когнитивного, культурного и социального секторов дискурса и текста, а именно уточнения вида энциклопедического знания (знание о локусе), выделения на фоне национального также и локального культурного и социального пространства. Под знанием о локусе мы понимаем знание, имеющее привязку к какому-либо объекту локального пространства и отражающее специфику конкретной местности. Локальная культура и социальные взаимодействия выражают культурные и социальные особенности связей в рамках конкретного локуса. Необходимо также отметить специфику коммуникативного аспекта ЛЭД и ЛЭТ, которая заключается, главным образом, в цели коммуникативной деятельности. Цель коммуникативной деятельности применительно к ЛЭД и ЛЭТ состоит в поиске самоидентичности (экзистенциальный аспект) и создании привлекательного образа-имиджа места (имиджевый аспект).

4. Локальный энциклопедический текст г. Челябинска: история и перспективы исследования [Chelyabinsk Local Encyclopedic Text: Retrospect and Prospect]

Экзистенциальный и имиджевый аспекты играют всё более заметную роль в создании ЛЭТ. Создание энциклопедий и справочников, предметом которых выступает описание конкретной территории в её когнитивном, языковом, культурном и социальном пространствах, в последнее время становится всё более актуальным. Появление таких изданий способствует не просто сухой репрезентации накопленных знаний о локусе, а прежде всего представлению этих знаний в наиболее интересной для читателя форме. Интерес, проявленный читателем при ознакомлении с содержанием локального энциклопедического издания, может побудить его посетить данную территорию в качестве туриста, инвестора, учёного, что может способствовать развитию данной территории в экономической, научной, культурной, туристической и других сферах. Локальной единицей нашего исследования стал г. Челябинск. Выбор связан с тем, что авторы работы являются постоянными жителями данной территории и осведомлены о развитии города в различных сферах жизни. Кроме того, на примере текстов о г. Челябинске мы можем подтвердить тезис о том, что в последнее время имиджевый аспект становится всё более заметным при создании локальных энциклопедий и справочников. Исследование челябинского ЛЭТ мы начнем с раздела о его истории, в котором проследим становление челябинского ЛЭТ, определим некоторые его наиболее заметные особенности, а также рассмотрим перспективы изучения челябинского ЛЭТ в 21 веке.

Итак, первое письменное описание Челябинской сторожевой крепости, заложенной в 1736 году на реке Миасс, составил 20 июня 1742 года немецкий учёный и путешественник И. Г. Гмелин. Будучи одним из руководителей Великой Северной экспедиции (1734–1743 гг.), И. Г. Гмелин посетил Челябинское поселение на обратном пути из Сибири в Петербург. Описание крепости, составленное И. Г. Гмелиным, вошло в его книгу «Путешествие по Сибири с 1740 по 1743 гг.», опубликованную в Германии в 1751–1752 гг. [Егурная, 2004].

Описание И. В. Гмелина можно назвать первым энциклопедическим текстом о г. Челябинске. Учёный описывает устройство крепости, представляет различные количественные данные (количество дворов, солдатских и казачьих квартир), рассказывает о природных условиях в данной местности (много прекраснейших полей, мало рыбы), а также о планах на будущее (казармы должны быть подготовлены уже этим летом).

Одним из первых описаний Челябинска на русском языке стало сочинение известного российского чиновника, географа и краеведа П. И. Рычкова, который в своём сочинении «Топография Оренбургская» привёл следующие сведения о Челябинске:

«Челябинская крепость, не только между новопостроенными крепостями, но и во всей Исетской провинции есть главнейшее место, ибо тут с прошлого 1743 года для способности к Башкирии находится воевода и провинциальная канцелярия, подушный сбор, духовное правление, а для купечества и ратуша...» [Дореволюционный Челябинск..., 2012, с. 153].

Изучение челябинского поселения было продолжено академической экспедицией во главе с немецкими учёными П. С. Палласом, И. П. Фальком. Так называемые «оренбургские» отряды были организованы в 1768 году по указу Екатерины II с целью выявления, описания и изучения природных ресурсов, необходимых для дальнейшего хозяйственного развития России. Описание Челябинска П. С. Палласом представлено в его трёхтомном труде «Путешествие по разным местам Российского государства» (1786) [Егурная, 2000].

В марте 1771 года в Челябинск прибыл руководитель ещё одного оренбургского отряда шведский ученый И. П. Фальк. Он также составил детальное описание крепости, отметив, что «город разросся и неплохо укреплен, в нём имеются острог для преступников, деревянный мост через реку, 2 действующие церкви. Главные занятия населения — земледелие и скотоводство». Фальк написал о неудовлетворительном состоянии торговли, привёл сведения о 2 ярмарках. Сведения, собранные учёным за время пребывания в городе, вошли в «Записки путешествия академика Фалька», изданные сначала на немецком (1785–1786), а затем на русском языке (1824) [Дореволюционный Челябинск..., 2012].

Следует отметить, что первые ЛЭТ о Челябинске создавались как на русском, так и на немецком языке. Это связано, прежде всего, с большим числом учёных-немцев в отечественной науке 18 века. Ещё одной особенностью первых челябинских ЛЭТ является то, что в них отсутствует подробное описание различных сфер жизни Челябинска, даётся лишь краткая справка о крепости. Данную тенденцию можно объяснить небольшим размером поселения в 18 веке и, соответственно, начальным этапом развития всех сфер городской жизни. Вместе с тем, данные ЛЭТ позволили людям из России и Европы получить первые сведения о Челябинске, стали основой развития челябинского краеведения.

В первой половине 19 века появились уже более подробные труды по истории, этнографии, географии края и города. В первую очередь необходимо отметить работу И. В. Жуковского «Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края», опубликованную в 1832 году [Дореволюционный Челябинск..., 2012, с. 155]. И. В. Жуковский занимал должности челябинского городничего и уездного судьи, помимо этого он является одним из первых челябинских краеведов. Описание города, представленное в его книге, является первым описанием города, составленным челябинцем, именно поэтому, помимо фактической информации, в него вошли личные мнения автора о городе.

Первым специальным исследованием истории города является очерк учителя челябинского приходского училища А. В. Орлова «Историко-географический взгляд на г. Челябинск», опубликованный в 1863 году в «Оренбургских губернских ведомостях», а в 1865 году переизданный в «Памятной книжке Оренбургской губернии на 1865 год» [Дореволюционный Челябинск..., 2012, с. 13–23]. В данном очерке автор повествует о климатических и природных условиях Челябинска, о быте горожан, о городских преданиях и легендах, подробно описывает уездное и приходское училища города.

Учитель истории и географии челябинского уездного училища М. Н. Ястребов также внёс весомый вклад в развитие челябинского ЛЭТ. В путевых заметках «Переезд от Троицка до Челябинска» Ястребов даёт следующее описание города: «Вряд ли в здешней губернии найдётся другой город, где было бы больше единодушия или согласия между членами общества... найдутся здесь и ум, и образованность, и красота...» [Дореволю-

ционный Челябинск..., 2012, с. 183–184]. Следует отметить, что мнения о Челябинске 19 века были не только восторженными. Так, известный поэт В. А. Жуковский, посетивший город в 1837 году, в своём дневнике назвал Челябинск «бедным городишком» [Дореволюционный Челябинск..., 2012, с. 182].

Переломным этапом для развития Челябинска и превращения его впоследствии в один из крупнейших экономических и культурных центров России стало принятое в 1890 году решение о строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали. Уже в начале марта 1891 года началось строительство участка Миасс – Челябинск, а 7 июля 1892 года состоялась торжественная церемония начала движения от Челябинска по Транссибу. Превращение Челябинска в крупный железнодорожный узел способствовало стремительному развитию города, становлению его как торгового центра и важного пункта для переселенческого движения в Сибирь и Дальний Восток. К началу 20 века Челябинск становится крупнейшим центром чайной и хлебной торговли, в городе развивается промышленность, открываются многочисленные склады, банки, торговые дома и т. д. Быстрый рост Челябинска способствовал увеличению интереса к городу у жителей России. Челябинск всё чаще стал фигурировать в российской прессе, а также в путевых заметках. Всестороннее развитие города способствовало росту знаний о различных сферах жизни Челябинска, а, следовательно, требовалось накопление и фиксация этих знаний в концентрированной форме, т. е. разработка энциклопедий и справочников, из которых жители России могли бы узнать о Челябинске.

Первым энциклопедическим изданием подобного плана для туристов стал карманный справочник «Весь Челябинск и его окрестности», написанный журналистом В. А. Весновским в 1909 году [Весновский, 1909]. Именно В. А. Весновский одним из первых высказал мысль о том, что Урал насущно нуждается в популяризации сведений о нём среди самых широких слоев населения. В 1909 году А. В. Весновский выпускает справочник, посвящённый Челябинску. Данный справочник, предназначенный для туристов, обладает весьма гибкой структурой. В начале книги автор повествует о прошлом и настоящем г. Челябинска, далее приводит хронологическую летопись событий и таблицу кратчайших расстояний от Челябинска до других городов. Основную часть книги составляет путеводитель по городу. В этом разделе В. А. Весновский даёт первые советы приезжим, помещает летнее расписание поездов, информацию о том, где остановиться в городе, а также сведения о различных учреждениях города. Вместе с тем, в своём очерке по истории города В. А. Весновский во многом цитирует А. В. Орлова, не представляет новых для читателя фактов об истории города. И все же данный справочник является первым подобным изданием о Челябинске. Именно книга В. А. Весновского во многом способствовала развитию челябинского ЛЭТ в жанрах справочника и путеводителя.

После революции 1917 года происходит дальнейшее развитие челябинского краеведения и, как следствие, челябинского ЛЭТ. В 1918 году Д. Мошков создал Приуральское общество изучения местного края, а И. Г. Горохов после окончания Гражданской войны завершил процесс формирования краеведческого музея и создал при нём челябинское общество изучения местного края. В 1920-х гг. краевед Н. М. Чернавский организовал объединённый архив, что положило начало детальному изучению истории Челябинска. Эти события позволили консолидировать стремления краеведов к изучению Челябинска, что способствовало развитию челябинского ЛЭТ как репрезентации результатов краеведческих исследований. В 1920-х гг. местные краеведы издали первые научные сборники: «Материалы к прошлому г. Челябинска» [Материалы к прошлому..., 1926], «Материалы по изучению Челябинского округа» [Материалы..., 1929] и др. Однако переход в 1930-х гг. к «советскому краеведению», которое должно было стремиться к изучению современной жизни людей, изучению нужд человека труда, со-

здало кризисные явления в челябинском краеведении, в частности, прекратило существование челябинское общество изучения местного края. Вместо него местные краеведы организовали кружок при краеведческом музее (1933–1936 гг.). В 1937 году многие члены кружка были арестованы, а впоследствии расстреляны. В тот же период в рамках нового советского краеведения была опубликована книга П. В. Мещерякова, В. Байдерина «В помощь агитатору. Материалы о прошлом и настоящем Челябинской области», призванная представить советскую действительность через призму прошлого г. Челябинска [Мещеряков, Байдерин, 1939].

Кризис в краеведении удалось преодолеть лишь в конце 1950-х гг. Именно в это время краеведением начинают активно заниматься учёные вузов, преподаватели, работники музеев. Появляются справочники и путеводители по г. Челябинску (Справочник по г. Челябинску (1951), Челябинск: краткий путеводитель (1961), Челябинск: путеводитель по историко-революционным местам города (1965), Челябинск. Добро пожаловать (1974), Приглашает Челябинск (1988) и некоторые другие.

В 1993 году в Челябинске был создан центр историко-культурного наследия г. Челябинска, объединивший усилия по изучению Челябинска. Известный челябинский краевед В. С. Боже отмечает следующие издания местного краеведения, опубликованные в 1990-х.: «Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область» (сост. И. Н. Пережогина и др.), «Челябинская область. 1917–1945», «Неизвестная война», «Эти детские военные годы. 1941–1945», «Уральская краеведческая библиография» Е. И. Коган, «Страницы древней истории Южного Урала» Н. Б. Виноградова, «История Урала XI–XVIII веков» Н. Н. Алеврас и А. И. Конюченко, уч. пособие «Челябинск: История моего города» и др. [Боже, 2001].

В 21 веке челябинский ЛЭТ приобретает новые типологические черты. Во-первых, текст становится двуязычным, многие издания публикуются как на русском, так и на английском языке. Данную тенденцию мы объясняем стремлением привлечь к городу внимание не только жителей других регионов России, но и иностранцев и, как следствие, увеличить число туристов и инвесторов в регион. Кроме того, с развитием информационных технологий, всё большую роль в создании ЛЭТ играет мультимедийный аспект, реализуемый средствами аудио, видео, интернет и иллюстративными материалами, что позволяет отнести такие тексты к гибридным.

Интегральное исследование челябинского локального энциклопедического текста на следующем этапе нашей работы позволит построить его интегральную модель и выявить наиболее типичные локально-специфические характеристики, достоинства и недостатки.

5. Заключение [Conclusion]

В результате проведённого исследования мы пришли к выводу, что оптимальным для исследования локального энциклопедического дискурса и текста является интегральный подход, который позволяет представить эти сущности как интегральные расфокусированные объекты: фрагменты знания об определенном локусе, представленного в сжатом концентрированном виде, фрагменты национальной и локальной культур, фрагменты локального социального пространства и фрагменты национального языка, единицы которых взаимозависимы, взаимообусловлены и актуализуются в процессе коммуникации, при этом дискурс характеризуется как процесс, а текст – как продукт и результат коммуникации.

Развитие челябинского энциклопедического текста имеет богатую историю и на современном этапе характеризуется рядом особенностей, в числе которых на первое место выходят имиджевые тенденции и гибридный характер. Перспективным направлением

ем дальнейшего исследования мы считаем разработку актуальной интегральной модели челябинского локального энциклопедического дискурса на материале существующих энциклопедий, словарей и путеводителей по г. Челябинску с целью выявления их наиболее типичных локально-специфических характеристик, а также создание на базе такой актуальной модели мультимедийного энциклопедического словаря «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей», который бы способствовал продвижению положительного образа-имиджа г. Челябинска в России и мире.

Благодарности [Acknowledgments]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740011.

Список литературы

- Абашев, 2000 – Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
- Боже, 2001 – Боже В. С. Краеведение // Энциклопедия «Челябинск». Челябинск : Каменный пояс, 2001. 1112 с.
- Весновский, 1909 – Весновский В. Карманный справочник Весь Челябинск и его окрестности. Челябинск : типография Л. Б. Бреслиной, 1909.
- Галимова, 2012 – Галимова Е. Ш. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. М. : МГПИ, 2012. Т.1. С. 186–193.
- Дореволюционный Челябинск..., 2012 – Дореволюционный Челябинск в слове современников / сост. и науч. ред. В. С. Боже ; Центр историко-культурного наследия г. Челябинска. 3-е изд., доп. Челябинск : Элит-Печать, 2012. 304 с.
- Егурная, 2004 – Егурная И. С. Гмелин Иоганн Георг // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область. 2004. URL : http://old.chelreglib.ru:6005/el_izdan/kalendar2004/gmelin.htm.
- Егурная, 2000 – Егурная И. С. П. С. Паллас на Южном Урале // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область. 2000. URL : http://old.chelreglib.ru:6005/el_izdan/kalendar2000/htm/pal.htm.
- Ланцевская, 2014 – Ланцевская Н. Ю. Семиотика пространства провинции как источник развития имиджа места // Фундаментальные исследования. 2014. № 5. С. 423–427.
- Лотман Ю. М. Символические пространства // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 179–190.
- Кубрякова, 1995 – Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М. : Изд-во РГУ, 1995. С. 144–238.
- Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – Текст – Культура. – Екатеринбург : ИРРО, 1994. С. 214–235.
- Материалы к прошлому..., 1926 – Материалы к прошлому г. Челябинска (Горохов. Естественно-исторический очерк. Н. М. Чернавский. Сжатый очерк развития г. Челябинска. Литература по Ю. Зауралью (Челябинск и Челябинский округ). Челябинск, 1926. С. 1–25.
- Материалы..., 1929 – Материалы по изучению Челябинского округа. Челябинск, 1929. С. 1–26.
- Мещеряков, Байдерин, 1939 – Мещеряков П. В., Байдерин В. В помощь агитатору. Материалы о прошлом и настоящем Челябинской области. Челябинск : Челябингиз, 1939. С. 1–126.
- Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга: петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб., 1993. Вып. 3. С. 205–235.
- Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. Санкт-Петербург : «Искусство-СПБ». 2003. 616 с.

- Успенский и др., 2000 – Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам) / Б. А. Успенский, А. М. Пятигорский, В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. С. 504–525.
- Хомутова, 2010 – Хомутова Т. Н. Научный текст: интегральный подход: монография. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2010. 333 с.
- Хомутова, 2014 – Хомутова Т. Н. Типология дискурса: интегральный подход // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Лингвистика». 2014. Т. 11, №.2. С. 14–20.
- Wilber, 1997 – Wilber K. An Integral Theory of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. February 1997. N 4 (1). P. 71–92.

UDC 81'42

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_179_189

Dmitriy I. Yakovlev, Tamara N. Khomutova
South Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation
 mr.diyakovlev@mail.ru, khomutovatn@susu.ru

Chelyabinsk local encyclopedic discourse: Past and present

Abstract

The paper focuses on the problem of the local encyclopedic discourse and text. The integral approach proves to be an adequate tool to solve the research problem. Integral definitions of the local text, local encyclopedic discourse and text present them as integral distributed objects: fragments of knowledge of some specific locus given in a brief and compressed form, fragments of national and local cultures, fragments of local social space and fragments of national language, the units of which are interdependent and interrelated and are actualized in the process of communication. Discourse is treated as a process, while the text – as a product and result of communication. An overview of research into past and present of Chelyabinsk local encyclopedic text is given. Perspectives of further research are outlined.

Keywords: local text, local encyclopedic text, discourse, integral approach, integral object.

© Yakovlev D. I., Khomutova T. N. 2021

For citation: Yakovlev D. I., Khomutova T. N. (2021). Lokal'nyy entsiklopedicheskiy diskurs g. Chelyabinska: istoriya i sovremennost' [Chelyabinsk local encyclopedic discourse: Past and present]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 179–189. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_179_189.

References

- Abashev, V. V. (2000). Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century]. Perm : Perm University Press.
- Bozhe, V. S. (2001). Kraevedenie [Regional studies]. Entsiklopediya «Chelyabinsk» [Encyclopedia «Chelyabinsk»]. Chelyabinsk : Kamennyy poyas Press.
- Galimova, E. Sh. (2012). Severnyy tekst v sisteme lokal'nykh (gorodskikh i regional'nykh) sverkhstekstov russkoy literatury [Northern text in the system of local (City and regional) supertexts of Russian literature]. *Filologicheskie traditsii v sovremennom literaturnom i lingvisticheskom obrazovanii* [Philology traditions in modern literary and linguistic education] (Vol. 1, pp. 186–193). Moscow : MGPI Press.
- Egurnaya, I. S. (2004). Gmelin Iogann Georg [Gmelin Johann Georg]. Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat. Chelyabinskaya oblast' [Calendar of significant and memorable dates.

- Chelyabinsk Region]. Retrieved from <http://old.chelreglib.ru:6005/el_izdan/kalendar2004/gmelin.htm>.
- Egurnaya, I. S. (2000). P. S. Pallas na Yuzhnom Urale [P.S. Pallas in the South Urals]. Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat. Chelyabinskaya oblast' [Calendar of significant and memorable dates. Chelyabinsk Region]. Retrieved from <http://old.chelreglib.ru:6005/el_izdan/kalendar2000/htm/pal.htm>.
- Lantsevskaya, N. Y. (2014). Semiotika prostranstva provintsii kak istochnik razvitiya imidzha mesta [Semiotics of provincial space as a source of local image development]. Fundamental'nye issledovaniya [Fundamental Research], 5, 423 – 427.
- Lotman, Yu. M. (1996). Simvolicheskie prostranstva [Symbolic spaces]. In Lotman Yu. M., Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside thinking worlds. Human – text – semiosphere – history] (179–190). Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press.
- Vesnovskiy, V. (1909). Karmannyi spravochnik Ves' Chelyabinsk i ego okrestnosti [Pocket guide all of Chelyabinsk and its suburbs]. Chelyabinsk : L. B. Breslinaya Press.
- Bozhe, V. S. (Ed.) (2012). Dorevolutsionnyy Chelyabinsk v slove sovremennikov [Prerevolutionary Chelyabinsk in the words of its contemporaries]. 3d edition with addenda. Chelyabinsk : Elit-Pechat' Press.
- Kubryakova, E. S. (1995). Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmatal'nogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (Experience of a paradigmatic analysis)]. Yazyk i nauka kontsa XX veka [Language and science at the end of the 20th century] (pp. 144–238). Moscow : RGU Press..
- Kupina, N. A., Bitenskaya, G. V. (1994). Sverkh tekst i ego raznovidnosti [Super text and its types]. Chelovek – Tekst – Kul'tura [Human – text – culture] (pp. 214–235). Ekaterinburg : IRRO Press.
- Materialy k proshlomu g. Chelyabinska (1926). [Materials to the past of Chelyabinsk] (Gorohov. Estestvenno-istoricheskiy ocherk. N. M. Chernavskiy. Szhatyy ocherk razvitiya g. Chelyabinska. Literatura po Y. Zaural'yu [Literature on South Trans-Urals] (Chelyabinsk i Chelyabinskiy okrug) (pp. 1–25). Chelyabinsk.
- Materialy po izucheniyu Chelyabinskogo okruga (1929). [Materials on research into Chelyabinsk Region] (pp. 1–26). Chelyabinsk.
- Meshcheryakov, P. V., Bayderin, V. (1939). V pomoshch' agitatoru. Materialy o proshlom i nastoyashchem Chelyabinskoy oblasti [A manual for the propagandist. Materials on the past and present of the Chelyabinsk Region] (pp. 1–126). Chelyabinsk : Chelyabgiz Press.
- Toporov, V. N. (1993). Peterburg i peterburgskiy tekst russkoy literatury [Petersburg and Petersburg text of Russian literature]. Metafizika Peterburga: peterburgskie chteniya po teorii, istorii i filosofii kul'tury [Petersburg metaphysics: Petersburg readings on theory, history and philosophy of culture] (Iss. 3, pp. 205–235). St Petersburg.
- Toporov, V. N. (2003). Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy [Petersburg text of Russian literature: Selected papers]. St Petersburg : «Iskusstvo-SPB» Press.
- Uspenskiy, B. A., Pyatigorskiy, A. M., Ivanov, V. V., Toporov, V. N., Lotman, Yu. M. (2000). Tezisy k semioticheskomu izucheniyu kul'tur (v primenenii k slavyanskim tekstam). In Yu. M. Lotman, Semiosfera [Semiosphere] (pp. 504–525). St Petersburg : Iskusstvo-SPb Press.
- Khomutova, T. N. (2010). Nauchnyy tekst: integral'nyy podkhod [Research text: An integral approach]. Chelyabinsk : YUUrGU Press.
- Khomutova, T. N. (2014). Tipologiya diskursa: integral'nyy podkhod [Discourse typology: An integral approach]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta Seriya «Lingvistika» [Bulletin of the South Ural State University. Series «Linguistics»], 11 (2), 14–20.
- Wilber, K. (1997). An Integral Theory of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 4 (1), 71–92.

Ерофеева Тамара Ивановна**Пермский государственный национальный исследовательский университет****г. Пермь, Российская Федерация**

genling.psu@gmail.com

Лексическое просторечие в социолингвистическом описании: семантика и функционирование прилагательных

Аннотация

В статье описано лексическое просторечие в речи носителей литературного языка пермского региона. На примере 20 прилагательных определены критерии, способствующие квалификации слова как просторечного: 1) наличие экспрессивной семы; 2) широкое бытование по говорам. Вторая часть статьи посвящена рассмотрению функционально-стилистической характеристики описанных прилагательных во временном срезе на пути от просторечия к литературному языку. С этой целью использованы данные современных литературных словарей русского языка. В результате прилагательные были разделены на две группы в соответствии с тем, что было маркером просторечного: 1) широкое использование лексемы в изменённой словообразовательной структуре по сравнению с литературной (словообразовательные дублеты); 2) экспрессия (экспрессивы). Прилагательные распределились по группам в соотношении 12/8. Анализ полученных данных позволяет заключить, что процесс перемещения единиц из одного идиома в другой идёт по схеме: диалектное → просторечное → литературное; с вариантами: диалектное → просторечное, либо просторечное → литературное.

Ключевые слова: просторечие, городская речь, критерии лексического просторечия, функционально-стилистическая характеристика слова.

© Ерофеева Т. И. 2021

Для цитирования: Ерофеева Т. И. Лексическое просторечие в социолингвистическом описании: семантика и функционирование прилагательных // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 190–201. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_190_201.

1. Введение [Introduction]

В 20–30-е годы циклом работ русских учёных (В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, Н. М. Каринского, Б. А. Ларина, М. Н. Петерсона, Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева, В. М. Сергиевского, Р. О. Шор, Л. П. Якубинского и др.) (см. историю вопроса в [Виноградов, 1967]) представлено новое лингвистическое направление – социальная лингвистика. Она позволила осознать природу языка как общественного явления, глубже проникнуть в связи между ним и обществом, локально исследовать социальные и всякого рода переходные языковые явления.

Особое направление социальной лингвистики связано с именем Б. А. Ларина. Область его научных интересов базируется на описании, исследовании и теоретическом осмыслении проблем лингвистики города. В статье «О лингвистическом изучении языка города» Б. А. Ларин настаивает на самостоятельном изучении языка города, который не совпадает по своей социальной основе и лингвистическим признакам ни с литературным языком, ни с диалектами. Прежде всего, исследователь обращает внимание на «городской фольклор, неканонизированные виды письменного языка, разговорную речь разных групп городского населения» [Ларин, 1928, с. 63].

Работы Б. А. Ларина послужили началом для целого направления в отечественной лингвистике. В наше время не вызывает сомнения тот факт, что город представляет

собой сложный конгломерат различных языковых подсистем – литературного языка, городского просторечия, социальных жаргонов, – находящихся в постоянном взаимодействии. Зачастую катализаторами взаимодействия между этими подсистемами в рамках города являются социальные факторы. Е. Д. Поливанов писал о том, что экономические и политические изменения неизбежно влекут за собой изменения в структуре общества, которые в свою очередь ведут к количественным (уменьшению / увеличению), а также к качественным преобразованиям состава носителей («социального субстрата») той или иной подсистемы языка [Поливанов, 1968].

Важной чертой языка города является то, что в распоряжении каждого горожанина есть две или несколько языковых подсистем. Основой городского «билингвизма» является принадлежность горожанина к различным социальным коллективам [Ларин, 1928].

Актуальным в этой связи становится рассмотрение взаимодействия и взаимовлияния двух непосредственно контактирующих в пределах города подсистем языка: кодифицированного литературного языка и просторечия.

В 1977 году выходит в свет сборник «Литературная норма и просторечие», где ставятся и решаются проблемы функционирования просторечия в структуре современного национального русского языка, вопросы взаимодействия разговорных и просторечных элементов с литературным языком и его нормами. «В своих теоретических посылках авторы исходят из того, что современное просторечие не только разновидность русского языка, но и совокупность стилистических средств литературной речи, т.е. определенная стилистическая категория» [Литературная норма..., 1977, с. 3].

Проблемам современного русского городского просторечия посвящен сборник «Городское просторечие» (М., 1984), где сосредоточены статьи, описывающие живой язык современного города (Москвы, Ленинграда и др.). «Исследуется специфика некодифицированных сфер современного русского языка, рассматривается проблема лингвистического статуса городского просторечия...», которое «понимается как не имеющая системного характера совокупность особенностей речи лиц, не владеющих нормами литературного языка <...>. Просторечие обнаруживается на разных ярусах членения языка, что обуславливает его поуровневый анализ» [Городское просторечие, 1984, с. 2–3].

Пермские лингвисты посвятили просторечию сборник «Живое слово в русской речи Прикамья» (1989). Т. И. Ерофеева и Л. А. Грузберг сосредоточили внимание на просторечии как форме функционирования национального языка. По их мнению, этому статусу соответствует городское просторечие, так как оно «1) имеет свой круг носителей; 2) является для данного круга основным <...> средством общения; 3) представляет собой многоуровневое системное образование; 4) противопоставлено другим формам функционирования языка в силу целого ряда особенностей» [Ерофеева, Грузберг, 1989, с. 5]. Признавая просторечие «обиходным языком городского населения, авторы подчёркивают его региональную вариативность, которая возникает в результате его генетического восхождения к местным говорам».

Цель настоящей статьи – проанализировать семантику и функционирование просторечных прилагательных в повседневной городской речи носителей литературного языка пермского региона.

2. Анализ просторечных прилагательных [Vernacular adjectives analysis]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В качестве материала исследования использовались записи повседневной речи носителей литературного языка, проживающих в Перми и других городах пермского региона, в 60-90-х гг. XX в. Информантами выступили люди разных специальностей, имеющие

высшее или среднее специальное образование, – более 120 человек. На основе записей составлена картотека просторечных единиц: 229 просторечных единиц рассмотрены на предмет частеречной принадлежности. Из них были отобраны имена прилагательные, доля которых составила около 9,2%. Эти прилагательные были проанализированы с точки зрения характера их семантики (семантический анализ), употребления в речи, функционально-стилистической принадлежности (функционально-стилистический анализ), определяемой по данным словарей разного времени (анализ словарных дефиниций). В статье описано 20 прилагательных, представленных двумя группами: 1) слова, где маркером просторечного выступает широкое использование лексемы в измененной словообразовательной структуре по сравнению с литературной; 2) слова, где маркером просторечного выступает экспрессия.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Словообразовательные дублеты [Word-building doublets]

В городской речи носителей литературного языка отмечена группа слов, определяемых МАС (иногда БАС) как просторечные, которые выступают вариантами литературных слов. Предположительно такие лексемы можно назвать словообразовательными дублетами. Опишем семантику 12 словообразовательных дублетов.

ВОЛГЛЫЙ – прост. ‘Влажный, сырой’ (МАС). *Платье волглое, пусть еще посушится* (жен., 35 л., экономист, Пермь); *Волглая тряпка, не совсем сухая* (муж., 36 л., преподаватель, высш., Кунгур); *Надо бы варежки на батарее высушить, а то они до сих пор волглые* (жен., 33 г., преподаватель муз. школы, сред. спец., Пермь); *Слушай, штормы еще волглые, их сейчас будет легко гладить* (жен., 48 л., библиотекарь, сред. спец., пос. Кын); *Волглый – значит влажный. Вот белье ещё волглое* (муж., 67 л., математик, высш., г. Краснокамск); *В поездах иногда волглое белье дают* (жен., 52 г., преподаватель физики, высш., Кунгур). Таких примеров употребления слова много, в основном в речи среднего и старшего поколения, однако есть случаи его употребления и младшими информантами: *Свитер был ещё волглый* (жен., 21 г., филолог, Пермь). Словарь современного русского города считает, ссылаясь на Даля, слово ВОЛГЛЫЙ диалектным. Диалектные словари (СПГ, СРНГ) отмечают в диалектах форму ВОЛГЛЫЙ с тем же значением. Маркером отнесения этого слова к просторечному пласту языка выступает широкое использование измененной структуры слова в речи горожан, что зафиксировано в МАС по сравнению с литературным ВЛАЖНЫЙ. Переход просторечного ВОЛГЛЫЙ в сферу литературного языка фиксируется ССРЛЯ 1991 с пометой *разг.*

ГОЖИЙ – прост., устар. ‘Годный, пригожий’ (МАС). Фонетико-словообразовательный вариант литературного ГОДНЫЙ. В городской речи фиксируется только один пример, поскольку слово относится к пласту устаревших слов: *Вода для питья была го-жая* (жен., 44 г., юрист, высш., Пермь). Есть его фиксация в диалектных словарях СПГ, СРГСУ (в форме ГОЖОЙ); СРНГ определяет широкую территорию использования слова ГОЖИЙ в диалектах – более 30 названий диалектов, в том числе пермские, свердловские, уральские. Естественно, что данная единица квалифицируется МАС, БАС как *просторечная*.

ДАВЕШНИЙ – прост. ‘Происходивший, случившийся незадолго до предстоящей минуты’ (МАС). В диалектах зафиксирован вариант ДАВЕШНЫЙ – СРНГ с указанием территории *Твер., Пск., Вят., Вост. Урал., Свердлов.* В пермской городской литературной речи используются оба варианта: *Могу указать давешний случай* (муж., 25 л., партийный работник, высш., Соликамск); *Давешний разговор я не забыла* (жен., 45 л., бухгалтер, сред. спец., Кунгур). Данная просторечная единица отличается от диалектной и по

значению, и по форме; Акч. фиксирует диалектное ДАВНЁШНЫЙ, ДАВНОШНЫЙ, ДАВНИШНИЙ как ‘давно происходившее’. Вновь в речи горожан отмечается измененная структура слова + измененное значение. Это способствует квалификации слова как просторечной единицы, которая выступает фонетико-словообразовательным вариантом литературного слова: пометой разг. отмечена в Словаре 2004; в "Толковом словаре разговорной речи" (под редакцией Л. П. Крысина).

НУТРИННОЙ – *прост.* 1. ‘Внутренний’ (МАС). В этом значении (‘нутряная боль’) МАС определяет слово просторечным. Есть его фиксация в пермской городской речи: *Всю ночь мучали нутряные боли* (жен., 61 г., пенсионерка, Оса). Даль подает несколько словообразовательных вариантов слова – НУТРЕНИЙ, НУТРЕНЬИЙ, НУТРИННОЙ, определяя значение ‘внутри чего находящийся’, а также среди примеров есть пример НУТРЕННЯЯ БОЛИ. Слово отмечено в Словаре 2004 с пометами *разг.*, *сниж.*, выступая словообразовательным вариантом литературной единицы.

ПОЛЬЗИТЕЛЬНЫЙ – *прост.*, *устар.* ‘Полезный’ (МАС). В пермской городской речи используется в основном носителями литературного языка со средним специальным образованием: *Ягоды пользительные эти, ешь большие* (жен., 48 л., экономист, сред. спец., Пермь); *Заболела осенью, выписал пользительный напиток, полегчало* (жен., 52 г., библиотекарь, сред. спец., Кунгур); *Я читала, что плоды шиповника во много раз пользительнее яблок* (жен., 35 л., медсестра, сред. спец., Пермь). Слово встречается и в речи информантов с высшим образованием: *Пользительнее будет съездить в город* (муж., инженер, высш., п. Куеда); [Шутливо] *Пользительное лекарство* (жен., 50 л., преподаватель физики, высш., Кунгур). Даль, определяя значение слова ПОЛЬЗИТЕЛЬНЫЙ – ‘полезный, особ. для здоровья, целительный, целебный’, отмечал его характерным для диалектной среды. Как характерное для пермских говоров с 1859 г. зафиксировано СРНГ в сочетании ПОЛЬЗИТЕЛЬНЫЙ – от чего-л.: *Зверобой - трава ведь очень пользительная от всяких недугов*. Акч. (1999 г.) и СПГ (2002 г.) этого слова не дают; поскольку оно уже включено в Словарь просторечий говоров Приобья (1977 г.) и как просторечное выступает словообразовательным вариантом к литературному ПОЛЕЗНЫЙ.

ПРОБОЙНЫЙ – *прост.* ‘Бойкий, настойчивый, умеющий добиваться своего; пробивной’ (МАС). В этом значении и указанной форме слово встречается в литературной речи пермских информантов: *Наша сноха пробойная девушка была* (жен., 45 л., бухгалтер, сред. спец., Соликамск). В Словаре Даля слово дается в сочетании с существительным с указанием территории бытования: ПРОБОЙНЫЙ или ПРОБОИСТЫЙ парень, *прм.*, *пск.*, *кам.* «парень, ловкий, бойкий, смелый и смышлённый». Отмечено слово в пермских говорах: СПГ – ‘бойкий, способный, сообразительный’: *Дочь в Кремле работала, такая уж пробойная* (Пянтег, Черд.). Широкая территория пермских говоров, отмеченная в СПГ, а также территория, зафиксированная в сибирской зоне с 1930 г. (СФРГС), способствовали «продвижению» слова в сферу просторечной лексики. Как просторечное, оно отмечено в Словаре просторечий Среднего Приобья. Однако уже в литературных словарях 2000 г. слово ПРОБОЙНЫЙ выступает синонимом слова ПРОБИВНОЙ. Словарь Т. Ф. Ефремовой отмечает его с пометой *разг.*, но *сниж.*

СКЛІЗКИЙ – ‘скользящий (такой, на котором трудно удержаться или который трудно удержать)’. Используется в городской литературной речи: *Обабки есть. Но их опять чем хуже брать – тем, что они раскисают. Такие склизкие, нехорошие станут* (муж., плановик, сред. спец., Губаха). В Словаре Даля показано, что территория бытования такой формы слова СКОЛЬЗКИЙ – *сев.*, *новг.* СРНГ, фиксируя значение ‘гладкий, скользкий’, определяет широкую территорию бытования слова – до 33 пунктов, в том числе и вятские говоры. В конце этого значения есть приписка: Словарь Академии 1962 г. указывает просторечным такое значение слова. МАС определяет слово просторечным. Как просторечное, отмечено в Словаре просторечий русских говоров Среднего

Приобья. В городской речи встречается часто, выступая фонематическим вариантом литературного СКОЛЬЗКИЙ с тем же значением. Широкое использование слова в речи в XXI в. явилось маркером его фиксации уже в подязыке литературного языка – см. «Толковый словарь русской разговорной речи».

СПРА́ВНЫЙ. Как просторечное, определяет МАС значение ‘находящийся в хорошем состоянии; хороший, добротный’, иллюстрируя его примерами из произведений Н. Успенского, М. Шолохова. Оттенок значения слова ‘состоятельный, зажиточный’ фиксируется в пермской городской речи: [Из воспоминаний] *Мужик он **справный**. Не то, что мы – голь перекатная* (жен., 60 л., филолог, высш., Пермь). Отмечено в СРНГ – среди прочих с пометой *Перм., Свердл., Челяб.* Есть фиксация слова в Словаре просторечий говоров Среднего Приобья. Выступает синонимом литературным ДОБРО́ТНЫЙ, ЗАЖИ́ТОЧНЫЙ. «Словарь современного русского города» считает общеупотребительным значение ‘находящийся в хорошем состоянии; зажиточный’.

ТОРО́ПКИЙ – прост. То же, что ‘торопливый’ (МАС). Отмечено в художественной речи пермского поэта Михаила Смородинова:

*Что-то не сумели мы сберечь,
дружище, городской **торопкий** житель.
Не зря нам снится
юрких речек речь,
и васильков глаза
в ресницах жита.
("Зарубки")*

*Два тяжеленных куружума.
Далекий путь.
Торопкий шаг...
Какую горестную думу
несёт в больших глазах
ишак?
("Зарубки")*

Есть случаи использования слова в обиходной разговорной литературной речи: *Городской-то люд **торопок**. И куда так торопятся?* (речь пенсионерки, высш., Пермь). Пришедшее из диалекта (Даль фиксирует слово как северное и с ударением на первом слове – ТО́РОПКИЙ; СРГСУ дает форму – ТОРОПКО́Й), слово, изменив форму, расширяет и сферу использования, выступая просторечным словообразовательным вариантом литературного ТОРОПЛИ́ВЫЙ.

ТУ́ТОШНИЙ – с пометой *прост.* и значением ‘здесь, местный’ фиксируется МАС. Иногда встречается в городской речи носителей литературного языка: *Я его допрашивал, он **тутюшник**. Наш местный, доморощенный* (муж., следователь, сред. спец., Красновишерск); *Мы их знаем. Все они **тутюшники**, часто в магазинах встречаем* (жен., воспитатель детсада, сред. спец., Пермь). Как диалектное, отмечено Далем с пометой *псков.*; СПГ – характерном для пермских говоров. МАС же, фиксируя слово у А. П. Чехова, считает его просторечным синонимом литературного ЗДЕ́ШНИЙ. Находим слово ТУТОШНИЙ в Словаре просторечий говоров Среднего Приобья.

У́ТРЕШНИЙ – прост. ‘Происшедший, бывший и т. п. в прошедшее утро’ (МАС). В городской речи выступает словообразовательным вариантом литературного УТ́РЕННИЙ: *Не пей, это **утрешний** чай. Налей себе свежего* (муж., пенсионер, высш., Пермь). Слово УТРЕШНИЙ отмечено в Словаре Даля без указания территории его употребления. Просторечный характер слова подтверждает Словарь просторечий говоров Среднего Приобья.

Подобные изменения наблюдаем и у слова ХВО́РЫЙ – прост. ‘Больной, болезненный’ (МАС). Часто используется в городской речи: *Девка у меня **хворая** какая-то* (жен., пенсионер, высш., Пермь). Диалектный характер слова подтверждает СПГ; Даль даёт слову помету *перм.* в числе прочих и подтверждает примером: *Он человек **хворый***. Слово ХВОРЫЙ выступает синонимом литературным БОЛЬНО́Й, БОЛЕ́ЗНЕННЫЙ.

Диалектное слово широко употребительно в обществе и, по данным МАС, отмечено у А. Островского и М. Горького. Находим слово ХВОРЬИЙ в Словаре просторечий говоров Среднего Приобья. Однако уже в начале XXI века данная единица отмечается как общеупотребительная (=разговорная!) в ССРГ, как разговорная – в корпусе данных «Толкового словаря русской разговорной речи» [Крысин, 2010].

Представим функционально-стилистическую характеристику 12 просторечных словообразовательных вариантов, используя данные диалектных словарей [Даль, 1955; Акчим; СПГ; СРНГ; СРГСУ; СФРГС; СПП], литературных словарей [МАС; БАС; СТСРЯ; ССРГ; Крысин, 2010; Ефремова, 2006]. Таблица 1, где указана функционально-стилистическая характеристика 12 словообразовательных дублетов, построена следующим образом: в первой колонке перечислены просторечные слова, отличающиеся от литературных структурой; вторая колонка показывает, в каких словарях слова отмечены как диалектные; в третьей колонке фиксируется употребление слов в просторечной среде; четвёртая указывает наличие слова в литературной среде.

Т а б л и ц а 1. Функционально-стилистическая характеристика словообразовательных дублетов

Table 1. Functional and stylistic features of word-building doublets

Слово	Диалектное	Просторечное	Литературное	
			Словарь 2004	Другие
ВОЛГЛЫЙ	Даль + СПГ, СРНГ + ВОЛГЛЫЙ	МАС +	–	ССРЛЯ 1991 – разг.
ГОЖИЙ	СПГ + СРГСУ ГОЖОЙ СРНГ +	МАС + устар. БАС +	–	–
ДАВЕШНИЙ	СРНГ – ДАВЕШНЫЙ	МАС +	+, разг. ДАВЕШНЕЙ	Крысин +
НУТРИНОЙ	Даль +	Приобье + МАС + устар.	+ разг., сниж.	–
ПОЛЪИТЕЛЬНЫЙ	Даль + СРНГ +	Приобье + МАС +	–	–
ПРОБОЙНЫЙ	Даль + СПГ + СФРГС +	Приобье + МАС +	–	Ефремова – разг. сниж.
СКЛИЗКИЙ	Даль + СРНГ +	Приобье + МАС +	–	Крысин +
СПРАВНЫЙ	Даль + СРНГ +	Приобье + МАС +	–	Осипов +
ТОРОПКИЙ	Даль + СРГСУ + ТОРОПКОЙ	Приобье + МАС +	–	–
ТУТОШНИЙ	Даль + СРНГ + Осипов + ый	Приобье + МАС +	–	–
УТРЕШНИЙ	Даль + Акч. +	Приобье + МАС +	–	–
ХВОРИЙ	Даль + СПГ +	Приобье + МАС +	+, нар.-разг.	Крысин + Осипов + общеупотр.

Рассмотрим данные таблицы по вертикали. Колонки 2 и 3 фиксируют, что все двенадцать единиц, имеющих диалектную фиксацию, к середине XX века отмечаются принадлежащими к просторечиям. Это первый этап функционального сдвига лексической единицы из одного идиома в другой: *диалектное* → *просторечное*.

В колонке 4 показан второй этап продвижения слова в литературную среду: это единицы ДАВЕШНЫЙ, НУТЯНОЙ, ПРОБОЙНЫЙ, СКЛИЗКИЙ, СПРАВНЫЙ, ХВОРЫЙ. Процесс просторечное – литературное в начале XXI века фиксирует только 50% случаев перемещения просторечных слов в литературный идиом. При этом все единицы имеют пометы: либо разг., либо разг.-сниж., либо нар.-разг., т. е. их употребление ограничено разговорной сферой.

2.2.2. Экспрессивы [Units with expressive meaning]

Данная группа прилагательных представлена восемью единицами, отличающимися экспрессивностью; последняя маркируется либо в значении, либо словообразовательными средствами (в наших материалах – суффиксами). Рассмотрим эту группу подробно.

ГНИЛЮЙ – ‘В просторечии. О человеке. ‘Болезненный, хилый’ (БАС). Слово отмечено в пермской городской среде:

– *А Лена часто болеет?*

– *Гнилая. Это точно.* (жен., 23 г., филолог, высш., Пермь). МАС, Даль фиксируют слово в других значениях. Находим значение ‘болезненный, хилый’ в Ачс.: ‘4. экспр. О слабом, подверженном частым заболеваниями человеке’. Наличие экспрессии способствует переходу слова *гнилой* – ‘болезненный’, т. е. часто болеющий, в разряд просторечных, чему способствует маркер *часто*.

Как просторечное, отмечено слово ЗДОРОВЫЙ – ‘крепкого сложения, сильный, могучий’ (МАС). Используется в пермском городском крае: *У неё мужик здоровый был. Выше всех, да ещё и сильный* (жен., 40 л., воспитатель, высш., Кунгур). Слово в этом значении фиксируется в Словаре Даля (‘дюжий, сильный, крепкий, дебелий’), Словарем просторечий говоров Приобья (отмечено 4 значение: ‘Крепкого сложения, сильный’). Экспрессия слова ярче обозначена в оттенке к 3 значению в МАС: ‘*прост. Значительно* (выделено нами – ТЕ) превышающий обычную для данного предмета величину, объем и т. п.; большой’. Такое употребление слова отмечено и в пермском городском регионе: *Взорвется сама по себе? Да? Три тонны! Ух ты! Здоровый взрыв будет!* (муж., 35 л., геолог, высш., Красновишерск). Просторечным показано это значение слова в словарях Ушакова, Ожегова-Шведовой.

Многозначное прилагательное ЛАДНЫЙ имеет помету *прост.* в значении ‘вполне соответствующий требуемому качеству, требуемым достоинствам; хороший’. Слово с таким значением встречаем в пермской городской среде: *Ладный хозяин из него вышел. Наверное, будет баллотироваться в городскую думу* (муж., 42 г., глав. инженер-технолог, высш., Красновишерск); *У нас там хорошие женщины вырастают. И ладенькие такие...* (муж., почвовед, высш., Пермь). Даль фиксирует в говорах слово ЛАДНЫЙ в значении ‘годный, путный, хороший, гожий’, не указывая территорию распространения. В СРНГ дана территория бытования слова (*твер., псков. новг., вят., барнаул. говоры*) в значении ‘6. Годный, пригодный на что-либо, подходящий для чего-либо’. Это значение слова отмечено как *прост.* в БАС – ‘5. Хороший, дельный, умелый’. Экспрессия, заключенная в значении слова (маркер – *вполне соответствующий*), а в слове ЛАДНЕНЬКИЙ – в суффиксе *-еньк*, определяет его принадлежность к просторечной лексике.

НАСТЫРНЫЙ – *прост.* ‘Упорный, чрезвычайно настойчивый’ (МАС). Диалектное НАСТЫРНЫЙ, по определению Даля (*тул., кур., орл.*), достаточно активно используется в городской среде пермских носителей литературного языка: *Был у меня ученик Толя. Уж такой настырный, что диву даешься* (жен., 40 л., учитель нач. классов, сред. спец., Пермь). Слово отмечено и в художественных текстах: *Один, настырный, как по графику ходил – не ухарь и не франт* (М. Смородинов. Солдатская вдова Анюта). Экс-

прессивная сема **чрезвычайно** (в словаре Ожегова-Шведовой экспр. сема – **слишком**) способствует изменению статуса слова и переходу его в сферу просторечной лексики. Слово отмечено в Словаре просторечий говоров среднего Приобья, а также в БАС.

Лексема ПАРШИВЫЙ, по определению БАС, – ‘2. Разг. Очень плохой, дрянной’ используется достаточно активно в пермском городском регионе: *Паришвая нынче по-года!* (муж., студент физмата IV курса, Пермь); *Сейчас такая стала паршивая плёнка, что фотографии делать не хочется* (жен., 30 л., Березники); *Колбасу паршивую купил* (муж., 42 г., геолог, высш., Красновишерск); *До чего же паршивый человек этот Федька* (студентка-филолог, Пермь). Литературные словари неоднозначно оценивают слово. МАС считает значение ‘плохой, дрянной, скверный’ разговорным. В словаре Ожегова-Шведовой (1995 г.) значение ‘дрянной, никуда не годный’ имеет помету *прост.* Считаем необходимым присоединиться к этому мнению, поскольку экспрессивная сема ‘очень, никуда не годный’ составляет основу в значении слова, доказывая его принадлежность к просторечной среде ещё в конце XX века.

К экспрессивным отнесем слово ПАРШИВЕНЬКИЙ, где экспрессия корня подчёркивается суффиксом *-еньк*.

– *У вас есть парник?*

– *Паршивенький, стёкла побиты. Правда, огурцы чуть-чуть взошли* (муж., инженер, сред. спец., Красновишерск).

Просторечные ТОЛСТУЩИЙ – ‘очень толстый’ и ХУДУЩИЙ – ‘очень худой’ отмечены в Словаре просторечий говоров Приобья. Употребительны и в пермской городской речи: *Был толстущий, а стал худущий. Я спрашивала, какую диету применил. Не говорит* (жен., 28 л., медсестра, сред. спец., Пермь). В значении слов актуализируется экспрессивная сема **очень**. Просторечные ТОЛСТУЩИЙ и ХУДУЩИЙ выступают синонимами литературных *толстенный* (б/п) и *худенький* (уменьш.).

Эта часть статьи посвящена рассмотрению функционально-стилистической характеристики восьми прилагательных-экспрессивов, отмеченных в МАС, БАС (ГНИЛОЙ, ЛАДНЫЙ), Словаре просторечий Приобья (6 единиц), Словаре Ушакова (ЗДОРОВЫЙ), Словаре Ожегова-Шведовой (ЗДОРОВЫЙ, НАСТЫРНЫЙ, ПАРШИВЫЙ) как просторечные единицы (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Функционально-стилистическая характеристика прилагательных-экспрессивов

Table 2. Functional and stylistic features of expressive adjectives

Прил.-экспрессивы	Диалект	Просторечие	Литературный язык
ГНИЛОЙ	Акч. Ушак. – обл.	БАС – прост.	Словарь 2004 – разг.
ЗДОРОВЫЙ	–	Приобье Ушак. – прост. Ож.-Шв. – прост.	Словарь 2004 – б/п
ЛАДНЫЙ	Даль СРНГ	Приобье БАС – прост.	Словарь 2004 – разг., смягч. Ож.-Шв. – б/п
НАСТЫРНЫЙ	Даль	Приобье Ож.-Шв. – прост.	Словарь 2004 – разг., сниж.
ПАРШИВЫЙ	–	Приобье Ож.-Шв. – прост.	Словарь 2004 – разг., сниж. Крысин – разг.
ПАРШИВЕНЬКИЙ	–	–	Словарь 2004 – смяг.
ТОЛСТУЩИЙ	–	Приобье	–
ХУДУЩИЙ	Акч. – усилит.	Приобье	Крысин – разг.

В таблице 4 колонки. Первая колонка содержит 8 единиц прилагательных-экспрессивов; вторая – указывает диалектные словари, где показано то или иное прилагательное; третья – фиксирует словари, где лексическая единица маркируется как *прост.*; четвёртая – перечисляет словари литературного языка, показывающие использование экспрессивов.

В группе экспрессивов (колонка 2) четыре лексемы отмечены в диалектных словарях (Акч., Даль, СРНГ). В просторечной среде (колонка 3) фиксируется уже семь единиц. Не отмечено в просторечии (по нашим данным) только слово ПАРШИВЕНЬКИЙ, которое однако зафиксировано в литературном языке с пометой *смягч.* Колонка 4, где используются данные литературных источников [Словарь, 2004; Крысин, 2010; Ожегов-Шведова, 1995], включает семь единиц в корпус слов литературного языка с пометами *разг.*, *смягч.*, *сниж.*, *б/н*. И только лексема ТОЛСТУЩИЙ характеризуется как *просторечная*, выступая просторечным синонимом к литературному ТОЛСТЕНЬКИЙ.

Как видим, экспрессия является активным движущим маркером, способствующим изменению статуса единиц в рамках идиом национального языка.

3. Заключение

Исследование процесса перемещения единиц в горизонтальной проекции даёт возможность показать сущность городского просторечия как промежуточного идиома между литературным языком и диалектами (см. Городское просторечие, 1984; Крысин, 1989; Ерофеева Е., 2005 и др.). При этом процесс перемещения единиц из одного идиома в другой идёт по схеме: диалектное → просторечное → литературное; с вариантами: диалектное → просторечное, либо просторечное → литературное.

На основе данных толковых словарей показана семантика 20 просторечных прилагательных, представленных двумя группами, маркером просторечности которых выступает либо широкая сфера использования слова, либо экспрессивность. Это позволяет, во-первых, доказать принадлежность той или иной единицы к сфере её употребления; во-вторых, практически показать локальную вариативность литературной речи.

Благодарности [Acknowledgments]

Настоящее исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 19-412-590001.

Список словарей

- Акчимский словарь (Акч.) – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области / гл. ред. Ф. Л. Скитова. 6 выпусков. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1984–2011.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17-и т. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1950–1965. Т. 1–17.
- Даль, 1955 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИС, 1955. Т. 1–4.
- Ефремова, 2006 – Ефремова Т. Ф., Современный толковый словарь русского языка: в трёх томах: около 160 000 слов. Астрель, 2006.
- Крысин, 2010 – Крысин Л. П. Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Ин-т имени В. В. Виноградова РАН, 2010. 346 с.
- МАС – Словарь русского языка: в 4-х томах / под. ред. А. И. Евгеньвой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1–4.
- Ожегов, Шведова, 1995 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азъ, 1995. 928 с.
- ССРГ – Словарь современного русского города / под ред. Б. И. Осипова. М.: Русские словари: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2003. 576 с.
- СПП (Приобье) – Словарь просторечий русских говоров среднего Приобья / ред. О. И. Блинова. Томск: Из-во Томск. гос. ун-та, 1977, 184 с.

- СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайжест, 2004. 960 с., СПб.: Норинт, 2004. 1534 с.
- СПГ – Словарь пермских говоров под / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с.; 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск: Ср.-Уральское книж. изд-во, 1964–1988.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.; М.: Наука, 1965–2014.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 20 т / ред. К. С. Горбачевич. М., СПб.: Изд-во «Русский язык», 1991–1994.
- СФРГС – Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири / сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1972. 207 с.
- Ушаков, 2008 – Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Буколинка: РОССА, 2008. 1247 с.

Список литературы

- Виноградов, 1967. Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М.: Наука, 1967. 136 с.
- Городское просторечие: Проблемы изучения / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. 189 с.
- Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Из-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.
- Ерофеева Т. И., Грузберг Л. А. Еще раз о просторечии // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1989. С. 3–11.
- Капанадзе Л. А. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: проблемы изучения / отв. ред. Е. А. Земская, М.: Наука, 1984. С. 5–12.
- Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.
- Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Вып. 3. Л., 1928. С. 61–75.
- Литературная норма и просторечие / отв. ред. Л. И. Скворцов. М.: Наука, 1977. 255 с.
- Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию / сост. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1968. 376 с.

UDC 81'42

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_190_201

Tamara I. Erofeeva
Perm State University
Perm, Russian Federation
 genling.psu@gmail.com

Sociolinguistic description of vernacular words: Semantics and functioning of adjectives

Abstract

The paper describes vernacular lexis in the speech of standard Russian Perm speakers. 20 adjectives were selected to exemplify the vernacular word status: 1) expressive seme, 2) usage in many local accents. The second part of the research considers functional and stylistic features of the adjectives on their way from vernacular to standard. For this purpose, data from modern standard Russian dictionaries are used. As a result, the adjectives were classified into 2 groups according to the vernacular features: 1) wide use of a lexeme in the changed word-building pattern compared to standard (word-building doublets), 2) expression. The adjectives fell into groups in the proportion of 12/8. Data analysis enabled to conclude that the process of locating a word from one variety to

another demonstrates the following pattern: dialect → vernacular → standard with the variations of dialect → vernacular or vernacular → standard.

Keywords: vernacular varieties, city speech, criteria for vernacular status, word functional and stylistic features.

© Erofeeva T. I. 2021

For citation: Erofeeva T. I. (2021). Leksicheskoe prostorechie v sotsiolingvisticheskom opisani: semantika i funktsionirovanie prilagatel'nykh [Sociolinguistic description of vernacular words: Semantics and functioning of adjectives]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 190–201. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_190_201.

Dictionaries

- Skitova, F. L. (Ed.). (1984–2011). Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti [Akchim Local accent of Krasnoyarsk territory in Perm Region] (Akch.). 6 volumes. Perm : Perm State University.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of modern standard Russian] (BAS) (1950–1965): 17 volumes. Moscow ; Leningrad : AN SSSR Press.
- Dahl, V. I. (1955). Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow : GIS Press
- Efremova, T. F. (2006). Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [The explanatory dictionary of modern Russian] Vol. 1–3 (about 160 000 words). Astrel' Press, 2006.
- Krysin, L. P. (2010). Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoy rechi [The explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. Moscow : V. V. Vinogradova Institute of the Russian language.
- Evgen'va, A. I. (Ed.). (1985–1988). Slovar' russkogo yazyka [Russian dictionary] (MAS): Vol. 1–4. Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1995). Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy [The explanatory dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological units]. Moscow : Az" Press.
- Osipov, B. I. (Ed.). (2003). Slovar' sovremennogo russkogo goroda (SSRG) Moscow : Russkie slovari : Astrel' : AST : Tranzitkniga.
- Blinova, O. I. (Ed.). (1977). Slovar' prostorechiy russkikh govorov srednego Priob'ya [The dictionary of vernacular Russian varieties in Middle Priob'e] (SPP (Priob'e)). Tomsk : Tomsk State University Press.
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2004). Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka (STSRYa) [The explanatory dictionary of modern Russian]. Moscow : Readers Digest Press, St Petersburg : Norint Press.
- Borisova, A. N., Prokosheva, K. N. (Eds.). (2000, 2002). Slovar' permskikh govorov (SPG) [The dictionary of Perm local accents] (Vol. 1: A–N. Vol. 2: O–Ya). Perm : Knizhnyy mir Press.
- Slovar' russkikh govorov Srednego Urala (SRGSU) (1964–1988). [The dictionary of Russian local accents in the Middle Ural]. Sverdovsk : Sr.-Ural'skoe Press.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov (SRNG) (1965–2014). [The dictionary of Russian local accents]. Leningrad ; Moscow : Nauka Press.
- Gorbachevich, K. S. (Ed.). (1991–1994). Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (SSRLYa) [The dictionary of modern standard Russian]: In 20 volumes. Moscow, St Petersburg : Russkiy yazyk Press.
- Bukhareva, N. T., Fedorov, A. I. (Eds.). (1972). Slovar' frazeologizmov i inyykh ustoychivyykh sochetaniy russkikh govorov Sibiri (SFRGS) [The dictionary of phraseological units and other set expressions of the Russian local accents in Siberia]. Novosibirsk : Nauka Press.
- Ushakov, D. N. (2008). Bol'shoy tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka [The big explanatory dictionary of modern Russian]. Moscow : Bukolinka : ROSSA.

References

- Vinogradov, V. V. (1967). *Problemy literaturnykh yazykov i zakonomernostey ikh obrazovaniya i razvitiya* [Literary languages and patterns of their forming and development]. Moscow : Nauka Press.
- Zemskaya, E. A., Shmelev, D. N. (Eds) (1984). *Gorodskoe prostorechie: problemy izucheniya* [City vernacular: Approaches to study]. Moscow : Nauka Press.
- Erofeeva, E. V. (2005). *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probability pattern of language varieties]. Perm : Perm State University Press.
- Erofeeva, T. I., Gruzberg, L. A. (1989). Eshche raz o prostorechii [Another glimpse on vernacular varieties]. *Zhivoe slovo v russkoy rechi Prikam'ya* [Word usage in the Russian speech of Prikamye] (pp. 3–11). Perm.
- Kapanadze, L. A. (1984). Sovremennoe gorodskoe prostorechie i literaturnyy yazyk [Modern city vernacular and standard language]. In E. A. Zemskaya (Ed.), *Gorodskoe prostorechie: problemy izucheniya* [City vernacular: Approaches to study] (pp. 5–12). Moscow : Nauka Press.
- Krysin, L. P. (1989). *Sotsiolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka* [Social linguistic aspects of studying modern Russian]. Moscow : Nauka Press.
- Larin, B. A. (1928). O lingvisticheskom izuchenii goroda [Studying city language]. *Russkaya rech'* [Russian speech] (Vol. 3, pp. 61–75). Leningrad.
- Skvortsov, L. I. (Ed.) (1977). *Literaturnaya norma i prostorechie* [Language standard and vernacular varieties]. Nauka Press.
- Polivanov, E. D. (1968). *Stat'i po obshchemu yazykoznaniyu* [Papars on general linguistics]. Ed. by A. A. Leont'ev. Moscow : Nauka Press.

Федуленкова Татьяна Николаевна
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
fedulenkova@list.ru

Рецензия на монографию И. Г. Кошевой «Текстообразующие структуры языка и речи»

Аннотация

В рецензии даётся высокая оценка монографии И. Г. Кошевой «Текстообразующие структуры языка и речи», посвящённой исследованию проблем формы, значения и категорий, характеризующих языковые и речевые структуры. Центральной проблемой исследования является проблема структуры речевого комплекса и его границ. В книге затрагиваются также и смежные проблемы, которые получают неординарную трактовку, как-то: а) сходство и различие языковых и речевых структур, б) константы и транзиторы, в) именительность, предикативность и лимитация, г) позиция – предложение – речевой комплекс, д) рекуррентные центры, д) сюжетная перспектива. Особое внимание уделяется анализу функциональных зависимостей в условиях различных видов текстовых сегментов.

Оригинальность трактовок, актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы делают возможным её использование не только в научных, но и в лингво-прагматических целях.

Ключевые слова: языковые и речевые структуры, формы, значения и категории, речевой комплекс, константы и транзиторы, именительность, предикативность и лимитация.

© Федуленкова Т. Н. 2021

Для цитирования: Федуленкова Т. Н. Рецензия на монографию И. Г. Кошевой «Текстообразующие структуры языка и речи» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 202–206. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_202_206.

Среди ряда трудов фундаментальной литературы по текстуальной лингвистике особенно выделяется книга Инны Георгиевны Кошевой, доктора филологических наук, профессора Московского государственного открытого педагогического университета им. М. А. Шолохова.

Данная работа посвящена описанию форм, значений и категорий, характеризующих языковые и речевые структуры. С первых страниц эта книга привлекает внимание читателя самобытностью поставленных в ней проблем и оригинальностью их решения.

Необычной представляется авторская трактовка речевой ситуации, которая дана в виде модели «речевая ситуация = инвариант + остаток». Под остатком подразумевается вариант, который «способствует полной смысловой исчерпанности речевого комплекса» [Кошечкина, 2018, с. 45]. В силу своего вариативного характера остаток способен требовать «иного дополнительного рассмотрения и создания новой речевой ситуации». Это наблюдение приводит автора к оригинальному заключению о том, что «полное смысловое замыкание речевого комплекса происходит лишь в условиях СФЕ», т.е. сверхфразового единства.

Не менее интересным является авторский подход к структуре речевого комплекса, в которой различается два аспекта: 1) композиционная сущность РК, когда речевой комплекс может распадаться на определённое количество фраз и быть как одноступен-

чатым, так и многоступенчатым образованием, и 2) грамматическая сущность РК, когда речевой комплекс состоит из определённых граммем.

Понимая речевой комплекс как развёрнутую дефиницию речевой ситуации (что перекликается с пониманием дефиниции как модели [Ловцевич, Трифонов, 2016, с. 53]), автор считает, что количество словарных единиц, используемых в речевом комплексе призвано «предельно точно раскрыть микротему как свёрнутую дефиницию речевого комплекса» [Кошечая, 2018, с. 46].

Трактуя инвариант как неизменяемую сущность речевого комплекса, автор объясняет возникновение инвариантности на основе логически доминантной части. Инвариантное значение характеризуется как «безостаточное», а остаточное значение, напротив, вариативно. Оригинальность трактовки РК состоит в том, что И. Г. Кошечая показывает образование структуры речевого комплекса как оппозиции инвариантной и вариативной частей. Вариативность, по мнению автора, строится на значении остатка и призвана донести однозначность РК, то есть не допустить, чтобы инвариант был различно оценён коммуникантами. И поэтому, как объясняет автор, вариант может быть выражен различными стилистическими средствами. По глубине трактовки стилистового компонента книга не уступает классическим работам по стилистике [Федуленкова, 2019, с. 255–261].

Важное новшество в трактовке речевого комплекса видится и в том, что по отношению к грамматике языка РК представляется закрытой структурой, и закрытый характер РК определяются двумя факторами: а) синтаксическим замыканием всех языковых структур в рамках РК и б) медиальной формой, либо усиливающей характер высказывания, либо делающей его относительно нейтральным [Кошечая, 2018, с. 51].

Различая два вида структурно-смысловой организации речевого комплекса, И. Г. Кошечая для их дифференциации вводит понятия «бицентричная» и «моноцентричная» организация РК [Кошечая, 2018, с. 63]. К моноцентричным автор относит РК, состоящие из эллиптированной фразы. К бицентричным относятся РК, построенные по языковой модели *SP be O* или *SP have O*. Новым в анализе РК является выявление и обоснование членения бицентричного речевого комплекса на динамичный, статичный и объектный центры.

По критерию смысловой выраженности И. Г. Кошечая выделяет три типа РК: нейтральный, эмоциональный и итоговый, и даёт каждому из этих типов детальную характеристику, подчёркивая их дифференциальные черты и объединяющие функции [Кошечая, 2018, с. 65–72].

Особый взгляд высказывается и по поводу тема-рематических отношений в речевом комплексе. Рема, как убеждает автор, не является полным повторением речевого сказуемого, как тема не является полным повторением речевого подлежащего, а функциональная перспектива не является полным повторением второстепенных членов речи. Анализ присущих им общих черт позволяет автору выявить ряд примечательных моментов: акцентируя логически ведущий компонент, рема, как и речевое сказуемое, подчёркивает процессное состояние объекта ситуации, поскольку РК при этом моноцентричен и имеет центростремительную направленность [Кошечая, 2018, с. 73]. Принцип же центробежной автономии, по И. Г. Кошечой, напротив, предполагает возможность отделения остатка, что допускает передвижение ремы на место языкового дополнения (*He is abroad. For a long time.*) [Кошечая, 2018, с. 74].

Инновационным является подразделение речевых комплексов – в зависимости от позиционной модели, к которой они восходят – на одноступенчатые и многоступенчатые, а также авторское описание условий ступенчатого расширения речевого комплекса.

Рассуждая о нижней границе речевого комплекса, автор отмечает, что «языковое дополнение может расширяться в речи до пределов целой фразы и даже их конгломе-

рата» [Кошечая, 2018, с. 79]. Исходя из универсально-языковой модели бицентризма, автор аргументирует взаимодействие грамматических отношений речевого подлежащего, речевого сказуемого и речевого дополнения с логическими и смысловыми отношениями.

Оригинальность работы обнаруживается и в том, что автор предлагает детальный анализ видов совпадения темы, ремы и функциональной перспективы с речевыми подлежащим, сказуемым и дополнением в зависимости от синтаксической речевой модели [Кошечая, 2018, с. 80]. Этот анализ приводит автора к выводу о том, что «центро-стремительность предполагает создание укрупнённого инварианта» РК, то есть возврат к логическому центру речевого комплекса, который акцентируется и через который проходит смысловая ось.

Заостряя внимание на рамочной структуре речи, автор видит внутри такой структурной рамки динамизм, который определяет движение от начального центра, как исходной нацеленности на утверждение или отрицание, через промежуточные центры к конечному центру, как к финитному утверждению или отрицанию.

Инновационный характер носит авторское дифференцирование функции смысловой зависимости в рамках четырёх основных текстообразующих структур, а именно:

а) в речевом комплексе функциональная смысловая зависимость формирует речевую ситуацию, сужаясь до идентификации инварианта и его остатка,

б) в сверхфразовом единстве функциональная смысловая зависимость формирует речевую ситуацию, расширяясь до смыслового ядра и его фона,

в) в текстовом сегменте функциональная смысловая зависимость формирует речевую ситуацию, расширяясь до идентификации центрального звена и периферии,

г) в тексте как законченном произведении эта зависимость формирует границы речевой ситуации, расширяясь до идентификации смыслового узла и всей его текстологической части.

Таким образом И. Г. Кошечая показывает, как внешняя структурно-рамочная оформленность очерчивается не сама по себе, а определяется внутренними закономерностями развёртывания мысли в определённой речевой ситуации.

К инновациям И. Г. Кошечой относятся также выявленные и описанные автором три уровня языковой организации, обладающие определённой системой своих структурных и смысловых единиц:

а) уровень – смысловое значение – корреляция; структурная форма – позиция SP be, SP be O, SP have O; реализует центробежную или центростремительную направленность;

б) уровень – смысловое значение – коррективность; структурная форма – предложение; даёт однозначное определение объекта действительности;

в) уровень – смысловое значение – избирательность; структурная форма – речевой комплекс; РК связан с элективностью, поэтому он основывается на коммуникации.

В книге находим также оригинальную трактовку дифференциации функционально-смысловой зависимости в условиях сверхфразового единства, с одной стороны, и в условиях текстового сегмента, с другой стороны, неординарный подход к анализу рекуррентных центров, компонентов текста и сюжетной перспективы.

Неординарный талант аналитика и смелое внедрение терминологии философии и точных наук в метаязык текстологии как раздела лингвистики, позволяет автору увидеть и проанализировать потаённые глубины структуры текста и её динамики и релевантно и филигранно описать результаты этого анализа (см. тж. [Федуленкова, 2017, с. 241–243].

Рецензируемый труд нельзя назвать лёгким чтением, но каждое новое прикосновение к его страницам открывает читателю доселе непостижимые тонкости соотношения различных элементов текстообразующих структур языка и речи, расширяя наше понимание объективного и субъективного в языке [Басова, Федуленкова, 2020, с. 219–225].

Данную книгу рекомендуем прежде всего лингвистам и психолингвистам, преподавателям филологических специальностей и их студентам-старшекурсникам и аспирантам.

Список литературы

- Басова, Федулénkova, 2018 – Басова Т. А., Федулénkova Т. Н. Объективное и субъективное в языке: Синтезирующий подход Г. В. Колшанского. Рецензия на книгу: Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: КомКнига, 2018. 232 с. (Лингвистическое наследие XX века.) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 1. С. 219–225.
- Кошeвая, 2018 – Кошeвая И. Г. Текстoобразующие структуры языка и речи. М.: ЛИБРОКОМ, 2018. 184 с.
- Ловцевич, Трифонов, 2016 – Ловцевич Г. Н., Трифонов А. С. Дефиниция термина в рамках традиционного и социокогнитивного подходов в терминоведении // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Вып. 1 № 2. С. 50–62.
- Федулénkova, 2019 – Федулénkova Т. Н. Инновационная концепция стиливого. Рецензия на книгу: Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. М.: ФЛИНТА, Наука, 2016. 240 с. (Стилистическое наследие) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5 (92). С. 255–261.
- Федулénkova, 2017 – Федулénkova Т. Н. Рецензия на книгу: Кошeвая И. Г. Типология как наука о языке в его общечеловеческом выражении: коммуникативно-текстологический аспект (на примере английского и русского языков). М.: ЛЕНАНД, 2016. 232 с. // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2017. № 3 (43). С. 241–243.

UDC 811.111:81'373.72

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_202_206

Tatiana N. Fedulenkova
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation
fedulenkova@list.ru

Review of the monograph by I. G. Koshevaya «Text-forming structures of language and speech»

Abstract

The review highly appreciates the monograph by I. G. Koshevaya “Text-forming structures of language and speech” examining the issues of form, meaning and categories that characterize linguistic and speech structures. The major focus is made on the structure of the speech complex and its boundaries. The book also touches upon related issues that receive an extraordinary interpretation including a) the similarity and difference between linguistic and speech structures, b) constants and transitors, c) nominativeness, predicativeness and limiting, d) position – sentence – speech complex, e) recurrent centers, e) plot perspective. Particular attention is paid to the analysis of functional dependencies in the context of various types of text segments. The originality of interpretations, relevance, novelty, theoretical and practical significance of the work make it possible to use it not only for scientific, but also for linguistic and pragmatic purposes.

Keywords: linguistic and speech structures, forms, meanings and categories, speech complex, constants and transitors, nominativeness, predicativeness and limiting.

For citation: Fedulenkova T. N. (2021). Retsenziya na monografiyu I. G. Koshevoy «Tekstoobrazuyushchie struktury yazyka i rechi» [Review of the monograph by I. G. Koshevaya «Text-forming structures of language and speech»]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 202–206. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_202_206.

References

- Basova, T. A., Fedulenkova, T. N. (2020). Ob"ektivnoe i sub"ektivnoe v yazyke: Sinteziruyushchiy podkhod G. V. Kolshanskogo. Retsenziya na knigu: Kolshanskiy G. V. Sootnoshenie sub"ektivnykh i ob"ektivnykh faktorov v yazyke. M. : KomKniga, 2018. 232 s. (Lingvisticheskoe nasledie XX veka.) [The objective and the subjective in language: Synthesis approach of G. V. Kolshansky. Book review: Kolshansky G. V. Ratio of subjective and objective factors in language. Moscow: KomKniga, 2018. 232 p. (Linguistic heritage of the 20th century)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 1, 219–225.
- Koshevaya, I. G. (2018). *Tekstoobrazuyushchie struktury yazyka i rechi* [Text-forming structures of language and speech]. Moscow : LIBROKOM Press.
- Lovtsevich, G. N., Trifonov, A. S. (2016). Definitisiya termina v ramkakh traditsionnogo i sotsiokognitivnogo podkhodov v terminovedenii [Terminological definition within the framework of traditional and sociocognitive terminology]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2 (1), 50–62.
- Fedulenkova, T. N. (2019). Innovatsionnaya kontseptsiya stilevogo. Retsenziya na knigu: Skrebnev Yu. M. Ocherk teorii stilistiki. Moscow : FLINTA, Nauka, 2016. 240 p. (Stilisticheskoe nasledie) [Innovative concept for the domain of style. Book review: Skrebnev Yu. M. Essay on the theory of stylistics. Moscow: FLINTA, Nauka, 2016. 240 p. (Stylistic heritage)]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 5 (92), 255–261.
- Fedulenkova, T. N. (2017). Retsenziya na knigu: Koshevaya I. G. Tipologiya kak nauka o yazyke v ego obshchechelovecheskom vyrazhenii: kommunikativno-tekstologicheskiy aspekt (na primere anglijskogo i russkogo yazykov). M. : LENAND, 2016. 232 p. [Book review: Koshevaya I. G. Typology as a science of language in its universal expression: communicative-textological aspect (on the example of English and Russian languages). – M. : LENAND, 2016. – 232 p. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], 3 (43), 241–243.

Наши авторы

- Андросова Светлана Викторовна*, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: androsova_s@mail.ru
- Архипова Ирина Викторовна*, канд. филол. наук, проф. кафедры французского и немецкого языков Новосибирского гос. пед. ун-та, г. Новосибирск, Российская Федерация, email: irarch@yandex.ru
- Борисова Елена Георгиевна*, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры германистики и лингводидактики Московского гор. пед. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: egbog@mail.ru
- Булатова Надежда Яковлевна*, канд. филол. наук, ведущий науч. сотрудник Ин-та лингв. исслед. Российской Академии Наук (ИЛИ РАН), г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: bulatovany@gmail.com
- Водяницкая Альбина Александровна*, доцент кафедры языкознания и переводоведения Ин-та иностранных языков Московского городского пед. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: avodyanickaya@yandex.ru
- Ерофеева Тамара Ивановна*, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: genling.psu@gmail.com
- Замальдинов Владислав Евгеньевич*, канд. филол. наук, преподаватель кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация, email: zvlad-nn@yandex.ru
- Иванашко Юлия Петровна*, канд. филол. наук доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia-80@mail.ru
- Кортенко Людмила Васильевна*, канд. эконом. наук, доцент кафедры Информационных технологий и статистики Уральского гос. эконом. ун-та, г. Екатеринбург, Российская Федерация, email: mikroraionEkb@yandex.ru
- Кортенко Ксения Сергеевна*, учащийся Гимназии № 13, г. Екатеринбург, Российская Федерация, email: ksenyakortenko2017@gmail.com
- Коришунова Анастасия Сергеевна*, магистрант кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: anastasiakorshun1992@gmail.com
- Лагута Нина Владимировна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: nlaguta@mail.ru
- Ладоса Оксана Михайловна*, канд. филол. наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского гос. лингв. ун-та, доцент кафедры иностранных языков Национального исслед. ун-та «МЭИ», г. Москва, Российская Федерация, email: o.m.ladosha@yandex.ru.
- Морозова Ольга Николаевна*, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru
- Мэн Шусянь*, Департамент по национальным вопросам этнических меньшинств, Провинция Хэйлунцзян, КНР
- Омаров Артур Абдулагаджиевич*, канд. филол. наук, доцент, И. о. заведующего кафедрой арабского языка Дагестанского гос. ун-а, г. Дагестан, Российская Федерация, email: arturorient@mail.ru
- Процукович Елена Александровна*, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru
- Ремизова Валентина Федоровна*, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин Оренбургского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Оренбург, Российская Федерация, email: very-valentina@list.ru
- Ризаханова Зулейха Загировна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков экономического факультета Дагестанского гос. ун-та, г. Дагестан, Российская Федерация, email: zuleikha12@mail.ru
- Сафина Зарема Минияминовна*, канд. филол. наук, доцент Башкирского гос. ун-та, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, email: safinazarema@mail.ru
- Терентьев Олег Сергеевич*, магистрант Башкирского гос. ун-та, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, email: mylegsarealreadycut.ot@gmail.com
- Смолякова Светлана Вячеславовна*, учитель русского языка и литературы высшей категории кафедры словесности Гимназии № 13, г. Екатеринбург, Российская Федерация, email: svsmol@mail.ru
- Федоринов Алексей Васильевич*, канд. пед. наук, независимый исследователь, г. Оренбург, Российская Федерация, email: fedorinovalexis@mail.ru.
- Федуленкова Татьяна Николаевна*, д-р филол. наук, проф. кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Владимирского гос. ун-та, проф. Северного (Арктического) фед. ун-та им. М. В. Ломоносова, член Научного Совета по филол. наукам Российского Профессорского собрания, член-кор. Российской Академии Естествознания, г. Владимир, Российская Федерация, email: fedulenkova@list.ru
- Филиппова Анастасия Анатольевна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры лингводидактики Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, email: flore2004@list.ru
- Фурманова Софья Львовна*, канд. филол. наук, доцент кафедры германистики и лингводидактики Московского гор. пед. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: sofie2701@gmail.com
- Хань Юфэнь*, Научно-исследовательский ин-т по межнациональным отношениям, г. Харбин, КНР
- Хайдапова Марина Бато-Очировна*, канд. филол. наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского гос. ун-та им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, email: khaimarina@yandex.ru
- Хлопова Анна Игоревна*, канд. филол. наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского гос. лингв. ун-та, доцент кафедры иностранных языков Национального исслед. ун-та «МЭИ», г. Москва, Российская Федерация, email: chlopova_anna@mail.ru

- Хомутова Тамара Николаевна*, д-р филол. наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода Южно-Уральского гос. ун-та, г. Челябинск, Российская Федерация, email: khomutovatn@susu.ru
- Цыренов Бабасан Доржиевич*, д-р филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Ин-та монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, email: tsyrenovbabasan@mail.ru
- Шевченко Татьяна Ивановна*, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского гос. лингв. ун-та, email: tatashevchenko@mail.ru
- Шиянова Анастасия Антоновна*, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Обско-угорского ин-та прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация, email: syazia@mail.ru
- Шустова Светлана Викторовна*, д-р филол. наук, проф. кафедры теоретического и прикладного языкознания, проф. кафедры лингвистики Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: lanaschust@mail.ru
- Яковлев Дмитрий Иванович*, научный сотрудник Южно-Уральского гос. ун-та, г. Челябинск, Российская Федерация, email: mr.diyakovlev@mail.ru

Our authors

- Svetlana V. Androsova*, Doctor of Philology, Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: androsova_s@mail.ru
- Irina V. Archipova*, PhD in Philology, Professor, French and German Languages Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, email: irarch@yandex.ru
- Elena G. Borisova*, Doctor of Philology, Professor, Department of German Studies and Linguistic Didactics, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: egbor@mail.ru
- Nadezhda Ya. Bulatova*, PhD in Philology, senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russian Federation, email: bulatovany@gmail.com
- Albina A. Vodyanitskaya*, Associate Professor, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: avodyanickaya@yandex.ru
- Tamara I. Erofeeva*, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: genling.psu@gmail.com
- Vladislav E. Zamaldinov*, PhD in Philology, lecturer, Department of Foreign Language and Speech Culture, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, email: zvlad-nn@yandex.ru
- Yulia P. Ivanashko*, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: polia-80@mail.ru
- Lyudmila V. Kortenka*, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Information Technologies and Statistics, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation, email: mikroraionEkb@yandex.ru
- Kseniya S. Kortenka*, student, Gymnasium No. 13, Ekaterinburg, Russian Federation, email: ksenyakortenka2017@gmail.com
- Anastasia S. Korshunova*, Master student, Department of Russian Language, Communication and Journalism, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: anastasiakorshun1992@gmail.com
- Nina V. Laguta*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Communication and Journalism, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: nlaguta@mail.ru
- Oksana M. Ladoshina*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University; Associate Professor, Department of Foreign Languages, National Research University "MPEI", Moscow, Russian Federation, email: o.m.ladosha@yandex.ru
- Olga N. Morozova*, PhD in Philology, Head of Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru
- Meng Shuxian*, Department of National Affairs of Ethnic Minorities, Heilongjiang province, China
- Artur A. Omarov*, PhD in Philology, Associate Professor, Vice Head of the Arabic Language Department, Dagestan State University, Dagestan, Russian Federation, email: arturorient@mail.ru
- Elena A. Protsukovich*, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru
- Valentina F. Remizova*, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Economics and Social-humanitarian Sciences, Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg branch, Orenburg, Russian Federation, email: very-valentina@list.ru
- Zuleicha Z. Rizachanova*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Dagestan State University, Dagestan, Russian Federation, email: zuleikha12@mail.ru
- Zarema M. Safina*, PhD in Philology, Associate Professor, Bashkir State University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, email: safinazarema@mail.ru
- Svetlana V. Smolyakova*, the highest category teacher of Russian language and literature, Department of Literature, Gymnasium No. 13, Ekaterinburg, Russian Federation, email: svsmol@mail.ru
- Oleg S. Terentyev*, Master student, Bashkir State University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, email: mylegsarealreadycut.ot@gmail.com

- Alexey V. Fedorinov*, PhD in Pedagogy, independent researcher, Orenburg, Russian Federation, email: fedorinovalexis@mail.ru
- Tatiana N. Fedulenkova*, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University; Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; Philological Sciences Council member; Russian Academy of Natural History corresponding member; Vladimir, Russian Federation, email: fedulenkova@list.ru
- Anastasia A. Filippova*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguadidactics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: flore2004@list.ru
- Sofia L. Furmanova*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of German Studies and Linguistic Didactics, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: sofie2701@gmail.com
- Han Youfeng*, Research Institute for Interethnic Relations, Harbin, China
- Marina B.-O. Khaidapova*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Philology of the Far East, Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation, email: khaimarina@yandex.ru
- Anna I. Khlopova*, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University; Associate Professor of the Department of Foreign Languages, National Research University "MPEI". Moscow, Russian Federation, email: chlopova_anna@mail.ru
- Tamara N. Khomutova*, Doctor of Philology, Associate Professor, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: khomutovatn@susu.ru
- Babasan D. Tsyrenov*, Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Linguistics Department, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russian Federation, email: tsyrenovbabasan@mail.ru
- Tatiana I. Shevchenko*, Doctor of Philology, Professor, Department of English Phonetics, Moscow State Linguistic University, Russian Federation, email: tatashevchenko@mail.ru
- Anastasia A. Shiyanova*, PhD in Philology, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk, Russian Federation, email: syazia@mail.ru
- Svetlana V. Shustova*, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Department of Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: lanaschust@mail.ru
- Dmitriy I. Yakovlev*, researcher, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: mr.diyakovlev@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Архипова И. В., Шустова С. В.</i>	Примарный таксис: прототипы и их окружение	5
<i>Борисова Е. Г. Фурманова С. Л.</i>	Россия: Восток или Запад? Образ России в картине мира современного студента	17
<i>Водяницкая А. А.</i>	Лингвоаксиологические аспекты отзыва студента как жанра академического дискурса	25
<i>Замальдинов В. Е.</i>	Креативный нейминг нижегородских заведений общественного питания: графический аспект	35
<i>Кортенко Л. В., Смолякова С. В., Кортенко К. С.</i>	Особенности функционирования антропонимов в рассказах А. П. Чехова	44
<i>Коришанова А. С. Лагути Н. В.</i>	Средства репрезентации временных отношений в публицистических текстах (на материале региональных новостных сайтов)	57
<i>Хань Юфэн, Мэн Шусянь, Морозова О. Н., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я.</i>	Сопоставительные характеристики категории наклонения глагола в оронском и эвенкийском языках	71
<i>Омаров А. А.</i>	Семема «ухо» в репрезентации соматического кода культуры в даргинской и арабской фразеологических картинах мира	80
<i>Ризаханова З. З.</i>	Структурно-семантические и стилистические особенности устойчивых сравнений в языках различных типологий (на примере сопоставления русского, английского и лезгинского языков)	92
<i>Сафина З. М., Терентьев О. С.</i>	Свойства сложной динамической системы в структуре игры слов и переводе	104
<i>Федоринов А. В., Ремизова В. Ф.</i>	Персонификация в художественном тексте (на материале романа Арно де ла Гранжа «Les vents noirs» («Чёрные ветры»))	115
<i>Филиппова А. А.</i>	Фреймовый анализ понятия «контроль» в немецком методическом дискурсе	125
<i>Хлопова А. И., Ладоса О. М.</i>	Лексико-семантическое содержание ценности «Erfolg» в немецкой лингвокультуре	135
<i>Цыренов Б. Д., Хайдапова М. Б.-О.</i>	Выражение понятия «толстый» в бурятском и китайском языках: перцептивный аспект	152
<i>Шевченко Т. И.</i>	Английское словесное ударение в условиях длительного языкового контакта	160
<i>Шиянова А. А.</i>	Семантика прилагательных хантыйского языка, характеризующих погодные явления	169
<i>Яковлев Д. И., Хомутова Т. Н.</i>	Локальный энциклопедический дискурс г. Челябинска: история и современность	179
<i>Ерофеева Т. И.</i>	Лексическое просторечие в социолингвистическом описании: семантика и функционирование прилагательных	190

Рецензии

<i>Федуленкова Т. Н.</i>	Рецензия на монографию И. Г. Кошевой «Текстообразующие структуры языка и речи»	202
--------------------------	--	-----

Наши авторы		207
-------------	--	-----

CONTENTS

Original Papers

<i>Arkhipova I. V., Shustova S. V.</i>	Primary taxis: Prototypes and their surroundings	5
<i>Borisova E. G. Furmanova S. L.</i>	Russia: Is it East or West? The image of Russia in the world view of a modern student	17
<i>Vodyanitskaya A. A.</i>	Linguistic and axiological aspects of a student's review as a genre of academic discourse	25
<i>Zamaldinov V. E.</i>	Creative naming of Nizhny Novgorod public catering establishments: Graphic aspect	35
<i>Kortenko L. V. Smolyakova S. V. Kortenko K. S.</i>	The functioning patterns of anthroponyms in A. P. Chekhov's short stories	44
<i>Korshunova A. S., Laguta N. V.</i>	Means of representing temporality relations in journalistic writing (Based on local internet news site)	57
<i>Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova O. N., Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Bulatova N. Ya.</i>	Comparing mood category in Orochon and Evenki	71
<i>Omarov A. A.</i>	Sememe "ear" in the representation of somatic cultural code in the phraseological picture of the world in Dargin and Arabic	80
<i>Rizakhanova Z. Z.</i>	Structural semantic and stylistic features of stable comparisons in the languages of different typologies (Based on Russian, English and Lezghi)	92
<i>Safina Z. M. Terentyev O. S.</i>	Properties of a complex dynamic system in the structure of wordplay and its translation	104
<i>Fedorinov A. V., Remizova V. F.</i>	Personification in emotive prose text (In the novel by Arnaud de la Grange "Les vents noirs" ("The black winds"))	115
<i>Filippova A. A.</i>	Frame analysis of the notion «control» in German foreign language teaching discourse	125
<i>Khlopova A. I., Ladosha O. M.</i>	The lexical and semantic content of the "Erfolg" value in German linguistic culture	135
<i>Tsyrenov B. D., Khaidapova M. B.-O.</i>	Expression of the concept "thick" in Buryat and Chinese: Perceptive aspect	152
<i>Shevchenko T. I.</i>	English word stress in long-term language contact	160
<i>Shiyanova A. A.</i>	Semantics of the Khanty adjectives characterizing weather phenomena	169
<i>Yakovlev D. I., Khomutova T. N.</i>	Chelyabinsk local encyclopedic discourse: Past and present	179

<i>Erofeeva T. I.</i>	Sociolinguistic description of vernacular words: Semantics and functioning of adjectives	190
Reviews		
<i>Fedulenkova T. N.</i>	Review of the monograph by I. G. Koshevaya «Text-forming structures of language and speech»	202
<i>Our authors</i>		207

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 7, No 2, 2021.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 04.06.2021. Подписано к печати 02.06.21. Дата выхода в свет 29.06.2021.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 23,71. Тираж 1000. Заказ 185. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.